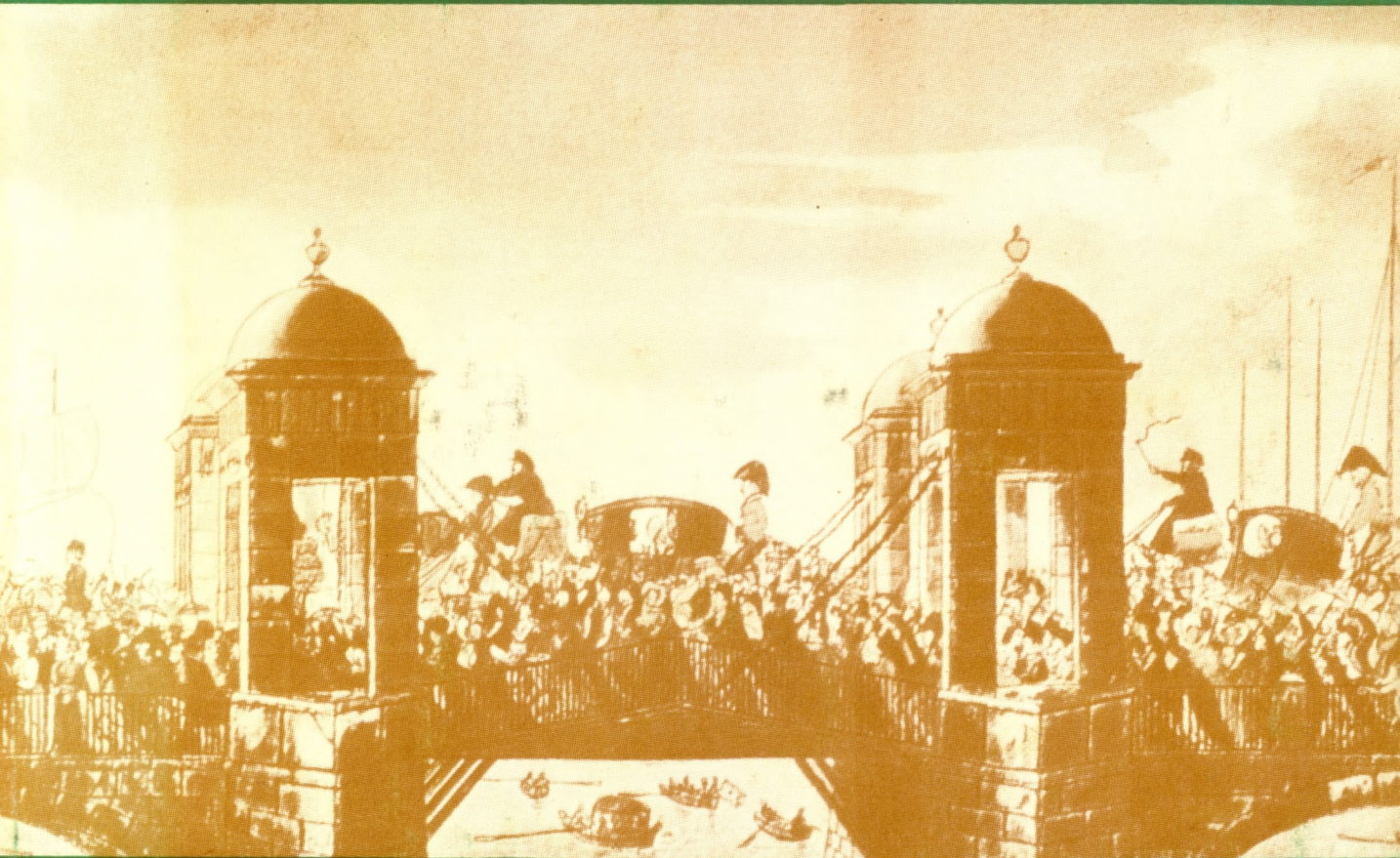

Мир Пушкина

ДНЕВНИКИ-ПИСЬМА
СЕСТРЫ ПУШКИНА

1831-1837

*Мир
Пушкина*

ФАМИЛЬНЫЕ
БУМАГИ
ПУШКИНЫХ - ГАННИБАЛОВ

Том 2

ПИСЬМА

Ольги Сергеевны Павлищевой
к мужу и к отцу

1831-1837

Санкт-Петербург
«ПУШКИНСКИЙ ФОНД»

1994

**ББК 84. Р1
М 63**

Перевод
А. Андрес и Н. Сперанской

Подготовка текста
Н. Сперанской

Комментарий
А. Вострикова и Е. Пермякова

Составитель именного указателя
М. Перкаль

Научный редактор
А. Гордин

Серийное оформление *С. Богородского*

Художник тома *И. Менчиков*

Технический редактор *Л. Куприянова*

Корректоры *Е. Лапиль, Э. Липпа*

Выпуск издания осуществлен на средства Международного фонда
«Культурная инициатива»

М 4702010101 — Без объявл.

**ISBN 5-7439-0005-1 (т. 2)
ISBN 5-7439-0006-х**

- © А. Андрес, Н. Сперанская, перевод и подготовка текста, 1994
- © А. Гордин, предисловие, 1994
- © А. Востриков, Е. Пермяков, комментарий, 1994
- © И. Менчиков, художественное оформление, 1994
- © С. Богородский, серийное оформление, 1994

От редактора

Летом 1948 года мне довелось навестить Лидию Леонидовну и Александра Леонидовича Слонимских, давнишних моих знакомых. Они тогда жили в Москве, недалеко от Новодевичьего монастыря, где был похоронен их единственный сын — «последний в роде Ольги Сергеевны Пушкиной-Павлицевой», как писала Лидия Леонидовна. На могилу сына Слонимские приходили ежедневно.

Лидия Леонидовна много и охотно говорила о своих предках, особенно часто упоминала хорошо памятного ей «дядю Лео» — того самого Льва Николаевича Павлицева, племянника Пушкина, который под именем Лёли так часто фигурирует на страницах этой книги.

Тогда Лидия Леонидовна вручила мне главный многолетний труд своей жизни — переведенные с французского и подробнейшим образом прокомментированные письма Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкиных к их дочери, Ольге Сергеевне Павлицевой, доведившейся Лидии Леонидовне прабабкой. По ее просьбе я отвез рукопись в Пушкинский Дом заведовавшему Рукописным отделом Института русской литературы профессору Борису Викторовичу Томашевскому.

Одновременно речь шла о намерении Лидии Леонидовны перевести и прокомментировать письма Ольги Сергеевны Павлицевой к мужу и к отцу. К сожалению, осуществить этот замысел ей не удалось. Не смогла она опубликовать и подготовленные к печати письма родителей Пушкина. Рукопись почти полвека пролежала на архивной полке.

Только сейчас семейная переписка Пушкиных — одно из самых занимательных и значительных созданий тогдашней бытовой эпистолярной словесности — становится наконец достоянием читателей и входит в повседневный обиход нашей культуры.

Сопоставляя содержание первого и второго тома настоящего издания — содержание писем, относящихся к одной и той же эпохе 1830-х годов и рисующих быт одной и той же семьи, — легко заметить определенное отличие душевного настроения и житейского стиля двух поколений. Над письмами стариков Пушкиных витает «дух мелочей прелестных и воздушных», это всегда меткие, непринужденные, остроумные зарисовки — физиономий, характеров, положений. В то время как письма Ольги Сергеевны — это прежде всего автопортрет. О чем бы она ни говорила, она при этом неизменно говорит о самой себе. Для нас это тем интереснее, что сведений о старшей сестре поэта сохранилось совсем немного.

Ольга Сергеевна, будучи всего на два с половиной года старше брата, с ранних лет сделалась постоянным товарищем его детских игр, слушательницей его первых стихов и зрительницей первых «театральных представлений» (все это рассказано ею в очень кратких, но ярких воспоминаниях о ранних годах брата). Вероятно, вместе с родителями Ольга Сергеевна навещала Пушкина-лицеиста в Царском Селе. Ей посвящено одно из самых задушевных его лицейских стихотворений:

Чем сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жан-Жака ли читаешь,
Жанлиса ль пред тобой?..

Иль моську престарелу,
В подушках поседелу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лилея,
Ты к ней зовешь Морфея?
Иль смотришь в темну даль
Задумчивой Светланой
Над шумною Невой?..

(«К сестре». 1814)

По выходе из Лицея Пушкин три года провел бок о бок с сестрой в родительском доме, где нелюбимой дочери, Ольге, приходилось несладко. И соседство гениального брата, можно думать, как-то скрашивало ее жизнь. Летом 1817 и 1819 годов они вместе ездили в Михайловское. Там оба подружились с тригорскими соседями.

А когда осенью 1824 года Александр Сергеевич оказался в Михайловской ссылке, Ольга Сергеевна даже готова была остаться с братом зимовать в деревне.

В самый, пожалуй, критический момент жизни Ольги Сергеевны — сбежавши из дому, 27 января 1828 года она без согласия отца обвенчалась с чиновником Иностранной коллегии Николаем Ивановичем Павлицевым — Пушкин приложил немало старания, чтобы уладить семейный конфликт. Вместе с Анной Петровной Керн он встретил и благословил новобрачных, приехавших от венца...

Издавна в пушкинской литературе сложилось представление об Ольге Сергеевне, как о личности достаточно бесцветной, — болезненной, вечно скучающей, безвольной, замкнутой. Впервые публикуемые по-русски ее эпистолярные дневники, обращенные к мужу, потом к отцу, значительно оживляют этот блеклый портрет. Тут мы видим человека далеко не ординарного для своей среды — и по уму, и по интересам, и по многим качествам души и характера.

Немало удивившая даже ее близких отчаянная самостоятельность Ольги Сергеевны, без спросу вышедшей замуж, коренилась в самой натуре отпрыска «неукротимого», упрямого пушкинского рода и горячего, африканского ганнибаловского. Самостоятельность оказалась определяющей чертой личности.

Ольга Сергеевна всегда была преисполнена чувства собственного достоинства и никогда не терялась в любых, самых сложных обстоятельствах. Так, посреди всеобщей паники холерного лета 1831 года, живя в городе, из которого по ночам обозами вывозили трупы, Ольга Сергеевна с удивительным хладнокровием остается в «зараженном» доме и не желает покидать Петербург, коль скоро это связано с унижительной процедурой пребывания в грязном тесном карантине. Примечательна и ее лихая, гусарская вылазка, имевшая целью в обход застав и полицейских запретов пробраться к родителям в Павловск, лишь случайно закончившаяся неудачей.

Ольга Сергеевна, когда того потребовали обстоятельства, смело приняла на себя все тяготы дальнего путешествия из Петербурга в Варшаву. А три года спустя опять в одиночку проделывает тот же путь в обратном направлении с грудным ребенком на руках, решительно управляясь при этом и с лакеями, и с горничными, и с кормилицами, и с кучерами.

И в своей семейной жизни Ольга Сергеевна остается человеком вполне независимым. Несмотря на добрые и даже нежные свои чувства к мужу она, тем не менее, совершенно чужда слепого обожания. Она очень ясно видит несимпатичные качества его души и, не стесняясь, прямо, порою колко, говорит ему об этом. «Я сама откровенность», — обронила как-то Ольга Сергеевна. И вот именно откровенности, сердечности, широты не хватает ей в мелочном характере ее супруга. В своих жизненных понятиях и устремлениях, которые отличаются не только независимостью, но и щепетильным благородством, доброжелательностью, она, конечно же, сродни своему младшему брату, вернее, своим младшим братьям.

Самостоятельны и определены вкусы Ольги Сергеевны и тогда, когда дело касается бытовых мелочей, житейского уклада, когда речь идет о природе либо об искусстве. Например, она не любит деревню, предпочитает город. В литературе ценит французские и английские романы. Она прилежная читательница Вальтера Скотта, Бальзака, Гюго. Появление «Собора Парижской богородицы» она отмечает как важное событие. При этом модные сочинения Поля де Кока упоминает иронически. Современная русская словесность, по ее суровому суждению, в целом не заслуживает

никакого внимания. Что, впрочем, не мешает ей следить и за отечественными новинками. Она сочувственно упоминает некоторые повести барона Брамбеуса (Сенковского), замечает искру таланта в начинающем стихотворце Бенедиктове, но в то же время — вопреки громкому успеху у публики — бранит «Ледяной дом» Лажечникова, видя здесь лишь слабое подражание Гюго и Вальтеру Скотту. Пушкинская ж «Капитанская дочка» вызывает ее восторженный отзыв.

Примечателен и ее непредвзятый взгляд на творения и переводы собственного мужа, которые он прислал ей из Варшавы для публикации (отзывы Ольги Сергеевны пестрят замечаниями «длинно», «скучно»).

А несколько небрежных фраз о «совершенно рассеянном образе жизни», который она якобы ведет, об особенном внимании к ней некоторых юношей и нарочито подробные рассказы о страстных ухаживаниях дядюшки Семена Исааковича Ганнибала явно имеют целью подразнить мужа и вызвать его ревность.

Отношения супругов с самого начала не были безоблачными. После трех лет их петербургской жизни — до перевода Николая Ивановича Павлищева на службу в Варшаву и к тому моменту, когда и начинается их переписка, — Ольга Сергеевна отнюдь не уверена в искренности «прекрасных фраз», на которые не скупится ее уехавший муж. Она подозревает, что Николай Иванович не слыхом тяготится своим варшавским одиночеством. «Мне кажется, что я обманута вами, и никогда не была вами любима... Докажите, что я ошибаюсь, и я буду счастлива». Упреки в адрес Павлищева зачастую, впрочем, сменяются признанием собственной вины. Редкое качество — Ольга Сергеевна готова честно покаяться в тех грехах, что замечает за собой. Она видит и соглашается: ее резкость, вспыльчивость, мнительность, безосновательная ревность никак не помогли устроить их семейную жизнь. Жизнь не ладилась. И все эти годы Ольга Сергеевна остро ощущала душевную пустоту. После первых, неудачных, родов она даже решила было взять на воспитание чужого ребенка. (Она пишет об этом мужу 8 июня 1832 года в связи с рождением первой своей племянницы, Марии — старшей дочери Пушкина)...

Появление собственного первенца — в октябре 1834 года родился Лев Павлищев — существенно повлияло на душевный настрой Ольги Сергеевны, отодвинуло на второй план прежние сердечные переживания. Центром жизни отныне становится для нее сын, материнская ее заботливость доходит до самозабвения. Это отчетливо влияет на содержание и тон ее писем к мужу в 1835—1836 годах. Постоянным их рефреном становится рассказ о здоровье ребенка, его нраве и наружности, о симпатии к нему всех окружающих. Лёля трогает и забавляет стариков Пушкиных, в особенности Надежду Осиповну.

С появлением внуков семья разрастается. Родственные связи становятся сложнее и многообразнее.

Письма как начала, так и середины 1830-х годов прямо вводят нас в сферу этих простых семейных отношений и сообщают ряд таких деталей и подробностей, которыми мы обязаны всегдашней милой откровенности Ольги Сергеевны. Речь идет и об отношениях родителей к детям, и детей к родителям, и детей между собой.

Ни Надежда Осиповна, ни Сергей Львович не отличались чрезмерной родительской заботливостью — было больше чувствительных слов и стилистических украшений, нежели искреннего участия. По-иному обстояло дело лишь с младшим сыном, Львом Сергеевичем, который пользовался особой благосклонностью матери, вечно о нем тревожившейся. При этом взаимности с его стороны не ощущалось: увлеченный бивуачной жизнью, а в перерывах между походами и сражениями лихими кутежами и крупной карточной игрой, он не успевал думать о домашних и редко им писал. Долги его платили отец и старший брат (что далеко не лучшим образом сказывалось на материальном положении всей семьи). Ольга Сергеевна, хотя постоянно бранит младшего брата за легкомыслие, но почти всегда снисходительно и незлобиво.

В изложении Ольги Сергеевны отношения в семье в целом выглядят более родственными, чем их обычно трактуют. Что касается Надежды Осиповны, в натуре ее есть что-то сильное и жизнерадостное, что вызывает уважение и, как правило, симпатию окружающих. Дети, когда говорят о ней — даже и с обидой, — всегда говорят почтительно. Тогда как Сергей Львович с его бесхарактерностью, безалаберностью, скарденностью вызывает зачастую насмешливое сожаление близких. «Он хуже женщины, — пишет Ольга Сергеевна об отце, — вместо того, чтобы действовать, предпринимать что-нибудь, он только плачет».

Прежняя холодность и порою враждебность (доходившая, как известно, до круп-

ных ссор) между Сергеем Львовичем и его старшим сыном в 1830-е годы сменяются большей взаимной терпимостью и даже сочувствием. С годами и Надежда Осиповна начинает все больше ценить своего ставшего признанным и знаменитым старшего сына. К концу жизни явно смягчился ее характер, а с другой стороны, повзрослев, изменился в своих чувствах к матери и сам Пушкин. Ольга Сергеевна видит и отмечает это.

Строки, посвященные Ольгой Сергеевной брату-поэту, рисуют Пушкина в необычном ракурсе. Такого Пушкина мы не увидим больше нигде, потому что здесь он предстает перед нами с особенной точки зрения — с точки зрения старшей сестры. Именно старшей. От своего первородства Ольга Сергеевна никогда не отказывалась. В ней совсем нет того домашнего чинопочитания, которое с годами появилось даже у родителей в отношении Александра, ставшего отечественной знаменитостью, ставшего фактически главой семьи. Чувства Ольги Сергеевны, похоже, не переменялись с детства: в них смесь сердечного участия и насмешливости. Она навсегда сохранила невольное ощущение своего природного превосходства: этот взгляд чуть свысока, эту манеру подтрунивать над тем, кто еще так недавно был несмышленьшим и неучем, которого она наставляла, учила ходить, кланяться и говорить. «Мы очень добрые друзья с Александром», — пишет Ольга Сергеевна мужу. И при этом в своих отношениях с братом автоматически выносит за скобки его славу, его историческое значение, которое она, впрочем, очень отчетливо сознает: «... Александр, который, при всем моем почтении к его шедеврам, стал капризен, как женщина перед родами ... написал мне такое глупое и дерзкое письмо, что пусть меня похоронят живо, если оно дойдет до потомства, хотя раз он постарался отослать мне его, — видимо, он на это надеялся». (Пушкин между тем всего-навсего отчитал сестру за то, что она осталась в холерном Петербурге, вместо того, чтобы уехать с родителями в Павловск.) Тон легкой насмешки, тонкой иронии — отнюдь не знак неуважения или нелюбви. Это просто затверженный, привычный обиходный светский тон. Говоря, к примеру, о своей невестке, Ольга Сергеевна не может ограничиться пресной похвалой — не обходится без дежурной остроты: «Она очаровательна, и заслуживала бы мужа полюбезнее, чем Александр».

Примечательно, что Ольга Сергеевна в восторге от балльных успехов Наталии Николаевны, от того, что та «в большой моде», что в самом высоком свете общее мнение признало ее первой красавицей и нарекло «Психеей». Подобно своей матери, Ольга Сергеевна не только не считает предосудительным великосветское головокружительное «рассеяние» Наталии Николаевны, но явно и сама не прочь была бы окунуться в омут большого света.

Как выясняется, у Ольги Сергеевны достаточно широкий круг связей и знакомств. Свои письма она, подобно матери, невзначай наполняет рассказами о взаимных визитах, вечеринках, обедах. Однако в классическом жанре светских анекдотов-сплетен у нее свой стиль — не такой беззаботно-снисходительный и забавный, как у Надежды Осиповны, а скорее чуть язвительный: «Михаил Глинка женился на барышне Ивановой, юной особе без состояния и без воспитания, некрасивой, и, кроме всего прочего, она не выносит музыки... Мадемуазель Витовтова едва не вышла за вольно-отпущенного, художника, академика... Вообрази, что Вейдемейер выбрала себе лоб, чтобы он казался выше... Мадемуазель Карамзина выщипала себе брови... Графиня Самойлова... садится на облучке вместе с кучером, с трубкой во рту и в мужской шляпе на своей завитой и растрепанной голове... Она презабавна и, я думаю, немного не в себе». Все события и даже мелочи светской хроники чрезвычайно занимают Ольгу Сергеевну. При этом она то и дело уверяет в своем полном равнодушии к светской суете. И тут же невольно опровергает сама себя, досадливо объясняя, что не может бывать в том кругу, где бывает мать, что не чувствует себя свободно в доме брата — и все потому, что роль светской дамы требует изрядных расходов, так как деньги нужны на туалеты, на балльные туфельки, на парикмахера, на билет в театр или маскарад, а денег нет даже на наемный экипаж и кучера. Зачастую приходится отказываться от визита к ближайшей подруге...

Как постоянный, порой утомительный рефрен звучит в письмах Ольги Сергеевны и к мужу и к отцу эта роковая тема безденежья. И тут перед нами нечто большее, чем ущемленное самолюбие, стесненное достоинство, нечто большее, чем житейская неприятность.

В двухтомном эпистолярном романе из жизни пушкинского семейства 1830-х годов пестрая череда радостей, печалей, происшествий, забот постепенно оборачива-

ется историей фатального оскудения древнего («шестисотлетнего») дворянского рода. Семейная драма сплетается с исторической. Недаром тема упадка дворянских родов стала одной из центральных для позднего Пушкина. Он видел тут проблему национального масштаба. На его глазах уходила с исторической сцены единственная влиятельная и просвещенная сила, которая могла реально повлиять на действия верховной власти, удержать страну на пути мирного гражданского развития. Независимое старинное столбовое дворянство — вот кто, по мысли Пушкина, мог продолжить и укоренить в русской жизни дело Петра, спасти страну от новой смуты. Но разумного союза самодержавия и образованного дворянства не возникло. Родовая аристократия хирела и разорялась, имения закладывались, перезаклаживались, дробились. Прослойка знатных независимых землевладельцев исчезала:

Мне жаль, что сих родов боярских
Бледнеет блеск и никнет дух,
Мне жаль, что нет князей Пожарских,
Что о других пропал и слух.

(«Езерский»)

Письма Ольги Сергеевны — в особенности те, что связаны с разделом Михайловского после смерти Надежды Осиповны (и относящаяся, по преимуществу, к тому же предмету переписка Пушкина с Павлицевым, данная в приложении к настоящему тому), — прочерчивают особую сюжетную линию в той драме, в которой главным персонажем был автор «Моей родословной».

В частном, семейном, разрезе эта коллизия, пожалуй, могла найти благополучное, счастливое разрешение. Об этом готова была позаботиться изобретательная Прасковья Александровна Осипова, тригорская соседка Пушкиных, писавшая Александру Сергеевичу 6 января 1837 года в ответ на предложение купить Михайловское: «Мне Михайловское не нужно, и так, как вы мне вроде родного сына, я желаю, чтобы вы его сохранили — слышите?..» И далее подсказывает блестящую практическую мысль: Пушкин оставляет за собою имение, тут же его закладывает в ломбард, из вырученных денег рассчитывается с сестрой и братом, да еще при этом остается изрядная сумма на уплату процентов. Выход из лабиринта тягостных семейных проблем, казалось, был найден...

Но исторический аспект трагедии Пушкина, трагедии всей русской национальной жизни не находил и не мог найти благополучной развязки. И умным советом, полученным из Тригорского, поэту не довелось воспользоваться. Письмо Прасковьи Александровны, судя по всему, привезла ее дочь, Евпраксия Николаевна Вревская, приехавшая в Петербург в середине января, всего за несколько дней до смерти Пушкина.

Искренне и горько оплакивая гибель брата, Ольга Сергеевна в своих письмах не изменяет себе и привычно пересказывает светские слухи о последней дуэли Пушкина, во многом пустые и вздорные. Гораздо важнее, однако, то, что она при этом очень чутко улавливает главный мотив безупречного поведения брата. Передавая фразу, сказанную умирающим Пушкиным жене: «Ты в этом деле ни при чем», — Ольга Сергеевна замечает: «Конечно, это было больше, чем великодушие, это было величие души».

Величие души — это то, чего зачастую не хватало в жизни, но что осознавалось Ольгой Сергеевной как высшая ценность. Именно это осознание формировало стиль поведения и литературный стиль, делало ее истинным человеком пушкинской эпохи.

А. Гордун

От переводчиков

«Проза наша так еще мало обработана, что даже в простой переписке мы принуждены создавать обороты для изъяснения понятий самых обыкновенных, так что леность наша охотнее выражается на языке чужом, коего механические формы давно готовы и всем известны», — писал Пушкин в статье «О предисловии г. Лемонте к переводу басен И.А. Крылова». Перед Ольгой Сергеевной, сестрой поэта, не стояла задача создания русского литературного языка, она пользовалась в переписке этикетной эпистолярной формой, выработанной французской культурой. Язык ее писем в

силу этого несет в себе ту «французскую утонченность», против которой, сознательно преувеличивая, возражал Пушкин, оговариваясь тут же, что сам «пишет иначе» (Вяземскому, 1—8 декабря 1823 г.). Отсюда в письмах Ольги Сергеевны изобилие слов и оборотов, вошедших в современный русский язык, которым однако почти нет соответствий в русском языке первой половины прошлого века; отсюда же разительный стилистический контраст, когда время от времени Павлицева вставляет в текст письма русские фразы. Она делает это, когда хочет перейти на более домашний тон, в письмах к мужу перейти с ним на «ты», и, любопытно заметить, побранить его или выразить неудовольствие в чей-либо адрес: в таких случаях, наоборот, «французская утонченность» мешает энергичности крепкого оборота. «Нелитературность» русского языка Ольги Сергеевны ярко сказывается не только в стиле, но и в грамотности. Последнее неудивительно: несколько раз она пишет о своем отношении к отечественной словесности и о том, что она очень мало читает по-русски. Вот почему, представляя читателю переводы этих писем, мы решили оставить без изменения орфографию русских фрагментов, составляющую маленький штрих к портрету их автора и, в некотором смысле, к портрету эпохи.

Н. Сперанская

Публикуемые письма О.С. Павлицевой и Н.И. Павлицева хранятся в архиве Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский Дом) — фонд 244, опись 20, № 83, № 94, № 95.

Письма О.С. Павлицевой к Н.И. Павлицеву опубликованы на французском языке: «Пушкин и его современники». Вып. XV. Спб. 1911. Письма О.С. Павлицевой к мужу Н.И. Павлицеву в 1831—1832 гг. из Петербурга. Сообщил Л.Н. Павлицев. С. 43—136; Вып. XVII — XVIII. Спб. 1913. Письма О.С. Павлицевой к мужу Н.И. Павлицеву в 1835 г. Сообщил Л.Н. Павлицев. С. 156—204.

Письма О.С. Павлицевой и Н.И. Павлицева к С.Л. Пушкину опубликованы на французском языке:

«Пушкин и его современники». Вып. XII. Спб. 1909. Письма О.С. Павлицевой к ее отцу С.Л. Пушкину в Москву в 1836 и 1837 гг. Сообщил Л.Н. Павлицев. С. 75—120.

Переписка А.С. Пушкина с Н.И. Павлицевым, данная в приложении к настоящему тому, публикуется по изданию: А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. М.-Л. Изд. АН СССР, 1937—1949. Т. XV. Т. XVI.

Фразы, написанные в оригинале по-русски, в нашей публикации выделены разрядкой (за исключением случаев, когда все письмо написано по-русски).

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Академ. — Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. I—XVI. М.-Л. Изд. АН СССР, 1937—1949, Т. XVII «Справочный...» Все ссылки на тексты Пушкина относятся к этому изданию. При цитатах указываются том (римской) и номер страницы или письма (арабской цифрой).

ЛН — Литературное наследство.

Письма — Пушкин. Письма. 1815—1833. Т. I—II. Под ред. и с прим. Б.А. Модзалевского. М.-Л. 1926—1928. Т. III. Под ред. и с примеч. Л.Б. Модзалевского. 1935.

Письма к жене — Пушкин А.С. Письма к жене (Серия «Литературные памятники») Л. 1986.

Пвс — Пушкин в воспоминаниях современников. В двух томах. М. 1974.

Псв — Пушкин и его современники. Материалы и исследования. Спб.; Л. 1903—1930. Вып. I—XXXIX.

РА — Русский архив (журнал).

РБС — Русский биографический словарь.

РС — Русская старина (журнал).

*ПИСЬМА
ОЛЬГИ СЕРГЕЕВНЫ
ПАВЛИЩЕВОЙ
К МУЖУ*

1831—1832

Весною 1831 года Ольга Сергеевна впервые после своего замужества разлучилась с супругом — впервые после их тайного, против воли родителей, романтического брака, состоявшегося 27 января 1828 года.

Николай Иванович Павлищев уехал в Варшаву, где при содействии С. Л. Пушкина получил место управляющего канцелярией генерал-интенданта действующей армии Ф. И. Энгеля. Польская кампания была в разгаре.

С этого времени и начинается переписка супругов. За 1831—32 годы сохранилось 39 писем Ольги Сергеевны. (Письма Николая Ивановича до нас не дошли).

Ольга Сергеевна оставалась в Петербурге, лечась от различных недугов и ожидая, пока служебное положение мужа в Польше станет более прочным, а также вполне определится его к ней отношение. Жила она одна в своей небольшой квартире дома Дмитриева в Большом Казащем переулке.

Надежда Осиповна и Сергей Львович, проведя лето в Павловске, где спасались от холеры, свирепствовавшей в столице, на зиму 1831—1832 года обосновались в Петербурге, снимая квартиру в доме Вельферта у Синего моста. 22 мая они отправились в Михайловское, а Ольга Сергеевна в середине сентября выехала в Варшаву. По дороге она заезжала к родителям и провела с ними в псковской деревне около двух недель, до начала октября.

Александр Сергеевич 15 мая 1831 года приехал в Петербург из Москвы с молодой женой; 25-го поселился в Царском Селе, на даче Китаевой, снятой для него П. А. Плетневым. В начале октября переехал в город, сняв квартиру сначала на Галерной улице в доме Брискорн, затем на Фурштатской в доме Альмовой.

Лев Сергеевич продолжал службу в Нижегородском полку, на Кавказе, а 20 мая 1831 года перевелся в Финляндский драгунский полк, принимавший участие в военных действиях в Польше. О перипетиях его службы и вольной жизни в Варшаве см. т. 1 наст. изд., с. 110.

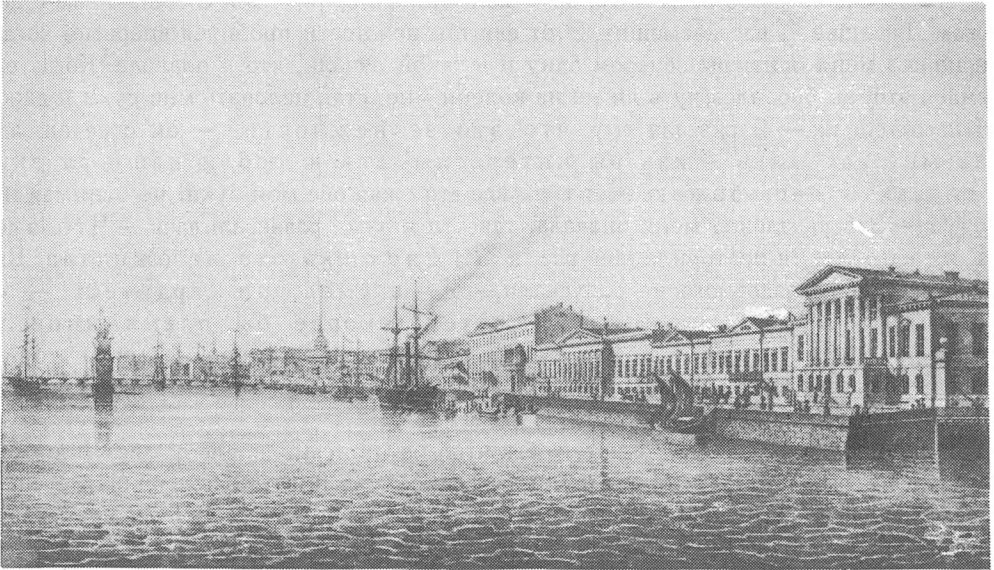
27 марта 1831 [Петербург]

Мой милый друг, только вчера я получила ваше письмо из Вильны; письмо же из Динабурга не дошло вовсе ¹, почта, как я вижу, очень плоха; но по крайней мере это утешит меня в другой раз, если вести от вас будут задерживаться ². Признаюсь, что ваше молчание очень беспокоило меня; я все время думала, что вы больны, и настолько, что не можете писать мне. Бог знает, чего только я не думала, меня преследовали самые черные мысли, а вы, может быть, и теперь обманываете меня! Я не верю, что кашель уже оставил вас, он был такой сильный, что мне больно было вас слышать. Анна Никол.<аевна> ³ писала мне, что нашла вас чрезвычайно похудевшим и подурневшим. Вы можете дурнеть сколько угодно, я, наоборот, буду очень этим *довольна*; но худеть — ах! постарайтесь не делать этого, берегитесь, умоляю вас, дайте мне слово беречь себя, мой дорогой, пейте траву и, главное, не ведите слишком сидячий образ жизни.

Я собиралась писать вам каждый день что-то вроде дневника, но, узнав, что вы не поселились еще определенно, потеряла охоту. Думаю даже, что это письмо не дойдет до вас вовсе или дойдет очень поздно: я не уверена в адресе; это очень меня тяготит, почти мучает ⁴. Надо ли говорить вам, что я испытала при вашем отъезде, когда вы махнули мне рукой? Если вы верите в мою нежность к вам, я не буду говорить об этом, друг мой; я слишком люблю вас и хотела бы любить меньше; когда я делала все возможное, чтобы убедить вас в противоположном, когда я говорила, что ненавижу вас, — мои чувства к вам были прежними; меня приводила в отчаяние ваша холодность, быть может мнимая (дай Бог, чтоб она была только мнимой). Я теряла голову, — простите, что говорю об этом, что повторяю вам это, но я не могу сдержаться; даже сейчас, когда пишу, я плачу как безумная; простите, простите еще раз.

В день вашего отъезда м-ль Рудольф ⁵ обедала у меня, и ваша молчаливая красавица ⁶, — уж не сердитесь, — отец и мать ⁷ тоже пришли вечером. Это не порадовало меня: мне нужно было быть одной, и потом мамá была так весела, что у меня щемило сердце; я едва сдержала слезы. С тех пор она бывает очень часто и была вчера вечером, играла в карты. У меня была среда, и даже две, против моего ожидания, но последний раз: мне неловко это без вас. Впрочем, я благодарна тем, кто ко мне пришел: гг. Марков ⁸, и Аничков ⁹, и Линеманн. Все велели передавать вам тысячу приветов, и я почла себя обязанной пригласить их в другой раз, но не на среду, да и эта среда была у меня в четверг ¹⁰. Линеманн не застал меня дома, я отправляла за ним просить его прийти; он, кажется, был польщен, был веселее и разговорчивее обычного и тут же познакомился с отцом, которому довольно пон-

равился. Еще были с визитом г. и г-жа Наумовы ¹¹; я приняла их и сначала отдала им визит, не застав их; между нами, я была очень рада, потому что успела отправиться к баронессе Дельвиг ¹², у которой не была еще на ее новой квартире ¹³. — Не подумайте, впрочем, что я примусь выходить в свет: это мне теперь тяжелее, чем когда-либо; я бываю почти только у родителей. Была лишь один раз у Волковых ¹⁴, у Лермантовых ¹⁵, Талызиных и у г-жи Кушелевой, к которой я больше не ревную вас, поверьте, и которая по этой причине кажется мне уже не такой пошлой. Кстати, позавчера мы были вместе на концерте, но половину расходов взяла на себя мамá. М-ль Мела пела в последний раз довольно дурно с Марколлини, который был отвратителен ¹⁶. Тем не менее ей аплодировали и было достаточно публики, но если бы это я заплатила 20 рублей, чтобы их услышать, я была бы, наверное, безутешна; нечего говорить, концерт был не из прекрасных; хорош был один оркестр, играли 3 увертюры — Семикуса <?>, la Gaza ladra ¹⁷ и еще одну.

Петербург. Английская набережная возле Коллегии иностранных дел.
Литография П. Иванова по рис. В. Садовникова. 1830-е гг.

Поговорим теперь о делах: ваши книги у книгопродавцев; я не справлялась еще об их успехе. Предполагаю, что «Патриции» ¹⁸ пойдут, несмотря на г. Булгарина, который ни словом в своей газете о них не обмолвился ¹⁹. Думаю, что это благодаря пышной похвале, которую дал им, по-видимому, г. Сомов ²⁰, потому что он собирался написать о них. — На днях приходил переписчик, вручил мне первый том «Обрученных» ²¹ и был разочарован, узнав, что вы увезли с собой 30 тетрадей,

о которых говорили ему и которые он надеялся переписать. Я уплатила ему половину суммы и не знаю, что делать с этим толстым томом; он не имеет начала, которое, предполагаю, путешествует с вами; иначе я отправила бы его в Цензуру. Это легкомыслие с вашей стороны. Пошлите мне, прошу вас, эти листки, т. е. начало — заглавие, предисловие и кажется всю первую тетрадь, словом то, что уже переписано набело. Объявление появилось позавчера, так что можете быть покойны, никто не оспорит у вас славу переводчика²².

Кстати, дорогой мой: Семен Исакович²³ совершенно открыто ухаживает за мной, и это изрядно мне надоедает; кроме того, что он приходит каждый день во всякое время, что позавчера он явился, когда я была еще в постели, — он повторяет, что обожает меня, и каждую минуту хочет целовать мне руки. Напрасно я пытаюсь перевести все на шутку и на родство, в конце концов я рассержусь по-настоящему, потому что это не забавляет меня нисколько. Что же до любви Марии²⁴, она доставляет мне удовольствие, это очаровательная особа, хоть и немного экзальтированная; она в несчастье, бедное дитя: ее сестра при смерти. Я была у нее утром и видела там Арендта²⁵, но он только успел спросить меня на ходу: «Здоровы ли вы?»

Что вы скажете обо всем этом, друг мой? Конечно, то, что я сообщаю вам о дорогом Дядюшке²⁶, вас насмешит. Этот фонтан нежности пробился впервые, когда он нашел меня однажды вечером одну и в такой печали, что я плакала. Когда он увидел это, он бросился чуть ли не на колени мне, стал целовать мне руки и даже *облизывать* их. — Я сказала ему: что это за нежности? — он отвечал: ах как мне вас жаль — как вы интересны! как я люблю ваши глазки в слезах! я вас обожаю — и т. д., все это сжав обе мои руки, не отнимая их от губ. — Это развлекло меня сначала, так что я даже развеселилась. — Что это за нежности, я повторила еще раз, я от *Дядюшки* это не ожидала. Вы никогда ничего подобного не допускали. — Я не смел, не сердитесь! — Я не сержусь, да удивляюсь. Кажется, скорее бы племяннице у дяди ручки лабызать — свет теперь на извород и проч. Но если это будет продолжаться, я в конце концов приму это всерьез. — Я говорила ему, что напишу вам, но шутя.

Прощайте, друг мой. Как я хотела бы, чтобы это письмо дошло до вас. Я в этом сомневаюсь, что почти отнимает у меня удовольствие писать вам. Прощайте еще, дорогой друг, будьте здоровы и, если возможно, верны мне. Я буду верна вам всегда.

Ваша Ольга.

Вы должны портному 380 рублей. Он принес мне счет, в надежде, что вы заплатите ему хотя бы половину к праздникам. Не посылаю счета из опасения, что он потеряется вместе с письмом, потом оно получится слишком громоздко.

Лев был вынужден возвратиться в Тифлис²⁷, он не смог написать свое прошение и говорит, что якобы это по незнанию правописания. Это ужасно огорчило меня; я проплакала два дня. Надеюсь увидеть его снова.

Помета Н. И. Павлицева: Пултуск, 13 июня, в Временное правление.

¹ 24 февраля 1831 г. Н. И. Павлищев был командирован в состав Временного правления Царства Польского под начало Ф. И. Энгеля, старого друга С. Л. Пушкина (некогда члена оленинского кружка, близкого приятеля И. А. Крылова, А. А. Шаховского, В. А. Озерова). 6 марта Н. И. Павлищев выехал из Петербурга к новому месту службы.

² Письма Н. И. Павлищева к жене за этот период не сохранились.

³ Возможно, речь идет об Анне Николаевне Вульф, старшей дочери владелицы Тригорского П. А. Осиповой. Николай Иванович Павлищев мог встретить подругу Ольги Сергеевны по пути в Польшу.

⁴ Русская армия и Временное правление находились в непрерывном движении, и Н. И. Павлищев не имел постоянного адреса, поэтому Ольге Сергеевне часто приходилось отправлять письма наугад.

⁵ Рудольф Анна Ивановна — компаньонка А. Д. Кушелевой, знакомая Пушкиных.

⁶ Кушелева Анна Дмитриевна (27 XI 1807 ? — I II 1854), урожд. Ланская, — красавица, к которой был неравнодушен Н. И. Павлищев, на что и намекает Ольга Сергеевна.

⁷ Пушкины С. Л. и Н. О.

⁸ Морков Владимир Иванович (1801 — 25 XI 1864) — товарищ Н. И. Павлищева, сын генерал-лейтенанта И. И. Моркова, племянник дипломата графа А. И. Моркова; известный гитарист, один из лучших представителей русской школы семиструнной гитары, созданной А. И. Сихрой (см.: История русской музыки. Под ред. М. С. Пекелеса. Т. I. М.; Л., 1940. С. 228); автор «Полной школы для семиструнной гитары» (СПб., 1862) и «Исторического очерка русской оперы с самого ее начала по 1862 г.» (СПб., 1862). Известен его портрет с гитарой работы В. А. Тропинина, бывшего крепостного И. И. Моркова. Указание Л. Н. Павлищева, что В. И. Морков был товарищем его отца по Пансиону, видимо, ошибочно, так как в списках окончивших Пансион и переведенных в Лицей он не значится (см. Псв. XVII—XVIII. С. 193; Голицын Н. С. благородный пансион Императорского Царскосельского лицея. СПб., 1869). Фамилия «Морков» произносилась с ударением на втором слоге, чем и объясняется неточность О. С. Павлищевой в ее написании.

⁹ Аничков Владимир Иванович (6 VIII 1812—20 VIII 1863) — адъютант И. Ф. Пас-

кевича, знакомый Павлищевых, Л. С. Пушкина, А. Н. Вульфа.

¹⁰ Приемный день (журфикс) в доме Павлищевых.

¹¹ Возможно, семья сослуживца Н. И. Павлищева по Азиатскому департаменту, надворного советника Петра Семеновича Наумова.

¹² Дельвиг Софья Михайловна, урожд. Салтыкова (20 I 1806—4 III 1888), — вдова умершего двумя месяцами ранее поэта А. А. Дельвига. Ольга Сергеевна и ее родители познакомились с Дельвигами в 1826 г. (См. подробнее т. I наст. изд.). Около 1828 г. к литературному кружку, группировавшемуся вокруг А. А. Дельвига и «Северных цветов», примкнул и Н. И. Павлищев, сотрудничавший позднее и в «Литературной газете» (Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 193; Вацура В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига—Пушкина. М., 1978. С. 175).

¹³ После смерти мужа (14 января 1831 г.) С. М. Дельвиг оказалась в весьма стесненном материальном положении, что, видимо, и послужило одной из причин того, что она вскоре оставила дом, в котором до этого проживала вместе с мужем, годовалой дочерью и двумя малолетними братьями мужа (Загородный проспект, д. 1), и сняла по соседству небольшую квартиру в Кузнечном переулке, рядом с Владимирской церковью (Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания. Т. I. М.; Л., 1930. С. 180).

¹⁴ Приятель Н. И. Павлищева Александр Федорович Волков и его жена, — см. т. I наст. изд.

¹⁵ Лермантов Владимир Николаевич (1 VII 1796—10 VI 1872) — полковник, командир роты в Институте инженеров путей сообщения, и его жена Прасковья Гавриловна, урожд. Вишневская (ум. 24 V 1833). Фамилия этой ветви рода традиционно писалась через «а».

¹⁶ Мела (Мелас, Милла) и Марколлини — артисты итальянской оперной труппы в Петербурге. Концерт с их участием состоялся 25 марта в Малом театре («Северная пчела», 1831, № 60). Итальянская труппа в это время заметно теряла популярность и вскоре была распущена.

¹⁷ «Сорока-воровка» («La gazza ladra») — опера знаменитого итальянского композитора Дж. Россини, написанная в 1817 г. Первое представление в Петербурге состоялось 24 апреля 1828 г. Опера пользовалась большим успехом и не сходила со сцены и в последующие годы (Псв. XXI—XXII. С. 5, 211).

¹⁸ «Патрици. Историческая повесть XVI столетия. Соч. К. Фандер-Фельда; пер. с нем. Н. Павлищев. СПб., в типографии Штаба Отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1831». Произведения второстепенного автора, «немецкого Вальтера Скотта», Карла-Франца Ван-дер-Вельде (1779—1824) были популярны в России в 1820—1830-е гг. В 1830 г. Н. И. Павлищев напечатал биографический очерк о К.Ф. Ван-дер-Вельде («Литературная газета», № 23 от 21 апреля 1830 г.) и перевод его романа «Богемская девичья война, историческое предание VIII столетия» (рец. О. М. Сомова — «Литературная газета», № 6 от 26 января 1831 г.). Один из романов Ван-дер-Вельде собирался переводить А. Н. Вульф (Вульф А. Н. Дневники. М., 1929. С. 144, 149).

¹⁹ Упреки О. С. Павлищевой в адрес Ф. В. Булгарина справедливы, так как специального сообщения о выходе перевода романа в «Северной пчеле» не появилось (обычно подобные сообщения содержали краткую рецензию и имели рекламный характер). Издание было упомянуто лишь в «Библиографических прибавлениях» среди книг, вышедших в январе и феврале 1831 г. — «Северная пчела», № 66.

²⁰ Сомов Орест Михайлович (1793—1833) — критик, писатель, переводчик, один из первых профессиональных литераторов в России. С 1827 г. сблизился с литературным кругом А. А. Дельвига и вскоре стал ближайшим помощником последнего в издании альманаха «Северные цветы». После цензурного запрещения «Литературной газеты» под редакцией А. А. Дельвига стал официальным ее издателем. По воспоминаниям А. И. Дельвига, «он был самый добродушный человек, всю душой предавшийся Дельвигу и всему его кружку <...>. Он сделался ежедневным посетителем Дельвига или за обедом, или по вечерам. Жена Дельвига и все его общество очень полюбили Сомова» (Дельвиг А. И. Полвека русской жизни... Т. I. С. 102—103). После смерти Дельвига Сомов занимался изданием альманаха «Северные цветы» в пользу вдовы. Подробнее об О. М. Сомове см.: Вацуру В. Э. С. Д. П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М., 1989 (в этой монографии опубликованы дневник О. М. Сомова и его письма к С. Д. Полторацкой).

²¹ «Обрученные» («I Promessi sposi») — роман итальянского писателя Алессандро Манд-

зони (1785—1873), появившийся в 1827 г. и сразу же переведенный на французский язык (по одному из изданий 1828 г. с ним ознакомился Пушкин, высоко оценивший роман). Введение к роману в переводе Н. И. Павлищева с итальянского было опубликовано в «Литературной газете», № 9 от 12 февраля 1831 г. Выполненный Н. И. Павлищевым перевод романа так и не был опубликован; вышедший в Москве в 1833 г. перевод не мог принадлежать ему, так как был выполнен с французского издания. Павлищев же, как известно, переводил с оригинала.

²² В «Литературной газете» от 22 марта 1831 г. (цензурное разрешение 24 марта, так что номер появился, видимо, только 25-го) сообщалось о готовящемся к изданию переводе «Обрученных».

²³ Ганнибал Семен Исакович (ум. 1853) — двоюродный брат Н. О. Пушкиной, отставной артиллерии поручик, участник заграничного похода 1814 г. — см. т. 1 наст. изд.

²⁴ Вероятно, Клюпфель Мария Филипповна — см. т. 1 наст. изд.

²⁵ Арндт Николай Федорович (1785—14 X 1859) — врач-хирург, с 1829 г. — лейб-медик Николая I.

²⁶ Ганнибал С. И.

²⁷ Младший брат Ольги Сергеевны, Лев Сергеевич Пушкин, поручик Нижегородского драгунского полка, приехав в декабре 1829 г. с Кавказа, жил в Петербурге, а затем в Москве. Весной 1831 г., «протянув всеми правдами и неправдами отпуск до крайней степени возможности, он стал хлопотать о переходе в войска, действовавшие на театре войны в Польше» (Письма. III. С. 223). Пушкин обратился к А. Х. Бенкендорфу с просьбой о переводе брата, однако неблагоприятный отзыв о поведении Льва в Москве затянул решение вопроса. 6 апреля 1831 г. Пушкин писал брату: «Все было решено. Ждали только ответа от гр. Паскевича, как Б.<енкендорф> получил о тебе из Москвы un rapport défavorable *. Нравоучительных примечаний делать я не намерен; но кабы ты не был болтун и не напивался бы с французскими актерами у Яра, вероятно, ты мог бы уж быть на Висле. <...> Немедленно поезжай в свой полк и жди там решения своей участи. Дай Бог, чтоб эта шутка не стоила тебе вечного пребывания в Грузии» (XIV, 587). Л. С. Пушкин был вынужден вернуться на Кавказ. См. также прим. 8 к письму 6.

* Неблагоприятный отзыв (франц.).

11 апреля 1831 г [Петербург]

Это второе письмо, которое я пишу вам, мой друг, но оно не будет таким же длинным, как первое: у меня не хватает смелости писать вам много, мне кажется, это напрасный труд, и мои письма не найдут вас, пока вы не устроитесь! Я ничуть не уверена в адресе, который вы мне даете, а *оказии* внушают мне еще меньше доверия, и, уж не сердитесь, я не сделаю ни шага, чтобы их отыскать. Г-жа Энгель¹ надоедает мне так же, как ее дочь², не столько они сами, если хотите, сколько необходимость ездить к ним, и потом, *вообразят*, что это из *интереса*, чтобы найти *протекцию*, и *то*, и *се*, до чего мне нет никакого дела. Будьте полюбезнее с их мужьями, больше ничего не нужно, поверьте мне.

Кстати, один немец сказал здесь, что *Ангел* нанял Извозчика, чтобы изгнать *Адама* из рая³. Я сердита, что этот *Ангел* без крыльев, а Фурман настоящий извозчик: по правде, это злит меня, из-за вас, мой дорогой. Я проклинаю злого гения, который внушил вам покинуть меня ради этой отвратительной Польши и прибегнуть для этого к моему отцу. Вы чувствуете, что неизбежно это проклятие коснется и вас. Ах, друг мой, я хотела пошутить, а мне грустно; вижу, что не напрасно плакала при вашем отъезде. Бог ведает, будет ли мне возможно через год *надеяться* увидеть вас, только вас; вас это не огорчает, я уверена. Вы двигали горы, чтобы покинуть меня, будем откровенны, и не раскаиваетесь в том, конечно. Мои слезы, мои упреки, моя печаль, болезнь — слишком надоедали вам; вы не видите и не слышите теперь ничего этого, и моя ревность сверх того — я забыла еще о ней; тут немало виновата моя ревность, она вывела бы вас из себя, как вы ни терпеливы. Ах, мой дорогой, вы совсем меня не любите, никогда не любили. Я пишу вам все это, потому что это приходит сейчас мне в голову, что почти уверена, что вы не получите этого письма, а если получите, то не придадите значения — не письму в целом, но этим последним словам. Вы, ко всему прочему, философ, кстати, но останетесь ли им, когда я сообщу вам, что была вынуждена отказать от дома Семену Исакочу⁴. Вообразите, дорогой мой, что его поведение было *возмутительно*; не хочу даже сообщать вам подробности, я писала в прошлый раз, как он за мной ухаживал; но теперь он запел по-другому — это крайне неприятно, тем более что, не желая поднимать шума, я остерегалась жаловаться родителям и поэтому волей-неволей часто вижу его, но так как вовсе с ним не разговариваю, то это в конце концов заметят.

Вот и я заканчиваю и должна сказать о деле: я заплатила вашему переписчику — дала ему 23 рубля; ваш портной принес мне счет — долг в 400 с чем-то, переплетчик не возвращает остаток экземпляров, пока я не уплачу 15 рублей; позавчера наборщик пришел требовать 140 рублей. Это расстраивает меня чрезвычайно: у меня мало денег, очень мало, а праздники наступают⁵; нужно будет уплатить хозяину дома⁶, и думаю, это будет 360, с теми 50, которые вы ему долж-

ны, а не 225, как вы уверяли, потому что если поквартально, то легко сосчитать. Я была вынуждена сделать много расходов, среди прочих — на ливрею, еще несколько вещей для себя, хотя мой туалет совсем не блестящий, и если бы не точность Лихардова⁷, я была бы уже без гроша; не знаю, даст ли отец мне что-нибудь на Пасху, что было бы весьма мило с его стороны. Брат поселится здесь в мае — это еще расходы, если не на экипаж, то на туалет. Я не желаю выглядеть кухаркой в сравнении с моей невесткой, которая, как говорят, необыкновенно элегантна⁸. Впрочем, я пишу вам все это, чтобы дать вам понять, что я не беру на себя уплату ваших долгов. Я не справлялась еще о продаже ваших книг⁹. При всем уважении, какое внушает мне ваш талант, мне кажется, он никогда не избавит вас ни от портного, ни от наборщика, ни даже от переплетчика. На этом прощайте, мой друг: пора отправлять письмо; будьте здоровы; если оно затруднило вас местами, простите, верьте, что я люблю вас и должна быть убеждена в вашей привязанности: это то, чего недостает моему счастью и для моего счастья. Прощайте еще раз.— Кстати, я не могу скрывать от вас, что помимо вышеупомянутого родственника есть еще некто, кто *очень* за мной ухаживает, но не так открыто и грубо. Пишу вам это, чтобы вызвать вашу ревность.

Ольга П.

Помета Н. И. Павлицева: Минск, 23 мая, в Главную квартиру.

¹ Энгель Анна Карловна, по первому браку Адамович,— жена Энгеля Федора Ивановича (ум. 9 III 1837) — действительного статского советника, члена Государственного Совета, с 9 февраля 1831 г. — председателя Временного правления Царства Польского.

² Фурман Софья Семеновна. урожд. Адамович,— дочь А. К. Энгель от первого брака, жена Фурмана Романа Федоровича (1784—1851), с 1831 г.— члена Временного правления Царства Польского, с 1832 по 1835 г. состоял там же председателем Комиссии финансов и казначейства.

³ Каламбур, основанный на полисемии: игра собственным и нарицательным значениями (нем. Engel — ангел; Fuhrmann — извозчик).

⁴ Ганнибал С. И., двоюродный дядя О. С. Павлицевой.

⁵ Пасха в 1831 г. приходилась на 19 апреля.

⁶ Купец Д. Д. Дмитриев, в доме которого в Большом Казачьем пер., д. 6, возле Гороховой ул., поселились Н. И. и О. С. Павлицевы в 1829 г.

⁷ Лихардов Сергей Михайлович — генерал-майор Корпуса инженеров путей сообщения. В

доме С. М. Лихардова и его жены Марии Павловны в 1827 г. Н. И. Павлицев познакомился с Ольгой Сергеевной и ее родителями. «О свадьбе Ольги Сер<геевны> мы узнали еще в Москве и немало удивились решимости ее бежать. Сергея Львовича жаль очень и еще жалче потому, что он во всем этом представляет комическое лицо. Он не подозревал даже, что Павлицев, едва им замеченный у Лихардовых и не бывающий у него, любит его дочь» (письмо А. А. Дельвига к П. А. Осиповой от марта—мая 1828 г.— Дельвиг А. А. Соч. Л., 1986. С. 329). По свидетельству Л. Н. Павлицева, С. М. Лихардов занял деньги у Н. И. Павлицева, проценты с которых он аккуратно выплачивал Ольге Сергеевне (Псв. XV. С. 50). С. М. и М. П. Лихардовы были дружески связаны с кругом Пушкиных, Дельвигов, Вульфов.

⁸ А. С. Пушкин 18 февраля 1831 г. в Москве женился на Н. Н. Гончаровой; в Петербург они приехали 18 мая.

⁹ Речь идет об указанных выше произведениях, переведенных Н. И. Павлицевым (см. письмо 1, прим. 18).

20 апреля 1831. [Петербург]

Спасибо, мой милый друг, миллион раз спасибо за ваши два письма и особенно за портрет: это первое мгновение радости, которое я пережила с вашего отъезда; слава Богу, наша переписка может теперь установиться: у меня будут вести от вас регулярно и я не буду больше бояться, что мои письма пропадут. Это генерал Альбрехт, если не ошибаюсь, брат г-жи Жандр, — прислал мне эти письма и взялся отправить мой ответ, если я смогу написать сегодня. Так что делаю это в спешке, мой милый друг. Письмо будет коротким, но не сердитесь; правда, я могла бы подождать до послезавтра и не отправлять его к любезному Генералу, который сейчас доставил мне столько удовольствия, — но это чтобы исправить непростительную оплошность, которую я допустила на радостях, получив наконец вести от вас, — я забыла *поблагодарить* лакея, его посыльного. Так что я связала себя долгом, который тяготит мою совесть и от которого я хочу освободиться как можно скорее. Прежде чем говорить о деле, нужно еще сказать вам о портрете. Я только и делала, что глядела на него, и уже вставила в рамку на место портрета Александра — маленького портрета, который находили так мало похожим; это чтобы сказать, что я предпочитаю ваш и очень рада ему; вам чуть-чуть удлиннили нижнюю часть лица и нижнюю губу, но это такая малость, что ничего не значит. Зато лоб, глаза, взгляд и проч. великолепны.

Я не получила ни писем из Гродно, ни письма из Динабурга; последнее было помечено Вильна 17 марта; из-за этого я начинала беспокоиться о вашем здоровье. Хотела посылать завтра к г-же Фурман узнать, имеет ли она новости от своего мужа. Я очень довольна теперь, что избавлена от этого труда. А мои письма, получили ли вы их? Я написала два и отправила на Главную Квартиру, и оба были очень подробны. Я была бы сердита, если бы они не дошли: я написала там множество интересных вещей, которые не сумела бы повторить и которых половину забыла, кроме преследования г. Ганнибала: он пишет ко мне, разыгрывает отчаяние, является каждый день у дверей, но они закрыты и будут закрыты для него неизменно. Его поведение столь же удивило меня, сколько возмутило — если бы я только перечислила вам подробности! Довольно, что я два раза должна была звать горничную и сделалась чуть не больна от страха. — Впрочем, я не сочла уместным жаловаться родителям, как он однажды подумал, из-за чего довольно часто вижу его у них, но он больше не осмеливается обращаться ко мне, и если я заговариваю с ним сама, то только чтобы не сделать шума и историй: отец слишком их не любит.

Я выполню ваше поручение относительно табака как можно скорее; зато, мой друг, напишите, ради Бога, словечко портному, который преследует меня, он был у меня уже четыре раза: вы должны ему 405 рублей, как я вам писала. На борщик тоже требует 140; переплетчик не возвращает остаток экземпляров, но это не мно-

го, и это мое дело, так же как и переплетчик. Еще раз, почему вы увезли первую главу «Обрученных», переписанную набело? Если бы она была у меня, первый том был бы уже у Цензора; отправьте мне его и скажите, как мне с ним поступать. Прощайте, милый друг.

Последние несколько дней мое здоровье плохо; это из-за моей набожности, из-за постной еды; у меня боли в груди и кашлю кровью, особенно когда долго сижу; этот недуг вернулся ко мне теперь, но не тревожьтесь, немного отдыха поможет мне. Аничков, Марков и Линеманн еще раз у меня были, Наумов тоже вернулся, но *Дурасов*¹ даже не присылал ко мне. Я буду просить *Маркова* бывать еще, чтобы говорить о вас. Вчера он был и не застал меня, и много расспрашивал о вестях от вас у Натальи². Кстати: Александр приезжает устраиваться здесь на днях и проведет лето в Царском Селе³.

Прелестная привычка, которую завели теперь, прокалывать письма повредила немного ваш портрет: пострадали ухо и фрак⁴.

Помета Н. И. Павлицева: Белосток, 31 апреля, на адрес г. Жандра⁵.

¹ Дурасов Николай Николаевич — надворный советник, служащий в I Отделении собственной е.и.в. канцелярии, камер-юнкер; товарищ Н. И. Павлицева по Пансиону (оба закончили в 1819 г. — Голицын Н. С. *Благородный пансион Императорского Царскосельского лицея. 1814—1829.* С. 59).

² Горничная О. С. Павлицевой.

³ А. С. и Н. Н. Пушкины приехали в Царское Село около 25 мая 1831 г.

⁴ Письма, поступающие в Петербург из зараженных холерой губерний, прокалывались и «подвергались рачительной окурке» серой на карантинных заставах (Фон-дер-Ховен И. Р. *Холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.* // РС. 1884. Т. IV. С. 391). По распоряжению почтового на-

чальства эта мера позже была распространена и на письма, отправляемые из Петербурга (см.: «Северная пчела», № 141 от 26 июня 1831 г.). Об эпидемии холеры в 1830—1831 гг. подробнее см. ниже.

⁵ Жандр Александр Александрович (1812—6 II 1865) — корнет л.-гв. Уланского полка, знакомый Н. И. Павлицева, с 1834 г. женат на племяннице П. А. Осиповой Е. В. Вельяшевой; родственник (сын ?) генерал-лейтенанта Александра Андреевича Жандра — любимца цесаревича Константина. Генерал Жандр, по свидетельству Л. Н. Павлицева, был хорошо знаком с Н. И. Павлицевым. В первый день Польского восстания генерал Жандр был убит.

4

[8 мая 1831 г. Петербург]

Я очень грустна, мой друг: завтра ваши именины¹, а я уже так давно не получала от вас новостей; ваше последнее письмо, от 17 апреля, было мне послано Марковым; он принес его не сам, потому что он болен и в постели, бедный, и врач его говорит, что это надолго, — это очень огорчает меня, но не подумайте, что от до-

О. С. Павлицева. Рис. неизв. художника. 1833 г.

броты душевной, из чистого христианского милосердия: из одного лишь эгоизма, который мешается повсюду, вы пишете, что ваши письма будет доставлять мне Марков и что свои письма я должна доверять ему, а поскольку вы не сообщаете, почему это возможно, я с нетерпением ждала его, чтобы спросить у него объяснения: но теперь, когда он болен, и, конечно, не думает часто писать вам, и к тому

же, может быть, не совсем в своем уме, я отправляю это письмо по-прежнему г. Жандру, но по почте; надеюсь, что оно дойдет все же до вас в целостности и сохранности. Представьте себе, что только на днях почтальон вручил мне ваше самое первое письмо из Белостока. Почта ужасна! Она тащится что пилигрим св. Ламонта — три шага вперед и два назад — это раздражает и мучит меня ужасно².

Кстати: я написала большое письмо вашей матушке³; надеюсь, что она не будет сердита, поскольку я написала ей тысячу любезностей, и делюсь этим с вами, мой милый друг, потому что знаю, что это будет вам приятно. Писать для меня — египетский труд, особенно в последнее время, — я хотела бы писать только вам, но у меня опускаются руки, — потому что до сих пор, то есть до 17-го, вы не получали еще от меня новостей, тогда как я писала вам несколько раз на Главную Квартуру! С каким нетерпением я жду вестей от вас, мой дорогой друг, каждый день, уже больше недели!

Вы, должно быть, получили табак, который я послала вам почтой; как он до вас дошел? Чем вы сейчас заняты, по-прежнему ли вы в Белостоке? Что касается меня, я веду прежний образ жизни;

мало вижу знакомых, хотя была еще у Наумовых, которых застала дома. Они велят целовать вам руку, что делаю очень охотно, но с мыслью о том, что хотела бы сделать это на самом деле.

27 апреля, когда я получила ваше письмо от 17-го через Маркова (обратите внимание, как я точна), приходил Дурасов и не застал меня, он говорил с горничной и сказал, что получил от вас только одно письмо из Гродно в тот же день. С тех пор он не появляется, и я не нашла уместным посылать к нему и отрывать его от занятий, которые, полагаю, очень серьезны. Прощайте, милый друг; мое письмо покажется вам слишком коротким, я уверена, — но это потому, что мысль, что я пишу только для развлечения почтовых чиновников, не придает мне

Ф. И. Энгель.

Портрет работы неизв. художника. 1830-е гг.

вдохновения ⁴; нужно, чтобы вы написали мне, что получили от меня вести, что у вас есть по меньшей мере четыре моих письма, чтобы я была в состоянии писать вам много и нежно. Пока удовлетворитесь этим и нежным поцелуем — не от г-жи Кушелевой, а от меня. Чем занят на войне ваш брат ⁵ и барон Жерамб? ⁶ Напишите немного об этом. Кстати: как двигается ваш Манцони? Пришлите мне начало первой главы, я отправлю том в цензуру; вашему переписчику заплачено, как и хозяину дома ⁷; ему я больше не должна ни гроша, он еще получил вперед; однако этому господину взбрели в голову причуды и женские капризы; он, например, запрещает мне пользоваться его катком, угрожает прибить Жанно ⁸, побить мою прислугу и проч. Однако по двум последним поводам он получил нагоняй от моего отца, который был так добр, что спустился к нему и сделал выговор, угрожая прибегнуть к г. Какошкину ⁹ и зывая к его рассудку, так что теперь он шелковый, благодаря отцу; только каток его по-прежнему недоступен.

Прошайте еще раз, будьте здоровы, развлекайтесь, если вы имеете такую возможность, но берегите себя, тем более что, говорят, холера очень свирепствует в ваших краях ¹⁰. Не пейте много вина. А трава, — вы ее, конечно, не пьете больше <...>, скажите откровенно. Почему вы не хотите пить ее? Я продолжаю.

Мой слуга заболел, и я осталась без повара: я думала, что лишусь его, — не знаю, чем Петр ¹¹ болен, и сильно опасаюсь, как бы он не отошел в мир иной. Вот еще причина отправить это письмо. Лермантовы, Виш<невские?> ¹², Мари и пр. — все тебе кланяются.

Помета Н. И. Павлицева: Пултуск, 13 июня 1831, на адрес г. Жандра.

¹ 9 мая — так называемый «Никола весенний», в память перенесения мощей святителя Николая (Мирликийского). На основании этого и датируется настоящее письмо. См. также следующее письмо.

² Вероятно, Ольга Сергеевна имеет в виду персонаж романтической сказки немецкого писателя Фридриха де ла Мотт Фуке «Ундина» — странствующего рыцаря, который заблудился в заколдованном лесу. «Ундина» вышла в Германии в 1811 г. и сразу стала очень популярной и в России. Русский перевод А. И. Дельвига был опубликован в 1831 г.; позднее сказка была переведена В. А. Жуковским. Некоторые свои произведения писатель печатал под псевдонимом «Pellegrine» (итал.: странник, паломник, пилигрим).

³ Павлицева Луиза Матвеевна, урожд. Зейдфельд. — мать Н. И. Павлицева, в то время жила в г. Новомосковске Екатеринославской губ. Письма сына к ней частично опубликованы В. Враской — ЛН. Т. 16—18. М., 1934. С. 771—802.

⁴ Речь идет не только об официально принятой перлюстрации писем, но и о любопытстве почтовых чиновников. Последнее было весьма распространенным явлением в России. Так, С. М. Дельвиг в начале 1830-х гг. призывала к осторожности А. И. Дельвига, ибо «почтмейстер читал из любопытства все письма, получаемые в Кирсановском конторе <...> Недавно прнехала к нему его дочь, воспитывавшаяся в каком-то институте, которую он заставляет переводить французские письма, так что и

* Несколько слов неразборчиво.

французский язык с некоторого времени не помогает сохранению содержания писем в тайне» (Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания. М.; Л., 1930. Т. I. С. 253).

⁵ Павлищев Павел Иванович (1795—14 VIII 1863) — старший брат Н. И. Павлищева, участник Отечественной войны, полковник л.-гв. Конно-егерского полка, с 1833 г. командир Каргопольского драгунского полка, впоследствии — генерал-лейтенант.

⁶ Барон Жерамб Эдуард Фердинандович — штабс-капитан, сослуживец П. И. Павлищева по л.-гв. Конно-егерскому полку. Вероятно, сын барона Франсуа Фердинанда де Жерамба (1772—1848) — французского политического деятеля, генерал-прокурора ордена траппистов; при Наполеоне он эмигрировал из Франции, бывал в России — см. об этом: Тургенев А. И. Хроника русского. Дневники. (1825—1826 гг.). М.; Л., 1964. С. 92.

⁷ Дмитриев Д. И.

⁸ Жанно — собачка Ольги Сергеевны.

⁹ Кокошкин Сергей Александрович (1785—11 VIII 1861) — генерал-майор, петербургский обер-полицеймейстер, в обязанности которого

входило в том числе и разрешение споров между домовладельцами и их жильцами.

¹⁰ Холерная эпидемия, появившаяся в России в начале лета 1830 г. в Астраханской губ., к началу 1831 г. достигла Виленской губ., в марте — Минской и Гродненской, в апреле — Белостокской области и Царства Польского. По свидетельству А. Х. Бенкендорфа, холера нанесла значительный урон русской армии (РС. 1896, № 10. С. 85). Если верить врачам, всякую скоропостижную кончину приписывавшим тогда холере, жертвами этой болезни стали главнокомандующий русской армии фельдмаршал И. И. Дибич-Забалканский и цесаревич Константин.

¹¹ Петр, Петрушка — сын болдинского управителя М. И. Калашникова, крепостной Пушкиных. С 1828 г. был в услужении у О. С. Павлищевой.

¹² Вишневский Николай Гаврилович (ум. 1866) и его жена Прасковья Федотовна (ум. 1867) — близкие друзья О. С. Павлищевой. Сестра Н. Г. Вишневского — Прасковья Гавриловна — была замужем за В. Н. Лермантовым. Подробнее о семье Вишневских см. т. 1 наст. изд.

5

9 мая 1831 г. [Петербург]

Отправив письмо Маркову, я через несколько часов получила два ваших вместе, мой друг, как и деньги, которые вы отправили мне в первом, — 400 рублей. Поскольку у меня нет в них недостатка и есть еще 400 рублей, я к ним не притронуась и употребляю их, чтобы уплатить вашему портному и г. Борзенкову¹, и тогда вам останется отправить только 240, чтобы погасить весь долг; пока я передаю им ваши письма, хотя и решила вскоре им заплатить. Бог мой, как нелеп ваш г. Фурман с его трусостью. По многим причинам я предпочла бы знать, что вы в Белостоке, — и переписка наша не сможет больше продолжаться, как я уже надеялась!.. Это невыносимо.

Почему вы пишете мне, мой друг, о письме Семену Исакочу², которое я должна спрятать или сжечь и которое мне, однако, не отправляете? Если вы написали ему другим путем, я очень сердита на вас, мне очень любопытно было бы знать его содержание, но, впрочем, я думаю, что, если вы по здравом размышлении не написали ему, вы не совсем не правы: это ни к чему бы не привело, а только, возможно, возбудило бы его месть и превратило его грубую любовь ко мне в нескончаемую ненависть; в таком случае ему ничего бы не стоило повредить нам

обоим. Ради Бога, милый друг, не пишите ему до вашего возвращения, я в самом деле этого опасуюсь. Ах, если бы вы знали, как он стал мне отвратителен! Не желая делать шума и расстраивать отца, который все принимает близко к сердцу, я ни слова не сказала и матери, и, разумеется, его принимают у родителей, как обычно. Поэтому я встречаю его даже чаще, чем предполагала, настолько он бесстыден. Я надеялась, что он постарается избежать моего присутствия, но напротив: он не упускает случая увидеть меня. Вчера он напугал меня ужасным образом, явившись вдруг прямо передо мной на улице и предложив проводить меня. К счастью, со мной оказался лакей, и он устыдился его, когда я ему сказала как можно громче и вся дрожа: не беспокойтесь, сделайте милость, оставьте меня в покое. — Как я сердита, что вы не получили два моих первых письма: там я описала все подробности этой прелестной истории, — как он начал умножать свои визиты, свидания, мелкие услуги и проч., а я все не обращала на это внимания, не придавая никакого значения, — настолько я была далека от мысли, что это может кончиться таким образом. Я продолжала видеться с ним и принимать его, как дядю и как родственника, как и прежде. Судите же сами о моем удивлении, когда он объясняется мне в любви самым патетическим образом и, сам не свой, клянется, что обожает меня уже много лет и что его любовь только усиливается, что никто не может любить меня, как он, *а вы, вы холодны, не умели меня оценить, и проч. и проч.*, словом, все, что говорят в этих случаях, лоя меня за руки и покрывая их поцелуями, с горящим взглядом, красный будто Диван, — так что мне показалось, что передо мной дьявол во плоти, хотя не *соблазнитель*, поверьте, ибо, по правде говоря, не надобно добродетели, чтобы сопротивляться подобному предмету. Тем не менее так я была поражена, что сперва оставалась без слов и без движения, но затем пришла очередь моему красноречию, и я, может быть, превзошла его, потому что, пристыженный и подавленный (или только делая вид), он удалился, опустив голову, после того как дал слово не появляться больше *без моего разрешения*. Назавтра, проведя вечер у Лермантовых, я узнаю, что их милость изволили заходить около 8 часов, и через пять минут — он снова передо мной, весь подавленный, дрожащий, с опущенной головой; было уже больше 10 часов. Я приняла его, как вы можете представить, — хуже чем незваного гостя, — я притворилась, что думаю, будто он за четырьмя рублями, что я проиграла ему в вист, и выставила его таким образом через три минуты. Назавтра я получаю запечатанное письмо, в две страницы, с раскаянием, половина по-русски, половина по-французски, — где он объясняет, что признает свою вину, что я жестоко обошлась с ним, но он чувствует, что того достоин; среди прочего фраза по-французски: *«Я не знаю, сумели ли вы скрыть этот несчастный визит, который так вас возмутил, от ваших родителей. Я самый несчастный из людей, ваши родители возненавидят меня, и я потеряю последнее прибежище, где могу видеть вас. Сударыня, сжальтесь надо мной, не отнимайте его у меня, хотя я этого достоин»*. Это слово в слово, по-видимому, он выучил французский, чтобы пожаловаться мне и тронуть мое сердце. Я раздумывала некоторое время, но так как

письмо показалось мне любезнее, чем его заявление, я отвечала, что прошу его, потому что хотела видеть его раскаяние. Все это в двух или трех строчках, без подписи. В тот же день я встретила его у родителей и сделала вид, что не сержусь больше. Через два дня он явился ко мне; я его приняла, он снова попросил прощения; я сказала: *«Оставьте это, я вам сказала, что я больше не сердита.*

Если я и сержусь, то на себя саму: я забыла ваш пол, я видела в вас только дядю, и, возможно, это по моей вине вы забылись настолько, позволили себе подобные заявления; забудьте об этом». Нам подали чай в маленьком кабинете. Я читала вслух газету, потом вашу тетрадь с Манцони, чтобы найти ошибки переписчика. В конце концов это надоело ему, он потерял терпение и сказал мне: *«Полноте читать, поговорите со мной»*, вздыхая, *«взгляните на меня... дайте мне вашу ручку...»* *«Семен Исакоч, что вы! опять за то же? зачем же письмо, которое мне вы писали? — вы с ума сошли?»* Ах, это так... я сошел с ума, но как не сойти, рядом с вами,— это по-французски,— и при этом он поворачивает лампу и тушит ее. Я закричала Наталью, которая, по счастью, была рядом. Я сказала: *«С. Ис. нечаянно погасил лампу. Огню!»* Две минуты он оставлял меня в этом заблуж-

С. И. Ганнибал.

Портрет работы неизв. художника. 1830-е гг.

дении, *«что нечаянно»*, но потом, вне себя, кидается к моим ногам и роняет голову мне на колени. Я поднимаюсь, он заключает меня в свои объятия, сжимает меня и целует меня в щеку, потому что, *potà bene*, он не мог по-другому. Я кричу из всех сил горничную и говорю ей, взволнованно: *«Травка, скорее!»* и выгоняю его: *«Уходите сейчас и больше не появляйтесь, никогда, никогда больше»*. И что же вы думаете? Назавтра он возвращается, послезавтра опять, и каждый день до Пасхи; ему каждый раз отказывают, не докладывая мне, но он не смущается, он приходит к родителям, смеет со мной заговаривать, на Пасху прислал мне цветы, когда я еще спала; я отправляю их родителям, он видит их и по-прежнему продолжает напоминать мне о себе. Сегодня он прислал ко мне поздравить с

вашими именинами, какая свинья! Но довольно об этом, я даже слишком много написала о нем, но, ради Бога, дорогой мой, оставьте его или же предоставьте ваше письмо мне, я вручу ему в собственные руки, даю вам слово, я передам его. Вчера он так напугал меня, когда подстерег меня и вдруг появился, что я проплакала весь вечер, так были расстроены мои нервы. Я плакала, когда писала вам. Кстати, Маркову лучше; он взялся скоро отправить вам письмо. Это славный мальчик, что же до Дурасова — этот ваш друг несколько холоден, не будь сказано вам в обиду; я пошлю ему ваше письмо. Я надеюсь, что вы получите то, которое я написала вам вчера на имя г-жи Жандр. Я не очень помню, что писала в нем, — вы его, может быть, не получите. Мой милый друг, ваша идея увидеть меня рядом с вами в Гродно — совершенная химера. Кроме того, что надобно деньги и деньги и что мне невозможно получить их, — как мне отправиться одной в такую пустынную и враждебную страну, где свирепствует холера, — хотя это и ничего не значит в моих глазах; но мне не позволят: я слишком зависима от родителей, теперь, когда я одна, и потом — ради чего? это только стеснит вас, если я стану следовать за вами всюду. Что же до ваших надежд приехать летом, мне ясно было и я говорила вам, что это пустяки. Не нужно быть волшебником, чтобы это понять, и я без того вам предскажу, что раньше зимы вы не сможете приехать, и если вы получите на время ваш отпуск, то приедете увидеться со мной, а не забрать с собой, потому что с вашей должностью еще ничего не будет решено. Вы это увидите сами, но надеюсь, что не упустите возможности приехать увидеться со мной по крайней мере, мой дорогой. Ведь вы приедете, хотя бы зимой; пока я предполагаю, что поеду в псковскую деревню³, но после — уже не знаю, где буду жить; думаю, что родители ничего так не хотят, как поселить меня в одном доме с ними, и предложат это сразу, как только выйдет срок найма моей квартиры; они не сохраняют свою квартиру, и, я думаю, именно для того, чтобы поселить меня с собою вместе.

Вы пишете, что у вас холодная погода; здесь нынешним летом, совершенно напротив, уже много дней лето, и апрель был чудесный. Я много гуляю, это помогает мне, но выезжаю мало; по правде сказать, из моих знакомых вижу чаще всего только Лермантовых и Вишневицких; правда, на днях была в театре: я наняла ложу пополам с г-жой Фурман; и еще я была у них в деревне, которая великолепна, — и теперь собираюсь отправиться туда в паломничество. Волковы⁴ останутся в Ораниенбауме, и так как воспоминание о нем очень для меня тягостно⁵, я объяснила им, что не стану к ним ездить. Аннет Паскевич⁶ тоже поселится там, как и г.<?> Жадимеровский и почти вся его семья⁷. Талызины⁸ снова поедут на Крестовской. Все они поручают передать вам тысячу поклонов, что же касается баронессы Дельвиг, поделюсь с вами маленькой сплетней на ее счет: говорят, будто пропавшие деньги просто потрачены, и она это прекрасно знает. Она пустила этот слух, чтобы обмануть отца, но он не поддался на обман и написал ей об этом⁹. Я видела ее только два раза с вашего отъезда; она не любит принимать у себя — женщин, разумеется, — но проводит все время со своим кузеном (Сапуном)¹⁰ и с

Сомовым, и видели еще, как она кокетничала в церкви с Резимоном¹¹. Кстати: мадам Керн¹² была у меня три раза, и я от этого не в восторге. Она кланяется нам тысячу раз.

Помета Н. И. Павлищева: Минск, 23 мая, на адрес Колзакова¹³.

¹ Вероятно, наборщик или переплетчик, упоминаемые в письме З.

² Письмо Н. И. Павлищева к С. И. Ганнибалу было получено Ольгой Сергеевной позже.

³ Родовое поместье Н. О. Пушкиной Михайловское, в Псковской губ.

⁴ А. Ф. Волков и его жена.

⁵ Воспоминание об Ораниенбауме было тягостно для Ольги Сергеевны, так как она жила там на даче Кастевич летом и осенью 1829 г., когда была очень больна. Дачу в Ораниенбауме для сестры снял А. С. Пушкин.

⁶ Паскевич Анна В. (Аннет) — петербургская приятельница О. С. Павлищевой — см. т. I наст. изд.

⁷ Жадимеровские — семья Марьи Ивановны Жадимеровской, урожд. Маркеловой (1795—1845), — о них см. т. I наст. изд.; предположение Л. Л. Слонимской о том, что М. И. Жадимеровская была женой известного в пушкинистике петербургского домовладельца П. А. Жадимеровского, противоречит сведениям Л. А. Черейского о том, что жену последнего звали Елизавета Степановна. — Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 154.

⁸ Талызины — дети Д. М. и Е. И. Талызиных, пасынки П. А. Мансурова: Иван, Татьяна, Анна, Прасковья и Наталья. О сестрах Талызиных, приятельницах О. С. Павлищевой, и их отчине см. т. I наст. изд.

⁹ Речь идет о деньгах, пропавших после смерти А. А. Дельвига. Об этом писал П. А. Плетнев к А. С. Пушкину 22 февраля 1831 г.: «Здоровье баронессы ни хорошо, ни худо. В делах ее денежных вышла очень худая притча. Бог знает как, кто и когда успел утратить из их портфель ломбардных билетов на 54 тысячи. Сколько ни старались открыть, даже следов не видно. Это тем непонятнее, что все другие бумаги найдены по смерти Дельвига в чрезвычайном порядке, с удивительною отчетливостью; а пропавшие билеты находились между этими же бумагами». (XIV. 578; ср. также: Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. С. 176—179). Версия о том, что эти деньги были потрачены ранее, принадлежит отцу

С. М. Дельвиг Михаилу Александровичу Салтыкову. Об этом свидетельствует настоящее письмо, а также указания А. И. Дельвига: «М. А. Салтыков, очень скупой, в сильных выражениях обвинял покойного Дельвига в том, что он истратил эти деньги, а если не истратил, то все же не умел сберечь» (там же).

¹⁰ Вероятно, «Сапуном» Ольга Сергеевна называет Андрея Ивановича Дельвига (13 III 1813—20 I 1887) — двоюродного брата поэта А. А. Дельвига, воспитанника Петербургского института инженеров путей сообщения, впоследствии инженер-генерала, сенатора, автора воспоминаний, цитированных выше. В конце 1820-х — начале 1830-х гг. он постоянно бывал в доме Дельвига.

¹¹ Один из двух Резимонов, служивших в Институте инженеров путей сообщения, — генерал-майор Иван Степанович Резимон или профессор Альфонс Иванович. Ирония О. С. Павлищевой по поводу поведения вдовы Дельвига вызвано тем, что Софья Михайловна хотя искренне переживала внезапную смерть мужа, однако, легкомысленная по природе, искала утешения в обществе своих поклонников. Известно, что два месяца спустя после того, как она овдовела, с предложением руки и сердца стел возможным обратиться к ней М. Л. Яковлев, а затем С. А. Баратынский.

¹² Керн Анна Петровна, урожд. Полторацкая (11 II 1800—27 II 1879), — племянница П. А. Осиповой по первому мужу (Н. И. Вульф). Конец 1820-х — начало 1830-х гг. — период наиболее интенсивного общения А. П. Керн с Пушкиным и кружком Дельвига. В 1828 г. А. П. Керн вместе с А. С. Пушкиным встречала на квартире Дельвигов обвенчавшихся О. С. и Н. И. Павлищевых и благословила их от имени Н. О. Пушкиной. После смерти Дельвига связи А. П. Керн с кружком ослабли, но Пушкины по-прежнему оставались близкими ей людьми.

¹³ Колзаков Павел Андреевич (18 VII 1779—1 IX 1864) — вице-адмирал, с конца 1830 г. — командант Главной квартиры действующей армии в Польше, чем и вызвано отправление письма на его имя; женат на родственнице П. А. Осиповой, А. И. Бегичевой (ум. 1879).

17 мая 1831 [Петербург]

Никогда я так не грустила о вашем отъезде, как сейчас, мой дорогой друг! Дай Бог, чтобы не ужасными предчувствиями была вызвана эта печаль, а мне, однако, показалось, когда я получила два ваши письма, что это именно так; я думала только об удовольствии, которое они мне доставят, и забвение — и о вашем отсутствии, и о неприятностях, которые вы испытываете, и об опасности, которой подвергаетесь в глубине враждебной и зачумленной страны, — это забвение продлилось только два дня, и теперь, когда я уже не перечитываю ваши письма и думаю о том, что вы писали мне последний раз больше двух недель назад, сердце у меня сжимается. Ах! зачем вы так поспешили с отъездом! Вообразите, что это место консула в Генуе, о котором вы просили, теперь *вакантно*¹. Г-ну Габбе предложили такую же должность на Сире, но он не хочет и ищет замену себе среди своих коллег². Вчера я узнала это от г. Генади³, который сперва подумал о вас; он принял бы его сам, но дела вынудили его оставить службу, и завтра он уезжает в Москву; он говорит, что эта должность будет давать не меньше пятнадцати тысяч в год, если не двадцать; это один из самых коммерческих городов. Боже мой, как это меня огорчает, я едва не плачу! До сих пор мы пробыли бы вместе, а затем уехали вместе в теплый климат; теперь я не знаю, соединимся ли мы когда-нибудь, есть ли еще способ, — его уже нет! Вот что значит поспешность! С таким характером вы никогда не преуспеете в ваших предприятиях, если только ваша цель — не в том, чтобы заболеть холерой или быть убитым какими-нибудь поляками. Не сердитесь, друг мой, на меня, за то, что я пишу так, это потому, что я действительно не могу простить вам, что вы упустили надежное место ради такого, которое лишено всякого здравого смысла и даже еще не существует. Вы спрашиваете меня, что я собираюсь делать, — я еще ничего не знаю; между нами, мне нисколько не хочется ехать в деревню, и однако, я буду вынуждена это сделать, я полагаю; родители очень этого желают, хотя не говорят мне об этом; и потом, Бог знает, поехав туда, не буду ли я вынуждена там остаться⁴.

Говорят, будто холера дошла до Нарвы, — тогда она неминуемо придет сюда, и ни за что на свете родители меня отсюда не отпустят. Что до них, то зимой они собираются ехать в Москву⁵. Я, пожалуй, хотела бы поехать с ними, потому что, конечно, я уже не надеюсь видеть вас здесь скоро, а может быть, и никогда, с вашей глупой Польшей. Пока что пишите мне по-прежнему, так часто, как возможно. Я попрошу Маркова доставлять ваши письма в деревню, а сейчас он поручает мне письмо для вас; я отправляю свои письма прямо к г. Белоусову, в Канцелярию Великого Князя⁶.

Прощайте, мой друг, у меня не хватает духу писать вам сегодня больше: мне слишком грустно; отвечайте скорее.

Я написала вам восемь дней назад два письма — одно на адрес г-жи Жандр, а другое — Колзакова.

Александр еще не приехал, его квартира в Царском снята ⁷. Лев был вынужден вернуться в Тифлис. Но г-жа Хитрова всячески интригует, чтобы скорее перевести его в эту дурацкую действующую армию ⁸. Николай Федорович *Черневский*, который — *Сергей Баратынский* ⁹, здесь и не выходит от баронессы Дельвиг, которая уверяет, будто ее отец, г. Салтыков, *хочет чтобы она поехала с ним в Москву* ¹⁰. Это умно с ее стороны, говорить так: ее отец *достаточно неглуп*, чтобы видеть ее лишь изредка. Что касается г-жи Кушелевой — бедная женщина, — дело ее близится к концу, их судят вместе, и она от этого совершенно больна, и умирает от страха, что окажется вынужденной помириться с мужем, чтобы не покидать детей на человека без чести и совести, хотя он и отец этих детей ¹¹. Прощайте, милый друг. — Я справлялась о продаже ваших романов, мне сказали, что она идет плохо ¹².

Как дела с Манцони? Еще раз, отправьте мне первую главу, переписанную на-бело, которую вы увезли, вероятно, по ошибке; я отдала бы ее в Цензуру. Прощайте. Вот письмо, которое прочитать вам будет стоить невозможных усилий, да мне все равно: это займет вас.

Ганнибал ¹³ оставил меня в покое в последние дни, мои постоянные оскорбления наконец-то остановили его. Вообразите, что, узнав, что г-жа Галафеева ¹⁴ поручила мне купить несколько книг для ее сына, он имел дерзость прислать мне их, — я, разумеется, не благодаря, — отправила их тут же обратно. Но я надеюсь, что и вы оставите его в покое; в самом деле, он не заслуживает того, чтобы ради него поднимали шум; не было бы ничего смешнее дуэли с этим африканским Адонисом. Добро бы был еще хорош собой.

Помета Н. И. Павлицева: Пултук, 13 июня 1831, в Белосток, на адрес Колзакова.

¹ По свидетельству Л. Н. Павлицева, Николай Иванович в начале 1830-х гг., находясь на службе в Коллегии иностранных дел, изучал иностранные языки и надеялся получить место при русской дипломатической миссии, однако эти планы не осуществились, и он отправился в Польшу, как только для этого представилась возможность. См.: Павлицев Л. Н. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. М., 1890. С. 46, 59, 236, 239.

² Габбе Франц Францевич — коллежский ассессор, чиновник Коллегии иностранных дел; по состоянию чинов на 2 декабря 1831 г. значится русским консулом на острове Сире (Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1832 г. Ч. 1. С. 303). Сира (Сирос) — небольшой остров в Эгейском море, расположен на пересечении важных морских путей, что придавало особое значение его порту Гермополису.

³ Геннади Николай Александрович, служил переводчиком в Канцелярии Министерства иностранных дел; отец известного библиографа Г. Н. Геннади. (РБС. Т. 21 «Гааг—Гербель». С. 391).

⁴ Сергей Львович и Надежда Осиповна Пушкины обычно проводили лето в Михайловском, но в 1831 г. из-за холеры остались на все лето в Павловске.

⁵ Поездка не состоялась, и зиму 1831/32 г. родители Ольги Сергеевны провели в Петербурге.

⁶ Речь идет о вел. кн. Михаиле Павловиче (28 I 1798—28 VIII 1849), командовавшем в то время Отдельным Гвардейским корпусом в составе действующей армии в Польше. Белоусов — вероятно, офицер штаба корпуса.

⁷ Дачу для Пушкина в Царском Селе снял по его просьбе П. А. Плетнев — дом Китаевой

на углу Колпинской ул. (теперь Пушкинская) и Кузьминской дороги (ул. Васенко).

⁸ Речь, безусловно, идет о Елизавете Михайловне Хитрово, урожд. княжне Голенищевой-Кутузовой, по первому мужу Тизенгаузен (19 IX 1783—3 V 1839),— дочери М. И. Кутузова, близком друге Пушкина. К ней в марте 1831 г. обратился Пушкин с просьбой помочь в переводе брата в Польшу. Хлопоты Е. М. Хитрово увенчались успехом, и назначение Л. С. Пушкина было подписано 20 мая того же года. Е. М. Хитрово и Л. С. Пушкин были знакомы с весны 1830 г.

⁹ Баратынский Сергей Абрамович (1807—1866) — младший брат поэта Е. А. Баратынского, врач.

¹⁰ Салтыков Михаил Александрович (10 VI 1767—6 IV 1851) — сенатор, почетный

член «Арзамаса»,— действительно, с нетерпением ожидал дочь в Москве, однако появление С. М. Дельвига вместе с Сергеем Баратынским (к тому времени уже тайно обвенчавшихся, о чем М. А. Салтыков не знал) вызвало его сильное раздражение (Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания. С. 191).

¹¹ Кушелева А. Д. О ее судебном процессе с мужем, секунд-майором л.-гв. Измайловского полка, ничего не известно.

¹² Романы Ван-дер-Вельде, переведенные Н. И. Павлищевым (см. прим. 18 к письму 1).

¹³ Ганнибал С. И.

¹⁴ Приятельница О. С. Павлищевой Адель Галафеева (ум. до 1850), жена А. В. Галафеева, хорошего знакомого Н. О. и С. Л. Пушкиных.

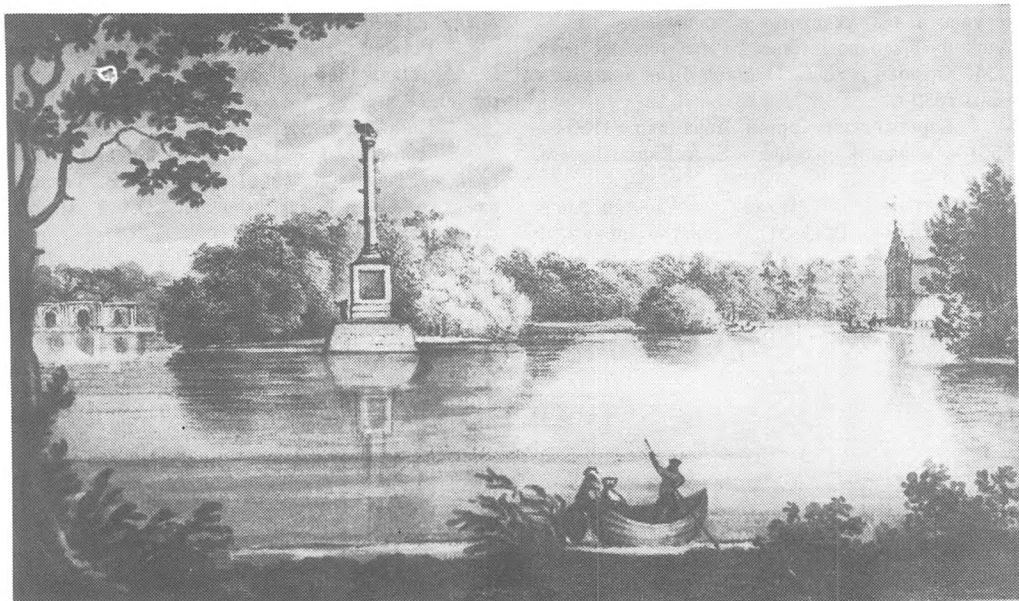
7

4 июня 1831. [Петербург]

Ваше письмо пришло очень кстати, успокоив мои волнения, мой милый друг. Я не знала, что думать о вашем молчании и в ожидании ваших новостей вам не писала. Последнее письмо я отправила в Канцелярию Великого Князя — на имя Колзакова; поскольку первое дошло до вас, надеюсь, что последнее не затеряется также; относительно французского табака, вы должны бы были получить его сто лет назад; я послала почтой на имя г-жи Жандр.

Спасибо, дорогой друг, миллион раз спасибо за вашу точность; я вижу, что только почте должна адресовать свои претензии, когда от вас нет вестей, и потом г. Альбрехт, который брал на себя труд пересылать мне ваши письма, уехал в деревню; может быть, они найдутся в Канцелярии, — о чем я постараюсь узнать. Как невыносимо ваше временное правление! Я была права, когда так расстраивалась. Бог знает, на сколько времени мы разлучены; теперь, конечно, никаким образом вы не сможете получить отпуск и приехать, прежде чем прослужите некоторое время. Ах! как я бываю иногда сердита на вашу поспешность! Я писала вам, что место, которого вы просили на Сире, вакантно; что его предлагали г. Габбе, который отказался и ищет кого-нибудь для замены; если бы вам было возможно! Но нет, что сделано, то сделано, ничего нельзя изменить, остается только надеяться!... да много ли это?

Теперь сообщу вам, что брат мой и его жена приехали устраиваться здесь и пока проведут лето в Царском Селе. Они очень приглашают меня поселиться с ними, до вашего возвращения; но, так как срок квартиры еще не вышел, я употреблю это время, чтобы подумать об этом и посмотреть немного, как они станут жить. Они обожают друг друга; моя невестка¹ совершенно очаровательна, красавица и умница, и при всем том еще ребенок. Что до Льва, то он переведен в действующую армию и вскоре должен будет явиться в полк²; надеюсь, что до этого времени война будет кончена, — уже пора.

Царское Село. Чесменская колонна на Большом пруду.
Литография. 1820-е гг.

Ваше письмо принес мне Марков, как и деньги, которые он был должен вам и которые мне очень совестно было у него брать; кажется, он стеснен в средствах после его серьезной болезни: врачи и лекарства наделали ему хлопот, он очень жаловался, бедный! Он такой славный малый! Прилагаю письмо от него... Бог знает, получите ли вы этот пакет: почта отвратительна; вообразите, что не раньше чем вчера я получила ваше письмо от 14 апреля, а на завтра — от 15 мая, так что уже три дня утешаюсь их чтением; это всегда много значит для меня. Будьте уверены в моей искренней привязанности; она была, может быть, единственной причиной — во время моей болезни — вспышек отчаяния, которые случались со мной только когда мне казалось, что вы остыли ко мне, несмотря на то что говорит брат Александр. Видя изменение моего характера, который всегда был необычайно мягкий, он утверждал, будто у меня начинается сумасшествие. Правда, что причиной тому во многом были мои расстроенные нервы, я чувствую это теперь; с тех пор как мне стало лучше, другим стало легче со мной и сама я больше люблю всех, за исклю-

чением милого дядюшки³, которого, замечу в скобках, я видела сегодня у родителей и с которым не осмелилась поговорить и, естественно, вручить вашу записку. Оставим его в покое, — я думаю, что это будет даже лучше с вашей стороны; я не сказала ему, что жаловалась вам, это могло бы навлечь на нас бесконечные неприятности. Теперь нет уже ничего, что я бы не могла от него ожидать, и мысль, что ему придет в голову отомстить мне, отнимает у меня желание делиться с ним вашим посланием; впрочем, как вам будет угодно, мой добрый друг, но, ради всего святого, не отнимайте у меня надежду увидеться с вами осенью. Если в сентябре вам будет возможно взять на какое-то время отпуск — хотя бы на четыре недели — как я была бы счастлива, но приезжайте сюда, в Петербург; если я поеду в деревню, то не хотела бы оставаться так же долго, как в прошлом году, и потом, я опасаясь карантинных; говорят, что город будет окружен, а пока холера во Пскове или рядом, я не хотела бы быть в плену в Михайловском, если болезнь придет сюда⁴.

Прощайте, мой милый друг, в следующий раз я напишу больше. Мне всегда кажется, что письмо до вас не дойдет. Как смеются над вашим временным правлением! А я возненавижу его, если вы не приедете осенью⁵. Ваш верный друг

Ольга.

Лев в Тифлисе, но он перешел в действующую армию и присоединится к полку. Говорят, что баронесса Дельвиг выходит замуж⁶; угадajte за кого? А Эфрозин Вульф вышла за барона Вревского⁷.

Будьте уверены, мой друг, в моей живой привязанности, думайте о том, что с тех пор, как я принадлежу вам, все мое счастье зависит только от вас и что вдали от вас я не смогу быть счастлива, ни даже спокойна. Ах! верьте, что я люблю вас так, как только могу, и что мое единственное желание — доказать вам это, заставить вас забыть тягости, которые я причинила вам во время болезни. Прощайте, милый друг, будьте здоровы. <Приписка>: Не оставляйте меня и возвращайтесь, Бога ради.

На обороте: В Минск. Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлицеву. Находящемуся при Господине Председателе Временного Правления Царства Польского Действительном Тайным Советнике Енгеле. *Пометы почтовые:* Чрез Брест в Интендантстве действующей армии. Минск, 14 июня. *Помета Н. И. Павлицева:* Варшава, 2 сентября.

¹ Пушкина Н. Н.

² Л. С. Пушкин был переведен в Финляндский драгунский полк (см. выше). Известие об этом он получил уже на Кавказе.

³ Ганнибал С. И.

⁴ На карантин в качестве противоэпидемической меры возлагались особые надежды. Несмотря на большие трудности, возникав-

шие при передвижении по дорогам с большим количеством застав и карантинных. Николай I 23 августа 1830 г. наложил резолюцию на доклад Кабинета министров: «Я уже прежде заметил, что вовсе не принимать карантинных мер я не могу согласиться: ибо нет никакого сомнения, что болезнь сия сообщается чрез зараженный воздух; поэтому пропуск больных людей или

имеющих в себе зародыш сей болезни, хотя еще не открывшейся в нем, опасен не чрез прикосновение к нему, но чрез дыхание при разговорах. <...> Стало, оцеплять зараженные места или прекращать с ними сообщение необходимо <...>» (РА. 1888. III. С. 395). В дальнейшем О. С. Павлищева называет карантинами как обсервационные заставы, которые располагались на главных дорогах и предполагали 10—14-дневное пребывание в специально отведенных домах, так и военные кордоны, которые просто препятствовали проезду и располагались, как правило, на границах губерний. В качестве заградительных мер применялось также снятие мостов и уничтожение перевозов (см.: Остроглазов В. Холера в Москве в 1830 году // РА. 1893. III. С. 98).

⁵ Русское общество было недовольно затянувшейся войной в Польше. Нерешительные действия главнокомандующего русской армией генерал-фельдмаршала И. И. Дибича-Забалканского (даже после побед под Прагой 13 февраля и под Остроленкой 14 мая) вызывали непонимание и раздражение. Д. В. Давыдов позднее утверждал, что «единственным виновником продолжения войны был сам генерал-фельдмар-

шал граф Дибич-Забалканский, главнокомандующий нашею армиею. <...> Вот тот, кому Россия обязана семимесячной отсрочкой в покорении Царства Польского, отсрочкою в глазах ее порицателей столь предосудительной государству, употребившему не более времени, чтобы победить самого Наполеона и его европейскую армию; но повторяю, корень зла скрывается не в русском войске, а в личности самого Дибича» (Давыдов Д. В. Соч. Т. 2. СПб., 1893. С. 244, 251). Назначение на пост главнокомандующего (после получения известия о смерти от холеры И. И. Дибича) И. Ф. Паскевича 4 июня 1831 г. ускорило ход военных действий и поражение поляков.

⁶ О замужестве С. М. Дельвиг О. С. Павлищева могла знать только по слухам.

⁷ Вульф Евпраксия Николаевна (12 X 1809—22 III 1883) — дочь П. А. Осиповой от первого брака. 8 июля 1831 г. Е. Н. Вульф вышла замуж за барона Вревского Бориса Александровича (29 XI 1805—17 XII 1888) — побочного сына князя А. Б. Куракина. О. С. Павлищева, зная об их помолвке 28 апреля, пишет мужу о готовящейся свадьбе.

8

18 июня 1831 [Петербург]

Мой милый друг, холера объявилась здесь ¹, и, хотя я боюсь ее не больше, чем моего Жанно, я покидаю город как можно скорее и еду жить в Царское Село. Меня вынуждают к этому родители, ужасно раздражает меня суэта переезда, но нет никакой возможности этого избежать. Тем временем все вокруг кричат, плачут, сердятся, а Александр взялся бранить меня за то, что я собиралась остаться еще на некоторое время ². Но все это — как им будет угодно, я не сделаю двух шагов дальше Царского Села. Боюсь оказаться пленницей в Михайловском, тогда как столько же вещи здесь требуют моего присутствия — *ничтожные, если пересчитать их по одной,* — и *важные, если рассматривать их влияние на мои дела в целом,* и потом, несмотря на то, что ваша надежда соединиться со мной вскоре невелика, может быть, какие-нибудь непредвиденные обстоятельства позволят вам приехать сюда, хоть не несколько дней, — а если я узнаю, что вы в Петербурге, находясь сама в четырехстах верстах, я буду в отчаянии, мой милый друг. Я писала вам на главную квартиру через Б. ³, и это второе письмо я отправляю также через него. Надеюсь, что те, которые я адресовала вам в Минск и Гродно, найдут вас. — О

французском табаке не знаю, что и думать: я посылала его два месяца назад на имя г-жи Жандр; говорят, что все посылки теряются и даже деньги не доходят больше из вашей прелестной страны, черт бы ее побрал! Мне опять хочется побранить вас за поспешность, я вижу, что вы рисуете себе прекрасную картину главной Квартире и образа жизни, который будете там вести. Но спокойно оставаться здесь и получить место консула — насколько лучше было бы для нашего общего блага, ибо я надеюсь, что вы не такой эгоист, чтобы не думать обо мне вовсе — обо мне, которая оказалась в таком двусмысленном положении, особенно теперь. Прощайте, у меня нет времени писать вам более, и потом, голова у меня идет кругом от всех приготовлений, которые еще надо сделать. Я послала к Дурасову просить его зайти ко мне и поручу ему мои дела. Родители бегут сегодня, по своей трусости; они едут сначала в Царское, а потом дальше — если все же холера не во Пскове ⁴.

Прощайте. Я получила письмо от вашей матери ⁵; она чувствует себя хорошо и спрашивает новостей от вас. Вот это письмо, посылаю его вам. Как здоровье вашего брата ⁶ и барона Жерамба?

Помета Н. И. Павлицева: На пути из Нешавы в Брест, 15 июля.

¹ Первые случаи заболевания холерой в Петербурге были отмечены в начале июня 1831 г., официальное объявление генерал-губернатора графа П. А. Эссена было опубликовано 20-го числа («Северная пчела», № 136). Одновременно был предпринят ряд мер, опробованных во время вспышки холеры в Москве: город был окружен еще более плотным кольцом кордонов и карантинных, был образован особый комитет под председательством графа Эссена. В каждой из 13 частей Петербурга были назначены попечители и началось устройство больниц. В «Кратком наставлении к распознаванию признаков холеры, предохранения от оной и средства при первоначальном ее лечении» давался ряд трудно-выполнимых советов: «запрещается пить воду нечистую, пиво и квас молодой», «запрещается жить в жилищах тесных, нечистых, сырых», «запрещается предаваться гневу, страху, утомлению, унынию и беспокойству духа», «запрещается выходить из дому, не омывши все тело или, по крайней мере, руки, виски и за ушами раствором хлористой соды или извести или простым вином, смешанным пополам с деревянным маслом» и проч. В «Положении Санкт-Петербургского Комитета, составленного под председательством генерал-губернатора для принятия мер

против распространения холеры в здешней столице», в частности, предписывалось принимать меры «к ограждению самого дома, в котором был обнаружен больной холерой», а самого больного в обязательном порядке доставляли в больницу. Подобные меры вызывали недовольство населения и во многом послужили причиной волнений простого народа. 25 июня распоряжением генерал-губернатора больным было разрешено «оставаться для лечения дома».

² Скептическое отношение к заразности холеры не было столь редким, как это можно представить по позднейшим мемуарам. Любопытно в связи с этим письмо П. А. Осиповой к А. С. Пушкину от 19 июля 1831 г. из Тригорского: «Вообще, по-видимому, большую смертность следует приписать неумению лечить эту болезнь и ее быстрому течению, а не ее заразительности. Это болезнь повальная, а не зараза.» (XIV, 635; ориг. по-фр.). М. Н. Макаров, описывая обстоятельства смерти В. Л. Пушкина, писал: «Александр Сергеевич уверял, что холера не имеет прилипчивости, и, отнесясь ко мне, спросил: „Да не боитесь ли и вы холеры?“ Я отвечал, что боялся бы, но этой болезни еще не понимаю. — „Не мудрено, вы служите подле медиков. Знаете ли, что даже и медики не скоро

поймут холеру. Тут все лекарства один *coupage*, *coupage* * и больше ничего". Я указал ему на словесное мнение Ф. А. Гильтебранта, который почти то же говорил. — „О, да! Гильтебрантов немного“, — заметил Пушкин. <...> Пушкинское магическое слово *coupage*, *coupage* спасло многих от холеры» (Современник. 1843, т. 29. С. 384). Пушкин бранит сестру за то, что она не хочет уезжать, как он бранил год назад свою невесту за то, что она осталась в холерной Москве, и это легко объяснимо: он оберегает других, но для се-

бя считает недостойным выказать малейший страх перед болезнью.

³ Вероятно, Белоусов — см. письмо б.

⁴ Н. О. и С. Л. Пушкины переехали в Павловск 18—19 июня и провели все холерное лето на даче Флейшмана. Ольга Сергеевна, задержавшаяся в столице, оказалась отрезанной от родителей карантинными, установленными 19—20 июня.

⁵ Павлицева Л. М.

⁶ Павлицев П. И.

9

3 июля 1831 [Петербург]

Я все еще в Петербурге, мой милый друг, но не по своей воле. Я писала вам, что родители, слышав о холере, сложили вещи, упаковались и бежали меньше чем за сутки; мне ни физически, ни морально невозможно было последовать их примеру. Однако я рассчитывала догнать их в Царском через два дня, но назавтра после их отъезда город окружили, а карантин поставили в Пулково. До сих пор у меня не хватало смелости туда явиться; он пугает меня больше, чем все возможные болезни и смерти¹. 10 дней заключения, когда вы заперты вместе с грязной деревенщиной, где вас орошают гадким хлором так, что можно задохнуться, и придираются как только могут, — к тому же меня, худую и бледную, точно как и Петра², который не многим лучше, примут за зачумленных, и Бог знает, не положат ли вместе в больницу. Я предпочитаю спокойно умереть здесь, от холеры или от яда³. Впрочем, говорят, что все карантинны скоро снимут; тогда я, не задерживаясь, отправлюсь в Павловск. Родители наняли там прелестный дом на все лето⁴. Они отказались от Михайловского, чему я чрезвычайно рада. Если бы вы были здесь, мой друг, вы стали бы, как и я, свидетелем всех прелестей здешней жизни — бунтов, отравлений, огромной смертности. В моем доме одна женщина и старик Рост⁵ умерли от холеры, или якобы от нее. Г. Вельт не будет больше наносить мне нескромных визитов, так же как и г-жа его мать. Но народ — просто ужасно, насколько стало меньше людей; все в отчаянии; и есть от чего; полиция *отвратительна*, врачи невежества беспримерного; пьяных принимали за больных, арестовывали, доводили их до смерти⁶. Если верить всему, что рассказывают, волосы встают дыбом от ужаса; уверяю вас, что я не придумываю, а только прислушиваюсь к тому, что говорят. Я сама была свидетельницей многих *неверо-*

* Храбрость, смелость (франц.).

ятных вещей. И газета, и полиция приводят меня в ярость. В другой раз опишу все подробно, а сейчас нет достаточно времени ⁷.

Спасибо за ваше письмо, мой друг, я ждала его более одиннадцати дней, так как Лермантов ⁸ написал, что видел вас в Пултуске. Похоже (если, однако, вы говорите правду, при всем моем к вам уважении), что два ваших письма пропали.

Петербург. Сенная площадь. Литография А. Брюллова. 1820-е гг.

Но я утешена, милый друг: то, которое я теперь получила, доставило мне слишком большую радость, чтобы еще думать о вашем молчании. Постарайтесь закончить эту дурацкую войну как можно скорее и возвращайтесь, и уедем куда-нибудь отсюда,— то есть поспрощаемся с дорогой отчизной. Она начинает быть отвратительной. Это слово, может быть, покажется вам слишком сильным, но это от того, что у меня сегодня «микроскопический» день, вы должны заметить это по каракулям, которые зададут вам немало труда. Кланяйтесь вашему брату ⁹, барону Жерамбу также,— я очень рада, что вы среди знакомых. Что касается меня, все мои знакомые сбежали, но все же остались некоторые на островах, куда я езжу время от времени, и даже провела там около недели ¹⁰. Здесь у меня остались г-жа Пушкина, бывшая Энигс ¹¹, г-жа Кушелева, которую я уже почти не вижу, Ивеличи ¹², с которыми вижу время от времени, и, кстати, Г<рафиня> Меллин ¹³, которая была у меня вместе с г-жой Ховен ¹⁴. Что касается Лерманто-

вых¹⁵ — нет возможности их видеть: они закрыты по Высочайшему Повелению и с ними нельзя иметь никакого сообщения¹⁶. — Вы плохо поступили, отправив им деньги; почему не Дурасову? Прощайте, дорогой мой, я жду лакея, который должен решить мою судьбу: если карантин снят — я уезжаю завтра, если нет — остаюсь умирать либо погибать от холеры или яда.

Лев перешел в действующую армию, в Финляндский драгунский полк. Его последнее письмо — от первого июня, он не знал еще, как решится его судьба; в эту минуту он должен быть в дороге. Да сохранит его Господь и спасет, если сможет, от войны, которая глупа, глупа. Не знаю, как <нрзб>. Возвращайтесь, дорогой мой, сразу же после этой войны. А не то, того и смотрю, что ты женишься.

Помета Н. И. Павлицева: Нешава, 12 июля.

¹ Заградительные кордоны были расположены вокруг Петербурга, особенное внимание уделялось дороге на Царское Село (на которой возле Пулкова располагался самый строгий карантин), так как в Царское Село должна была переехать царская семья. Помимо двухнедельного обязательного карантина в специально отведенных для этого домах, важное значение придавалось окуливанию серой и хлорной известью, а также протиранию или опрыскиванию дезинфицирующими растворами. Сумятица и беспорядок, царившие на карантинных заставах, отпугивали намеревающихся совершить путешествие — вот, например, описание карантина на станции Ижоры в воспоминаниях И. Р. фон-дер-Ховена: «Тысячные обозы, идущие с юга России, и множество окрестных крестьян, едущих с провизией, сеном и овсом в столицу, все были у заставы останавливаемы и окуливаемы. Вся улица на шоссе была запружена обозами. Начальства и распоряжения никакого. Можно себе представить, какой хаос царствовал на месте! Все делалось как-нибудь» (РС. 1884. Т. IV. С. 392).

² Крепостной Пушкиных.

³ Во фразе О. С. Павлицевой, возможно, отразились многочисленные слухи об отравлении колодцев, пицци и т. п., молва винила поляков (своего рода отклик на события в Царстве Польском). Ольга Сергеевна относится к этим слухам с иронией, хотя распространены они были не только среди простого народа. Графиня А. Д. Блудова писала отцу из Берлина: «Здесь носились и до сих пор носятся слухи ужасные; рассказывают, что польские и другие агенты отравливают русских, между прочим, в. к. Константина Павловича; что государь и государыня от следствий яда чахнут и слабеют. Ты можешь представить, что сначала я не верила этим слу-

хам, но их беспрестанно повторяют и столь утвердительно, что я хотя не уверилась, но была в страшном беспокойстве на их счет и страшилась за тебя, и потому спрашивала, куда ты ходишь или едешь обедать, в какие трактиры <...>» (РА. 1874. I. С. 855).

⁴ Дача Флейшмана.

⁵ Рост Лаврентий Иванович — старик, проживавший, как и Ольга Сергеевна, в доме Дмитриева, умер 22 июня 1831 г.

⁶ 20 июня А. В. Никитенко записал в своем дневнике: «В городе недовольны распоряжениями правительства; государь уехал из столицы. Члены Государственного Совета тоже почти все разъехались. На генерал-губернатора мало надеются. Лазареты устроены так, что они составляют только переходное место из дома в могилу. <...> Присмотр за больными нерадивый. Естественно, что бедные люди считают себя погибшими, лишь только заходит речь о помещении их в больницу. Между тем туда забирают без разбора больных холерою и не холерою, а иногда и просто пьяных из черни, кладут их вместе. Больные обыкновенными болезнями заражаются от холерных и умирают наравне с ними. Полиция наша, и всегда отличающаяся дерзостью и вымогательствами, вместо усердия и деятельности в эту плачевную эпоху только усугубила свои пороки. <...> Народ ропщет и, по обыкновению, верит разным нелепым слухам, как, например, будто доктора отравляют больных, будто вовсе нет холеры, но ее выдумали злонамеренные люди для своих целей, и т. п. Кричат против немцев лекарей и поляков, грозят всех их перебить» (Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. I. С. 107).

⁷ В описываемое О. С. Павлицевой время ситуация в столице была крайне напряженной.

Упомянутые выше волнения и бунты начались 21 июня. В этот воскресный день во всех церквях города совершались крестные ходы и молебны об избавлении от холеры, которые закончились около двух часов пополудни. Вскоре разгоряченная толпа окружила холерный лазарет на Песках (Пески — район Петербурга, ныне 1—8-я Советские улицы). «Толпы увеличивались, и в народе шли толки, что в лазарете мряют людей, а не лечат, что полиция хоронит живых, слышались ругательства на докторов и цирюльников» (Пупарев А. Г. Холерный месяц в С.-Петербурге // РС. 1884. Т. 4. С. 405). До прибытия конных жандармов толпа разбила несколько стекол и попыталась сломать ворота. Неподдалеку от квартиры О. С. Павлищевой, на Сенной пл., напротив холерного госпиталя, постоянно отмечалось скопление народа, вылившееся 22—23 июня в самый крупный «холерный бунт» в Петербурге. «Чернь столпилась на Сенной площади и, среди многих других бесчинств, бросилась с яростию рассвирепевшего зверя на дом, в котором была устроена временная больница. Все этажи в одну минуту наполнились этими бешеными, которые разбили окна, выбросили мебель на улицу, изранили и выкинули больных, приколотили до полусмерти больничную прислугу и самым бесчеловечным образом умертвили несколько врачей» (Император Николай I в 1830—1831 гг. Из записок А. Х. Бенкендорфа // РС. 1896. Т. 4. С. 88). Присущую ему в сложных ситуациях решительность проявил император Николай I, приехавший в Петербург и восстановивший порядок. Лаконично описал эти события А. С. Пушкин в письме к П. В. Нащокину: «Я уже писал тебе, что в П.<етер> Б.<урге> холера, и как она здесь новая гостья, то гораздо более в чести, нежели у Вас, равнодушных москвичей. На днях на Сенной был бунт в пользу ее; собралось православного народу тысяч 6, отперли больницы, кое-кого (сказывают) убили; государь сам явился на месте бунта и усмирил его. Дело обошлось без пушек, дай Бог, чтоб и без кнута. Тяжелые времена, Павел Воинович! Тело цесаревича везут; также и Дибичево» (XVI, 619).

⁸ Лермантов Александр Николаевич — прапорщик л.-гв. Егерского полка, брат В. Н. Лермантова (см. ниже).

⁹ Павлищев П. И.

¹⁰ В письмах О. С. Павлищевой встречается обобщенное название «островá» и конкретные

названия популярных мест дачного отдыха жителей столицы. Острова — Крестовский, Елагин, Каменный, отчасти Аптекарский и Петровский, — и расположенный по другую сторону Большой Невки район Черной речки стали традиционным дачным местом для тех, кто не имел поместий, в которые можно были увезти на лето семью из пыльного и душного Петербурга, или для тех, кто по делам службы или каким-то другим обстоятельствам не мог покинуть город. Большую часть Островов занимали летние резиденции известных вельмож и дачи, сдаваемые внаем. В XVIII веке богатые люди предпочитали пригородные дома преимущественно на Петергофском тракте (на пути следования императорской фамилии из Петербурга в Петергоф). «Александр I почему-то полюбил Каменноостровский дворец, проводил в нем все свободное время, и этого обстоятельства оказалось достаточно, чтобы дачная жизнь перекинулась в окрестности Каменноостровского дворца, и Каменный и Аптекарский острова оживились и стали застраиваться дачами» (Столпянский П. Н. Дачные окрестности Петрограда. Пг.; М., 1923. С. 5; см. также: Витязева В. А. Каменный остров. Л., 1991).

¹¹ Мусина-Пушкина Александра Осиповна (Иосифовна), урожд. Ришар, по первому мужу Геннингс (ум. 1875), — двоюродная сестра С. М. Дельвига, приятельница О. С. Павлищевой, А. П. Керн, графини Е. М. Ивелич. Ее муж — Федор Матвеевич (ум. не позднее 1853) — двоюродный дядя Н. Н. Пушкиной.

¹² Графиня Ивелич Надежда Алексеевна, урожд. Турчанинова (1778—24 I 1850) — вдова графа Марка Константиновича (1741—4 XII 1825), — и их дети: Константин (13 IX 1799—3 III 1837); Николай (ум. 11 VIII 1875); Екатерина (5 VII 1795—7 V 1838); Александра (14 IX 1796—13 X 1846). Н. А. и М. К. Ивеличи — старые петербургские друзья Пушкиных (в 1817—1820-х гг. жили по соседству и постоянно общались — см.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951. Т. I. С. 126, 152—153). Графиня Е. М. Ивелич — приятельница О. С. Павлищевой, А. П. Керн, С. М. Дельвига и А. О. Мусиной-Пушкиной.

¹³ Возможно, жена царскосельского знакомого А. С. Пушкина Иосифа Егоровича Меллина (ум. не ранее 1864), полковника л.-гв. Конно-егерского полка, сослуживца П. И. Павлищева.

¹⁴ Ховен Александра, урожд. Зелинская,— по предположению Л. Л. Слонимской, жена бывшего лицеиста И. Р. Ховена.

¹⁵ Лермантовы В. Н. и П. Г.

¹⁶ Традиционно в воспоминаниях и статьях о холере противопоставляется реакция дворян и простого народа: «Разные рассуждения, описания и предостережения, которые беспрерывно появлялись в тогдашних журналах и газетах, официальных и частных, сильно настраивали воображение читающей публики; но простой на-

род <...> встретил холеру совсем иначе, то есть вовсе не со страхом <...>. Одни до такой степени боялись болезни, что совершенно заперлись и прекратили сообщения с обществом; другие, напротив, толпились везде массажи, не принимая никаких предосторожностей <...>» (Сафонович В. И. Воспоминания // РА. 1903. I. С. 354); ср. запись А. В. Никитенко: «Почти все сообщения прерваны. Люди выходят из домов только по крайней необходимости или по должности» (Дневник. М., 1955. Т. I. С. 107).

10

7 июля [1831] Петербург

Известно ли вам, мой добрый друг, что здесь происходит, бунты, которые произошли вследствие допущенных злоупотреблений, и каков был их результат? Раскрыли жестокие махинации со стороны врагов государства: более пятисот человек заключены в крепость и начаты расследования; это не сказки, потому что напечатано в газете¹. Холера не причинила и четверти разорений, которые приписывали ей, но так как народ знает теперь все, смертность уменьшается на глазах, и болезнь непременно вскоре прекратится. Со вчерашнего дня карантины и кордоны сняты повсюду, и в четверг я отправляюсь к родителям в Павловск. Я предприиму это путешествие уже во второй раз,— в первый раз оно не удалось. Надобно вам сказать, что, чтобы избежать карантина, я прибегла к хитрости и приехала в Павловск ночью, но через 2 или 3 часа была торжественно выдворена оттуда господами полицейскими и якобы отправилась подвергнуться карантину; но так как карантин этот ограничивался кордоном, откуда всех прибывающих отправляли назад,— я снова в Петербурге и смотрела бы на все это как на комедию, если бы не испуг, который я причинила родителям, а их лошади и пьяница кучер остались теперь у меня на руках!² Но, слава Господу, только что я прочла в Пчеле, что въезды и выезды свободны³, и, если бы не крайняя усталость, которую я еще чувствую после езды по отвратительной проселочной дороге, я пустилась бы в путь сегодня же.

А вы, дорогой мой, знаете ли, как я беспокоюсь за трудное путешествие, реки, болота и леса, которые вам предстоит пересечь. Во имя неба, напишите скорее, посылайте письма на имя Дурасова, я дам ему свой адрес в Царском. Я же буду писать вам прежним способом.

Прощайте, друг мой, будьте здоровы, проводите время весело. Писала ли я, что Лев в Финляндском драгунском полку. Постарайтесь повидать его, если возможно, Бога ради, справьтесь хотя бы, прибыл ли он; у нас уже давно нет от него вестей⁴.

Прощайте, да хранят и вдохновляют вас Ангелы⁵.

Помета Н. И. Павлицева: 30 июля 1831.

¹ 30 июня в «Санктпетербургских ведомостях» было напечатано официальное «Объявление от Санкт-Петербургского генерал-губернатора», перепечатанное в приложении к «Северной пчеле»: «При случившихся на сих днях в некоторых частях города беспорядках, люди, взятые в буйстве и неповиновении, и другие, приведенные к начальству частными жителями города, с обвинением их в покушениях к нарушению общественного благочиния и спокойствия, задержаны под арестом. Для исследования поступков сих людей, изобличения и предания суду виновных из них, и освобождения тех, которые могли бы оказаться невинными, Государь император высочайше повелел составить особенную Следственную комиссию, которая уже начала свои действия».

² Безуспешная попытка Ольги Сергеевны пробраться в Павловск, минуя кордоны, привела в результате к карантину, которому подвергли ее родителей, к тому же они лиши-

лись своих лошадей и кучера. Об освобождении родителей из карантина см. письмо А. С. Пушкина к П. А. Осиповой от 29 июля 1831 г. (XIV. 644); см. также т. I наст. изд.

³ В «Северной пчеле», № 149 от 7 июля 1831 г., сообщалось, что с 6 июля карантин и кордоны сняты. Однако в газете не было сказано, что это не распространяется на сохраненный карантин на дороге в Павловск и Царское Село, куда вскоре (10 июля) переехала царская семья. О. С. Павлицева еще не знает о сохранении Царскосельского карантина и поэтому собирается вновь поехать к родителям.

⁴ Л. С. Пушкин прибыл к новому месту службы в Финляндский драгунский полк лишь в середине августа.

⁵ Помимо прямого значения («ангел-хранитель»), во фразе О. С. Павлицевой содержится и намек на начальника ее мужа Ф. И. Энгеля.

11

9 июля [1831 г. Петербург]

Я писала вам вчера, мой милый друг, и пишу снова для того, чтобы просить вас передать мое письмо ко Льву. Не могу уделить вам много времени. Сейчас я пакую вещи и самое большое через час выезжаю в Павловск. Надеюсь, что на этот раз мне повезет больше — карантин и кордоны сняты повсюду. Пишите по-прежнему на имя Дурасова — он будет пересылать мне. Писала ли я вам, что однажды он был по моей просьбе, к моему большому удивлению, но на второй раз устранился, и, может быть, я совершила эту милую поездку зря, по причине его лени; я не захотела верить Волкову, который меня о том предупреждал. Впрочем, никто не виноват. Сейчас, когда все устроилось к лучшему, это меня весьма забавляет. Впрочем, я, конечно, не преминула оживить своим приключением толки в павловских гостиных. В особенности г-жа Архарова¹, вот кто потешился вволю. Это она выдала меня, старая трусиха; к несчастью, не зная адреса родителей, я среди самой ночи постучалась к ней; надо было видеть суматоху при моем появлении, отчаяние моего отца! Если бы он был не отец мне, я смеялась бы до упаду. Про-

* Так в рукописи.

щайте, мой милый и дорогой друг, будьте здоровы и развлекайтесь и пишите мне, как писали до сих пор. Вы очень любезны, что выслали мне денег, надо признаться, они мне нужны, но Бог ведает, когда их получу. Лермантовы² заперты, можно умереть со смеху: никто не осмеливается ни войти ни выйти, а записки, которые я им пишу, берутся щипцами. Кстати: я встретила в один прекрасный день у их дверей с г. Сумцовым³, который велел передавать вам тысячу приветов; это я узнала его. Г-жа Малин⁴ тоже кланяется, как и все наши знакомые. Волков за мной

ухаживает, но не как Семен Исакоч⁵, прошу поверить,— хотя и часто у меня бывает; его жена в Ораниенбауме. Что касается Семена Исакоча — Бог ведает, что с ним случилось; исчез, как не бывал, пригрозив мне в очень патетическом письме, что покончит с собой,— после того как я сказала, что у меня есть письмо к нему от вас.

Видите ли вы Вашего брата⁶ и его приятелей? Тысячу поклонов им, прошу вас, и напишите чуть-чуть, в каком настроении барон Жерамб, кого теперь бранит?

Вы говорите, что я не писала о своей невестке⁷. Может быть. Она очаровательна и заслуживала бы мужа полюбезнее, чем Александр, который, при всем моем почтении к его шедеврам, стал капризен, как женщина перед родами; он написал мне такое глупое и дерзкое письмо, что пусть меня похоронят заживо, если оно дойдет до потомства, хотя, раз он постарался отослать мне его,— видимо, на это надеялся⁸.

Е. А. Архарова. Акварель неизв. художника.
Первая треть XIX в.

Помета Н. П. Павлицева:
Лович, 30 июля 1831 г.

¹ Архарова Екатерина Александровна, урожд. Римская-Корсакова (12 VII 1755—27 V 1836),— вдова Ивана Петровича Архарова, генерала от инфантерии, московского военного губернатора; бабушка писателя графа В. А. Соллогуба, добрая приятельница Н. О. и С. Л. Пушкиных

(«моя Архарат» — называет ее Надежда Осиповна в письмах к дочери — см. т. I наст. изд.; см. также: Благово Д. Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. Л., 1989. С. 22, 25 и далее; Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л., 1988, по указ.).

² Лермантовы В. Н. и П. Г.

³ Сумцов Николай Иванович — капитан, преподаватель Института инженеров путей сообщения, сослуживец В. Н. Лермантова.

⁴ Возможно, речь идет об Анне Петровне Малиновской, урожд. Исленевой (1 II 1770—16 VII 1847),— жене А. Ф. Малиновского, старинной московской знакомой старших Пушкиных. А. Ф. Малиновский с женой часто приезжал из Москвы навестить своего брата Павла Федоровича, дача которого находилась между Царским Селом и Павловском. На этой да-

че постоянно бывали С. Л. и Н. О. Пушкины, там же произошло примирение Ольги Сергеевны с родителями после ее замужества (начало 1828 г.).

⁵ Ганнибал С. И.

⁶ Павлищев П. И.

⁷ Пушкина Н. Н.

⁸ Пушкин настаивал, чтобы Ольга Сергеевна уехала из Петербурга вместе с родителями. Отказ ее немедленно покинуть город, а затем опротивительная поездка в Павловск, видимо, и были причиной резкого письма, не дошедшего до нас.

12

24 июля 1831 [Петербург]

Мой милый друг, я все еще в Петербурге; карантин отменен повсюду, кроме пути в землю обетованную — прелестное Царское, которое я, впрочем, не слишком любопытно увидеть. Я писала вам, с каким триумфом меня выдворили оттуда, но с тех пор я сделала уже не одну попытку соединиться с родителями; сначала требовался билет от кн. Волконского¹, потом разрешение <для> дома, назначенного им в Каменке, — ужасная деревня, нечего есть, зато вас поедают клопы. Я была готова сделаться пленницей, ради спокойствия родителей, хотела перенести проклятый карантин, остаться две недели в этом раю, но судьба, очевидно, этому противится особенным образом. Я получила этот билет, отправлялась туда трижды и каждый раз напрасно. Там до сих пор только придворные, и я приняла решение ехать только дождавшись, когда кончится холера. Это непременно скоро произойдет; болезнь уже прекращается, и врачи уверяют, будто к десятому числу не будет ни одного больного².

Дурасов еще раз заходил ко мне и не застал, — чтобы сказать, что его отправляют в Новгород, — не знаю, на сколько времени, но письма я по-прежнему буду отправлять в его дом. Что касается ваших, отправляйте их ко мне, написав Подателю дано будет, — конечно, если не по почте. Это дойдет быстрее.

Я рада, милый друг, что вы среди знакомых, но предпочла бы, чтобы вы были со мной. Ради Бога, скажите мне, что вы собираетесь делать, когда кампания закончится; вернетесь ли вы сюда в вашу Коллегию³, или останетесь там, и когда и как все это должно решиться? — Я в самом деле собираюсь ехать в Москву и, разумеется, не сохранять квартиры по истечении срока. Если вы долго не вернетесь, было бы смешно и неуместно оставаться одной в Петербурге, без мужа и родителей⁴. Что до Александра — я не поселюсь у них никогда в жизни.

Вы хорошо поступили, что не хлопотали слишком обо Льве: он больше двух месяцев как переведен и теперь, должно быть, в полку. Ради Бога, осведомитесь об этом, доставьте ему мои письма и сообщите мне, где стоят финские драгуны.

Прощайте, мой дорогой, я неплохо провожу время, и, если бы не лошади родителей и их пьяница кучер и двухнедельное заточение из-за меня, я не беспокоилась бы несколько. Мое здоровье, видимо, поправилось, я становлюсь розовой и толстой. Чтобы быть веселой, мне недостает только любовника, как <нрзб>. Прощайте, не обращайтесь внимания на мои любезности. Я провела четыре дня на Черной Речке, где очень веселилась.

Прощайте еще раз, будьте здоровы. Мой дружеский привет вашему брату и брату Жерамбу.

Поэта Н. И. Павлицева: Лович, 9 августа 1831 г.

¹ Поскольку в Царском Селе находилась императорская фамилия, то «билеты» (специальное разрешение) выдавал министр двора князь Петр Михайлович Волконский (26 IV 1776—26 VIII 1852). По получении билета необходимо было дожидаться, пока освободится место в домах, специально предназначенных для карантина в одном из обсервационных кордонов. Билет Ольга Сергеевна получила благодаря хлопотам родителей через Василия Андреевича Жуковского — см. письма Сергея Львовича и Надежды Осиповны Пушкиных к ней от 8 и 9 июля в 1 т. наст. изд.

² Последнее извещение о заболевших холерой в столице было опубликовано в «Северной пчеле» 6 ноября 1831 г.

³ Находясь на службе в Польше, Николай Иванович Павлицев продолжал числиться в Коллегии иностранных дел.

⁴ Все эти намерения не осуществились, и Ольга Сергеевна до отъезда в Варшаву продолжала жить отдельно от родителей и брата, несмотря на стесненное материальное положение. «Неуместность» такой ситуации, которая могла вызвать двусмысленные толки в обществе, служила причиной постоянного беспокойства Ольги Сергеевны. Указание Л. Л. Слонимской (см. т. 1 наст. изд., с. 109) о том, что она переехала к родителям, не подтверждается письмами Ольги Сергеевны к мужу.

13

Петербург, 4 августа [1831]

Дурасов по приезде в Новгород отправил мне большой пакет от вас, милый друг, — ваших три письма ко мне, одно г. Алексееву¹ и два вашей матери². Я только что писала ей, приложив два ваших письма; воображаю ее радость, если вы не писали ей больше с тех пор. Что же касается меня — на вашу лень жаловаться не приходится, слава Богу, но ваша неопределенность по поводу возвращения удивляет и беспокоит меня, надобно просто сказать мне, приедете вы осенью или нет; в случае если война окончится, это будет всецело зависеть от вас, а отпуска получают обыкновенно в сентябре, хотя бы и на 28 дней. Так что не делайте мне

сюрприза и предупредите меня, потому что я должна решить заранее в отношении квартиры; если родители поедут в Москву — я поеду с ними, если нет — переезжаю к ним, освобождаясь от мебели. Нечего и говорить, это довольно странно, что, имея в том же городе женатого брата и родителей, я живу отдельно. Пока же я развлекаюсь; если бы не злоключение в Павловске, которое было причиной 13-дневного заключения моих родителей, — не было бы ни дня, который я не провела бы самым приятным на свете образом. Кто сказал вам, что я боюсь болезни? — я не опасалась ее ни минуты, невзирая на смерть и умирающих, которых я видела вокруг; смертность здесь была очень велика, ничего не скажешь; ни один дом не избежал заразы, и в том, где я живу, был один и один умер. Умер г. Рост; так как не было никого из родственников, его люди обратились ко мне и принесли мне разобрать различные бумаги, — среди них очень интересные по-французски. Впрочем, я бываю здесь мало: провожу большую часть времени на островах, особенно на Черной Речке. Вчера была у Талызиных на Крестовском, где возобновилось гулянье; была ужасная толпа, — смертей будто в помине не бывало, и военный оркестр, и фейерверк; я оставалась до полуночи³. Часто не возвращаюсь домой ночевать. Провела 5 дней на Черной Речке, 4 дня на Крестовском, два у Фурман⁴, с тех пор возвращаюсь туда почти всякий день. Возобновила знакомство с матерью Языковой⁵, у которой обедала; ее дочь была у меня сегодня утром, — она счастливее меня: граф возвращается на днях⁶. Кстати, о графе: я довольно часто вижу графиню Меллин, которая неистощима на похвалы своему мужу, как и ее подруга г-жа Ховен; это напомнило мне о вас, и я смеялась про себя. Прощайте, дорогой мой, возвращайтесь Христа ради, хотя бы только для того, чтобы сказать мне, что вы хотите остаться в Польше. — Марков все болен, присылал ко мне на днях, не выходит из комнаты и лечится. Кушелева *твоя* провела месяц в *Таицах*⁷, вчера возвратилась, а сегодня была у меня. Муж, к несчастью, жив: дело оставалось за холерой. Завтра я отправляюсь на *свиданья* в карантин — понимается *с дражайшими*⁸; мы говорим за веревками на расстоянии в сажень и потом разъезжаемся — они в Царское, я сюда. Комедия, надеюсь, скоро прекратится. Болезнь совершенно почти исчезла, и снимут дурацкий карантин. К Лермантовым все не пускают и щипцами записки берут, глупо, мочи нет; сказано и доказано, что болезнь не заразна, и порядочные люди ее вовсе не боятся и принимают всех.

Прощайте еще раз, милый друг, будьте здоровы, *но не забывайте меня!* Летите в храм, где память обитает, и будьте счастливы, что означает, возвращайтесь в один прекрасный осенний день, умоляю, — иначе я отправляюсь вместе с г-жами Энгель и Фурман⁹ — к вам. — Эти дамы выезжают с первым санним

* Одно слово неразборчиво.

путем. Прощайте. Жанно издох от холеры; вообразите только: у него были все симптомы.

Моя невестка ¹⁰ сообщила мне только что прелестную новость: она слышала от своего брата, что вы поссорились с г. Энгелем (*поссорились!* это невозможно) и что возвращаетесь сюда *в немилости*, — то есть, по крайней мере, без места, потому что то, которое вы занимаете, предлагают г. Гончарову ¹¹. Надеюсь, что это только слухи. Она легкомысленна, а брат ее глух, вот что утешает меня. Нет, этого не может быть! Если вы более не при г. Энгеле, то, верно, назначены Консулом или Вице-Губернатором, или Частным Приставом, или Соляным Приставом. Поссорились с Энгелем!!... В добавок говорят, что тебе одному не ужиться с таким начальником.

Почта Н. И. Павлицева: 12/24 января 1832.

¹ Алексеев Алексей Петрович — муж сестры Н. И. Павлицева Александры Ивановны, отставной полковник, кишиневский знакомый Пушкина (см. свидетельство о переписке Н. И. Павлицева с Алексеевым — ЛН. Т. 16—18. С. 773).

² Павлицева Л. М.

³ Крестовский остров был традиционным местом прогулок, вечеринок, пикников светской публики; были популярны и народные гулянья — с цыганами, бродячими артистами и т. п. Вот небольшой очерк гуляний, опубликованный в «Санктпетербургских ведомостях»: «По воскресеньям Крестовский оживает многочисленными посетителями из среднего круга, купцами, маленькими чиновниками, немецкими и прочими ремесленниками, которые курят сигары на свежем воздухе и пьют чай под вековыми соснами. В двух местах полковая музыка играет увертюры Россини и Обера, а перед немецким трактиром труппа путешествующих акробатов, раскинув огромный ковер, ломается на разные фасыны, строит из людей пирамиды и делает разные штуки. Тут же бродячие артисты играют на флейте, арфе и скрипке, а кочующие примадонны поют арии из новейших немецких опер. Переезд на остров стоит дешево, и за гривенник можно иметь место в лодке, которая возит по 8 или 10 человек» (см.: Столянский П. Н. Санкт-Петербург. Аптекарский, Петровский, Крестовский острова. Пг., 1916. С. 51).

⁴ Вероятно, речь идет об Анне Николаевне Фурман, урожд. Хрущовой (ум. 30 XII 1837), — четверюродной сестре Ольги Сергеевны по линии матери (подробнее о ней см. т. 1 наст. изд.).

⁵ Языкова Анна Васильевна, урожд. графиня Мантейфель, — мать Александры Петровны, в замужестве графини Ивелич (24 IV 1796—11 I 1864), и Александра Петровича Языкова (1802—27 II 1878), женатого на графине А. М. Ивелич (см. т. 1 наст. изд.).

⁶ Граф Ивелич Константин Маркович (13 IX 1799—3 III 1837) — муж А. П. Языковой, флигель-адъютант, полковник л.-гв. Саперного батальона, возвращался с Кавказа, где встречался с Л. С. Пушкиным.

⁷ Тайцы — мыза в 16 верстах от Царского Села, до 1786 г. принадлежала Исааку Абрамовичу Ганнибалу.

⁸ С. Л. и Н. О. Пушкины.

⁹ А. К. Энгель и ее дочь С. С. Фурман.

¹⁰ Н. Н. Пушкина.

¹¹ Гончаров Дмитрий Николаевич (1 V 1808—21 III 1860) — старший брат Н. Н. Пушкиной, чиновник Министерства иностранных дел. Слухи особенно поразили Ольгу Сергеевну, так как именно благодаря Ф. И. Энгелю и хлопотам С. Л. Пушкина Павлицев и получил назначение в Польшу.

Петербург, 15 или 13 Августа [1831]

Мой милый друг, мне очень хочется разбранить вас, не обижайтесь: primo* за политические дела,— за ваши отношения, которые очень огорчают меня, всегда доходят до меня прежде ваших писем; и затем за деньги, которые вам пришлось в голову отдать Александру Лермантову¹. Если вы не могли отправить их почтой, нужно было хранить их до вашего возвращения,— и потом, разве я просила о них? Теперь говорю вам наверное, что никогда их не получу от Владимира Н., и даже сомневаюсь, что его отец² ему о том сообщил: он смеется про себя, даю руку на отсечение, особенно если ему нужны были деньги. Во всяком случае, будьте уверены, что я не заговорю первая о 350 рублях с Лермантовыми; что же до 600, я о них ничего не знаю; Лермантовы сказали бы мне, если бы уже их получили, потому что я предупреждала их; впрочем, мы совсем не видимся: они по-прежнему оцеплены, никто не осмеливается пойти в ним (т. е. в Корпус) и им не позволено посылать лакеев; за провизией ходят солдаты, и так может продлиться еще месяц. Признаюсь вам, что мне нужны деньги; хотя хозяин дома³ был довольно снисходителен и терпел, мне совестно так долго не платить. Вы очень дурно поступили, на мой взгляд, когда отправились смотреть на стычку вместо того, чтобы пойти на «Аркадию»⁴, которая, говорят, нечто восхитительное и любопытное; Храм Дианы великолепен, настоящая феерия. Сегодня я читала письмо от г. Языкова⁵, который описывает ее; это лучше, нежели ваша баталия с 10 ранеными и убитыми, которая не стоит выеденного яйца. Вы увидели бы памятники античности, множество редкостей из *Геркуланума*. *Фи, сударь мой!* Не стыдно ли вам быть точно мальчик, который предпочитает деревянную саблю прекрасной картине. Простите, что у меня вырвалась эта резкость, но, в самом деле, я не могу сдерживаться. Что до Жуковского и м-ль Карамзиной и их свадьбы — это в самом прямом смысле история 1815 года. Вот до глухово вести дошли! Ничего нет более ложного, за тысячу лет, чем эта пресловутая свадьба⁶. Кстати: я нисколько не верю и в любовную историю Никиты Петровича⁷; это также, видимо, армейские новости или, скорее, сплетни армейских офицеров.

Умоляю, не давайте больше денег г. Лермантову, но, когда вам будет возможно, пошлите на имя Дурасова. Некто господин Никитский только что послал из армии шесть тысяч рублей,— не знаю точно, каким способом; она уехала некоторое время назад в Новгород,— иначе бы я узнала.

Прощайте, друг мой. Как только война окончится, вам не будет никакого препятствия сюда приехать; Энгель даст вам отпуск, или Погодин⁸ — мне все говорят. Так что надеюсь обнять вас самое большее через два месяца. Родители уже не

* Во-первых (лат.).

Н. Н. Пушкина. Акварель А. Брюллова. 1831—1832 гг.

едут в Москву, я занимаюсь поисками квартиры для них. Я не смогла приехать к ним в Павловское из-за придинок, причина которым была моя пресловутая хитрость, но меня не огорчает. Четырнадцать дней заточения в отвратительной деревне — не самое веселое и соблазнительное; впрочем, я провожу время неплохо — нечего Бога гневить. Мое здоровье возвращается, я полнею на глазах — не животом, разумеется, иначе вы увидели бы меня рядом с вами. Не сердитесь, мой друг, за дурную шутку, которая мне нечаянно пришла на ум, и верьте, что я все *добродетельна*, невзирая на судьбу и богов, которые, похоже, сильно озабочены тем, чтобы посылать мне на каждом шагу всех моих прежних поклонников, среди прочих — Бакунина⁹, которого я встретила первый раз после пяти лет; он узнал меня тотчас, — любопытно, что он, перенеся холеру, здоров как бык. Кстати: тысячу нежностей барону Жерамбу и немного — Гурьеву¹⁰. Что до вашего брата и г. Кожевникова¹¹ — целую их, но слегка. Прощай, спешу ужасно.

Моя невестка прелестна; я вам писала, вы забыли; ею восхищается Царское, а императрица хочет, чтобы она была при дворе; ее это огорчает, потому что она неглупа; или не совсем так: хотя она вовсе не глупа, но пока еще немного робка, но это пройдет, и она поладит и с двором и с императрицей, как женщина красивая, молодая и любезная¹². Но думаю, что Александр, напротив, на седьмом небе; я сердита, что я далеко от Царского и не вижу их хозяйства. Физически они совершенная противоположность: Вулкан и Венера, Кирик и Улита и проч. и проч. Впрочем, на мой взгляд, есть женщины столь же красивые, как она: графиня Пушкина¹³ не дурнее, Фикельмон¹⁴ также, и потом г-жа Зубова, рожденная Эллеорт¹⁵, *говорят, лучше*. На мой взгляд, есть две женщины еще красивее ее; я их вам не назову, чтобы вы по возвращении угадали: одна молодая новобрачная, не самых лучших манер, и еще одна, весьма родовитая, юная фрейлина¹⁶. Вы, конечно, думали, что среди них г-жа Кушелева, увы! нет, ошиблись, хотя могли бы так сказать.

Помета Н. И. Павлицева: Лович, 29 августа.

¹ Лермантов Александр Николаевич — брат упоминавшегося ранее В. Н. Лермантова, подпоручик л.-гв. Егерского полка, входившего в состав действующей армии в Польше.

² Лермантов Николай Петрович, женатый в первом браке на Торбеевой, во втором — на Марье Васильевне Перфильевой (РС. 1873. Т. 1. С. 553).

³ Д. Д. Дмитриев.

⁴ «Аркадия» — имение статс-дамы княгини Елены Радзивилл, урожд. Пршездзецкой (ум. 2 III 1821) — жены виленского воеводы князя Михаила Радзивилла. В этом имении «было собрано большое количество произведений грече-

ского и римского искусства» (Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. СПб., 1899. С. 485.— Примеч. В. И. Сантова к письму кн. П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу о смерти княгини Е. Радзивилл, «владельницы и творительницы славной Аркадии». — С. 184). Имение находилось неподалеку от г. Лович, в который 20 июля 1831 г. вступили передовые отряды русской армии; на следующий день Аркадия была занята казаками (Пузыревский А. Польско-русская война 1831 г. СПб., 1886. С. 364). Упоминаемые «редкости из Геркуланума» — произведения античного искусства, обнаруженные при раскопках этого города, засыпанного

вместе с Помпеями при извержении Везувия в 79 г. Активные раскопки в Геркулануме, ведшиеся в 1738—1765 гг., а затем возобновившиеся в 1828 г., были широко известны и стимулировали интерес к античности.

⁵ Один из братьев Языковых: Валериан Петрович — поручик л.-гв. Преображенского полка, или Александр Петрович — штабс-капитан того же полка (см. прим. 5 к письму 13).

⁶ Слухи о предполагаемой свадьбе Василия Андреевича Жуковского (29 I 1783—12 IV 1852) и старшей дочери Николая Михайловича Карамзина Софьи Николаевны (5 III 1802—4 VII 1856) распространились весной 1819 г. и затем возобновились в 1831 г. Замуж С. Н. Карамзина так и не вышла, но хорошие отношения с Жуковским сохранились у нее на всю жизнь (Письма. Т. III. С. 288).

⁷ Панкратьев Никита Петрович (сентябрь 1788—конец 1856) — генерал-лейтенант, начальник штаба Отдельного Кавказского корпуса.

⁸ Погодин Василий Васильевич (1790—21 I 1863) — с 30 июня 1831 г. генерал-интендант действующей армии в Польше. 12 июня Н. И. Павлищев был командирован в его распоряжение для наблюдения за заготовкой продовольствия в Пруссии для русских войск.

⁹ Бакунин Илья Модестович (1800—1841) — полковник л.-гв. Первой Артиллерийской бригады, участник Кавказской и Польской войн, троюродный племянник Е. М. Хитрово. О литературных занятиях И. М. Бакунина см. ниже.

¹⁰ Сведения о Гурьеве и его встречах с родителями Ольги Сергеевны в 1834 г. см. т. I наст. изд.

¹¹ Вероятно, один из братьев Кожевниковых: Виссарий Львович или Матвей Львович. Оба — сослуживцы П. И. Павлищева и барона Э. Ф. Жерамба по л.-гв. Конно-Егерскому полку.

¹² О. С. Павлищева пересказывает мужу сведения, которые ей сообщила мать. — См. письма от 22 и 25 июля 1831 г. в т. I наст. изд.

¹³ Вероятно, графиня Мусина-Пушкина Эмилия Карловна, урожд. Шернваль фон Валлен (29 I 1810—17 XI 1846), — жена графа В. А. Мусина-Пушкина, известная красавица. По свидетельству А. О. Смирновой-Россет, «в Петербурге произвели фурор ее белокурые волосы, её синие глаза и черные брови» (Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 192). О соперничестве в свете двух «красавиц Пушкиных» см.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследования и материалы. М., 1987. С. 235; А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М., 1974. С. 141. Письма к жене. С. 173 и комм. Мнение В. Враской о том, что речь в данном случае идет о графине А. С. Мусиной-Пушкиной (ЛН. Т. 16—18. С. 779), следует считать ошибочным.

¹⁴ Графиня Фикельмон Дарья Федоровна (Доли), урожд. графиня Тизенгаузен (14 X 1804—10 IV 1863 н.с.), — дочь Е. М. Хитрово, внучка М. И. Кутузова, жена графа Ф.-Л. Фикельмона, бывшего в 1829—1839 гг. австрийским посланником в Петербурге. В известном салоне Д. Ф. Фикельмон часто бывал Пушкин.

¹⁵ Зубова Александра Александровна, урожд. Эйлер (27 VI 1808—8 I 1870), — внучка знаменитого математика Л. Эйлера, жена А. Н. Зубова — племянника графини Н. А. Ивелич.

¹⁶ По предположению В. Враской, Ольга Сергеевна здесь имеет в виду графиню Надежду Львовну Соллогуб, в замуж. (с 1836 г.) Свистуну (1815—13 I 1903), — фрейлину вел. кн. Елены Павловны, двоюродную сестру графа В. А. Соллогуба.

15

*[22—23 августа 1831 г. Петербург]*¹

Я писала к вам три дня назад, мой друг, а этим посланием вы обязаны г. Александру Лермантову. Я получила деньги — 350; В < л а д и м и р > Н < и к о л а е в и ч > сказал о них первый. Поблагодарите его, прошу вас, по тому, что он пишет, я вижу, что это любезность с его стороны; он принял деньги, хотя вовсе не был обя-

зан это делать, и я, в свою очередь, благодарю вас за них; они пришли очень кстати, уверяю вас: я была почти вовсе на мели; что же до 600, о них нет речи; должно быть, они в пути. Впрочем, это удивляет Лермантовых; в любом случае надеюсь, что они не потеряны.

Что сообщить вам, друг мой, нового? Я не думаю больше двигаться отсюда, ни из Петербурга, ни из дома Дмитриева, в надежде, что вы вернетесь сразу по окончании войны, хотя бы на некоторое время.— Что же до вашей службы — это не мое дело: вам лучше знать, что для вас лучше, и я не хочу брать на свою совесть, что препятствовала вашему продвижению и т. д. и т. д.— увольте. Г-жи Энгель и Фурман отправятся соединиться со своими дражайшими половинами с первым санным путем, потому что они уверены, что доставят им радость, а я, которая совсем не столько же доверчива и которую Вольтер научил сомневаться во всем, я не осмелилась бы ни за что на свете поехать с ними, хотя в какой-то момент мне захотелось это сделать.

Родители уже не едут в Москву. Я ищу для них помесечную квартиру, а это море безбрежное; пока они остаются спокойно в Павловском, наслаждаясь погодой. Надо сказать, и я не упускаю случая воспользоваться ею в свое удовольствие; я очень мало в Петербурге, больше живу на Черной Речке и завтра возвращаюсь туда на четыре дня; о холере больше не слышно; она вышла из моды, хотя в газетах продолжают считать умерших и больных; но что в самом деле производит теперь фурор — это «Собор Парижской Богоматери», роман Виктора Гюго²; о нем говорят на улицах и в гостиных, и столько, что отнимают у меня охоту его читать, — я подожду, пока он попадет под руку. Кстати: продажа вашего романа не идет совсем: только у Заикина³ или у Смирдина⁴ — не знаю точно — продано 3 экземпляра; разумеется, я не думала требовать деньги и не знаю, как поступить: *обменять* их — это сильно затрудняет меня. Прощайте, милый друг, я еду к г-же Кушелевой: мы вместе отправляемся гулять в Парголово, где устроен праздник и будет фейерверк⁵. Прощайте друг мой, будьте здоровы; кланяйтесь от меня нашим *знакомым*: вашему брату, Жерамбу и Гурьеву.

Помета Н. И. Павлицева: Варшава 5/17 сентября.

¹ Письмо датируется нами на основании даты упоминаемого ниже праздника, — см. прим. 5 к наст. письму.

² Роман Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери» («Notre Dame de Paris»), появившийся в Париже в марте 1831 г. и сразу вызвавший ожесточенные споры (Томашевский Б. В. Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927. С. 222). О популярности романа в России писал И. И. Панаев: «Я узнал о «Notre

Dame de Paris» из «Московского телеграфа» (перевод одной главы романа был опубликован в № 11 за 1831 г.— А. В., Е. П.). Вскоре после этого весь читающий Петербург начал кричать о новом гениальном произведении Гюго. Все экземпляры, полученные в Петербурге, были тотчас же расхвачены. Я едва достал для себя экземпляр и с нервическим раздражением приступил к чтению<...>. И чуть выше: «После появления «Notre Dame de Paris» я почти готов был идти на плаху за романтизм» (Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 58).

В течение 1831 г. роман выдержал 7 изданий, в библиотеке Пушкина сохранился первый том брюссельского издания (1832 г.) — Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. СПб., 1910. С. 253.

³ Петербургские книгопродавцы Заикины: Алексей Иванович (1793—28 VI 1881) Иван Иванович (ум. 24 VIII 1834) или Матвей Иванович (1782—14 XI 1854).

⁴ Смирдин Александр Филиппович (21 I 1795—16 IX 1857) — петербургский издатель и книгопродавец.

⁵ Парголово — обобщенное название предместья Петербурга, расположенного по Выборгскому направлению и состоявшего из нескольких деревень. Очень живописный ландшафт — холмы, овраги, окруженные густым лесом, — делал эти места особенно привлекательными для зимне-

го гулянья «на горах». Самой яркой достопримечательностью в Парголово в описываемое время был парк, разбитый во владениях Шуваловых вторым мужем В. П. Шуваловой графом А. А. Полье (подробнее об обоих см. ниже). Парк имел 4 версты в окружности и изобиловал живописными беседками, павильонами, прудами, гротами в готическом стиле и др. (см.: Столпянский П. Н. Дачные окрестности Петрограда. Пг.; М., 1923. С. 47). Праздники графа Полье отличались изысканностью и роскошью. Праздник, о котором упоминает Ольга Сергеевна, возможно, был связан с торжествами в Петербурге и Царском Селе, посвященными «принятию Святого Крещения Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича» (27 VII 1831—13 IV 1891) — 22 августа, с иллюминацией и фейерверками («Северная пчела», № 190 от 26 августа 1831 г.).

16

25 Августа [1831 г. Петербург]

Дорогой друг, я напишу вам в этот раз немного, поскольку у меня гости, а я не хочу откладывать это удовольствие, как и удовольствие отправить вам письмо Маркова, которое вот уже три дня у меня. Я напрасно жду новостей от вас более 6 дней. С 31 <июля> я не получила от вас ни одного письма, но я знаю, что вы здоровы, от Лермантова¹, который пишет от 8-го. Он заходил к вам и не застал вас. Когда же конец войне этой?² Уже пора! Ваша Польша раздражает меня до безумия, и ноги моей там не будет, ни за какие блага мира, даже если бы вам пришлось остаться еще на год, ради вашего удовольствия. Я надеюсь, мой милый друг, что вы вернетесь, хотя бы на некоторое время, и скажете, что вы решили относительно вашей службы; я должна знать это; в самом деле, я теряюсь в догадках: оставаться здесь одной, жить своим хозяйством, в одном городе с родителями и братом, — это, я повторяю вам, довольно смешно. Родители не тронутся отсюда прежде весны и хотели бы, чтобы я была с ними; я бы охотно согласилась, это устроило бы меня — меня и мой карман, который отнюдь не полон в данный момент, и, если бы не ваши триста пятьдесят рублей, я была бы вынуждена занять — чего я опасюсь едва ли не столько же, сколько болезни, которую перенесла. Еще раз благодарю вас, друг мой, за эти деньги; постарайтесь узнать, были ли посланы те, которые вы отправили мне раньше — на имя Лермантовых; было бы странно, если бы они пропали. Прощайте, мой дорогой, будьте здоровы. Мое здоровье хорошо, настолько даже, что я почти не опасюсь ни ветра, ни дождя: первый нежно обдувал меня, а второй окроплял целый день, позавчера в Парголово, на дере-

венском празднике, — слава Богу, со мной ничего не случилось. Кстати: ваша м-ль Кушелева кланяется вам; она сняла на год очаровательный дом. Прощайте. Я напишу вам скоро подробнее и лучше. Я сомневаюсь, что вы разберете эти каракули. До свидания; мой поклон вашему брату и, конечно, барону Жерамбу. Узнай, ради Бога, обо Льве. Я думаю, что он не на месте³.

Помета Н. И. Павлицева: Варшава, 12/24 сентября.

¹ Лермантов А. Н.

² Стоит отметить, что именно утром 25 августа начался штурм Варшавы, взятие которой (27 августа) определило исход кампании.

³ Л. С. Пушкин прибыл в Польшу в середине августа и в составе Финляндского драгунского полка «с 25-го августа по 23-е сентября принял участие в стычке с поляками под Пултуском, в разбитии мятежников под

местечком Непельске, в поиске отряда генерал-майора Дохтурова на Плонск и в преследовании остатков польских войск к прусской границе, за что награжден чином штабс-капитана, а за бытность в сражении получил польский знак отличия военного достоинства 4-й степени» (Майков Л. Пушкин. Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 39).

17

4 сентября [1831 г. Петербург]

Мой милый друг, последние три дня я имею новости о вас ежедневно, и последнее письмо от 20-го числа дошло первым через Лермантовых. Что касается денег, я не получила их: не пришла бумага, по которой они смогут быть получены в Комиссариате. Я очень опасаясь, чтобы с этими деньгами не случилось того же, что с теми 600 рублями, о которых я ничего не знаю до сих пор. Вы гораздо лучше поступили бы, оставив их у себя вплоть до возможности отправить с надежной оказией; впрочем, рано или поздно я должна их получить, если вы мне их отправляете. Скажите, с какой почтой, в какой город вы их направили, и уточните все возможное со своей стороны, прошу вас; 600 рублей вовсе не мелочь, они очень нужны мне: я не плачу хозяину дома и каждую минуту ожидаю от него посыльного. Мой отец в большом затруднении — ему не выплатили *оброка*, по словам управляющего¹, на 4000, которых он ожидал. Но довольно о деньгах; чтобы покончить с этим, скажу вам, что я не получала ни этих 600, ни 500 также, — и только г-ну Александру Лермантову должна 350, и, повторю еще раз, вы гораздо лучше поступили бы, сохранив их для меня у вас; относительно тех денег, которые у Лихардова, — *моей единственной собственности* — я не стану их тратить; нельзя предвидеть того, что впереди, и, если я не могу *рассчитывать на будущее*,

А. С. Пушкин. Портрет работы неизв. художника. 1830-е гг.

я решила не ехать в Польшу; в моем возрасте люди укореняются там, где провели свои лучшие годы, где сложились приятные им связи, а это мое единственное утешение. Напрасно вы уверяете меня в вашей нежности и рисуете заманчивую перспективу жизни вдаль от моих знакомых и моих настоящих друзей: это нисколько меня не прельщает. У меня было достаточно опыта, *три года подряд*, чтобы не согласиться с Вольтером, что *лучшее враг хорошего*.

Только сегодня я получила ваше письмо, вместе с письмом г. Саломирского². Я очень рада, что ему лучше; здесь говорили, что его рана смертельна, что у него раздроблена вся челюсть; я постараюсь как можно скорее доставить ему его письмо. Дурасов пробыл в Новгороде только 8 дней, но я не видела его с тех пор. Прощайте, друг мой, я ненавижу вашу Польшу: развлекайтесь там один, что же до меня — я не хочу этого, повторяю вам это серьезно, и будьте, Бога ради, сдержаннее в ваших письмах относительно ваших политических идей: письмо от 20-го пришло вскрытым, — это может повредить вам.

Мы очень добрые друзья с Александром и в особенности с его женой³, но я не хочу жить у них, — потому что их образ жизни противоположен моим привычкам, ни почему более. Она была представлена Императрице, которая от нее в восторге⁴. Лермантовы⁵ передают вам тысячу поклонов, я часто вижу их и самые приятные часы провожу у них. Если родители поедут в Москву, я поеду с ними непременно. Пока они по-прежнему в Павловске, и я не могу поехать к ним из-за карантина.

Я собиралась запечатывать письмо, когда Дурасов прислал мне ваше, от 5 августа, вместе с письмом для вашей матери.

Помета Н. И. Павлицева: 29 сентября/11 октября.

¹ Калашников Михаил Иванович (1774—осень 1858) — крепостной Пушкиных, с 1825 г. управляющий нижегородскими имениями. В результате его деятельности Пушкины оказались в сложном финансовом положении. В 1833 г. он был заменен И. И. Пеньковским.

² Соломирский Павел Дмитриевич (1801—1861) — ротмистр л.-гв. Гусарского полка, в сос-

таве которого принял участие в Польской кампании (с 1833 г. полковник, впоследствии генерал-майор), внебрачный сын дипломата Д. П. Татищева и сестры графини Н. А. Ивелич, Н. А. Колтовской.

³ А. С. и Н. Н. Пушкины.

⁴ Н. Н. Пушкина представлялась императрице 4 сентября 1831 г.

⁵ В. Н. и П. Г. Лермантовы

10 сентября [1831 г. Петербург]

Война окончена ¹, а у меня все еще нет от вас вестей после письма от 20 августа! Не получила я также ни копейки из денег, которые, как вы пишете, вы послали мне. Лермантов ² трижды был в Комиссариате, там предприняли тщательные поиски бумаги, о которой идет речь, — нет и следа ее, только, если она была послана, ее бы уже получили и даже, возможно, раньше названного письма. Завтра я попрошу Дурасова пойти вместе со мной, — я расскажу ему об этом, так же как о 600. Александр, который был у меня из Царского ³, хочет сам говорить об этом с Булгаковым ⁴. Если окажется, что деньги потеряны на почте, казна выплатит их мне. Вы отправили мне их из Пултуска 19 июня. Я для проверки просмотрела все ваши письма — их затребуют у меня, согласно правилам. Сказали также, что и вы должны будете подать со своей стороны прошение. Это не мало для меня, мой милый друг: в целом у меня не больше 80 рублей, и я должна хозяину дома, — я буду вынуждена заложить серебро; это тягостно, и потом — вечно делать долги! Вышлите мне, Бога ради, денег. У отца нет ни гроша. Мне не совестно просить вас об этом. Вы получаете более, чем вам нужно для вас одного, а я нуждаюсь. Рассчитывая на ваше обещание, я не предприняла никаких мер. Что касается денег Лихардова, то я, взяв проценты вперед, теперь должна ждать до декабря, и потом, я не спешу потратить мою скромную собственность; я не рассчитываю на вас, чтобы возместить ее, тем более что мы разлучены. Когда вы вернетесь? Вы можете сделать это, когда вам будет угодно: Энгель ⁵ позволит вам — я не сомневаюсь ничуть в этом, он слишком хороший муж, и потом, все имеют право брать на какое-то время отпуск, в этом никогда не отказывают, тем более вам, который был в действующей армии во время войны. Если вы не приедете — то потому, что не захотите; приезжайте, хотя бы из любопытства, чтобы увидеть, насколько ко мне вернулось здоровье и веселость, несмотря на мои денежные затруднения и иногда мрачные мысли *в отношении вас*. Я надеюсь, что вы не Дон Кихот и не отправились *добровольцем* на штурм, что вы для этого все же еще достаточно меня любите.

Ольга П.

Помета Н. И. Павлищева: 29 сентября/11 октября.

¹ Известие о взятии Варшавы достигло Царского Села, где находился император, лишь 4 сентября. Подробное описание см.: Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. С. 25. Рапорт главнокомандующего фельдмаршала И. Ф. Паскевича был опубликован в «Северной пчеле» 30 сентября.

² Лермантов В. Н.

³ Пушкин приезжал из Царского Села в Петербург 8 сентября.

⁴ Булгаков Константин Яковлевич (31 XII 1782—29 X 1835) — петербургский почт-директор и управляющий почтовым ведомством (1820—1835 гг.). Пушкин был хорошо знаком с К. Я. Булгаковым и поэтому мог неофициально обратиться с просьбой помочь в поиске затерявшегося денежного перевода.

⁵ Энгель Ф. И.

[Конец сентября 1831 г. Петербург]

Наконец получила письмо от вас, мой друг. С тех пор, как вы взяли в голову, будто Дурасов поселился в Новгороде, наша переписка идет хуже, чем когда-либо. Дурасов был в отъезде только неделю, я вам писала; вы получили это мое письмо и отвечали на него — у меня слишком хорошая память, чтобы это забыть. — Что касается денег, то их не больше, чем праведников на земле, как говорит Лермантов¹. Мне, в самом деле, совестно, что вы затруднили его этим. Либо вы вовсе не отправляли бумаги, либо она потерялась — что очень странно. Поэтому отправьте бумагу снова, *на мое имя*, понимаете ли вы? Если я не смогу сама пойти в Комиссариат, то всегда найду кого-нибудь, кто сделает это за меня; мне решительно всего не хватает, я *в долгах* по самую шею, я не могу купить даже дров; покупаю по 10 рублей за сажень, а цена все растет; в будущем месяце мне надобно будет продлить договор или как-нибудь уладить с хозяином дома и уплатить: я должна ему с апреля. Сегодня попытаюсь продать остаток ваших экземпляров, — никто не предлагает больше 50 коп.² за книгу, и я соглашаюсь: ничего не поделаешь. Послала за остатком к Слёнину³, Глазунову⁴ и др. Эти господа смогли продать всего три экземпляра.

У отца очень плохи дела: его имущество вот-вот пойдет с молотка, — и при этом он приезжает снимать дом здесь. Он должен казне 175 000 и не может уплатить процентов. Мать провела у меня три дня, и они снова приедут вдвоем искать квартиру — у меня от этого голова идет кругом. Чего мне никогда не доводилось делать прежде — это растрчивать чужие деньги; мне пришлось решиться на это, чтобы не просить. Я потратила 80 рублей Адели Галафеевой, которая прислала их на покупку шерсти, — все еще надеюсь получить сначала 600 и затем 500, которых я, видимо, не увижу как собственных ушей. На этом кончаю; я слишком расстроена, чтобы написать более длинное и более ласковое письмо, Приедете вы, или нет, зимой? В один прекрасный день я напишу господину Булгакову лично. Не знаю, говорил ли с ним Александр.

Прощайте, постарайтесь узнать, где Лев, здоров ли он, Бога ради! С июня от него нет никаких известий.

Помета Н. И. Павлицева: 17/19 октября 1831 г. Варшава.

¹ Лермантов В. Н.

² Речь идет о романе К. Ван-дер-Вельде «Патриции», переведенном Н. И. Павлицевым и изданном в 1831 г. Цена в 50 коп., ничтожная по тем временам, свидетельствует о коммерческой неудаче издания; ср. цены на другие современ-

ные издания: Гессен С. Книгоиздатель Александр Пушкин. Л., 1930. С. 156.

³ Слёнин Иван Васильевич (1789—14 II 1836) — петербургский книгопродавец и издатель.

⁴ Глазунов Илья Иванович (13 VII 1786—20 II 1849) — петербургский книгопродавец и издатель.

6 октября 1831 г. [Петербург]

Начну с того, что сообщу вам, друг мой, что деньги, которых я так ждала, прибыли наконец по назначению — я говорю о 600 рублях, которые вы отправили из Пултуска на адрес г. Лермантова. Я получила их 1-го сего месяца, и, надо признать, нельзя более кстати: в тот самый момент, когда я уже решилась на злую насмешку над вами — продать вашего «Ван-дер Фельда» по 50 копеек, потому что надобно вам знать, что до сих пор ни один экземпляр не двинулся из магазинов. Но почему вздумалось вам писать мне то через Бухгольца¹, то через почту? Вообразите, что ваше письмо от 12-го дошло только позавчера! Доверяйте их заботам г. Дурасова; когда вы так поступали, я всегда имела вести от вас по крайней мере через 10 дней. Барону Бухгольцу не известен не только мой адрес, но и то, что я здесь. Он забавлялся отправкой ваших писем ко мне в Царское Село к Александру, а тот передавал их мне только когда считал нужным, а иногда не передавал вовсе, и при всем моем почтении я подозреваю его, да простит мне Бог, что он пускал их на подтирку, шутки ради, конечно.

Что думать о вашем обещании вернуться ко мне через два месяца? Если бы я верила вам, то была бы спокойна, но дело в том, что это кажется мне сказкой. Только войдя в должность, как можете вы позволить себе просить об отпуске, даже на 10 дней, и получите ли вы его, когда все же решитесь? Вот почему, мой милый друг, я воздержусь сообщать родителям о вашем плане увезти меня с собой зимою. Зачем я стану огорчать их заранее и, может быть, напрасно, зачем пугать их и заставлять опасаться вашего возвращения, тогда как я буду ждать его с таким нетерпением? Поэтому, не обижайтесь, я не предприму никаких приготовлений в этом смысле, но постараюсь столкнуться с хозяином дома, чтобы не заключать контракта на год: я буду держать дом до мая месяца и, в самом деле, *думаю, не много ошибусь*.

Ряд Бога, сообщите мне о Льве: его молчание, по правде сказать, начинает нас беспокоить; мне приходят в голову самые черные мысли о нем, я даже думаю иногда... словом, мне воображается самое ужасное. Возможно ли, чтобы он все еще не был в полку? В июне он был в пути, направляясь туда; но я надеюсь, что вы напишете о нем как можно скорее. Я жду новостей от вас каждый день; вы никогда не бывали ленивы, так что я могу сетовать на одного Бух<гольца>, либо на почту. Чума бы забрала — по крайней мере, почту. Что вы скажете о времени, которое ей понадобится, чтобы доставить деньги? Надо думать, та же история будет с бумагой на имя Лермантова. Я раскаиваюсь теперь, что беспокоила вас из-за этого в последнем письме. Спасибо за туфли, но вы были не правы, мой друг, заказав их без моей мерки, и потом я слишком жалко одета, чтобы носить выписные башмаки, носить их будет стоить мне дороже, чем они стоят, так что придется с

ними распрощаться: у меня такая узкая нога, что я и здесь с трудом нахожу подходящие туфли, а мне сказали, что в Варшаве их обыкновенно делают слишком широкими; впрочем, все равно, во всяком случае я смогу подарить их.

Думаю, что вы удивлены моим молчанием, если только оно беспокоит вас, мой друг. Я провела *несколько дней* в Павловском и вернулась вместе с матерью, которая прожила у меня неделю, чтобы найти квартиру, какую она хочет; отец тоже приезжал, и завтра я жду их снова, пока не переедут к себе; они наняли на год дом у Синего моста², и сообщу вам новость, что у нас живет м-ль Рудольф; она рассталась с *вашей* г-жой Кушелевой, которая больше не нуждается в ее обществе, поскольку теперь у нее есть племянница; дело ее нисколько не движется и, может быть, протянется вечность. Она, кажется, сносит свои беды терпеливо, у нее прелестный дом, бесчисленные чепчики, как нимбы; она толстеет, как всегда, и проигрывается, говорят, в вист <?> Если вы вернетесь, то найдете ее прежней, непостоянство, видимо, не ее недостаток. Кстати, получили ли вы мое письмо с письмом Маркова? Он был у меня много раз, несчастный, изнуренный и бледный, как покойник, только и разговоров у него что про врачей и про холеру, которые, не в обиду вам будь сказано, произвели немалое опустошение в Петербурге. Реман умер; я была расстроена чуть не до слез; Пчела напечатала о нем пышный *некролог*, но больные его от этого, я уверена, только здоровее³. Черт бы побрал проклятых лекарей! Я зла на них, как никогда, особенно теперь: они утомили несчастного барона Корфа, женатого, саперного полковника, кузена и шурина Модеста⁴; похороны были третьего дня; мне присылали приглашенье, но я до сих пор не могу решиться к ним поехать; жду мать, чтобы поехать вместе. Его жена в отчаянии, у Модеста в церкви сделался нервный припадок, словно у женщины,— даже до нервического смеха; его вынесли без сознания. Вся семья в отчаянии. Писала ли я, что м-ль Окунева окончила свое печальное существование?⁵ Я почти была свидетельницей ее последних минут; потом была на похоронах, они расстроили меня дня на два; нечего и говорить, похороны не самое веселое в этом мире. Господа вроде В. все же большего стоят, я думаю,— что вы об этом скажете? Но когда же наконец это кончится? *Палят из пушек!* Иллюминируют город!! Готовят пышные торжества и благодарственный молебен!!! ... а Модлин и Займосць *мятежники*!⁶ Что делает гвардия? Останется ли Егерский полк в Варшаве или вернется в Петербург, когда окончится война? Я, должна признаться, ничего не понимаю из газеты, поэтому не стану больше подписываться на драгоценную Пчелу⁷, которая глупа как пень! Кстати, известны ли вам стихи Александра и Жуковского на взятие В<аршавы>?⁸ Они произвели сенсацию, но до того дошло, что развлекаются их переводом на немецкий и на французский и калечат их самым жалким образом⁹, и, к несчастью, их автор или искажитель — мой бывший поклонник Бакунин¹⁰; я очень раздосадована этим, так как всегда относилась к нему не без некоторой нежности.

Напишите мне, дорогой мой, как это так получается, что, по вашим словам, в Варшаве театра нет, а г. Валериан Языков утверждает обратное и говорит, что был

там? Который же из вас баснословит? Доставьте мне, мой милый, удовольствие, справьтесь о здоровье его брата *Александра*, капитана Преображенского полка: он пошел добровольцем и был тяжело ранен; говорят, что он не двигается и очень плох. Его мать¹¹ не знает об этом и надеется, что он заслужит Георгиевский крест,— он первым поднялся на батарее. Она посылала ему, дабы развлечь, стихи *Александра, переписанные мной*, но опасаясь, не напрасный ли то был труд, не чувствует ли он себя слишком плохо, чтобы слышать и понять их; ты их верно достанешь теперь, оттого я их и не посылаю. Прощай, друг мой, будь здоров. *Ширкова*¹² стихи я потеряла не знаю как; незавидные, нечего сказать, особенно при Ж<уковско>го и Брата стихах.

Мимходом скажу тебе, что я возобновила знакомство с Языковыми, с Штакельберками¹³, что я довольно редко бываю дома, приглашений *бесчисленное множество*,— но, по правде сказать, это начинает утомлять меня; г-жи Бренчанинова и Харлинская¹⁴ хотят непременно заполучить меня к себе, но я заявила, что это немного слишком, и если они приедут ко мне, я им визита не верну.— Здесь моя бывшая подруга г-жа Чагина, а также мои подруги девицы Боборыкины¹⁵, Аннет¹⁶ и пр. Которого из братьев вы видели: не моего ли обожателя Базиля? Прощайте, дорогой, пишите мне, сообщите мне утешительные новости о Льве, и тогда я поцелую вас так нежно, как только можно вообразить.

Ваша верная жена Ольга. Нет ли у вас другой?

Помета Н. И. Павлицева: 31 Октября / 12 нояб. 1831.

¹ Бухгольц Николай Ефремович, барон (ум. не ранее 1869 г.) — пансионский товарищ Н. И. Павлицева (оба выпускники 1819 г.— Голицын Н. С. *Благородный пансион Императорского Царскосельского лицея. 1814—1829 г. С. 391*), в то время полковник л.-гв. Семеновского полка, находился в Петербурге на должности старшего адъютанта Главного штаба Его Императорского Величества (Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1832 г.). Указание Л. А. Черейского на барона Августа Бухгольца, доктора медицины в Варшаве, следует считать неверным (Черейский Л. А. *Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 56*).

² Дом Вульфберта у Синего моста.

³ Роман Осип Осипович — врач, лейб-медик, член Комитета, назначенного 21 июня 1831 г. для принятия мер против холеры. В № 218 «Северной пчелы» на 1831 г. напечатан его некролог: «В ночи на 26-е сентября скончался генерал-штаб-доктор по Гражданской части, лейб-медик, действительный статский советник и кавалер Осип Осипович Роман на 55 году от рождения».

⁴ Барон Корф Николай Федорович был женат на сестре барона Модеста Андреевича Корфа (11 IX 1800—2 I 1876) Елизавете (8 II 1804—27 II 1832). Барон М. А. Корф — лицейский товарищ Пушкина, сделал блестящую карьеру, занимал видные должности на государственной службе; автор воспоминаний о Пушкине, ценных по фактическим данным, однако несколько тенденциозных. Семейство Корфов было давно знакомо и дружно с семейством Пушкиных; во второй половине 1810-х гг. они жили в одном доме (дом Клокачева на наб. Фонтанки, теперь дом № 185.— См.: Цявловский М. А. *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. Т. 1. М., 1951. С. 122*); Ольга Сергеевна до старости сохранила добрые отношения с М. А. Корфом и его женой Ольгой Федоровной, урожд. Корф (ум. 1884).

⁵ Окунева Софья Александровна — четвероюродная сестра Ольги Сергеевны, родная сестра Н. А. Окунева (см. ниже).

⁶ После падения Варшавы всем польским войскам было предложено сдать оружие и собраться в Плотске, но они не выполнили этого

требования и отступили к крепостям Модлин и Замостье. Сообщение об этом см. в «Северной пчеле» от 15 сентября 1831 г.

⁷ «Северная пчела» — единственная частная газета, имевшая в то время право печатать политические известия; издавалась Ф. В. Булгариним и Н. И. Гречем.

⁸ Речь идет о брошюре «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина» (СПб., 1831; цензурное разрешение от 7 IX 1831). В ней были напечатаны стихотворения Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», а также стихотворение В. А. Жуковского «Старая песня на новый лад» (другое название — «Русская песнь на взятие Варшавы»). Все три стихотворения 5 сентября (на следующий день после получения известия о взятии Варшавы) были представлены Николаю I, а 10-го брошюра уже была отпечатана и вскоре поступила в продажу (Письма. Т. III. С. 410). Анализ указанных произведений и изложение взглядов Пушкина на польское восстание см.: Беляев М. Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. Л., 1927; Осоват А. Л. Пушкин, Тютчев и польское восстание 1830—1831 годов // Пушкинские чтения в Тарту. Тезисы докладов научной конференции. Таллин, 1987.

⁹ Как заметил П. Е. Щеголев, стихотворение «Клеветникам России» было напечатано «только по-русски, в ничтожном сравнительно количестве, но клеветники России по-русски не читали, и политические выступления Пушкина и Жуковского оказались только для внутреннего

употребления» (Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. Л., 1931. С. 352). Однако почти сразу появилось несколько переводов на немецкий и французский языки — подробную их сводку см.: Письма. Т. III. С. 418 и 430.

¹⁰ Бакунин И. М. (см. выше). Свой перевод на французский язык стихотворения «Клеветникам России» он передал Пушкину через свою троюродную тетку Е. М. Хитрово; оценку перевода см. в письме Пушкина к Е. М. Хитрово (Академ. XIV. № 685). Предположение Л. Б. Модзалевского об авторстве Н. М. Бакунина (Письма. С. 590) — ошибочно, — см.: Русские писатели. Т. 1. С. 142.

¹¹ Языкова А. В.

¹² Ширков Валериан Федорович (1805—1856) — приятель Н. И. Павлищева, либреттист оперы М. И. Глинки «Руслан и Людмила»; в начале тридцатых годов служил военно-путевским офицером и находился в Польше. Подробнее о нем см.: Глинка М. И. Записки. М., 1988, по указ.

¹³ Возможно, графиня Стакельберг (Штакельберг) Аделаида Павловна, урожд. графиня Тизенгаузен (24 IV 1807—7 XI 1833), — двоюродная сестра Д. Ф. Фикельмон, и ее муж, Рейнгольд-Андрей (Андрей Иванович) (25 VII 1797—10 XI 1859).

¹⁴ Гарлинская (Харлинская), урожд. Ушакова, вдова, жительница Киева.

¹⁵ Боборыкины Пелагея Лукьяновна и Софья Лукьяновна, дочери А. Е. и Л. М. Боборыкиных, сестры Екатерины Лукьяновны Симанской — подробнее см. т. 1 наст. изд.

¹⁶ Паскевич А. В.

21

13 октября [1831 г. Петербург]

Лихорадка, вызванная простудой, которая удерживала меня в постели несколько дней, помешала мне ответить на два ваших первых письма, последнее из которых мне вручил г. Пушкин¹, и в тот самый день, когда я совсем плохо себя чувствовала. Спасибо, друг мой, за серьги и туфли: они доставили мне большее удовольствие, чем полученные 600 рублей, — надобно вам сказать, в них была

крайняя нужда. Надо ли после этого говорить вам, как оценила я этот знак вашего внимания? Спасибо еще раз. С тех пор, как я писала вам, мы получили вести от Льва — и какие! Он участвовал во многих сражениях, под ним была убита лошадь, а он жив и здоров, как ни в чем не бывало. Может быть, вы увидите его в Варшаве; он прислал совершенно бессмысленный адрес, так что я не знаю, где он; разобрала только «Варшава» — чрез Варшаву или в Варшаву — Бог весть, как намарал².

Л. С. Пушкин.
Рисунок А. Орловского. 1820-е гг.

Когда же вы вернетесь ко мне? Все причины, которые вы приводите, чтобы убедить себя и меня, что вы не можете приехать раньше, очень убедительны, ничего не скажешь; я писала вам в последний раз, что было бы не очень порядочно просить отпуск, чтобы приехать за мной, если только другие не делают так же. Поскольку Император уехал в Москву до декабря³, думаю, что, если бы вы могли получить отпуск на несколько дней до его возвращения, на это не обратили бы особого внимания. Вы теперь уже знаете, я думаю, что г-жи Энгель и Фурман в пути к своим мужьям, и уехали уже давно — еще в августе месяце; удивляюсь, что они еще не прибыли в Варшаву.

Что еще сказать вам, мой дорогой? Я написала вам неделю назад подробное письмо, которое отправила через Дурасова. Надеюсь, вы получили его; курьеры скачут куда быстрее почты, но тем не менее я правильно сделаю, отправив это по другому; не знаю, в дороге ли еще эти господа, потому что Генеральная

Квартира уже не в Варшаве. Прощайте, друг мой, я еще слаба и устала писать; впрочем, не тревожьтесь: это только следствие маленькой неосторожности с моей стороны, я перегуляла лишнего по холодной погоде. Прощайте.

На обороте: В Варшаву в Канцелярии г. Председателя Временного Верховного Правления Царства Польского. Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлицеву. — Почтовый штемпель: С.-Петербург, 15 Окт. 1831 и помета. С.-Пбург 16 Октяб.

Помета Н. И. Павлицева: 31 Окт. / 12 Нояб.

¹ Возможно, речь идет о Мусине-Пушкине Федоре Матвеевиче (ум. не позд. 1853 г.), муже подруги Ольги Сергеевны А. О. Мусиной-Пушкиной, офицере л.-гв. Гусарского полка, или о его брате Александре Матвеевиче, служившем в том же полку. Л.-гв. Гусарский полк в то время вернулся из Польши с театра военных действий. А. М. и Ф. М. Мусины-Пушкины — двоюродные дяди Н. Н. Пушкиной.

² Л. С. Пушкин в это время находился в Варшаве, где поселился первоначально на квартире Н. И. Павлищева (Павлищев Л. Н. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. С. 248), а затем — вместе с графом М. Д. Бутурлиным (РА, 1897. Т. 2. С. 373).

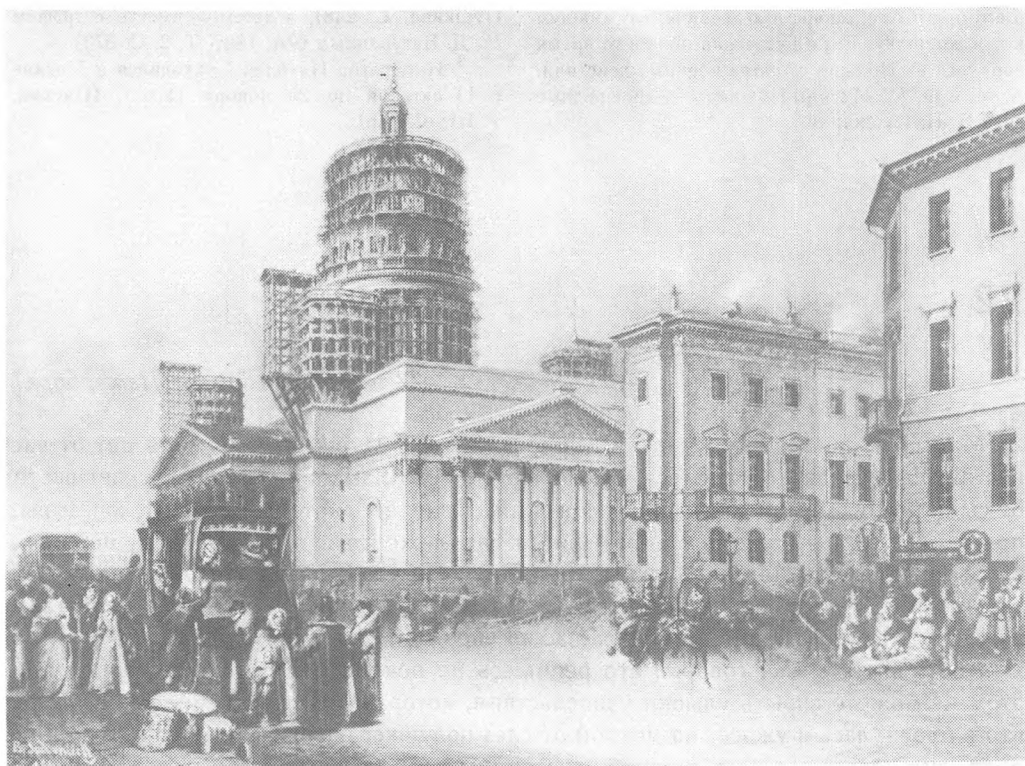
³ Император Николай I находился в Москве с 11 октября по 25 ноября 1831 г. (Письма. Т. III. С. 446).

22

23⁵ октября 1831 г. [Петербург]

Мой друг, после письма, что вы прислали мне с Пушкиным, у меня нет от вас вестей. Я начинаю волноваться, тем более что г-жа Языкова ¹ часто получает вести от сына и, потом, приехал г. Всеволожский (Никита) ², который служит, как и вы, при г. Энгеле, и ничего не привез мне от вас, даже поклона; впрочем, не знаю, из Варшавы ли он или из Вильны, но суть в том, что он взял отпуск и приехал к своей жене ³, — откровенной, кстати сказать, распутнице. А вы — вы перестали даже писать мне! На днях я видела вас во сне, будто вы приехали забрать меня, а я, чтоб испытать вас, говорю, что решила не покидать Петербурга; что вы при этом не можете скрыть улыбки удовольствия, которая причинила мне такую боль, что я проснулась в ужасе, на мокрой от слез подушке; надеюсь, этот сон не дурное предзнаменование и был внушен мне одним лишь страхом, что я не скоро вас увижу. В самом деле, мой друг, я уже не знаю, когда вас ждать — не вы ли собирались опередить всех мужей своей канцелярии? И вот Всеволожский здесь, и, конечно, отпуск можно будет получить не иначе как в порядке очереди; я писала в прошлый раз, что Император пробудет в Москве до декабря; нужно было бы воспользоваться его отсутствием; постарайтесь сделать это или, по крайней мере, не вводите меня в заблуждение; скажите честно, когда и как вы приедете и на сколько времени — с намерением ли забрать меня или уехать одному; я должна буду принять меры, хотя я и договорилась с хозяином квартиры о помесечной оплате; она все-таки слишком дорога для меня одной, поскольку отец с июня не дает мне денег, а на ваши я по-прежнему не могу рассчитывать, даже на те, что вы отправили летом, поскольку в Комиссариате о них до сих пор ничего не слышно. Что касается родителей, они сняли премиленькую квартиру у Синего моста, но она слишком мала, чтобы я могла жить вместе с ними. Александр, который по приезде предлагал мне переехать к нему, своего предложения больше не повторял, а если бы и сделал это, я бы не согласилась: образ жизни, который они будут

вести, мне не подходит: они будут принимать слишком много гостей, которые совсем не интересны мне, а мои друзья не в дружбе с ними ⁴. Пока они еще не совсем устроились; по приезде они выбрали дом, который потом им разонравился, и нашли другой, на Галерной ⁵, за 2500 руб. Моя невестка беременна ⁶, но это еще не заметно; она очень хороша собой и любезна.

Петербург. Исакиевская площадь. Станция дилижансов. Рисунок В. Садовникова. 1841 г.

Я прервала письмо из-за визита г. Маркова; он пробыл около часа; сообщил мне, что г. Энгель будет назначен на место г. Закревского ⁷ и, конечно, приедет сюда. Он слышал это от кого-то при Канкрине ⁸. Если это так, мой милый друг, вы сделали бы лучше, служа при нем здесь. Жизнь здесь не дорога, гораздо дешевле, чем в Варшаве, и если вы получите 2000 и квартиру — это устроило бы нас. Г. Марков говорит, что теперь при всех Министерствах казенные квартиры и непременно, если вы станете необходимы г. Энгелю, чины и награды пойдут своим чередом; что вы скажете на это, мой дорогой? Здесь живут как хочется, а в Варшаве надобны роскошные туалеты; на одни мои туалеты ушли бы все деньги, что отец назначил мне, — и совсем не торопится выдать их. С вашего отъезда — больше чем за семь месяцев — я получила от него только тысячу рублей, а даст ли он мне три тысячи через пять месяцев! ⁹ — Он об этом даже не думает. — Прощайте, друг мой, жду с нетерпением вашего ответа на два последних письма, особенно на первое,

очень подробное, которое я посылала через Дурасова и где сообщала вам немало новостей, среди прочих — о смерти Николая Корфа, женатого, и Софьи Александровны¹⁰, о переезде м-ль Рудольф к моим родителям и проч., и о моем образе жизни, который становится очень рассеянным. Писала ли я, что здесь барышни Боборыкины и на днях ждут князя Вяземского¹¹, — что для меня приятнее всего. — Мое здоровье поправилось, и я в состоянии наслаждаться их обществом, моя веселость явно возвращается ко мне, это все замечают. Время от времени бываю у Волковых. Что до красавицы Паскевич — ее я вижу редко; она бывает часто только в тех домах, где уверена, что найдет предмет своего обожания¹². Прощай, все знакомые тебе кланяются и не верят, что ты за мной приедешь. М-ль Мари¹³ передает вам поклон. Плакса надоела.

Помета Н. И. Павлицева: 2/14 Ноября 1831.

¹ Языкова А. В., урожд. графиня Мантейфель.

² Всеволожский Никита Всеволодович (17 II 1799—28 VII 1862) — петербургский приятель Пушкина, основатель общества «Зеленая лампа», страстный театрал и музыкант-любитель. С марта 1831 г. служил в канцелярии виленского военного губернатора, с августа — в составе комиссии для разбора степени вины литовских повстанцев. С ноября 1831 г. — чиновник особых поручений при Главном штабе в Петербурге.

³ Всеволожская Варвара Петровна, урожд. Хованская (1805—19 XI 1834), с 1825 г. замужем за Н. В. Всеволожским.

⁴ Постоянный круг общения Ольги Сергеевны и Пушкина был различным и пересекался по большей части лишь через общих знакомых семьи Пушкиных. Об отношении Пушкина к некоторым близким приятельницам сестры (например, Е. М. Ивелич) см. ниже.

⁵ В октябре 1831 г. Пушкин с семьей несколько дней прожил «у Измайловского мосту на Вознесенском проспекте в доме Берникова», а потом переехал на Галерную ул. в дом г-жи О. К. Брискорн.

⁶ Старшая дочь А. С. и Н. Н. Пушкиных Мария родилась 19 мая 1832 г.

⁷ Граф Закревский Арсений Андреевич (13 IX 1783—11 I 1865) — с 1828 г. министр внутренних дел; вследствие нерешительных действий против холеры попал в немилость у императора

и в ноябре 1831 г. вышел в отставку (Каменская М. Ф. Воспоминания. М., 1991. С. 216; РБС. Т. 7. «Жабокритский—Зяловский». С. 195).

⁸ Граф Канкрин Егор Францевич (1774—1845) — с 1823 г. министр финансов.

⁹ После замужества дочери Сергей Львович назначил ей содержание «по четыре тысячи в год», но из-за финансовых трудностей не мог сдержать обещания, и «в первые два года дано было только по 2 т., в последующие два по 1500, а в остальные еще менее» (Академ. XV. № 922).

¹⁰ Окунева С. А.

¹¹ Князь Вяземский Петр Андреевич (12 VII 1792—10 XI 1878) — в начале 1830-х гг. служил чиновником особых поручений при министре финансов Е. Ф. Канкрине, почти весь 1831 г. провел в Москве, занимаясь устройством промышленной выставки. Ольга Сергеевна познакомилась с Вяземским в 1825 г. в Ревеле, и между ними сразу сложились добрые отношения, известно стихотворение Вяземского, посвященное О. С. Павлицевой. — Новейшую библиографию работ о П. А. Вяземском см.: Русские писатели. Т. 1. С. 501.

¹² По предположению Л. Л. Слонимской, «предмет обожания» А. В. Паскевич — граф Мантейфель Григорий Андреевич (р. 1795) — ревельский знакомый Пушкиных (см. т. 1 наст. изд.).

¹³ Вероятно, Клюпфель М. Ф.

26 Октября [1831 г. Петербург]

Мой милый друг, только что получила три ваших письма сразу: два через почту и одно через г. Синявина ¹. Последнее дошло всего за 15 дней, тогда как другие — около месяца. Хотя я писала вам позавчера, отвечаю теперь на ваши последние послания, в которых — не обижайтесь — во всех трех сказывается ваш неугомонный характер: едва вступив в должность, не зная еще всех преимуществ, которые может доставить вам место, которое вы будете занимать, при таком добром и пользующемся столь высоким *покровительством* начальнике, — у вас снова причуды, ваша навязчивая идея — консульство ²; сколько молодых людей, и женатых, и разных возрастов желали бы быть, я думаю, на вашем месте, у вас нет никаких оснований жаловаться, что *нет протекции, нет поддержки*. Вы занимаете очень приятное место при г. Энгеле, который, если вы сделаетесь ему необходимым, непременно поможет вашему продвижению, и — как я уже писала вам — чины и награды пойдут своим чередом; в самом деле, какой вы странный. Там хорошо, где нас нет. Относительно вашего возвращения — каким *бесчестием* грозит оно вам? В любом случае, если Энгель вызван сюда, вы хорошо сделаете, если вернетесь вместе с ним и станете служить при нем, не *заботясь* о Данциге и Кракове, где вы будете тратить все, что получаете, и не продвинетесь. Что касается меня лично, я охотно стала бы космополиткой, лишь бы быть уверенной в вашем чувстве; тогда я с радостью последовала бы за вами на край света, если правда, что вы почитаете во мне *все свое счастье*, как вы пишете. Я не *фразерка*, и если говорю что-либо, то от чистого сердца. Если единственно, что препятствует приехать за мной, — деньги, то те, что у Лихардова, — в вашем распоряжении, их хватило бы, я полагаю, на переезд в Варшаву или в другое место; но, умоляю вас, не торопите события, попытайтесь немного охладить ваш *пыл*, — а пока веселитесь в Варшаве, постарайтесь завести хорошие знакомства, — развлечение, я думаю, будет хорошим лекарством от ваших *причуд, вашей навязчивой мысли*.

Адъютант Окунев ³ — родной брат Софьи Алек<сандровны>; это, однако, не мешает ему от души посмеяться, если вам придет мысль просить его о протекции: он с нами почти вовсе незнаком, а родня — *седьмая вода на киселе*, и потом совсем не уместно просить его о чем-то для чужих, и, *кроме того*, давать консульство — это не дело г. Паскевича, я полагаю, и, *кроме того*, обращаться к Окуневу невозможно: это было бы слишком смешно и бесполезно. Прощайте, друг мой, в самом деле, я не знаю, как вам писать: через Дурасова или по почте. Спрошу, как думают об этом Лермантовы ⁴.

Кстати: я не получала денег по *бумаге*. Всего у меня до сих пор только 600 рублей, высланных из Пултуска; об остальном даже не слышно. Это письмо идет только через 2—3 дня. Наумов кланяется вам; жена его родила; это прекрасный предлог не показываться к ней несколько времени; у меня не принимают посылок

в Варшаву, вот почему не посылаю тувель и ничего другого, мой друг; хотела послать чаю и табаку, но Бог знает, когда вы их получите.

Помета Н. И. Павлицева: 14/26 Ноября 1831.

¹ Сенявин Лев Григорьевич (14 X 1805—19 VI 1861) — сослуживец Н. И. Павлицева по Азиатскому департаменту Коллегии иностранных дел, коллежский ассессор, впоследствии сенатор, тайный советник.

² Надежды Н. И. Павлицева получить консульское место были связаны с происходившими в то время значительными перемещениями в

Министерстве иностранных дел, вызванными исходом Польской войны.

³ Окунев Николай Александрович (1788—21 XI 1850) — флигель-адъютант, генерал-майор, военный писатель, в то время состоял при фельд-маршале князе И. Ф. Паскевиче; четвероюродный брат Ольги Сергеевны.

⁴ Лермантовы В. Н. и П. Г.

24

17 нояб/ря 1831 г. Петербург]

Г-н Карастовцов уезжает нынче ночью. Он приходил вчера сообщить об этом, я видела его в первый раз со времени его приезда; когда он принес ваше письмо, меня не было дома, и я не могла к нему послать, не зная его квартиры. Голова у него побольше кулака, да не знаю, больше ли в ней смысла. Представьте себе, мой друг, когда он заходил в первый раз и узнал, что я у г-жи Лермантовой ¹, — следовательно, довольно близко от дома, — он послал за мной, не желая ни отдавать письмо, ни объявлять свое имя горничной и не обещая зайти еще. Груша ² прибежала, запыхавшись, рассказать мне все это, когда я уже прощалась с Лермантовыми, — так что я сняла шляпу и перчатки и осталась у них еще на час. Вернувшись домой, я уже, слава Богу, не застала его.

Знаете ли вы, дорогой мой, что с тех пор у меня нет от вас ни строчки — никакого ответа на три моих письма. Говорят, это хорошая примета, когда кто-то не пишет, — значит, ему весело, только меня это никак не устраивает. Я ждала вас с г. Энгелем, поскольку здесь считали и продолжают считать, что он будет назначен министром внутренних дел, но теперь уже не знаю, что и думать; видимо, прощаясь с вами, я не напрасно так оплакивала ваш отъезд. Вышеупомянутый *Белерофон* ³ сказал мне, что г-жа Энгель возвратилась, но на сколько времени и для чего — оставил в тайне — несмотря на все мои усилия вытянуть это из него. На днях я непременно к ней поеду. — Я очень сердита, что не знала раньше о том, что наш Белерофон уезжает и где он живет; он рассердил меня с первого же раза, но похоже, он добрый малый, хотя и с физиономией гиппопотама; надо будет постараться застать его дома. Да, вот еще: он явился сначала к родителям за моим адресом, который был написан на конверте! Как вам это понравится?

Прощайте, друг мой, не хочется писать вам письмо длиннее, поскольку от вас нет вестей; сообщу только, что баронесса Дельвиг вышла замуж за г. Сергея Баратынского, причем еще в июне, но объявила о замужестве только месяц назад; эта бывшая баронесса настоящая распутница, прости мне Господи!⁴ Она в Москве. Что касается моей невестки⁵, то эта женщина здесь в большой моде. Она принята в аристократическом кругу, и общее мнение, что она красивее всех; ее прозвали «Психеей».

Прощайте, будьте здоровы. Кланяйтесь от меня графине Залуской... * Приедете ли вы за мной? — ответьте хотя бы на это. Я ничего не получала по бумаге на имя Лермантовых, — видимо, она пропала.

Почта Н. И. Павлицева: 5/17 декабря.

¹ Лермантова П. Г.

² Крепостная Пушкиных, отданная Ольге Сергеевне в услужение (см. т. 1 наст. изд.).

³ Беллерофонт — один из самых известных мифических героев Древней Греции. По одной из версий Беллерофонт утратил расположение богов, когда надменно попытался на крылатом коне Пегасе взлететь на Олимп — за это он был низвергнут на землю; хромым и слепой, скитался он до самой смерти (см.: Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 166). О. С. Павлицева имеет в виду в первую очередь эпизод с передачей письма и, возможно, при этом намекает на какие-то физические недостатки или неудачные обстоятельства «почталюна», позволяющие иронически сравнить его с низвергнутым героем.

⁴ Баронесса Софья Михайловна Дельвиг объявила о своей свадьбе только осенью, когда стало невозможно скрывать ее беременность, и сразу же вместе с мужем уехала в его поместье в Тамбовской губ. Оттуда 22 октября она писала

своей подруге А. Н. Карелиной об обстоятельствах свадьбы: «Человек этот любил меня в продолжение 6 лет <...> В один прекрасный день он появляется передо мною в Петербурге, говорит, что не может более сносить неизвестность, которая его убивает, и просит у меня моей руки. Это было в конце мая <...> Его отчаяние, малая надежда, которую я предвидела, на изменение его страшного решения, испытываемое мною отвращение к совместной жизни с моим отцом, — наконец, одна минута слабости, — все это решило мою судьбу, и я не могла получить от нетерпеливости Сергея отсрочки, которая требовалась хотя бы приличием. Он боялся, чтобы я не ускользнула от него, он хотел с этим покончить, чтобы быть более спокойным. Наконец, перед моим отъездом из Петербурга мы обвенчались тайно, так как я должна была еще совершить поездку к моей свекрови» (Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929. С. 263).

⁵ Пушкина Н. Н.

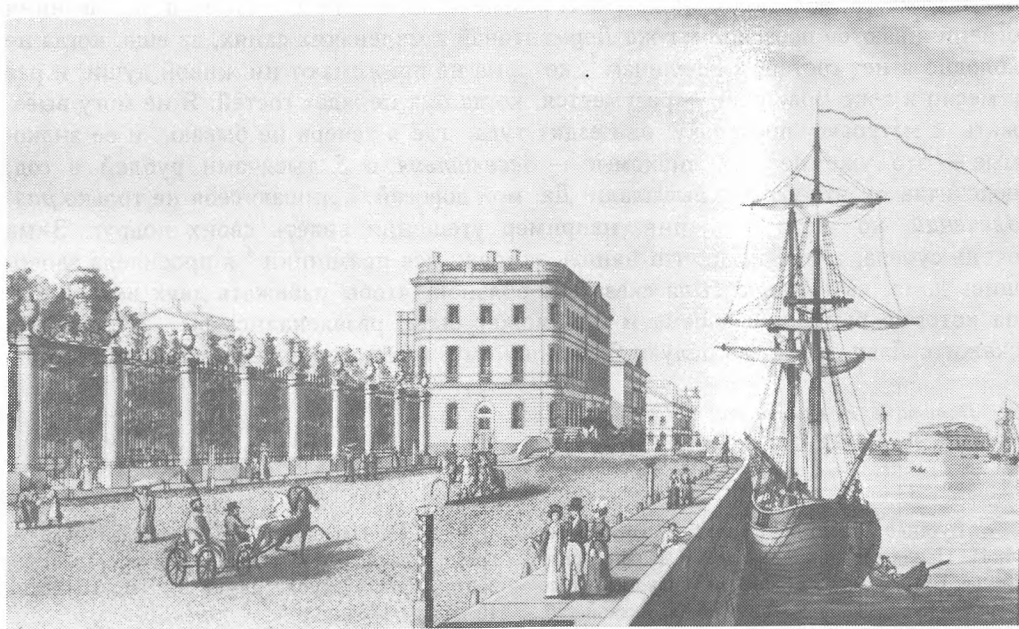
25

*2 января [1832 г. Петербург]
отправлено 6-го*

Только что получила ваше письмо через Дурасова. Оно порадовало меня, потому что вы сообщаете о Лье (я совсем не думала, что он в Варшаве); и поскольку вы ни слова не пишете о *соре* с г. Энгелем, я начинаю думать, что это слух, кото-

* Одна фраза неразборчива.

рый вздумалось пустить здесь г. Бутеневу-2¹; но повторю еще раз, что вы рассказываете мне какие-то сказки — о *должности*, которой вы якобы еще не получили, но тем не менее *исполняете*, о жалованье, еще не назначенном, но которое, однако, вы получаете, потому что служить при Временном Правлении — все-таки, я *полагаю*, *должность*, а один дукат в день — без всякого сомнения, жалованье². Ежели бы вы хотели, чтобы я была с вами в Варшаве, то поступили бы так, как делают другие, у которых также нет крыльев,— приехали бы за мной, вместо того

Петербург. Набережная Невы у Летнего сада. Литография. 1820-е гг.

чтобы *хитрить*, рассказывать *небылицы* и повторять «если бы» со многими восклицательными знаками по поводу нашей разлуки и того, что вы так далеко от меня, но надеетесь увидеть более счастливые дни рядом со мной, и проч. и проч., и множество других прекрасных фраз, которые ничего не доказывают,— тогда как ваше упрямое желание служить в Варшаве доказывает мне, что там вам хорошо; я не вменяю вам этого в вину, но хотела бы все же знать, как мне поступить со своей персоной, или же, выслушав все ваши уверенья, я могу располагать собой по своему усмотрению? Ожидая вашего приезда с неделю на неделю, я задержала квартиру, которую мы занимаем, еще на месяц, тогда как могла спокойно жить у родителей; но теперь это уже непоправимо, потому что, видя мое решение жить отдельно, они сняли квартиру слишком маленькую, чтобы я могла жить с ними, что доказывает, как *нелюбезно* было с вашей стороны ввести меня в такое заблуж-

дение, тем более что вы должны знать, что ради того, чтобы держать дом, я отказываю себе в удовольствиях, а часто, нужно сказать, и в необходимом, чтобы предусмотреть содержание прислуги, а мне надобно есть, пить, обогреться, иметь жилище и свет; это не мелочь. С вашего отъезда (а через два месяца будет уже год) я получила от отца всего 2000, а вы еще полагаете, будто при всем этом я могу развлекаться! Вы мне советуете это — благодарю покорно; я последовала бы совету неукоснительно, когда бы знала, на какие средства. Для этого мне нужно больше чем фрак и немного здоровья: надобен экипаж, туалет, или вы полагаете, этого мало? — так мало, что для выхода на обыкновенный вечер нельзя надеть платье, которое стоило бы меньше 75, чепец менее 40, и чтобы парикмахер уложил волосы меньше чем за 15; ложа в театре стоит 20 рублей, экипаж, чтобы доехать туда, 5— и даже 15, если четверкой, чтобы развлечься! Знайте же, что мои развлечения ограничиваются поездкой к г-же Лермантовой в маленьких санях, да еще, когда не холодно и нет гостей, к Ивеличам³, которые не принимают ни живой души, и раз в месяц к г-же Волковой, — разумеется, когда она не ждет гостей. Я не могу выезжать с матерью, поскольку она ездит туда, где я теперь не бываю, и ее знакомые — это уже не мои знакомые. — *Веселиться* с 3 тысячами рублей в год, подсчитав то, что вы мне высылали! Да, мой дорогой, я лишаю себя не только *развлечений*, но часто утешения, например утешения видеть своих подруг. Зима очень сурова, а мне не на что нанять экипаж; все праздники⁴ я просидела запершись дома, вынуждена была сказать больно, чтобы избежать двух вечеринок, на которые была приглашена и где, может быть, развлекались бы. — Прощайте, скажите Льву, что я его целую. Я напишу ему, когда мне будет не так грустно.

Почта Н. И. Павлицева: 12/24 января 1832.

¹ Бутенев Леонтий Петрович, сослуживец Н. И. Павлицева по Азиатскому департаменту. Семья Бутеневых — старинные знакомые и соседи Гончаровых по именням в Калужской губ., поэтому первой этот слух стал известен Н. Н. Пушкиной, которая и передала его О. С. Павлицевой (см. выше).

² Н. И. Павлицев был утвержден в должности управляющего канцелярией генерал-интенданта Действующей армии В. В. Погодина 15 января 1832 г.

³ Семья графини Н. А. Ивелич.

⁴ Рождество.

26

22 января 1832 [Петербург]

Мой дорогой друг, только что получила ваше письмо, которое совершенно меня озадачило, как я ни рада, что ваши служебные дела приняли такой оборот.

Зачем прекрасная м-ль Погодина¹ уезжает так скоро, а у меня на все про все в шкатулке 300 рублей? Зачем здесь мои родители, которые будут огорчены моим

отъездом и сделают все, чтобы удержать меня? Вы пишете мне о г-же Рагальской², приехавшей к мужу; но нужно было бы узнать, находилась ли эта дама в подобных обстоятельствах. Я готова поклясться, что у нее не было родителей, возражавших против ее отъезда, и во всяком случае были средства, чтобы предпринять одной столь неприятное путешествие, и, главное, было больше здоровья.— Это последнее обстоятельство очень серьезно. У нас суровая зима, бесконечные морозы или вьюги, и подвергнуться им, самое меньшее на 10 дней, было бы слишком рискованно: я *дорожу своим здоровьем*; хотя оно и несравнимо лучше, но не вернулось еще к прежнему состоянию. Я сделалась крайне подвержена простудам. Поэтому знайте, что я не стану рисковать им ни за какие блага мира, да и как вы хотите, чтобы я одна смогла устроить все в такое короткое время? Я говорю одна, потому что г. Дурасов *не родственник* мне и *не друг*; это человек, очень ко мне снисходительный, но не более того, так же как и г. Марков, который, замечу кстати, безнадежно болен и лежит при смерти. Вы скажете, что у меня есть, кроме того, отец, мать, брат, а я вам повторю, что они пальцем не пошевелят, чтобы помочь мне сложить багаж, а скорее свяжут руки, чтобы оставить меня здесь, и я чувствую, что, дабы осуществить ваш план, мне необходимо будет скрывать его от них еще некоторое время, в случае, если я договорюсь с м-ль Погодиной; но если она едет через неделю или уже уехала, что вполне возможно,— тогда — ваша покорная слуга: я не могу одна, с прислугой, проделать путь в 1500 верст по враждебной стране, не зная языка, со слабым здоровьем, и ко всему еще зимой. Я останусь здесь до мая месяца, а потом уеду с родителями в Михайловское; если вы не приедете за мной, я вернусь к своей девической жизни с родителями,— у меня не остается выбора. Отец дал мне за весь год только 2000 рублей, а этого мне недостаточно, чтобы держать квартиру.— Прощайте, будьте счастливы,— как счастливы, мне кажется, теперь, и постарайтесь укрепиться на посту, который занимаете; очевидно, что он, при г. Погодине³, приятен и надежен.

Кстати: «пост» означает «должность»; «пост» современнее, а то уже устарело. А я твоего письма не покажу: отец оскорбился бы обращением *любезнейший*. Ради Бога, напиши поцеремоннее: «*Милостивый Государь*» или по крайней мере «*почтеннейший*». Умоляю, заставьте Льва написать родителям! Они воображают, что он умер.

Помета Н. И. Павлицева: 14 февраля.

¹ Дочь В. В. Погодина (см. ниже), уезжавшая в то время в Варшаву к своему отцу.

² Возможно, родственница (жена?) Рогальского Адама (1800—1843) — польского издателя,

переводчика, писателя. Во второй половине 1820-х гг. А. Рогальский служил чиновником в Петербурге; в 1831 г. переехал в Варшаву. Известен как первый переводчик на польский язык

поэмы А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан» (1826 г.), составитель русско-польского словаря (в 2-х т. Варшава, 1841). По свидетельству С. Моравского, был тайным агентом полиции (см.: Polski słownik biograficzny. Т. XXXI.

Wrocław; Warszawa; Kraków, Gdansk; Łódź, 1988—1989. S. 409—410.

³ Погодин Василий Васильевич (1790—21 I 1863) — с 3 мая 1831 г. генерал-интендант Действующей армии, впоследствии сенатор.

27

25 января [1832 г. Петербург]

Мой милый друг, я приняла решение: Дибичу пришлось остановиться из-за ледохода на Висле ¹, нет причины, чтобы со мной не случилось того же; время года таково, что невозможно путешествовать ни на колесах, ни в санях; не знаю, как поступит м-ль Погодина, я еще не видала ее, поскольку все еще жду г. Петрова ², которого г. Дурасов пожелал привести ко мне, по моей просьбе. Однако я очень сомневаюсь, что эта барышня предпримет путешествие раньше весны; дай Бог, потому что тогда я отправлюсь вместе с ней, это было бы для меня как нельзя более удачно, если, конечно, вы *получите его место*. Раз мы затронули этот предмет, поговорим о нем немного. Вы пишете, что г. Погодин, когда вы меньше всего это ожидали, предложил вам его, что вы согласились не колеблясь, но это должно было еще быть утверждено маршалом ³, — что довольно ненадежно, — маршал, как всем известно, очень взбалмошен; возможно, он не пожелает вас из одного каприза, да вместо Павлищева назначит Кавлищева, — пусть только чтобы показать, что он хозяин-барин. — Поверьте, друг мой, вы во всем слишком поспешны, вам это говорят ваши друзья, и они правы; и потом, вы всегда недовольны своей службой, будь вы на месте самого принца Трапезундского, вместо того чтобы быть там Консулом, как вы надеялись; кто знает, не нашли ли бы вы способа поссориться с новым начальником, — и как бы тогда вы поступили со мной? и кто знает, не ожидают ли вас новые бури? Поэтому пока я останусь здесь; уезжать сейчас, по такой дурной дороге, с риском сломать себе шею или утонуть, да еще торопиться с отъездом, вещь если не невозможная, то совершенно безумная. Сегодня я вручу ваше письмо отцу, даже если оно приведет его в дурное настроение; так нужно, что поделаешь? Надеюсь, что вы будете согласны со мной по поводу нашего соединения в мае; в любом случае надеюсь не упустить возможности совершить путешествие. — Одна дама умоляет меня отложить этот план еще на три месяца; она приглашает ехать вместе с ней до Киева; это госпожа Гарлинская, которая очень подружилась со мной и мне тоже очень нравится; правда, что это был бы окольный путь, но преимущество — ехать большую часть по России, а потом по прелестной стране, с особой, которая нисколько меня бы не стесняла; и потом, родители были бы спокойнее, и было бы ясно, каково положение в отношении наших врагов. Откуда вы знаете, что восстание не вспыхнет через месяц?

Добавлю еще несколько строчек, чтобы сообщить вам, мой друг, что м-ль Погодина уехала накануне того дня, когда я получила ваше письмо. В любом случае я вижу, что мне было бы невозможно проделать это путешествие вместе с ней, так как я ничуть не была к нему готова, а она не смогла бы ждать более недели: случай был хорош, Бог знает, будет ли еще такой же; однако меня немного утешает то, что дорога была бы отвратительна, и потом, я даже не уверена, получили ли вы место. Бог знает, что может стать; говорят о будущей войне; если ее не будет, в мае я постараюсь приехать к вам; я буду искать способ, потому что мне кажется, что вы хотите видеть меня рядом с собой; напишите мне откровенно, чтобы я знала, чего мне держаться и как вы хотите, чтобы я ехала в Варшаву? Смогли ли бы вы помочь мне средствами? Я писала вам о плане ехать с госпожой Гарлинской; разумеется, я не смогла бы ехать на ее счет; снабдить меня деньгами она не сможет,— и из Киева я должна буду ехать одна, так что по крайней мере, дорогой мой, пусть придет вам мысль приехать за мной туда; если бы это было возможно — вот подходящая причина просить об отпуске, чтобы навестить вашу мать⁴. Что вы на это скажете? Только бы поправилось мое здоровье и у меня были бы некоторые доказательства вашей привязанности,— я чувствую, что буду довольна и весела всюду.— Прилагаю письмо вашего очаровательного Мартина, которое я вскрыла и прочла от нечего делать: он пишет вам о 15 рублях, которые он, по его словам, вам отправлял и которых мне не передавали.— Прощайте, дорогой, пишите мне скорее; мне не терпится узнать судьбу предложения Погодина.

Только что у меня был Лихардов; вручил мне проценты за год, поскольку я возобновила договор. Кстати: вы не пишете больше о бумаге, по которой Лермантов должен был получить для меня 500 руб. Недавно он снова справлялся о ней в Комиссариате, и ответ все тот же: *ни денег, ни бумаги*. Я поговорю об этом с Дурасовым, забыла сделать это на днях; он был у меня, чтобы спросить моих распоряжений *на предмет путешествия*, о котором я не смогла не проговориться. Г-жа Гарлинская — вот кто больше всех ему противился; она писала мне письмо, полное довольно здравых соображений по этому поводу. Надобно вам сказать, что эта барышня урожденная Ушакова, вышедшая лет 12 тому за одного поляка, который кончил свою жизнь, бросившись в воду, или купаясь — как она думает. Он был на плохом счету после дела 14-го⁵; что касается ее, она провела молодость в Польше, а после смерти мужа была за границей. Это очень любезная женщина и достойная жалости; она здесь по поводу своего процесса и вот-вот потеряет 4000 крестьян и останется без гроша с 4 детьми.

Я писала вам три дня назад, но г. Дурасов еще не отправил моего письма.

Помета Н. И. Павлицева: 10/22 февраля.

¹ В письме Ольги Сергеевны речь идет о событиях зимы—весны 1831 г.

² Петров Александр Дмитриевич (1 II 1794—10 IV 1867) — хороший знакомый семьи

В. В. Погодина; известный русский шахматист, автор одного из первых в России учебников по шахматам и шашкам (в библиотеке Пушкина сохранился экземпляр книги А. Д. Петрова «Шахматная игра, приведенная в систематический порядок, с присовокуплением игор Филидора и примечаний на оные» (Части 1—5. СПб., 1824) с дарственной надписью автора (Модзалевский Б. Л. Библиотека А. С. Пушкина. С. 77). В доме А. Д. Петрова в 1820-е гг. собирались все сильнейшие шахматисты столицы. В 1840 г. он женился на упоминавшейся выше дочери В. В. Погодина и надолго уехал

в Польшу (Линдер И. М., А. Д. Петров. Первый русский шахматный мастер. М., 1955. С. 15, 21, 58, 233; в книге также опубликованы воспоминания А. Д. Петрова, в которых описано знакомство его с В. В. Погодиным и его дочерью).

³ Паскевич-Эриванский, граф Иван Федорович, светлейший князь Варшавский (8 V 1782—20 I 1856) — фельдмаршал, главнокомандующий русской армии в Польше, с марта 1832 г. наместник Царства Польского.

⁴ Павлицева Л. М.

⁵ Декабрьское восстание 1825 г.

28

3 февраля [1832 г. Петербург]

Мой милый друг, только что отправила вам письмо, которое теперь хотела бы, чтобы вовсе не было написано; я писала его в дурную минуту — такие у меня еще бывают; я делаюсь грустна, плачу, впадаю в отчаянье, поскольку думаю тогда обо всем, что я выстрадала, мне кажется, что я обманута вами и никогда не была вами любима; я вижу вас бесчувственным к моим слезам, упрекам, скучающего, но не огорченного моими жалобами. Но в следующую минуту, подумав о вашей нежности, о заботах, которые вы оказывали мне во время моей болезни, я обвиняю сама себя в несправедливости к вам, готова упасть на колени перед вами, чтобы признаться в этом и просить у вас прощения. Ах, друг мой, оторвите меня от этих тягостных мыслей, этого сомнения, этой неуверенности даже в том, что я любима вами. Это нарыв, который терзает мое сердце, мешает мне наслаждаться, хоть немного, этой жизнью. Сказать ли? — получив ваше последнее письмо, я увидела сперва не вашу радость от полученной вами должности, — как вы желали ее, обязанный ею только самому себе, — что, быть может (замечу в скобках), самое радостное для вас, — но я посчитала, что это радость больше о том, что возник предлог не соединиться со мной, снова быть далеко от меня и, может быть, навсегда. Если бы вы знали, что это заставило меня пережить! Я проплакала всю ночь, на завтра была больна, и потом, что не способствовало рассеиванию этих мыслей, так это уверенность, что вы уже получили мое письмо, в котором я объявляла, что мне невозможно совершить одной эту поездку и что я решила не покидать родителей, пока не получу других доказательств ваших чувств, кроме прекрасных фраз. — Относительно возможности уехать с м-ль Погодиной, мне тоже показалось на какое-то мгновение, что вы уверены в том, что я упушу ее! Войдите немного в мое положение, друг мой, не сомневаюсь, что вы простите мне эти черные мысли и мою несправедливость. Докажите, что я ошибаюсь, и я буду

счастлива. Мое решение принято: я остаюсь здесь до весны, сейчас мне невозможно и подумать двинуться отсюда: мне не хватает не только денег и okazji, но погода отвратительна, а мое здоровье, хотя и очень улучшилось, недостаточно еще крепко, чтобы подвергать его неумеренному климату и утомлению от дороги, ни летней, ни зимней. Если бы еще у меня не было здесь родителей, может быть, я еще и подумала бы об этом, но они так боятся, что я уеду даже весной, что не знаю, на что и решиться, если я снова пропущу okазию путешествовать не одной. Я писала вам о даме ¹, которая едет в Киев, но это ужасный крюк, и потом, Бог знает, позволят ли ей ее дела.

Прощайте, дорогой мой, напишите мне скорее, умоляю. Я сердита, что вы говорите об Энгеле так грубо, потому что хотела бы показать ваше письмо родителям. Отец рассердится: он Энгеля обожает.

Мой милый друг, ради всех святых, справьтесь на Обозной улице, дом Козловского № 2766, около Университета, живет ли там еще г. *Séwruk*, т. е. Севрук, и, если не живет, попытайтесь разузнать о нем что-нибудь: вы очень обяжете г-жу *Гарлинскую*, особу, которая очень подружилась со мной и мне также бесконечно нравится. Сделайте это, прошу вас, если можете, прежде чем отвечать мне, чтобы у меня был ответ для нее как можно скорее. Отец тебе писал: что он тебе поет? Пожалуйста, отвечай ему еще раз. Пришли твой адрес.

Помета Н. И. Павлицева: 29 февраля/12 марта.

¹ Подруга О. С. Павлицевой Гарлинская.

29

11 февраля [1832 г. Петербург]

Г. Очкин ¹ принес мне ваше письмо больше десяти дней назад и обещал вернуться через несколько дней за моими *распоряжениями* для Варшавы. Я жду его уже неделю и только потому не отправляла письмо, которое посылаю вместе с этим; я очень сердита, тем более что только что узнала, что фельдмаршал ² уехал и, по всей вероятности, г. Очкин вместе с ним. Что бы мне тебе еще сказать? Повторю мою прозбу о Севруке. Это существо напоминает карлика, но полного ума и знаний, он немного литератор и ученик той дамы, о которой идет речь. Пожалуйста, когда будешь отвечать на это, напиши так, чтобы показать можно было.— Хочется мне тебя с ней позна-

комить. Она по делу здесь живет с год. Если она выиграет свое дело, то получит недурное состояние; если нет, то должна будет для своего благополучия дожидаться смерти свекра, а это Бог знает когда случится, старик живуч как кошка. Она урожденная Ушакова, вышла замуж за поляка в 16 лет. С тех пор всегда жила в Киеве, кроме небольшого путешествия за границу, после смерти мужа; она задумала другое путешествие и приглашает меня с собой, на будущий год (скажите, кстати, согласились бы вы?). Если она все-таки выиграет, то хочет захватить за мной в Варшаву: это будет ей по пути в Дрезден. Чтобы вы могли представить ее себе лучше, скажу, что она ни дурна, ни хороша, но очень любезна; ей 30 лет, у нее 4 дочери, из которых старшая — 11 лет — ангел красоты. Она очень сентиментальная и экзальтированная особа и в настоящем смысле слова в меня влюбившаяся. Она подарила мне свой портрет.

¹ Очкин Петр Николаевич (1806—29 VI 1884) — чиновник гражданской канцелярии И. Ф. Паскевича, брат журналиста и переводчика Амплия Николаевича Очкина, варшавский знакомый Н. И. Павлицева, Л. С.

Пушкина и А. Н. Вульфа (Бутурлин М. Д. Записки // РА. 1897, т. 2. С. 374; Декабристы. Биографический справочник. М., 1988).

² Паскевич И. Ф.

30

16 марта 1832 [Петербург]

Наконец вы дали о себе знать, мой милый друг, и если бы г. Аничков ¹ не уверил меня две недели назад, что вы здоровы, я была бы более чем обеспокоена вашим молчанием, поскольку ваше предпоследнее письмо было от 22 января н.с., а то, которое я теперь получила, мне передал г. *Коссаговский* ², но, кажется, оно не было предназначено для отправки с ним. Он, кроме того, принес мне ваши подарки: я бесконечно благодарна вам, потому что, хоть вы не пишете ни слова, я ничуть не сомневаюсь, что браслеты и три маленьких платка предназначены мне, так же как и передник. Они очень порадовали меня. Что касается 4 больших платков, — поскольку два из них совершенно одинаковые и, конечно, очень дорогие, полагаю, что это для вашей матери и сестер ³, которые, может быть, вам это поручали; поэтому жду объяснения сей загадки, чтобы распорядиться ими и отослать. Пока же я похвасталась родителям только тем, что не посовестилась присвоить себе. Еще раз спасибо за бумагу; я в тот же день передала ее г. Лермантову ⁴. Надеюсь, что теперь не замедлят выдать ему 500, которые придутся мне нельзя более кстати: отец ничего не давал мне с декабря месяца, и, если бы не проценты, которые заплатил Лихардов, я была бы вынуждена взять в долг. Теперь я должна толь-

ко хозяину дома,— это большой добряк,— и экономлю сколько возможно, чтобы не задолжать нигде больше, и, если бы г. Петров⁵ передал мне тысячу рублей, о которых вы пишете мне, я была бы спокойна до отъезда; но я не знаю, как поступить, чтобы выручить их; мне нужно будет еще письмо к нему от г. Погодина⁶. Я совершенно не знаю г. Петрова: он не бывал у меня.— Надобно вам сказать, мой друг, что я поделилась вашим письмом с родителями, и отец прочел его с начала до конца, не сделав никакого замечания; я сочла это необходимым, чтобы не случилось так, чтобы он только по приезде г. Энгеля узнал о вашей с ним размолвке, слух о которой непременно разрастется, чтобы изобразить вас виноватым во всем, особенно в устах одного лица, которого называть не хочу.

Меня прервал г. Лермантов, который наконец вручил мне 500 рублей. Я до чрезвычайности этим довольна, и он, кажется, также, потому что ему немало это стоило. Теперь скажу вам о плане нашей поездки и нашей с вами встрече в Киеве.

Процесс г-жи Гарлинской подходит к концу; во всяком случае, она рассчитывает выехать в начале мая; она по-прежнему очень зовет меня составить ей компанию, а ожидая вашего приезда в Киев (если я предупрежу вас, разумеется), провести время в ее имении, расположенном в 60 верстах отсюда. Но так как это все же лишние хлопоты, я предпочту ждать вас в самом городе; может быть, мне не придется снимать квартиры, если остановлюсь у Адели Галафеевой; я собираюсь написать к ней. Если вы решились ехать к матушке этим летом — думаю, что это наилучшее решение, даже если Гарлинская останется здесь; впрочем, это как вы сочтете нужным, чтобы потратиться как можно меньше. Я думаю даже, г. Лихардов мог бы мне заплатить, хотя бы частично; он сам мне сказывал, чтобы я лишь предупредила заранее; того, что он мне даст, хватило бы на поездку, даже если будет только три тысячи и меньше; по крайней мере, я так надеюсь. Если г. Петров даст мне тысячу, а отец 500,— от него, кстати, с вашего отъезда я получила всего 2000,— не лучше ли это будет, чем занимать где-нибудь по векселю, как вы предполагаете? Я также очень рассчитываю на участие г. Дурасова: я не сомневаюсь, что он поможет мне, чем будет в силах, выбраться отсюда; пока что я доверяю ему свои ломбардные билеты; и потом, мои вещи и мебель,— продавать вещи было бы, думаю, бесполезно, поскольку можно выручить не более четверти цены, тогда как они будут находкой, если мы вернемся, что, я уверена, непременно произойдет. Место, которое занимает г. Погодин, не вечно будет в Варшаве; он непременно будет переведен сюда,— меня в этом все уверяют, и я в это верю. Кстати: г. Энгель собирается обосноваться здесь вместе со всей Канцелярией и должностями; говорят даже, что должность, которую он занимает, специально для него создана; он в большом фаворе⁷. Родители очень хотят, чтобы Лев служил при нем. Здесь его служащие будут уверены в своем положении и будут знать, сколько им будут платить: жалование их не может быть скудным.— Прощайте, дорогой мой, позднее я непременно вам дам другие указания, чтобы отыскать *Северку*; я не видала г-жи *Харлинской* несколько дней. Эта дама понравится вам, хотя она не так уж красива; она очень мила и поет с большим чувством, а ее польский язык и все манеры (немножко нарочитые, *inter pos*) — как у настоящей польки, это

просто поразительно. Но лучше всего — ее старшая дочь, девочка 11 лет, обворожительная, ангел красоты.

Прощайте, друг мой, нежно целую вас. Не молчите так подолгу: мне нужны ваши письма и ваше молчание всегда пугает меня, хоть я и признаюсь в этом первый раз. Ах, какую сцену выдержала я у родителей, когда отважилась объявить им свое твердое решение уехать к вам! Это было еще в феврале. Не возражая прямо против моего отъезда, мамá наговорила мне столько... * Марков не умер; он заходил на днях, очень худой и бледный. Лев собирается ли к нам на праздники?

Помета Н. И. Павлицева: получено 6 апреля/25 марта.

¹ Аничков В. И., адъютант Паскевича; вместе с ним он и приезжал в Петербург.

² Корвин-Коссаковский Станислав Осипович (4 I 1795—14 V 1872) — церемониймейстер, с 1832 г. посланник при Мадридском дворе, впоследствии граф, сенатор, председатель Герольдии Царства Польского, писатель. Неблагоприятный отзыв о нем Пушкина см. ниже.

³ Павлицева Л. М. и ее дочери Александра, в замуж. Алексеева; Софья, в замуж. Слепушкина; Анна, в замуж. Гладкова, и Мария.

⁴ Речь идет о документе, связанном с пересылкой денег на имя В. Н. Лермантова.

⁵ Петров А. Д.

⁶ Погодин В. В.

⁷ 26 декабря 1831 г. Ф. И. Энгель был уволен «за совершенным расстройством здоровья» от должности председателя Временного правления Царства Польского. С учреждением Наместничества Царства Польского под руководством И. Ф. Паскевича в Петербурге в Государственном Совете был создан особый департамент по польским делам, который с 14 февраля 1832 г. возглавил (на время отсутствия И. Ф. Паскевича) Ф. И. Энгель (РБС. Т. 16 «Щапов—Юшневский»).

31

[26 марта 1832 Петербург]

Мой милый друг, вы получили, должно быть; мой ответ на то, которое передавал г. Коссаковский¹. С тех пор я сделала серьезный шаг для нашей встречи — продала вексель на 4400 рублей. Это дело устроил для меня Дурасов, но деньги я должна получить только к маю, точнее остаток денег. Г. Вильде передал сейчас г. Дурасову 1500 рублей, которые он употребит на экипаж, который уже заказал; каретник желает получить вперед треть суммы. Надеюсь, что остатка мне хватит для путешествия, тем более если г. Петров соблаговолит вручить мне деньги. Если нет, признаюсь, что я в этом не уверена, поскольку отец ничего не дал мне; хозяин дома терпит; впрочем, это ж единственный мой кредитор; ваших я отсылаю без разговоров (один из них — ваш портной — навевывается довольно часто).

* колкостей (?) Утрач. неск. слов.

Кстати: из Варшавы воротился некто г. Литке²; он утверждает и клянется всем святым, что жалованье ваше ограничивается 5000 *злотых*, то есть почти половиной того, чем вы хвастаетесь³. Мне непонятно, друг мой, почему вам не быть откровенным об *этом предмете*, по крайней мере со мной: что заставляет меня делать нелепости, к примеру я заявила отцу, что теперь могу удовлетво-

Петербург. Невский проспект. Литография. 1830-е гг.

ваться половиной того, что он дает мне, а это весьма мало, потому что сведется, по моему счету, к тысяче, а по его — к нулю; и потом всем, кто интересовался этим пунктом, я сообщала, что вы получаете 5000 рублей жалованья. Судя по гримасе, которою мне многие отвечали, я вижу, что мне не слишком верят и в конце концов я прослышу лгуньей и *хвастуньей* — что ужасно для меня, потому что я — сама искренность. Если вы обманываете меня, это дурно с вашей стороны. Я избавляюсь от моей скромной собственности, которая дала бы мне возможность приятно провести 3 зимы (если бы я решила потратить ее) здесь либо в Москве, а теперь я делаю это чтобы предпринять трудное путешествие, ради того, чтобы затем оказаться в стране, которая нисколько не интересуется меня, вдалеке от друзей и родных. Я буду рядом с мужем, это правда, но не смогу быть уверена в его чувствах ко мне, поскольку он меня обманывает; и потом, трех тысяч недостаточно, чтобы жить в Варшаве, не делая долгов. Ах, если бы я все предусмотрела, я не стала

бы ничего предпринимать ранее будущей зимы, а употребила бы деньги на поездку за границу с г-жой Харлинской. Эта поездка утешила бы меня и поправила бы мои силы, и физические, и душевные! Понимаете ли вы, что я жертвую этим путешествием ради вас. Я жертвую всем ради вас, а вы даже не говорите мне правды. Я очень огорчена.

Только что получила ваше письмо с письмом для вашего брата ⁴. Я получила не три косынки, а больше — очевидно, по ошибке Коссаговского. Не потому ли он больше не приходит, несмотря на мою просьбу?

Помета Н. И. Павлицева: 5/17 апреля 1832. Отправлено из Петербурга 26 марта

¹ Корвин-Коссаковский С. О.

² Литке Федор Петрович (17 IX 1797—8 VIII 1882) — капитан I ранга, с 1 февраля 1832 г. флигель-адъютант; племянник и воспитанник Ф. И. Энгеля; в 1831 г. был откомандирован в Данциг в распоряжение И. Ф. Паскевича, в начале 1832 г. вернулся в Петербург, с осени — воспитатель (впоследствии — попечитель) вел. кн. Константина

Николаевича; мореплаватель (совершил два кругосветных путешествия в 1817—1819 и 1826—1829 г.), морской писатель, географ, президент Академии наук (РБС. Т. 22 «Лабзина—Лященко»).

³ Курс золотого, незначительно колебавшийся, в повседневных расчетах принимался за 50 коп. ассигнациями.

⁴ Павлицев П. И.

32

23 [апреля] 1832 [Петербург]

Мой дорогой друг, я получила два ваших письма, и второе пришло на несколько дней раньше первого; хотя вы написали его в дурную минуту и ваше раздражение отчасти вылилось и на меня, я не сержусь на вас особенно, поскольку прекрасно вас понимаю. В том, что вы сообщаете по поводу жалования и преимуществ своей службы при г. Погодине, усомнилась не я, а [родственники?] — не исключая Александра и Льва. Последний написал то, что утверждал г. Литке, по всей вероятности потому, что был плохо осведомлен, а совсем не с целью повредить вам, я уверена. Впрочем, благодарю вас за присылку *копиш*; я предьявлю ее при первой возможности, — я нашла уже необходимый ход. Я сердита, что вы не написали отцу об этом подробнее. Из всего, что вы написали ему, они заключили, что вы недолго останетесь при г. Погодине, что в сентябре вы смените место и, возможно, вернетесь сюда: это то, что они не прекращают твердить мне в надежде убедить отказаться от плана ехать к вам; но дело сделано: вексель продан, карета заказана, приняты все меры для путешествия, и им объявлено мое твердое

решение; таким образом, я выеду, как только все будет готово, и последую тем путем, какой вы мне предписываете, — поскольку, раз вы хотите, чтобы я ехала прямо в Варшаву, я так и поступлю, несмотря на настойчивое приглашение г-жи Галафеевой; но я обойдусь без кучера вашего брата, потому что я не буду знать, как с ним быть и куда его деть; я беру с собой Петра и сверх того множество вещей, которые займут много места. Не знаю даже, как обойтись одним двухместным экипажем: повозок нет, и я буду вынуждена оставить здесь много предметов, которые были бы потом так мне полезны. Не знаю, как подступиться к продаже вещей, мне предложат четверть цены; это обескураживает меня. Г. Дурасов имел деликатность не говорить о том, что вы должны ему, но, разумеется, я верну ему ваш долг. Из моих денег, т. е. от векселя, мне останется 2800 с небольшим, — по правде говоря, этого мало, но что делать? *Что сделано, то сделано*. Что касается тысячи, я получила ее; г. Петров пришел на следующий день и принес ее. Этого недостаточно, можете мне поверить, чтобы пуститься в дорогу. Кстати: спасибо за кацавейку, которая, к несчастью, осталась на таможне, как контрабандный товар; это досадно, тем более что г. Коссаговский забрал все четыре платка. Вы с ним переболтались: сначала этот Коссаговский приходит и приносит их, как посылку от вас, — все четыре; через месяц возвращается и говорит, что все четыре платка его. Надо признать, что он был очень *смущен*, и это очень развеселило меня, так что я не смогла на него рассердиться. Была настоящая комедия. Я тебе все в лицах представляю, когда увидимся. Однако, если можно, выручи мне хоть один платок, черный, который мне очень понравился! Так кому же ты их посылал?... Ох ты! *верный из верных* — не умел ты выбрать кого поумнее, как Косаговского! Но об этом теперь речи нет, я не в обиде на вас, эта история развлекала троих-четверых моих приятельниц.

Прощайте, друг мой. Спешу, мочи нет. Жду невестку¹. Она премилая и пребрюхатая. Я еще увижу ее ребенка. Возможно, я не уеду прежде ее родов.

Знаешь, что Дурасов камер-юнкер? Аничков, и Марков, и Наумов бьют тебе челом. Линеманн с женой опять здесь, Кушелева с мужем как с гостем, Анна Ив. Рудольф в Москве, Есипова замужем за Куницыным, помнишь — старшая, которая не румянилась, не белилась; вот тебе новости, но перо так скверно, что я думаю, ничего не прочтешь.

Прощайте, друг мой, не волнуйтесь о моем здоровье: оно в порядке, благодаря Господу. Я даже помолодела, но, увы! поседела, но, впрочем, это даже интересно, вы увидите. Кстати: почему вы предполагаете ехать в Одессу?

Помета Н. И. Павлицева: 4/16 мая 1832

¹ Пушкина Н. Н.

[Конец апреля—начало мая 1832 г.
Петербург]

Мой милый друг, я с нетерпением жду вашего ответа на мое последнее письмо. Только тогда я приму окончательное решение относительно путешествия; говорят, будто бы Погодин непременно должен сюда приехать, и удивляюсь, что вы ничего об этом не пишете, тем более что еще говорят, что вы, если бы сочли нужным, вполне могли бы приехать с ним.

Поэтому напишите как можно скорее, на чем вы остановились: едете ли вы в Киев, к вашей матушке, или отказываетесь от этого плана и ждете меня в Варшаве? Мне это безразлично, если только вы находите в этом свою выгоду; если я проеду 1800 или 1200 верст, я смогу проехать и 3000; слава Богу, чувствую я себя хорошо, и, чтобы ожить вполне, я нуждаюсь только в климате, лучшем, чем климат нашего дорогого Петербурга и всей драгоценной Родины, которую да благословит Господь и сделает мудрее, если только это возможно.

Кстати: я упаковала и отправила с подрядчиком за 250 рублей наши вещи, несколько дней назад; он заключил договор, сделанный на имя Дурасова, доставить их в целости и сохранности в Варшаву за месяц. Если вы рассчитываете к тому времени отсутствовать — поручите их кому-нибудь; они придут на имя вашего начальника, как мои письма, поскольку у меня нет другого адреса. — Вы найдете все свои книги, за исключением десятка томов, которые в чтении, но я привезу их; найдете свою драгоценную коллекцию портретов, которая, по моей лени, не увеличилась, и, кроме того, все безделушки, большая часть которых полетела бы в окно, если бы я помогла Наталье¹ паковать, но она не упустила ничего, и все перекочевало в ящики и в реестр, который очень забавен.

Александр хочет купить у меня мебель; это меня устроит. Я не получила еще денег от *Вильде*, но Дурасов уверяет, что непременно получу в этом месяце, иначе, как вы понимаете, я не смогу двинуться отсюда.

Ваш брат должен быть здесь уже несколько дней, со своим полком², который прибыл для парада; я не сержусь, что он до сих пор не был у меня, потому что он, должно быть, очень занят, а парад откладывают со дня на день из-за дождя, который льет уже месяц.

Прощайте, мой дорогой друг. Увы! увы! увы: кацавейка по-прежнему на таможне и, вероятно, останется там до скончания века. Целую Льва; уговорите его написать родителям; мать тоскует по нем.

Добавлю два слова, чтобы сообщить, что г. Дурасов пришел сказать, что карета не будет готова прежде 1 июня, но что деньги я получу на днях.

Кстати: г-жа Галафеева очень зовет остановиться у нее, если поеду в Киев. Думаю, что не стану церемониться.

Помета Н. И. Павлицева: 17/29 Мая.

¹ Горничная О. С. Павлицевой.

² Павлицев П. И.

[14 мая 1832 г. Петербург]

Мой милый друг, я с нетерпением жду вестей от вас. Я пишу вам третье письмо; с тех пор, как я получила деньги от *Вильде* и уплатила каретнику и Дурасову, у меня осталось всего 1925 рублей; тысяча от Петрова еще не тронута (впрочем, простите — чуть-чуть). Я писала вам недавно, что карета будет готова только 1 июня: раньше шестого мне будет невозможно отправиться. По-прежнему ли у вас будет комиссия в Киев, и на сколько времени? и рассчитываете ли вы по-прежнему ехать к матери? и будет ли квартира, чтобы принять меня, если я приеду в Варшаву? *Здесь ходит слух*, что у вас только одна комната, три стула и стульчак *. Признаюсь, что это не соблазнительно, и когда я думаю об этом, то очень жалею о моей маленькой здешней квартирке, такой чистой и уютной! Я не хотела бы ни за какие богатства в мире, приехав к вам, остановиться в трактире с риском пробыть там месяц, как два года назад, вернувшись из деревни, с той разницей, что я оставалась у родителей ¹. Знаешь что? Не лучше ли бы мне остаться до зимы или до августа по крайней мере (раз экипаж сделан и нужно им воспользоваться); пока что вы имели бы время устроить наше хозяйство, потому что, положив руку на сердце, признайтесь, что еще о нем и не думали; впрочем, если вы позаботились об этом и отправляетесь в Киев встретиться со мной и рассчитываете ехать вместе со мной дальше, а поездка не будет вам дорого стоить — я отправлюсь, как только будет возможно.

На днях, против моего ожидания, мне вернули кацавейку; она очень хороша, только, к сожалению, так узка, что мала мне в плечах, и я хочу обменять ее у перекупщицы на <нрзб>, дав что-нибудь в придачу.— Знаете ли вы, что платки, те, которых, как вы уверяли, *часть для меня* и которые у меня забрали, стоят у нее по 175 и нигде здесь не меньше 125? Признаюсь, лучше бы были это кацавейки, но спасибо и за то. Кстати, я была у Брифа ² и была вынуждена купить у него экземпляр Альбома ³, несмотря на то что назвалась, поэтому если вы хотите, чтобы он дал мне еще, то должны написать ему. Впрочем, надо признать, что он взял лишь пять рублей. Я заметила это только дома, пересчитывая деньги. Что касается ваших книг, ни одна не продана; писала ли я, что букинисты предлагали мне всего 50 копеек; теперь вовсе ничего не дают, и нет ни вашего таланта, ни вашей предприимчивости, чтобы выменять. Я пыталась, но это невыносимо.

Прошайте, мой дорогой, пишите же мне, подумайте, что теперь 14-е старого стиля, я должна отказаться от дома, и проч. До свидания.— Что подельывает Лев? Веселится ли он больше, чем прежде? Он говорил, будто Варшава нагоняет на него сплин.

* Ты не вообразишь, от кого я это слышала.

Едешь ли ты к матери или нет и куда мне ехать — на Киев или прямо? Не отложить ли до августа, как тебе кажется? Может быть, это больше устроит вас, друг мой,— так же как и с квартирой.

Только что получила письмо от 4 н.с.; удивляюсь, что вы не получили, по крайней мере, моего первого письма; умоляю вас, отвечайте скорее.

Поэма Н. И. Павлицева: 29 мая/10 июня 1832.

¹ Вероятно, речь идет о событиях осени 1830 г., когда семейные отношения между супругами Павлицевыми не ладилась (см.: Вульф А. Н. Дневники. С. 258, 438; Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. Л., 1929. С. 21). Николай Иванович летом 1830 г. оставался в Петербурге, а Ольга Сергеевна все лето провела в Михайловском, а затем, вернувшись в Петербург, какое-то время жила с родителями.

² Бриф — владелец музыкального (нотного)

магазина в Петербурге (Гордин А. Гордин М. Путешествие в пушкинский Петербург. Л., 1983. С. 212).

³ «Лирический альбом на 1829 год» был издан М. И. Глинкой и Н. И. Павлицевым. Н. И. Павлицев интересовался музыкой, играл на гитаре, в его доме собирались многие известные музыканты того времени, среди них и М. И. Глинка (Вульф А. Н. Дневники. С. 162; Глинка М. И. Записки. С. 35).

35

[8 июня 1832 г. Петербург]

Я только что сегодня получила письмо твое от 31-го мая, и потому оно было 9, а не 4 дня в дороге, как ты полагаешь. Не знаю, застанет ли тебя мое в Варшаве; не очень надеюсь, хотя и пишу по экстра-почте¹. Надо тебе сказать, что каретник нас с Дурасовым обманывает: карета вряд ли поспеет к 15-му. Выехать мне нельзя прежде конца месяца,— неужели ты будешь меня дожидаться в Киеве? Ради Бога пиши мне положительнее, что ты намерен в таком случае творить, долго ли будешь у матушке², когда намерен возвратится в Варшаву? Если бы ты мог еще повременить,— прежде 20-го, по крайней мере, не выезжать, лутче бы для меня это было.— Наши³ едут скоро в деревню, я почти еду мимо — в 30-ти верстах буду от них (от Ашевы). Как же к ним мне не заехать на два или на три дня — невозможно. Я крайне раздражена ожиданием кареты; деньги, которые я отложила на поездку, початы, я трачу их даром, должна уплатить хозяину дома больше чем за два месяца и не рассчитываю на отца: ему пришлось сделать столько расходов, что не думаю, что он сможет дать мне что-нибудь; заплатила Дурасову, как я вам писала, и ни за

что на свете не стану **занимать**: ненавижу долги, и главное *обязательства*. У отца очень плохи дела: **крестьяне взбунтовались** и объявили, что ничего не уплатят этот год; подожгли 14 домов и хлеб, надеясь получить еще больше прав, и множество других вещей в этом же роде, которые мучат отца, с его несчастным характером. Он рассчитывает сам отправиться в Нижний в августе, но дело его постороннее. Главное, что я должна ехать как можно скорее и что проклятый каретник задерживает. Что до платков, эта история уже начинает надоедать мне; прошу вас не говорить мне о ней больше ни в письме, ни изустно, это так старо, что, если вы напишете снова, будет уже глупо!

Кстати, дорогой мой: если Лев доволен своим положением дяди, я также очень рада, что я всего лишь тетка: я слишком долго страдала, чтобы меня соблазнила необходимость страдать еще ради воплощения ваших надежд, без которых вы прекрасно можете обойтись: впрочем, скажу вам, что, будь у меня ребенок трех лет, какой мог бы теперь быть, это стало бы мне огромным утешением, особенно теперь, когда я так далеко от людей, которых я люблю. Признаюсь даже, что я задумала взять ребенка на воспитание, — мне предлагают сироту трех лет, из благородного дома. Я не ответила пока ни согласием, ни отказом. Этот ребенок станет моим, если судьба так рассудит; эта мысль очень меня занимает. Думаю, что вы не отнесетесь к ней дурно, особенно если пожелаете войти в мое положение. Воспитание ребенка будет для меня отрадой, и я не сомневаюсь, что сумею заслужить его любовь. Что касается вас, мой милый друг, поступайте как вам будет угодно, я не хочу обманывать вас. Я слишком боюсь заболеть снова и, разумеется, приму все возможные меры, чтобы этого не случилось⁴. На этом желаю вам доброй ночи, потому что пробило полночь. 8 июня.

*Галафеевы*⁵ в Киеве; живут на Подоле, в доме Потапова, ждут меня нетерпеливо; пожалуйста, явись к ним хоть и без меня. — Моя горничная беременна, красotka Наталья, — не знаю, как быть. Не пришла бы ей фантазия родить в дороге; она непременно хочет ехать со мной. Я не решаюсь сказать ей, что она беременна. Другая также обзаводится ребенком, недавно ночью я застала ее в объятиях повара. Это так меня рассердило <нрзб>.

Помета Н. И. Павлицева: 17/29 июня 1832.

¹ Экстра-почта — почта, следующая к месту назначения без остановок в пути, не обязанная забирать попутную корреспонденцию.

² Павлицева Л. М.

³ Н. О. и С. Л. Пушкины уехали в Михайловское 22 июня.

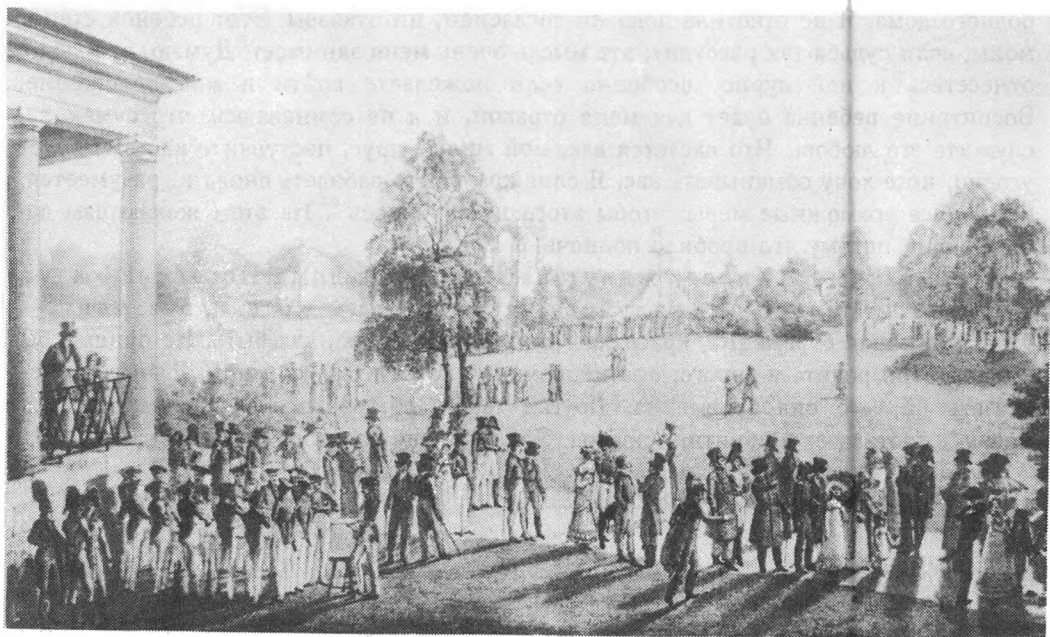
⁴ Неудачная беременность в 1829 г., закончившаяся тяжелой и продолжительной болезнью, сильно напугала Ольгу Сергеевну. Она боялась, что дальнейшие попытки родить ребенка могут угрожать ее жизни. С этим и связано ее

желание взять на воспитание сироту. Предположение Н. О. Лернера о болезни Н. И. Павлицева, основанное отчасти на непроверяемых слухах и на собственных догадках, следует признать недостаточно аргументированным (Лернер Н. О. Рассказы о Пушкине. С. 16, 21, 22).

⁵ Галафеева Адель и ее муж Галафеев Аполлон Васильевич (1793 — ум. не ранее 1853) — генерал-майор, участник Отечественной войны, Турецкой и Польской кампаний (РБС. Т. 21 «Гага — Гербель», а также т. 1 наст. изд.).

27 июня [1832 г. Петербург]

Мой милый друг, г. Дурасов передал мне то, что вы писали к нему. Я в восторге, что вы не выехали. Карета до сих пор не готова: каретник оказался первосортный пьяница, и я очень сомневаюсь, что смогу пуститься в дорогу и через три недели, хотя Дурасов и надеется. Он имел неосторожность отдать ему все деньги вперед, иначе я взяла бы готовую карету. Признаюсь, что, если отец мне ничего не даст, я буду в большом затруднении, потому что буду вынуждена тратить деньги, отложенные для путешествия. Вообразите, что отец, уезжая, не дал мне ни копейки! Правда, что он пообещал пятьсот руб. к 1-му числу, но Бог ведает, получит ли он что-нибудь от своего архивора интенданта, который раздулся от золота и процветает на нашем несчастье¹. Знаете ли вы, дорогой мой, что мы оба — крайне ленивы в нашей переписке, это стыдно, ничего не скажешь, правда, не стоит делать друг другу упреки, потому что мы оба их заслуживаем.

Гуляние на Крестовском острове. Литография А. Брюллова. 1822 г.

Я с нетерпением жду новостей от вас, но очень прошу, напишите мне хоть раз чуть подлиннее; я ничего не знаю — чем вы занимаетесь, какое общество посещаете, кто у вас обыкновенно бывает? Я хотела бы познакомиться заранее, потому что надобно вам знать, что я не намерена жить отшельницей. Я чувствую себя хорошо, слава Богу, вернулся вкус к обществу и даже к новым знакомствам.

Кстати: видите ли вы Алексея Вульфа? ² Что он делает и долго ли еще пробудет в Варшаве? Веселее ли ему там, чем Льву, который проклинает в каждом письме город и его жителей? ³ Надеюсь по крайней мере, что его друг Аничков ⁴ сделает для него этот город приятнее.

Знаете ли вы, что с весны я веду очень рассеянную жизнь, благодаря моей новой подруге? ⁵ Она любит удовольствия и хочет, чтоб я всегда была с нею; мы бываем на пикниках и на прогулках по воде и по суше.

Прощайте, дорогой мой, целую вас. Пишу мало, поскольку тороплюсь.

Помета Н. И. Павлицева: Получено 5/17 июля.

¹ Калашников М. И.

² Вульф Алексей Николаевич (17 XII 1805—17 IV 1881) — сын П. А. Осиповой от первого брака; приятель Н. М. Языкова по Дерптскому университету; гусарский поручик, участник Польской кампании; до отставки в 1833 г. находился в Варшаве, где постоянно общался с Л. С. Пушкиным, О. С. и Н. И. Павлицевыми (Вульф А. Н. Дневники. С. 343 и след.).

³ Л. С. Пушкин надолго задержался в Варшаве, проводя время за карточным столом и на дружеских пирушках. К этому времени относится запись А. Н. Вульфа о нем: «Со всем своим умом иногда он очень забавен. По сю пору он еще пьет *на славу*, чтобы дивились тому, сколько он выпивает, не пьянея, твердит о том, что несколько лет не был в церкви и обещался никогда не входить» (там же. С. 342—343). Осенью 1832 г. Лев Сергеевич

подал прошение об отставке, но оно затерялось, и он был исключен из службы за неявкой в полк. Благодаря хлопотам родных через И. Ф. Паскевича 17 декабря он получил отставку с производством в чин капитана. Однако и после того Л. С. Пушкин еще около года провел в Варшаве, наделал долгов и выехал домой лишь в октябре 1833 г. «Сегодня уехал или уезжает мой добрый приятель Лев Пушкин. Судьба сжалилась над ним в особе Аничкова, который увозит его в Петербург <...> Он жил здесь два года для того, <...> чтобы нажить несколько тысяч долгу, которого, вероятно, он никогда не уплатит. Счастье его, что он еще нашел приятеля, который его вывез из этого неприятного положения, в котором он бедствовал» (там же. С. 367).

⁴ Аничков В. И.

⁵ Гарлинская.

37

15 июля [1832 г. Петербург]

Мой милый друг, благодарю вас за то, что вы позаботились прислать мне денег и написали наконец такое письмо, какие я всегда любила: длинное, *подробное и дельное*. Не знаю, смогу ли на этот раз отплатить вам той же монетою: теперь поздно, а откладывать на другой день не хочу. Если бы карета была готова, мне не понадобилось бы на сборы и трех дней, и я пустилась бы в дорогу, не откладывая, как только карета будет, но Бог ведает когда; пакостный каретник пьяница и

обманщик! Дурасову, как мне кажется, совестно, хотя это не совсем его вина; он очень давно был у меня последний раз. Брата вашего ¹ я не видала по той причине, что он сам и не был здесь: полк все время простоял в Новгороде. Почему вы так настаиваете, мой дорогой, на том, чтобы взять его кучера? Если вы все равно будете нанимать его, — я думаю, в Варшаве их тысячи, а чем меньше людей я возьму с собой, тем больше это меня устроит: карета двухместная. Зачем ее нагружать, и то довольно нас будет, если я возьму Наталью, которая тяжела на 8-м месяце; признаюсь, что это обстоятельство крайне огорчает меня: я к ней привыкла и мне жалко было бы с ней расстаться. Но что еще более затрудняет меня, так это обещание, которое я дала родителям, провести непременно несколько дней у них в Михайловском; я буду в 50 верстах от них, в Острове; ² они собираются послать за мной оттуда — что делать? Это еще на некоторое время отдалит нашу встречу, но я должна принести им эту жертву. Отец только что обливает меня слезами, а лутче бы доказал *иначе*, что он меня любит. Мать твердит, что она не может привыкнуть к моему намерению жить с тобой. Каково мне все это? К счастью, что я здорова теперь и что *первобытный* нрав мой опять взял преимущество. Я веселее и беззаботнее, чем можно быть в моем положении. Что поделывать? Я стараюсь развлечься и думать, что, покидая родителей против их воли, как и моих друзей, места, где я провела прекрасные годы моей жизни, я обрету мужа, который станет заботиться о моем благополучии и от которого отныне всецело зависит мое счастье. Прощайте, я покидаю вас и еду к Лермантовым ³, которые ждут меня. Сегодня именины Лермантова ⁴. Если бы только вы любили меня так, как он любит свою жену, поверьте мне, я оставила бы все, без сожаления!

Вот письмо от Маркова; простите, что распечатала его. Я была уверена, что смогу сделать это, не допустив нескромности, и признаюсь, пакет скверин был.

Помета Н. И. Павлицева: 24 июля 1832

¹ Павлицев П. И.

² Остров — уездный город Псковской губ., лежащий на тракте в 52 верстах от Михайловского.

³ Лермантовы В. Н. и П. Г.

⁴ 15 июля — день памяти св. князя Владимира Равноапостольного.

11 августа [1832 г. Петербург]

Мой дорогой друг, карета будет готова через 2 дня, и ничего не удерживало бы меня здесь, когда бы моим планам не противоречили слухи о назначении князя Воронцова: ¹ говорят, будто при смене правления он заменит фельдмаршала и что

тогда часть армии подойдет к прусской границе, а другая часть будет расквартирована в пределах Польши. Это обстоятельство дает мне повод опасаться, что армейские части также покинут Варшаву, и ваш план вызвать меня к себе может доставить нам большие затруднения, поскольку, если вы не будете на вашей должности в Варшаве — как поступите вы со мной?.. Поэтому, торопясь сообщить вам эти слухи, которые могут осуществиться со дня на день и которые исходят из надежного источника, я прошу вас ответить мне с первой же курьерской почтой, изменит ли это ваши намерения или же нет? Если мои опасения напрасны, напишите мне как можно скорее, потому что, повторяю, я уже готова отправиться в путь, чтобы соединиться с вами или в Варшаве, или в другом месте, и если решила еще отложить свой отъезд, то только из желания избавить вас от расходов, которые не преминут осложнить наше положение, и без того довольно стесненное, если я приеду в Варшаву, а вы будете вынуждены покинуть меня или отправить обратно одну. Мне не надобно говорить вам, как эта задержка тяготит меня и огорчает, когда я живу словно на бивуаке, отправив вещи. Но лучше я пройду и через это жестокое испытание, чем причинить вам новые затруднения и расходы; умоляю вас, отвечайте скорее, не оставляйте меня в тягостной неопределенности, когда я не ведаю, как поступать, тем более что я одна и не знаю, когда решится моя судьба; еще раз — пишите мне без промедления.

Прощайте, мой дорогой друг, спасибо за деньги, которые вы прислали; от отца я ничего не получила. Ваш брат ² был наконец у меня и обещал на днях зайти еще. Ему сказали, будто я уже уехала.

Брата ³ целую, Вульффу кланяюсь. Мочи нет, несносно жить, как на станции, с марта. Меня уже прозвали тут сиротинушка-девушка — да я на нее и похожа, однако я хорошо себя чувствую, что немного меня утешает. До свиданья, мой дорогой, когда вы меня увидите, то не узнаете. Я веду совершенно рассеянную жизнь. Прощайте.

Поэта Н. И. Павлицева: 23 августа

¹ Граф Воронцов Михаил Семенович (19 V 1782—6 XI 1856) — новороссийский генерал-губернатор и наместник Бессарабской области, под начальством которого служил А. С. Пушкин в 1823—1824 г. По настоянию М. С. Воронцова поэт был исключен из служ-

бы и выслан в Михайловское. Отношения между ними и позднее оставались враждебными. Слух о назначении графа М. С. Воронцова оказался ложным.

² Павлицев П. И.

³ Пушкин Л. С.

[Вторая половина сентября 1832 г. Псков]

По-прежнему ли намереваетесь вы, мой друг, встретить меня в Бресте, как обещали в письме к Дурасову? Я теперь во Пскове и надеюсь, что мое письмо еще успеет, поскольку я заеду еще к родителям, по крайней мере на 5—6 дней, если погода немного улучшится,— потому что постоянные дожди заставляют меня опасаться в несчастной Польше дорожной грязи, которая, говорят, превосходит всякое воображение. Представьте себе, что карета была готова только 4-го сего месяца, но верно, что она по своей цене довольно сносная; да что проку с этого, если я прождала 3 месяца, чтобы ехать теперь в самое отвратительное время года. Если вы не сможете приехать¹, мой дорогой, напишите мне в Брест и дайте необходимые указания: как поступить, чтобы не долго дожидаться паспорта, потому что у меня нет паспорта до Варшавы, как вы, должно быть, знаете. Благодаря некоторым моим друзьям, я путешествую с удобством; г. Боголюбов² нашел прекрасного курьера у г. Булгакова³; он хлопочет обо всем и избавляет меня от затруднений. Бога ради, напишите мне, дорогой мой, сразу же по получении этого письма и не забудьте указать свой адрес, название улицы и дом. Если Льва теперь нет в Варшаве, напишите и об этом тоже; я узнала косвенным путем, что он едет в Люблин; это так расстроило меня, что я расплакалась, как ребенок, при чужих людях, я не могла сдержаться, но что поделаешь — я уже приняла решение. Если вы по-прежнему привязаны ко мне, я буду стараться утешать себя этим, и вы найдете меня веселой и здоровой, надеюсь, хотя и необычайно похудевшей из-за всех дорожных хлопот, последние два дня я день и ночь на ногах. До свиданья, мой дорогой, я так хотела бы, чтоб это письмо еще застало вас, чтобы оно дошло скоро. Вероятно, я не смогу тронуться отсюда прежде чем через неделю⁴. — Меня устроит подробное письмо от вас; конечно, вам будет сложно добиться отпуска, и потом поездка — это всегда хлопотно, и не все ли равно, днем раньше или позже? До встречи, друг мой.

Поэма Н. И. Павлицева: Получено 30 сентября/12 октября 1832

¹ Н. И. Павлищев намеревался встретить жену на границе Царства Польского в Бресте и помочь в выполнении необходимых формальностей.

² Боголюбов Варфоломей Филиппович (ок. 1785—март 1842) — коллежский советник, служивший при Герольдии; за ним прочно закрепилась репутация сплетника и наушника С. С. Уварова; петербургский знакомый Пушкина (Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. Л., 1969. С. 370).

³ Булгаков К. Я.

⁴ О. С. Павлицева навестила родителей в Михайловском и выехала оттуда не позже 2 октября (а не 6, как указывает Л. Л. Слонимская, так как уже 3 октября находилась в дороге и писала родителям, — см. письмо Н. О. и С. Л. Пушкиных к ней от 24 октября 1832 г.), прибыла в Варшаву около 10 октября — см. запись в дневнике А. Н. Вульфа от 13 октября (Дневники. С. 346).

1835—1836

После трех лет жизни с мужем в Варшаве Ольга Сергеевна в середине августа 1835 года с 10-месячным сыном на руках отправилась в Петербург. Главной побудительной причиной трудного путешествия было настоятельное желание родителей — особенно матери, в то время уже тяжело больной, — повидаться с дочерью и внуком. В Петербург Ольга Сергеевна приехала 28 августа.

С дороги, а затем из Петербурга и Павловска Ольга Сергеевна регулярно писала мужу. Всего за это время сохранилось 19 писем.

Николай Иванович Павлищев продолжал служить в Варшаве в должности помощника статс-секретаря. Он приехал в Петербург по вызову жены 29 марта 1836 года.

Надежда Осиповна и Сергей Львович провели лето 1835 года в Павловске (в Михайловское из-за недомогания Надежды Осиповны поехать не решились). 6—7 октября старики Пушкины возвратились в город. Поначалу Надежда Осиповна остановилась у своей старинной подруги В. А. Княжниной, а Сергей Львович — у графа К. П. Толстого. Затем сняли небольшой деревянный дом Кокушкина, на углу Шестилавочной улицы и Графского переулка, близ Преображенской площади. Ольга Сергеевна оставалась с родителями, ухаживая за матерью, болезнь которой врачи сочли крайне опасной. 29 марта 1836 года Надежда Осиповна умерла. Отпевание состоялось в Преображенском соборе, откуда 8 апреля Пушкин повез хоронить тело матери в Святогорский монастырь.

Александр Сергеевич с семьей с весны 1834 года до осени 1836-го снимал квартиру в доме Баташева на Дворцовой набережной близ Прачечного моста. Лето 1835 года провел на Черной речке (дача Миллера). Лето 1836 года — на Каменном острове (дача Добровольского). В 1835 году еще дважды ездил в Михайловское: на несколько дней в начале мая и на полтора месяца в сентябре—октябре. В 1836 году три недели — с начала и до 20-х чисел мая — провел в Москве.

Лев Сергеевич с февраля 1835 года находился в Тифлисе. В июле он был зачислен в Линейный полк Отдельного Кавказского корпуса в чине штаб-капитана. Принимал участие в боевых действиях.

Среда (14 августа 1835, Остроленка) ¹

Я не смогла написать вам из Пултуска, мой милый друг; приехала туда поздно и выехала в три часа ночи. Теперь я в десяти верстах от Остроленки. По приезде я отправлю почту; Бог ведает, дойдет ли это письмо.

Благодарение Богу, малыш ² теперь спокойнее: он довольно хорошо провел ночь, на полу между мной и Натальей ³, — и утром целых три часа проспал в карете; но он такой худой и бледный, — как и вчера, — что это вовсе не утешает меня, а, на мое несчастье, в корчме, где я остановилась, нашлась сердобольная женщина, которая говорит, будто у Лёли ⁴ *истощение*. Я не осмеливалась до сих пор останавливаться на этой мысли, которая мне иногда приходила; теперь я с трудом сдерживаю слезы, глядя на него, — особенно когда он спит: он бледен до невозможности; ест очень мало и, наверное, томится от скуки в карете, потому что как только мы выходим, его занимает все вокруг, как и прежде.

Вообрази, меня уверили, что почты нет *письменной* до Ковны, и я сию минуту только узнала, что это вздор. Лошадей запрягают, пора убираться. Я очень довольна ямщиком и даже Петрушкой ⁵ покамест. Сегодня думаю ночевать в Ламже, если не далее.

Если мы и дальше так же будем ехать, то надеюсь, что будем в Риге дней через десять, если только малыш будет здоров; я, надо признаться, особенно не затрудняю себя. — Я ничем не могу заниматься: всю ночь провела с открытыми глазами, как заяц, и до сих пор нисколько не хочу спать. Прощайте, мой ангел, будьте здоровы. Я буду писать вам всякий раз, как будет возможно. Кланяйтесь от меня знакомым. — Благодарю г. Софиано ⁶ за перья, которые он мне очинил: они очень хороши, и я, когда не тороплюсь, сама замечаю, что лучше пишу, как вы можете видеть. — До свиданья, когда вы мне ответите? — Зачем я не попросила вас отправить мне письмо в Ригу, до востребования! Напишите — вы, может быть, еще успеете. Я, оказавшись одна, стала очень деятельна; пока что наше хозяйство в полном порядке. Счета моих ежедневных расходов в дороге я вам вышлю — теперь время нет. Прощай еще раз. — Приходила ли ко мне во вторник г-жа Бартусевич? *Ко мне* — не перепутайте. Думаю, она не знала еще о моем отъезде.

На обороте:

Милостивому Государю Николаю Ивановичу Павлищеву. В Варшаве. Г. Павлищеву, в Варшаву.

Помета карандашом Н. И. Павлищева: 16/28 августа 1835.

На адресе штемпель: Остроленка.

¹ Письмо датируется нами на основании анализа писем № 40—43; 14 августа 1835 г. — среда. На основании этого отъезд О. С. Павлище-

вой из Варшавы можно отнести ко вторнику 13 августа.

² Сын Н. И. и О. С. Павлищевых, Лев Нико-

лаевич, родившийся в Варшаве 8 октября 1834 г. (ум. 7 VII 1915) — журналист, мемуарист, автор воспоминаний о Пушкине, первый публикатор семейной переписки Павличевых. По его воспоминаниям, опасно больная бабушка, Надежда Осиповна Пушкина, очень хотела увидеть внука, и это было одной из главнейших причин того, что Ольга Сергеевна вместе с недостижимым годовалого возраста сыном отправилась в путь из Варшавы в Петербург.

³ Горничная О. С. Павличевой, нянька Л. Н. Павличева.

⁴ Павлицев Л. Н.

⁵ Крепостной Пушкиных, сын бывшего управляющего в Михайловском, а затем и в

Болдине М. И. Калашникова: с 1828 г.— в услужении у Ольги Сергеевны.

⁶ Софиано Петр Христофорович — чиновник канцелярии наместника Царства Польского И. Ф. Паскевича, варшавский приятель Н. И. и О. С. Павличевых. По свидетельству Л. Н. Павличева, П. Х. Софиано первым в Варшаве получил известие о дуэли и смерти Пушкина и сообщил об этом Н. И. Павлицеву (Псв. Вып. 17—18. С. 157; Павлицев Л. Н. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. С. 65). Среди варшавских знакомых Павличевых было распространено мнение, что П. Х. Софиано был влюблен в О. С. Павлицеву. (Вульф А. Н. Дневники. С. 364).

41

(16—17 августа 1835 Августов) ¹

Я не успею, может быть, написать вам из Ковно, куда рассчитываю приехать завтра, мой милый друг; я еду быстро, как видите, но ребенок ² очень тревожит меня: его беспокойство сменилось грустью, апатией, так что у меня сердце сжимается; со вторника он так похудел и побледнел, что его не узнать; повсюду, где я останавливаюсь, меня спрашивают, чем он болен; он постоянно спит, почти не ест; эту ночь я просидела с ним одна: отправила Наталью спать, она совершенно с ним измучилась. Зачем я поторопилась с отъездом, нужно было дожидаться его полного выздоровления<...> И вправду, у него расслабление, что ни будь в нутри гниет; у него повреждена печень — зубы не могут произвести столь резкого ухудшения в такое короткое время; мне очень грустно, друг мой,— меня преследует мысль, что я потеряю своего бедного ребенка, который был так весел, так здоров и полон жизни! Это пиявки повредили ему, ничто другое — они отняли у него драгоценную кровь<...> Ах, передайте все это Левештаму ³.

Думаю, что на десятый день буду в Риге; я довольна кучером, как и Петром. До свиданья, напишите мне в Ригу, прошу вас, до востребования. Теперь я еду, мы проедем через город, откуда я отправлю письмо.

На обороте:

Милостивому Государю Николаю Ивановичу Павлицеву. В Варшаве. Г. Павлицеву, в Варшаву.

Штемпель: 30 августа.

О. С. Павлищева. Акварель неизв. художника. 1830-е гг.

¹ Датируется на основании следующего письма и анализа маршрута О. С. Павлицевой.

² Павлицев Л. Н.

³ Доктор в Варшаве (Псв. Вып. 17—18. С. 158). Пиявки и кровопускания были очень модным способом врачевания, увлечение ими часто приводило к крайностям.

42

*Воскресенье. Ковно.
Полдень (18 августа 1835) ¹*

Вы, должно быть, очень беспокоились, мой друг, если получили мое последнее письмо: я написала его, чтобы облегчить душу, но потом раскаивалась, что отослала его. Не смею пока надеяться, хотя ребенку, кажется, лучше или, по крайней мере, не хуже; сегодня он улыбнулся мне, <...> но до сих пор решительно ничего не ест: он срыгивает все, что ему дают, даже свой ячменный отвар, когда он немного гуще.— А вось это зубы, а не сухотка. В карете он спит, довольно спокойно. Боже мой, если бы он был здоров — я была бы совершенно спокойна, не было бы этих черных мыслей, которые теперь почти не покидают меня; я бы даже не обращала внимания на его жилку на носу.— Если бы вы видели меня эти последние дни, друг мой! Но я рада, что вы не были свидетелем моей страшной тревоги, моих слез и отчаяния; вам они показались бы, может быть, преувеличением, вы старались бы образумить меня и тем только усугубили бы мои мучения. Мне каждую минуту казалось, что он умрет у меня на руках: ночью я прислушивалась к его дыханию, сомневаясь, жив ли он.— Думаю, что я потеряла человеческий облик; женщины разделяли мое горе и плакали вместе со мной; но, благодарение Господу, ему лучше, хотя он все еще слабенький и грустный; это и вправду, должно быть, зубы; верхняя губка у него припухла, он тянет пальцы в рот. Я еще не общила вам, что переехала, наконец, реку ². Г. Львов, инспектор, или кто он еще,— невыносим: он пожелал все пересмотреть, велел перевернуть все вещи, их вытряхнули на землю посреди улицы. К счастью еще, была хорошая погода. Но угадajte, что он еще себе позволил: он спрашивает, сколько у меня при себе денег и есть ли ассигнации? Я говорю, что есть. Вот это и нехорошо, *покажите*. Мне пришлось предъявить ему все мое достояние, он сосчитал и пересчитал, взял бумагу, которую вы мне написали, чтобы удостоверить сумму, и в конце концов вернул все с величественным видом. В другой раз это развлекло бы меня, но ребенок просил пить, а я ничего не могла сделать там, на улице. Еще, представьте, он велел отпереть все шкапулки и просмотрел ваши письма; в самом деле, можно умереть со смеху.— Там была еще одна дама, почти в таком же положении; почти, потому что ехала в другую сторону; она была в возмущении. Наше негодование

объединило нас, и мы познакомились. Ее сопровождали два господина из очень *хорошего общества*, и сама она была весьма нарядно одета и причесана, лет около сорока, а по-французски она говорит как итальянка, но думаю, что она полька, она мне очень понравилась; приглашала меня приезжать к ней, когда вернусь, а я забыла, в какой город.— Но это еще не самое интересное. Вам кланяется г. Конд-

В дороге. Рисунок А. Орловского. 1815 г.

ратьев: ³ он здесь со своим полком; узнав, кто я такая, он явился ко мне без церемоний, как ваш добрый школьный товарищ.— Похоже, он очень славный; я с удовольствием приняла его, потому что видела, что он пришел только чтобы поговорить о вас. Еще что тебе сказать? *Леля* коровам опять стал сейчас радоваться; просит бульону, то есть кричит на суп, который мне подали; две, три ложки выпил.

Прощай, я спешу ужасно и рада, что за рекой; кучером очень довольна; он, однако, выпросил у меня пятьдесят рублей и божится, что будем <через> десять дней в Риге. Прощай, кланяйся знакомым. Нежно целую вас, мой добрый друг.

Помета Н. И. Павлицева: 20 августа/1 сент. 1835. Четверг, 22/3

¹ В издании Псв. (вып. 17—18) письмо ошибочно датировано 20 августа; исправлено нами на основании того, что воскресенье — 18 августа.

² Имеется в виду р. Неман, по которой проходила северо-западная граница между Польшей и Россией; по Органическому статуту Королевства Польского, заменившему в 1832 г. Конституцию

Царства Польского, таможенная граница сохранялась и была отменена лишь в 1850 г.

³ Кондратьев Сергей — пансионский товарищ Н. И. Павлицева. В 1817 г. переведен в

Царскоелицей Лицей, окончил его в 1823 г., третий выпуск. (Голицын Н. С. Благородный пансион Императорского Царскоелицей лицея. 1814—1829. С. 54).

43

Четверг, утром (22 августа 1835 Митава)

Вот я и в Митаве. С нетерпением жду, когда приеду в Ригу и возьму почтовых лошадей¹. Ребенку не хуже, но он и не здоров: совершенно ничего не ест, питается одним только питьем да съедает четыре-пять ложек бульона, и только; в карете он довольно спокоен, и грустный по-прежнему, очень слабый и худой — до такой степени, что больно смотреть. По правде сказать вам, иногда я в полном отчаянии.

Как бы я хотела быть рядом с родителями!² Мне кажется, что время тянется ужас как долго, — хотя завтра уже 10-й день с моего отъезда; кучер хочет везти меня до Петербурга, но у меня нет никакого желания: он уморил свою лучшую лошадь, дав ей пить, когда она была еще разгорячена, а потом даже не позаботился позвать коновала; это было позавчера; лошадь на каждом шагу падала, и он палкой заставлял ее подниматься; когда добрались до станции, бедное животное упало и больше не встало; он купил для меня другую, да все четыре ни к черту не сгодятся на тех песках и горах, которые нам предстоят. Он меня, однако, со всем этим рассмешил. Я ему сказала: *«Твоя лошадь до Риги не дойдет»*. — *«А Бог-то на что?»*, был ответ. Совершенно по-русски.

Через 6 дней надеюсь быть в Петербурге, даже если буду останавливаться ночью; я не хочу терять ни минуты в Риге, сразу отправлю за подарочной. Здесь встретила старого знакомого — г. Виттенгейма; его жена в деревне, его визит порадовал меня, он меня немного успокоил относительно малыша. Кстати: у него прорезался один зуб, хотя с другой стороны еще не показывается, — надеюсь, что его болезнь только от этого, и цвет лица немного сделался свежее.

Прощайте, мой друг, нужно отправлять на почту, чтобы успеть множество вещей, и торопить людей, которые только и делают, что едят, а потом спят в карете. Петр очень хорошо себя ведет, я ему сказала, что очень им довольна и не буду жаловаться отцу; его можно взять лаской. В конце концов, он добрый малый — всегда весел без меры; но меня, признаюсь, это больше устраивает, чем прислуга с мрачными физиономиями³. Всего вам доброго!

На обороте:

Его Высокоблагородию Николаю Ивановичу Павлицеву. В Варшаве. Г. Павлицеву, помощнику статс-секретаря при Государственном Совете в Варшаве.

Почта Н. И. Павлицева: отправлено в четверг, т. е. 22 августа/3 сентября 1835 г., получено в понедельник, 26/7.

¹ До Риги О. С. Павлицева доехала в карете, нанятой вместе с кучером в Варшаве; далее она поехала на почтовых, что было значительно быстрее. Для этого требовалось выправить подорожную, о которой она и пишет.

² Пушкины С. Л. и Н. О. жили в это время

на даче в Павловске.

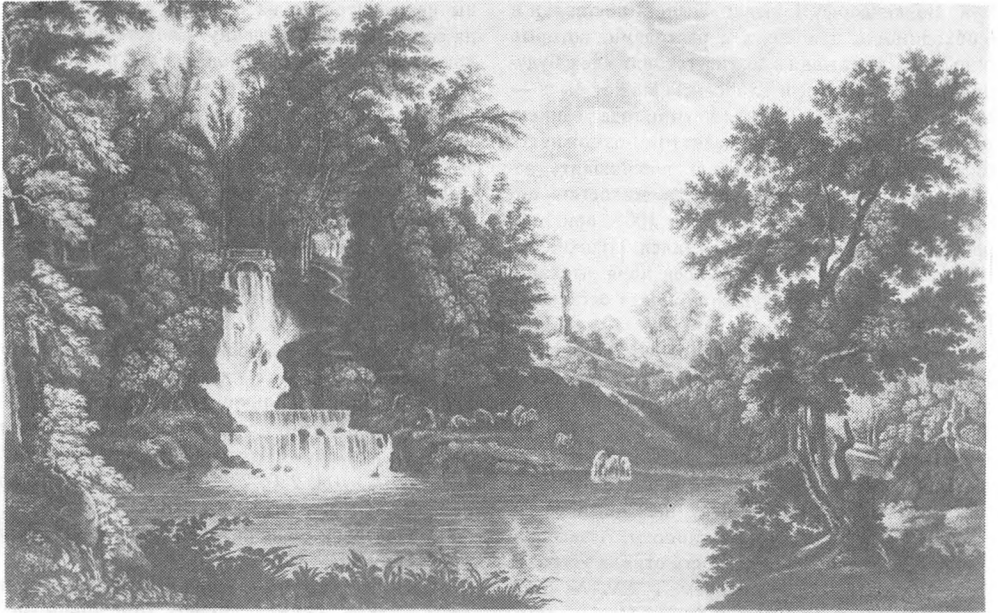
³ Петрушка доставлял своим хозяевам много хлопот и позднее, в 1837 г., был сдан Н. И. Павлицевым в рекруты за пьянство и воровство (см.: Шеголев П. Е. Пушкин и мужики. М., 1928. С. 154; см. также т. I. наст. изд.).

44

31 августа (1835 Павловск)

Я здесь с 28-го <августа> ¹. Лёля чувствует себя лучше, но по пути до Риги он страдал невероятно. В Митаве я вынуждена была послать за лекаркой, которая ему помогла <...> Я уже не знала, как поступить. Как я была несчастна!.. Благодарение Господу, это миновало. Наконец я в своей семье, обогретая теплом и лаской родителей, как вы, наверное, полагаете. Я живу в том же доме, в двух небольших комнатах,— это все, что мне требуется, и была бы теперь совершенно спокойна, когда бы не плохое здоровье матери, которую я нашла переменявшеюся, как не могла и вообразить; она говорит, что чувствует себя хорошо, но ее слабость очень меня тревожит. Вчера Александр с женой приезжали повидать меня ². Они уже не едут в поместье в Нижний, как предполагал он, потому что она и слышать о том не желает,— и он удовольствуется тем, что отправится на несколько дней в Тригорское, а она не двинется из Петербурга ³. Он поручил мне спросить у вас, мой милый друг, в чем хотите вы, чтобы состояла *доверенность*, чтобы черновую написал и прислал, что он согласиться на все ⁴. Между тем, тебя предупреждает, что если ты хочешь на пашню, то труд лишней будет, а толку мало; земли на его части слишком недостаточно, то лутче их оставить на оброке.— Там новый управитель — *Пеньковский* ⁵. Он ему уже об нас писал, и вам нужно лишь послать ему свои распоряжения, когда вам будет угодно: *В Арзамас по Сибирскому тракту в село Абрамово* ⁶ для доставления в Болдино Е. Б. Иосифу Матвеевичу Пеньковскому. Это управляющий отца, которому Александр также доверил свое имущество. Отец только что сообщил мне, что написал ему, чтобы он выслал мне то, что мне причитается,—

да это бестолково что-то. Брат ⁷ вчера мне сказал, что Пеньковской ожидает *моих приказаний*, а я тебе поручаю писать ему, что благо тебе рассудить, или мне напиши, что ты хочешь, чтобы я ему приказывала, — понимаете ли вы? — Я едва могу связать две фразы, мой дорогой; я в чаду ужасном, пишу на окошке в

Павловск. Гравюра А. Ухтомского с рис. С. Щедрина. Начало XIX в.

гостиной, сидя между отцом и матерью; ребенок кричит в моей комнате, а почта отходит через час. Я должна отослать письмо в Царское. Кстати: Александр продал на днях фермуар, за 850 рублей; деньги он передаст мне ⁸. Поэтому не беспокойтесь о моих денежных делах; родители очень стеснены в средствах. Я хотела бы как можно меньше быть на их попечении. Мне здесь очень нравится, но они не смогут пробыть тут дольше середины сентября, хотя погода великолепная; тут ожидают некоторых изменений, и в доме нельзя будет оставаться.

До свиданья. С будущей почтой напишу вам подробнее, и о моем путешествии, и обо всем остальном.

В Риге я останавливалась всего на несколько часов; почта была закрыта, а я уверена, что меня ждало письмо от вас.

Помета Н. И. Павлицева: получено 8/20 сентяб. 35 г.

¹ О. С. Павлищева поселилась у родителей, снимавших дачу в Павловске в доме крестьянина Удолова возле немецкой церкви.

² А. С. и Н. Н. Пушкины 30 августа приезжали в Павловск со своей дачи (дача Миллера) на Черной речке, чтобы повидать О. С. Павлицеву, которую не видели 3 года, и ее первенца.

³ Летом 1835 г. А. С. Пушкин серьезно задумывался над тем, чтобы оставить столицу и несколько лет провести в деревне. О причинах, вынуждавших к этому, он откровенно писал А. Х. Бенкендорфу 1 июня: «Ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые лишь вовлекают меня в долги и готовят мне в будущем только тревоги и хлопоты, а может быть — нищету и отчаяние. Три или четыре года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия, которыми я еще обязан милостям его величества» (Академ. Т. XVI, № 1068, ориг. по-франц.). План этот не осуществился, Пушкин получил отпуск на 4 месяца и 7 сентября выехал в Михайловское. Н. Н. Пушкина и дети остались в Петербурге.

⁴ Неумение С. Л. Пушкина вести хозяйственные дела привело к полному расстройству финансового положения семьи. Весной 1834 г. А. С. Пушкин решил принять на себя управление Болдином. В письме к П. В. Нащокину он объясняет это решение: «Что делать? Надобно взять имение в руки, а отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты. А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва <...>» (Академ. Т. XV, № 897). С. Л. Пушкин поспешил сообщить Павлицевым о переменах в управлении, после чего на-

стойчивые просьбы Н. И. Павлицева о деньгах адресовались А. С. Пушкину. К этому времени Н. И. Павлицев убедился, что не способен содержать семью одним жалованьем, что обещание С. Л. Пушкина ежегодно выдавать дочери по 4 тысячи рублей не может быть выполнено, и стал требовать выделения доли из имений Пушкиных. А. С. Пушкин не согласился на раздел имения и уступил сестре доходы со своей части Кистенева. В письме к И. М. Пеньковскому от 1 мая 1835 г. он сообщал о принятом решении: «По условию с батюшкой, доходы с Кистенева отныне определены исключительно на брата Льва Сергеевича и на сестру Ольгу Сергеевну. Следственно, все доходы с моей части отправлять, куда потребует сестра или муж ее Ник<олай> Ив<анович> Павлицев; а доходы с другой половины (кроме процентов, следующих в ломбард) отправлять ко Л.<ьву> С.<ергеевичу>, куда он прикажет. Болдино останется для батюшки» (Академ. Т. XVI, № 1054). Н. И. Павлицев решил сам управлять выделенной им частью Кистенева и просил А. С. Пушкина оформить на него доверенность (см. письмо А. С. Пушкина Н. И. Павлицеву от 3 июня 1835 г., с. 219 наст. тома).

⁵ Пеньковский Иосиф (Осип) Матвеевич (ум. 1885—1886) — с октября 1833 г. управляющий имениями Пушкиных в Болдине и Кистенева. Подробнее о нем и его деятельности по управлению см.: Щеголев П. Е. Пушкин и мужики. С. 109, 230, 232; Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. С. 443.

⁶ Почтовая станция в 12 верстах от Болдина.

⁷ Пушкин А. С.

⁸ См. письмо Н. И. Павлицева А. С. Пушкину от 25 октября 1834 г., с. 214 наст. тома. Фермуар — ожерелье из драгоценных камней с застежкой.

12 сентября (1835 Павловск)

Ваше письмо от 28-го пришло в мое отсутствие: я ездила в Петербург, на пару дней, по просьбе г-жи Пушкиной — бывшей Энингс¹, которая, услышав о моем приезде, тотчас же прибежала и бросилась мне на шею, а с нею вместе графини Ивелич и Языкова²; она так мучила меня, чтобы добиться обещания поехать к ней

в тот же вечер вместе с нею, что я, как ни мало мне этого хотелось, была вынуждена согласиться и кое-как сесть пятой в ее карету. Это было в понедельник; в четверг мы вернулись вместе ³, и отец ⁴ вручил мне ваше письмо, вложенное вами в письмо к нему, не говоря о последнем ни слова; вечером я спросила у мамá ⁵, что вы им пишете; она на это отвечала: *Разве ты письма не читала — завтра я тебе его покажу*, и ничего не показала мне ни на завтра, ни послезавтра; сегодня я снова напомнила: *Оно у отца*, был ответ. Отец был печален, лицо у него было мрачнее обычного, так что я не сочла уместным заговорить с ним; вот почему, друг мой, я не могу сообщить вам, какое *действие* произвело ваше послание.

Здоровье Лёли несравненно лучше, но у него насморк; четвертый зуб еще не прорезался. Его находят очень милым, он не дичится и очень привязался к деду и бабке. Мать находит, что он похож на вас в профиль, что у него ваш лоб и рот. От этого она не меньше его любит и повторяет, что из всех ее внуков он всегда будет ее любимцем. Кстати: Александр уехал в Тригорское и хочет пробыть там 3 месяца ⁶; он передал мне 800 рублей за фермуар; теперь вам осталось только обратиться к Пеньковскому, который, говорят, исключительно честный человек; управляет всем имуществом отца, и Александр написал ему, чтобы он ждал наших распоряжений, то есть ваших и моих.— Что касается доверенности — составьте ее и пришлите: брат подпишет свое имя, вот и все. Это он поручил сказать вам так: а черновую пришли, однако,— это будет деликатнее, не правда ли? — Лучше всего было бы вам договориться при встрече; приезжайте зимой: этого требуют наши интересы; на бумаге с моим любезным братом будет одна путаница,— у него никогда нет терпения дочесть письмо до конца; мамá уверяет, что это так, и я ей верю.

Вы пишете, что получили 3 моих письма. Я посылала вам четыре: по пути в Плотск, еще из одного городка, из Ковно и из Митавы; одно из них было удручающее, но из Ковно — длинное и радостное: Лёле в тот день было лучше ⁷.

О поездке в Москву нет и речи, о ней не говорят ни слова. Я ни за что не стану спрашивать об этом; я не желаю услышать, что это из-за меня они сидят в Петербурге; впрочем, думаю, что им не хватило бы и денег на поездку. По этой же причине до сих пор мы не думаем о поисках квартиры в городе. Пеньковский, однако, обещает к 1-му октября.— Вообрази, что в прошлом году имение описывали пять раз! ⁸ У матери разлитие желчи — это ее старая болезнь: ей то лучше, то хуже. Теперь она думает только обо Льве, который снова в армии, благодаря барону Розену, который ничего для него не сделал, несмотря на все свои обещания отцу. Лев воображает, будто его оклеветали перед бароном, и теперь он воюет с горцами. Все же лучше, чем оставаться без всякого занятия. Правда, он не веселится, как в Варшаве ⁹.

Теперь несколько подробностей, касающихся меня. Я забыла сообщить вам, в первом письме, что по приезде в Петербург остановилась в доме Варвариных ¹⁰, чтобы накормить людей и нанять лошадей. Я взяла экипаж и отправилась одна, без лакея.

Буквально в каких-то два часа я добралась до *Павловска*, где ни отца, ни матери не застала дома. Первый, с кем я обнялась и поцеловалась, был мой бывший обожатель *Витовтов*¹¹, который проезжал под окном на своем вечном кабриолете. Завидев меня, он вскрикнул и спрыгнул наземь, как 15-летний мальчишка; мы расцеловались, совсем запросто, — что, впрочем, случилось здесь со мной множество раз при встречах

Е. Н. Гончарова.
Акварель Ж.-Б. Сабатье. 1838 г.

с моими старинными знакомыми, в том числе с *Шевичами*; ни мать¹², ни дочь¹³ не переменялись ко мне; они в первый раз видели меня после моего замужества, по-прежнему очень дружелюбные и до крайности разговорчивые. Еще встретилась с *Титовыми*, — мадемуазель *Аннет*¹⁴ на седьмом небе от счастья, вышедши замуж за юного олуха — некто *Измайлов*, родственник нам¹⁵, — и еще *Окуневу*, урожденную *Крюкову*¹⁶; мы виделись в последний раз лет одиннадцать-двенадцать тому; она была прекрасная музыкантша, но оставила музыку для остроумия и реверансов; муж ее полковник, служит здесь и строит куры направо и налево; теперь он волочится за мной, прохаживаясь под окном, выказывая всевозможные знаки внимания; это очень развлекает мамá. Сегодня мы у них обедаем; мне не удалось уклониться от приглашения, несмотря на боль в ноге. Еще пришлось побывать у *Архаровой*¹⁷ — добрая старушка, которая меня облабызала и за сл у н и л а . По собственному же-

ланию я навестила бедную г-жу *Кюхельбекер*¹⁸, которая, проводив свою дочь *Глинку*¹⁹, осталась здесь совсем одна. Говорят, ее сын *Вильгельм* впал в малярию и совершенно угасает²⁰; дочь *Юлию*²¹ определили компаньонкой к графине *Полье*, которая выходит наконец замуж за италянца — не графа, но очень богатого, *Бутера*; она принимает поздравления²². Ее сын *Шувалов*²³ так этим удручен, что уехал на Кавказ и поступил в армию.

Теперь новость за новостью: *Михаил Глинка* женился на барышне *Ивановой*, юной особе без состояния и без воспитания, некрасивой, и, кроме всего прочего, она не выносит музыки²⁴. Это не помешало *Глинке* написать для нее прелестную пьесу²⁵, которую я слышала у *Пушкиной* (у той же бывш<ей> *Энингс*) в исполнении молодого *Доргомыжского*, — вы, я думаю, знакомы с ним: это нынешний гений, но он так обижен природой, что, несмотря на его невеселый характер, на него невозможно смотреть, а главное, слышать, чтобы не хотелось

рассмеяться — до того у него шутовской голос ²⁶. Это он рассказал мне о пресловутой свадьбе *его друга*, которая, я полагаю, похожа на свадьбу Корсакова; передайте это ему и поздравьте его от меня вместе с его Капитановой. ²⁷

Теперь расскажу вам, как я провела время в Петербурге. Мы приехали в одиннадцать часов вечера. Александрина ²⁸ велела подать чай в кабинете ее мужа ²⁹ (который уехал на несколько дней в Новгород), и я избрала этот кабинет своей спальней. Мы проговорили до двух часов ночи, прежде чем расстаться, а в семь утра были уже на ногах: мне нужно было побывать в нескольких местах. Александрина, конечно, хотела, чтоб я непременно воспользовалась ее экипажем, но я уговорила ее избавить меня от ее кареты и челяди. В 10 часов я велела прислать маленькую крытую коляску и, уже выходя, увидела Катерину Ивелич, которая пришла, запыхавшись, просить меня взять ее с собой и отвезти к ее кухне Кокошкиной ³⁰, пока я буду делать свои визиты. Я начала с Александра, который живет рядом ³¹. Мы нашли его на крыльце, с бумагами под мышкой. Когда он узрел Ивеличеву со мной, то чуть в обморок не упал и насила выговорил: «И вы, *графиня*?» Та по доброте душевной поторопилась успокоить его, сказав: «Я еду к Кокошкиным». Тут он обрадовался ³², воротился со мной, представил своим женам — теперь у него целых три ³³, как тебе известно. Его свояченицы хороши, но ни в какое сравнение не идут с Натали, которую я нашла очень похорошевшей: у нее теперь прелестный цвет лица и она немного пополнила; это единственное, чего ей недоставало. Я не захотела обедать у них, опасаясь, что буду скучать; пробыла только полчаса и, под предлогом, что должна ехать за покупками, отправилась к Аннет Паскевич (которая утратила былую красоту, так как сильно постарела) и затем к г-же Княжнинной ³⁴. Затем я сделала необходимые приобретения, в том числе *arrowroot* ³⁵, который мне непременно советовали давать ребенку, и затем Аверину траву ³⁶ и прочее. Мы пообедали втроем у Алекс<андрины> П<ушкиной>. После обеда пришла м-ль Паскевич. Вечером была Негри, урожд<енная> Ипсиланти, со своим мужем ³⁷ и с таблетками, которые она

А. Н. Гончарова.

Акварель неизв. художника. 1830-е гг.

глотает каждые четверть часа, потом княгиня Мурузи, урожденная Стурдза. Эта последняя — особа лет 26—27, ее находят очень хорошенькой, в молдавском вкусе: бретка, с выгнутыми бровями, тоже очень черными, и глазами немного навывкате. Она мила, мы очень приятно побеседовали.

М. И. Глинка. Литография
с портрета работы М. Терebeneва. 1824 г.

была с собой работа, кроме меня, хозяйки и Кат<ерины> Ивелич. Я встретилась с г-жой Шредер⁴² и двумя ее дочерьми, которые рассказали мне новости о бывшей баронессе Дельвиг. Они сказали, что она совершенно счастлива в деревне со свекровью и свояченицами. Но на самом деле они с мужем живут словно кошка с собакой, и он, под предлогом визитов к больным, ездит из деревни в деревню и не бывает дома месяцами; потом возвращается, и тут же жена его беременеет, а он снова уезжает⁴³. Это мне брат⁴⁴ сказал. Его брат Ираклий⁴⁵ женится на княжке Абамелек, — говорят, *обворожительной*⁴⁶. — Кстати, главная павловская красавица — барышня Пушкина, фрейлина⁴⁷; она живет у Шевичей, и очень хороша, как и ее сестра. Ее отец хотел привезти их к нам; впрочем, она сделала большую глупость: отказала Веневитинову⁴⁸, который дважды просил ее руки; он богат, хорош собой, славный малый; говорят, что она увлечена другим, который о ней и не думает; у нее нет никакого состояния и никакой будущности, поэтому отец очень на нее гневался; впрочем, надеются, что эта свадьба все же состоится

Назавтра у Александрины были гости к обеду и снова женщины с утра. Я еще раз ездила в лавки, поскольку забыла купить некоторые вещи, и затем к м-ль Цебриковой, которая уже не м-ль Цебрикова, а г-жа Олимпиева³⁸. Никто, кроме Витовтова, не расчувствовался так, как она; ее муж³⁹ тоже пожал мне руку, так искренне и сердечно, что это расположило меня к нему. Он вдовец, отец 4 детей, еще молод, очень недурен собой, однако совершенный *профессор*. Они очень хорошо устроились в казенном доме в Гимназии. Натали⁴⁰ очень похудела, и прыщи ее прошли; у нее был выкидыш, от которого она еще не оправилась. Впрочем, думаю, что она правильно поступила, выйдя замуж.

Вечером общество г-жи Пушкиной⁴¹ пополнилось княжной Мурузи, двумя князьями Мурузи, Доргомыжским и одним молодым офицером, я не спросила его имени. У всех дам

так или иначе, хотя похоже, что молодой человек принял решение: он в Петербурге и сюда не едет. — Еще из старинных знакомых у меня была барышня Корсакова, о которой я и вовсе позабыла. Что бы мне тебе еще сказать? Не хочу оставлять пустого места, впрочем, не обещаю вам писать каждый раз такие длинные письма, потому что, *grito*, на этот раз я принялась за письмо заранее, — оно уйдет только послезавтра, и потом, у меня столько новостей. Кстати, о новостях: Его Величество разрешил графине Самойловой⁴⁹ удалиться при условии не появляться ни в Москве, ни в Петербурге. Недавно она вздумала устроить деревенский праздник в своей Славянке, наподобие праздника в Белом Доме Поль де Кока⁵⁰; поставили шест с призами — на нем висел сарафан и повойник: представьте себе, что приз получила баба 45 лет, толстая и некрасивая! Это очень развлекло графиню, как вы можете представить, и все ее общество, но муж героини поколотил ее и все побросал в костер. Ты осрамила себя и меня на целый век, вот тебе и сарафан, и повойник! Тогда графиня велела дать ей другой и приказала носить его как награду за ловкость. Говорят, что офицеры, которые явились без позволения на этот праздник, назавтра были под арестом. Графиня Самойлова прекрасно себя чувствует и очень весела; сомнительно, чтобы князь Сергей⁵¹ мог унаследовать состояние, которое она завещает ему. У нее живет юная итальянка, которой она дает миллион, — это вернее; ей всего четырнадцать лет. Шредер, которая видела ее на балу, сказывала, что она необыкновенно жизнерадостна и очень оригинальна, но не красива. Впрочем, я не доверяю вкусу Шредер. Ее дочери безобразные немки, старшая так медлительна <?>, так беловолоса и бесцветна, что жалость берет, потому что она неглупа.

Тысячу приветов Софиано; я всегда буду рада его письму; но почему он хочет, чтобы я писала ему, раз он читает все мои письма? Впрочем, у меня нет ничего особенного сказать ему. Не думаю, чтобы г. Лохтин⁵² захотел написать мне, а я слишком ленива, — и я пишу только тебе. Кстати: отыскались у брата 20 экземпляров твоего «*Лирического альбома*»⁵³; я хотела их променять на книги, но мне никто даже «*Ледяного дома*» не дает, а он стоит только 1 р. с картинками⁵⁴, — итого, ценят меньше рубля.

Еще одна трагическая история: у парикмахера Элиота⁵⁵ нашли отрубленную голову юной особы, которую он выдавал за свою кузину. Его застали за созерцанием этой головы. Ему хватило таланта оправдаться и доказать, что она сама сотворила этот шедевр ловкости рук!!! Он всегда мне казался похож на убийцу. Я собираюсь пойти к нему, под предлогом покупки помады, которая красит седые волосы (он продает ее), и поговорить с ним об этой истории.

Еще нужно сказать вам немного о Лёле⁵⁶. Он очень умен, как я писала вам, и так обезьянничает, что можно умереть со смеху: всех передразнивает. Он был два раза у своих кузенов⁵⁷ и, когда вернулся, рассказывал, как Саша побил Машу и как она плакала; большой говорун; любит гостей, совсем не дичится; но его

любимцы — Веневитинов⁵⁸ и Толстой⁵⁹; он любит, чтобы им занимались. Ивеличевой⁶⁰ он надоел, и она мне сказала: «Твой Леля ни дать, ни взять твоя покойница Душинька: ⁶¹ он хочет, чтобы им занимались.» Это, пожалуй, правда. К Паскевичевой он на руки пошел тотчас. Кстати: Александр вовсе не находит, что она изменилась, и любезничает с нею по-прежнему.

Семен Исакович⁶² определился управляющим к князю Голицыну в Воронеж.

Спросите у князя Волконского, что стало с Вольдемаром, воспитанником его матери: ⁶³ князь Александр Мещерский⁶⁴ очень просил меня узнать о нем. Мещерский прелестный молодой человек. Я видела его в последний раз 9 лет назад, ему было тогда 18 лет; он сразу узнал меня на улице, но ему пришлось назваться; он надел гусарский мундир и носит очки. Почти каждый день у нас бывает — в Образцовом полку. Теперь здесь надобно тебе признаться, что я забыла в Риге послать за письмом, а потому не знаю, что ты и Софиано мне писали. Лэле было лучше — и я спешила ехать.

Соболевский⁶⁵ в Москве; говорит, будто Кукольниковы трагедии — точно кукольные комедии⁶⁶.

¹ Мусина-Пушкина А. О.

² Графини Е. М. Ивелич и А. П. Ивелич, урожд. Языкова, а также А. М. Языкова, урожд. графиня Ивелич.

³ О. С. Павлицева уехала в Петербург 2 сентября и вернулась 5 сентября.

⁴ Пушкин С. Л.

⁵ Пушкина Н. О.

⁶ А. С. Пучкин уехал в Михайловское 7 сентября 1835 г. и рассчитывал провести там всю осень; жил он в основном в Тригорском у П. А. Осиповой.

⁷ См. письма 40—43 наст. тома.

⁸ Именья С. Л. Пушкина в Нижегородской губ. были заложены и перезаложены; проценты в Опекунство вносились крайне нерегулярно. К началу 1830-х гг. сумма долга достигла таких размеров, что реальной стала угроза потерять именья.

⁹ После возвращения осенью 1833 г. из Варшавы Л. С. Пушкин, по своему обыкновению, отдыхал и делал новые долги. В 1834 г. недолгое время (с 14 апреля по 30 июля) служил чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел. В это же время у него возникло желание вернуться в Грузию, и С. Л. Пушкин начал хлопотать о переводе сына перед бароном Григорием Владимировичем Розеном (30 IX 1782—6 VIII 1841), с 1832 г. командиром Отдельного Кавказского корпуса. Хлопоты были безуспешными, однако Л. С. Пушкин отправился в Грузию. После длительных остановок в Москве

и Харькове прибыл в Тифлис 18 февраля 1835 г. См. также т. I. наст. изд.

¹⁰ Вероятно, имеется в виду дом на Екатерининском канале, который в справочнике на 1837 г. указан как дом Шуппе, бывш. Варварина, в списке «домов со столом для приезжающих» (Нистрем К. Книга адресов С.-Петербурга на 1837. СПб., 1837).

¹¹ Вероятно, Витовтов Павел Александрович (29 VIII 1797—10 III 1876) — впоследствии генерал-адъютант, командир гвардейского пехотного корпуса. Сын статс-секретаря Александра I А. А. Витовтова (24 V 1770—1 X 1840), брат А. А. Витовтовой.

¹² Шевич Мария Христофоровна, урожд. Бенкендорф (14 II 1784—16 XI 1841), — сестра шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа, вдова генерал-лейтенанта И. Е. Шевича, близкая знакомая Карамзиных, старших Пушкиных.

¹³ У М. Х. Шевич было две дочери: Любовь Ивановна (6 I 1806—8 IX 1866) и Варвара Ивановна (1802—1828), которая была замужем за дипломатом А. П. Бутеневым; а также падчерица Александра Ивановна (9 VI 1807—6 IV 1860) — см.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.; Л., 1960, по указ.; см. также т. I. наст. изд.

¹⁴ Титова Анна Алексеевна (4 III 1794—10 VIII 1858) — дочь А. Н. и Е. А. Титовых, двоюродная сестра графини Е. М. Ивелич, родственница С. М. Дельвига, приятельница

А. О. Мусиной-Пушкиной и О. С. Павлицевой,— подробнее см. т. 1 наст. изд.

¹⁵ Измайлов Сергей Михайлович; его родная тетка по отцу, Анна Васильевна Измайлова, была замужем за Николаем Львовичем Пушкиным, старшим братом С. Л. Пушкина (Псв. Вып. 17—18. С. 166).

¹⁶ Окунева Надежда Александровна, урожд. Крюкова (род. 1804), — сестра декабристов А. А. и Н. А. Крюковых, жена Н. А. Окунева (о нем см. выше).— Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 92; а также т. 1 наст. изд.

¹⁷ Архарова Е. А.

¹⁸ Кюхельбекер Юстина Яковлевна, урожд. Ломен (20 III 1757—26 III 1841),— вдова К. Кюхельбекера, первого управляющего Павловском, человека, близкого к императору Павлу I; с 1836 г. находилась во Вдовьем доме.

¹⁹ Глинка Юстина Карловна, урожд. Кюхельбекер (12 VII 1784—15 VII 1871),— дочь Ю. Я. Кюхельбекер, вдова профессора Дерптского университета Григория Андреевича Глинка (1776—1818); в 1830-е гг. была посредницей в сношениях между Пушкиным и своим братом, В. К. Кюхельбекером (см.: Пушин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 77 и далее).

²⁰ Кюхельбекер Вильгельм Карлович (10 VI 1797—11 VIII 1846)— в январе 1826 г. был арестован в Варшаве, приговорен Верховным уголовным судом к каторге на 20 лет, но по высочайшему повелению вместо Сибири направлен в Динабургскую крепость (1827 г.), оттуда в Вышгородский замок г. Ревеля, 14 октября 1831 г.— в тюрьму г. Свеаборга. Таким образом, около десяти лет он провел в одиночном заключении, что тяжело отразилось на его психике. По указу от 14 декабря 1835 г. был освобожден из крепости и переведен на поселение в г. Баргузин Иркутской губ., где находился в это время его брат Михаил, также декабрист.

²¹ Кюхельбекер Юлия (Ульяна) Карловна (1798—не ранее 1845)— младшая сестра В. К. Кюхельбекера, воспитанница училища ордена св. Екатерины; с середины 1833 г.— компаньонка графини В. П. Полье. Сестры Юлия и Юстина поддерживали денежным пособием своих братьев-декабристов; через них В. К. Кюхельбекер пересылал Пушкину свои произведения для публикации.

²² Графиня Полье Варвара Петровна, урожд. княгиня Шаховская (1 II 1796—24 XII 1870), в

первом браке за генерал-лейтенантом графом Павлом Андреевичем Шуваловым (21 V 1777—1 XII 1823), во втором браке (с 1826 г.) — за церемониймейстером графом Адольфом Антоновичем Полье (18 VI 1795—10 III 1830). После смерти второго мужа она поселилась в своей усадьбе в Парголово, где вела эксцентричный образ жизни, вызывавший интерес окружающих (об этом см.: Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 153; о Парголове см. выше, прим. 5 к письму № 15). В 1833 г. вместе с сыновьями и Ю. К. Кюхельбекер она уехала за границу. Слух о ее третьем замужестве распространился в Петербурге в 1834 г. (Письма. Т. 3. С. 450; Письма к жене. С. 183); в 1836 г. графиня Полье вышла замуж за чрезвычайного посланника Королевства Обеих Сицилий в Петербурге князя Бутера ди Ридали Джорджо Вильдинга (ум. 1841), которого она также надолго пережила (о ней см.: Пушкин в письмах Карамзинных 1836—1837 годов; Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. С. 452).

²³ Шувалов Андрей Павлович (1816—1876); на Кавказе он вступил подпрапорщиком в Грузинский гренадерский полк, но вскоре перевелся в знаменитый Нижегородский драгунский; впоследствии флигель-адъютант, затем действительный статский советник; жена его Софья Михайловна—дочь М. С. Воронцова (см.: Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. 2. СПб., 1855. С. 107, 150).

²⁴ Глинка Михаил Иванович (20 V 1804—3 II 1857) был товарищем Л. С. Пушкина по Университетскому пансиону (ошибочное указание Л. Л. Слонимской на то, что М. И. Глинка, Л. С. Пушкин и Н. И. Павлицев воспитывались в одном пансионе, основывается на недоразумении: Л. С. Пушкин сначала учился в Благородном пансионе Императорского Царского Лицея вместе с Н. И. Павлицевым, а затем в Петербурге в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте — позднее Петербургском университете — вместе с М. И. Глинкой, С. А. Соболевским и др.). М. И. Глинка — знакомый Павлицевых по дельвиговскому кружку, посещал вечера в доме Павлицевых (Вульф А. Н. Дневники. С. 162). 26 апреля 1835 г. М. И. Глинка женился на Марье Петровне Ивановой (род. 1817), однако брак был несчастлив и, после долгого судебного разбирательства, был расторгнут 27 ноября 1846 г., так как еще в 1841 г. М. П. Глинка тай-

но обвенчалась с Н. Н. Васильчиковым (см.: Глинка М. И. Записки. С. 63—66 и комм.).

²⁵ М. И. Глинка посвятил своей жене роман на слова А. А. Дельвига «Только узнал я тебя...» (Глинка М. И. Записки. С. 64, 166).

²⁶ Даргомыжский Александр Сергеевич (2 II 1813—5 I 1869), незадолго до того познакомившийся с М. И. Глинкой, был действительно внешне непривлекателен: «Приятель мой <...> Копьев <...> привел мне однажды маленького человечка в голубом сюртуке и красном жилете, который говорил пискливым сопрано. Когда он сел за фортепиано, оказалось, что этот маленький человек был бойкий фортепианист, а впоследствии весьма талантливый композитор — Александр Сергеевич Даргомыжский». (Глинка М. И. Записки. С. 64).

²⁷ Римский-Корсаков Александр Яковлевич (10 VI 1806—не ранее 1856) — товарищ Л. С. Пушкина и М. И. Глинки по Университетскому пансиону; земляк последнего; одно время вместе с Глинкой жил на квартире в Петербурге; поэт, входивший в дельвиговский литературный круг; по свидетельству Л. Н. Павлицева, «проживал тогда в Варшаве, где преподавал русский язык в четырехклассном училище и женился на польке; поляки всегда, говоря о ней, называли ее «Пани Капитанова», так как Корсаков был титулярным советником» (Псв. Вып. 17—18. С. 167); титулярный советник — чин 9-го класса, соответствующий чину капитана в военной службе. О нем также см.: Глинка М. И. Записки, по указ.; Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. С. 155, 174.

²⁸ Мусина-Пушкина А. О.

²⁹ Мусин-Пушкин Ф. М.

³⁰ Вероятно, Кокошкина Варвара Александровна (ум. 1842) — сестра петербургского обер-полицмейстера С. А. Кокошкина, в первом браке замужем за П. А. Клейнмихелем, во втором — за Н. А. Булдаковым. В. А. Кокошкина — дальняя родственница С. М. Дельвига, А. О. Мусинной-Пушкиной (Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания. Т. I. С. 124).

³¹ С августа 1834 г. Пушкин снимал квартиру в доме Баташева на Французской набережной. Несмотря на то что на лето 1835 г. Пушкины переехали на дачу Миллера на Черной речке, они сохранили за собой городскую квартиру; Пушкин, занятый хлопотами об отпуске и другими делами, постоянно бывал на городской квартире, а во второй половине августа, готовясь к поездке в Михайловское, перевез с дачи и всю семью.

³² Несколько эпатарующий стиль поведения графини Е. М. Ивелич определил ее репутацию в свете. По словам С. М. Дельвига, она больше походила «на гренадера самого дурного тона, чем на барышню. Что за походка, что за голос, что за выражения! К тому же она нюхает табак и курит, когда никого нет» (Модзалевский Б. Л. Пушкин. С. 141). В декабре 1831 г. Пушкин писал жене о Е. М. Ивелич и ее сестре: «<...> не дружись с графинями, с которыми нельзя кланяться в публике» (Письма к жене. С. 27, 125). Этим и объясняется смущение Пушкина, увидевшего Е. М. Ивелич на пороге своего дома.

³³ Н. Н. Пушкина и ее сестры, свояченицы Пушкина, жившие с 30 сентября 1834 г. в Петербурге вместе с семьей сестры: Александра Николаевна (27 VI 1811—9 VIII 1891) и Екатерина Николаевна (22 IV 1809—15 X 1843).

³⁴ Княгиня Варвара Алексеевна, урожд. Караулова (9 VIII 1774—21 I 1842) — псковская помещица, подруга Н. О. Пушкиной с детских лет.

³⁵ Аррорут (арроурт) — крахмал, приготавливаемый из некоторых тропических и субтропических растений; применялся в медицине, как диетическая прибавка к пекарным продуктам.

³⁶ Любимое средство Ольги Сергеевны, которое она покупала в лавке Аверина на Галерной (см. т. I наст. изд.).

³⁷ Негри Елена Константиновна, урожд. Ипсиланти (1788—27 V 1837), — сестра участника Отечественной войны, вождя гетерии, кишиневского знакомого Пушкина генерала А. К. Ипсиланти; замужем за Александром Федоровичем Негри (1784—7 VI 1854) — дипломатом и писателем-археологом.

³⁸ Алимпиева Наталья Романовна, урожд. Цебрикова, — сестра декабристов А. Р. и Н. Р. Цебриковых, племянница близкой подруги Н. О. Пушкиной, В. А. Княгининой (см.: Декабристы. Биографический справочник. С. 191; см. также т. I наст. изд.).

³⁹ Алимпиев Александр Петрович (1797—16 II 1862) — преподаватель русского языка и словесности в Петербургской театральной школе и других учебных заведениях (Никитенко А. В. Дневник. Т. I—3., по указ.; см. также т. I наст. изд.).

⁴⁰ Алимпиева Н. Р.

⁴¹ Мусина-Пушкина А. О.

⁴² Шретер Елизавета Даниловна — содержательница петербургского женского частного пансиона на Литейном проспекте, в котором в 1823—1824 гг. воспитывалась С. М. Дельвиг.

Е. Д. Шретер принимала живое участие в судьбе своих бывших воспитанниц.

⁴³ С осени 1831 г. С. А. Баратынский со своей женой (бывшей баронессой Дельвиг) поселился в имении Маза Кирсановского уезда Тамбовской губ. вместе с матерью Александрой Федоровной, урожд. Черепановой (1776—1852), и сестрами. Семья Баратынских прожила там практически безвыездно многие годы. С. А. Баратынский, активно занимавшийся медицинской практикой, часто отлучался в соседние поместья; умер он в 1866 г. Семья была весьма многочисленной: кроме дочери А. А. Дельвига Елизаветы (1830—1913), у Сергея Абрамовича и Софьи Михайловны родились сын и три дочери. Об их семейной жизни сохранились противоречивые свидетельства (Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания. Т. I. С. 194; Модзалевский Б. Л. Роман декабриста Каховского, казненного 13 июля 1826 года. Л., 1926).

⁴⁴ Пушкин А. С.

⁴⁵ Баратынский Ираклий Абрамович (12 II 1802—22 IV 1849) — флигель-адъютант, офицер л.-гв. Гусарского полка, впоследствии генерал-лейтенант, сенатор; 10 ноября 1835 г. женился на княжне А. Д. Абамелек.

⁴⁶ Княжна Абамелек-Лазарева Анна Давыдовна (3 IV 1814—13 XI 1889) — фрейлина; родилась в знатной армянской семье; известна как переводчица русской поэзии (в частности, стихов Пушкина) на английский и французский языки, а также английской, французской и немецкой поэзии на русский. Современники отмечали как ее литературные дарования, так и удивительную красоту. А. С. Пушкин посвятил ей стихотворение «Когда-то (помню с умилением)» (1832). Биографические сведения, обзор литературной деятельности и новейшую библиографию о ней см.: Русские писатели. 1800—1917. Т. I. С. 157.

⁴⁷ Мусина-Пушкина Екатерина Петровна — фрейлина, дочь генерал-лейтенанта П. К. Мусина-Пушкина, племянница М. Х. Шевич, впоследствии (с 1838 г.) замужем за князем Сергеем Васильевичем Трубецким (1815—1859). — Пушкин в письмах Карамзинных 1836—1837 годов. С. 341.

⁴⁸ Веневитинов Алексей Владимирович (2 XII 1806—14 I 1872) — младший брат рано умершего поэта Д. В. Веневитинова, четвероюродный брат О. С. Павлицевой; сделал блестящую карьеру, впоследствии товарищ министра

уделов, сенатор (Письма последних лет. 1834—1837. С. 373; Письма. Т. 3, с. 320).

⁴⁹ Графиня Самойлова Юлия Павловна, урожд. графиня фон дер Пален (1803—14 III 1875), бывшая замужем (с 25 января 1825 г.) за графом Николаем Александровичем Самойловым (ок. 1800—23 VII 1842). Брак, заключенный по настоянию родителей, был очень «светским» (жених — красавец и богач, флигель-адъютант, капитан л.-гв. Преображенского полка; невеста — также признанная красавица, фрейлина) и очень неудачным: супруги прожили вместе всего год с небольшим и развелись; их ссора была постоянным предметом разговоров, слухов и сплетен, молва то мирила, то разводила их, однако примирения не произошло. Ю. П. Самойлова жила в своем дворце в Графской Славянке близ Павловска, построенном А. П. Брюлловым и привлекавшем множество посетителей. Через три месяца после смерти мужа она вторично вышла замуж за итальянского певца Перри (ум. 1846); в третьем браке — за французским дипломатом графом Шарлем де Морнэ (1797—не ранее 1863), который разошелся с ней через год после свадьбы (Письма. Т. 2. С. 217; т. 3. С. 305; Декабристы. Биографический справочник. С. 163).

⁵⁰ Имеется в виду роман французского писателя Поля де Кока (1793—1871) «Белый дом» (русский перевод в пяти частях был напечатан в Петербурге в 1833 г.). Герой романа бедный чиновник Юлий Рауль Робино, неожиданно получив значительное наследство, покупает имение с замком и устраивает в нем праздник, пригласив не только знатных соседей, но и поселян. Праздник начинается «гимнастическими играми наподобие греческих и римских» в исполнении полуодетых поселян, под музыку оркестра, восседающего на бочках; затем следуют состязания по лазанию на столбы, на вершине которых привязаны «Синтаксисы и Буквари», причем столб, предназначенный для женщин, вымазан медом, чтобы на него было легче влезть. Приз выигрывает кухарка замка под довольно двусмысленные шуточки и замечания гостей. Описание праздника дано в ироническом ключе, «утонченные забавы» новоявленного аристократа оказываются на грани приличий.

⁵¹ По указанию Л. Н. Павлицева — племянник графини Ю. П. Самойловой (Псв. Вып. 17—18. С. 171).

⁵² Лохтин Николай Андреевич — чиновник в канцелярии И. Ф. Паскевича, женат на близкой подруге О. С. Павлищевой, Варваре Петровне, урожд. Домогацкой (ум. 23 IX 1878).— См. т. I наст. изд.

⁵³ «Лирический альбом на 1829 год», изданный М. И. Глинкой и Н. И. Павлищевым,— см. выше.

⁵⁴ «Ледяной дом» — исторический роман Ивана Ивановича Лажечникова (1792—1869), вышедший в 1835 г. Оценка романа и полемика с автором об исторической достоверности образов Бирона, Волынского, Тредьяковского содержатся в переписке Пушкина и Лажечникова (Академ. Т. XVI, №№ 1107, 1110), отголоски спора — в воспоминаниях И. И. Лажечникова «Знакомство мое с Пушкиным» (А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 1974. Т. I. С. 167—472). Об этом см. также: Модзалевский Б. Л. Пушкин. С. 95; Письма последних лет. 1834—1837. С. 421. Указание О. С. Павлищевой корректирует сложившееся представление об успехе романа «Ледяной дом».

⁵⁵ Элиот — парикмахер императрицы Александры Федоровны, популярный в 1830-е гг. в высшем столичном свете. По свидетельству М. Ф. Каменской, Элиот в день бала начинал причесывать петербургских дам с раннего утра и к вечеру успевал обслужить «чуть не четверть Петербурга» (Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 250).

⁵⁶ Павлищев Л. Н.

⁵⁷ Дети А. С. Пушкина: Маша (19 V 1832—7 III 1919), Саша (6 VII 1833—19 VII 1914) и Гриша (14 V 1835—5 VIII 1905).

⁵⁸ Веневитинов А. В.

⁵⁹ Возможно, граф Толстой К. П., близкий приятель С. Л. Пушкина.

⁶⁰ Графиня Ивелич Е. М.

⁶¹ Любимая собачка О. С. Павлищевой.

⁶² Ганнибал С. И.

⁶³ Речь идет о княгине Волконской Зинаиде Александровне, урожд. княжне Белосельской-Белозерской (3 XII 1789—5 II 1862),— жене егермейстера, генерал-майора свиты Никиты Григорьевича Волконского, брата декабриста С. Г. Волконского. Княгиня З. А. Волконская — писательница, хозяйка одного из самых известных литературных салонов. Она воспитывала приемного сына — Владимира (Вольдемара) Паве (род. 1811), служившего впоследствии в папской гвардии. О В. Паве Н. И. Павлищев мог узнать у сына З. А. Волконской — Александра Никитича (18 XI 1811—2 IV 1878), служившего в канцелярии И. Ф. Паскевича в Варшаве.

⁶⁴ Князь Мещерский Александр Алексеевич (7 III 1807—не ранее 1864) служил в архиве Министерства иностранных дел, посещал салон княгини З. А. Волконской, впоследствии полковник.

⁶⁵ Соболевский Сергей Александрович (10 IX 1803—6 X 1870) — внебрачный сын А. Н. Соймонова и А. И. Лобковой, известный библиофил, поэт-эпиграммист, остролов, приятель А. С. и Л. С. Пушкиных.

⁶⁶ Очевидно, С. А. Соболевский имел в виду исторические драмы Нестора Васильевича Кукольника (1809—1868) «Рука Всевышнего отечество спасла» (в 1834 г. вышла двумя изданиями) и «Князь Михаил Скопин-Шуйский» (СПб., 1835). Первые «Рука Всевышнего...» была поставлена 15 января 1834 г. в бенефис В. А. Каратыгина в Александринском театре, имела шумный успех и была отмечена благосклонным вниманием Николая I. В начале 1835 г. трагедия была поставлена и в Москве. Ирония Соболевского вызвана казенным патриотизмом этих произведений.

46

4 октября [1835 Павловск]

На этот раз я не напишу вам много, друг мой; у меня ужасно болит голова,— но как отложить до будущей почты? Это, может быть, беспокоит вас.

Я знала, что папá отправил вам копию, так сказать, с письма Александра, но мне кажется, вы не поняли ее. Судя по тому, что он сказал мне, все, чего он просит,— это предоставить вам все *полномочия*, кроме, разумеется, *продажи иму-*

щества, которое ему не принадлежит; но он не может дать вам доверенности, пока не будет знать, в чем вы хотите чтобы она состояла: он с удовольствием подпишет, как я писала вам ¹. Повторяю, что вы все же лучше договорились бы при встрече. Приезжайте зимою, но, впрочем, поспешайте медленно. Александр теперь в Тригорском; он, вероятно, пробудет там весь ноябрь; ведь вы не сможете остаться, если приедете в качестве курьера, более 28 дней? Поэтому постарайтесь не выезжать с вашими *дешами* раньше декабря. Теперь уже ясно, что мы не поедем в Москву: во-первых, не хватает денег, как обычно, а они нужны, чтобы выехать и чтобы приехать; и потом, здоровье матери не позволяет ей путешествовать зимою: ей снова хуже, и они решили нанять на полгода квартиру в Петербурге.— Как связать все это с их планом перебраться из столицы в столицу и потом летом в деревню? Одним словом, могу обещать вам, что мы пробудем здесь до мая. Все, что может произойти необычайного,— это что отцу может вдруг взбрести в голову взять билет на дилижанс и пуститься в Москву, то есть оттуда в Нижний,— но это будет действительно невероятно, хотя об этом уже говорят.

Я еще была раз в городе, сколько по своим делам, столько и в поисках квартиры; мне кажется, я нашла квартиру, которая нам подойдет — на Кирочной ², в доме, который занимает г-жа Симанская. Простят тысячу семьсот в год, но помесечно тоже сдают, хотя за двести рублей. Мама перебирается завтра в город, чтобы принять решение, и остановится у Княжниной.

До сих пор погода стояла великолепная — настоящий июнь; никто не помышлял уезжать из Павловского: в городе можно задохнуться. Но последние два дня непрерывный дождь, здесь грязь ужасная, и воздух начинает холодать; мы сидим взаперти — я, мама и Лёля, который становится очень мил и очень забавно вспоминает про Варшаву. Когда он грустит, если я, чтобы развлечь его, зову *Михайльба?* ³ *Кручек*, — и если я скажу ему: *Левка, слышишь ты?* — он начинает хныкать. В другой раз он пускается мечтать, и говорить, и смеяться, в особенности кухарка *Михайлова* — самое нежное его воспоминание. Прощайте, мой друг, я едва вижу, что пишу: я страдаю ужасно <...> и потом, мне грустно: у меня перед глазами бедная Нетти ⁴, которая только что скончалась от родов; она была так счастлива и так хотела стать матерью! Жена ее брата Петра ⁵ тоже умерла в родах этим летом.— Бедная Надежда Гавриил[овна] ⁶, говорят, безутешна. Я узнала об этом позавчера, от Вейдемейер ⁷, которая все знает, а теперь г-жа Керн написала об этом матери.

Прелестная Флорентина также обречена,— все говорят, что врачи убили ее; у нее их трое!!! Бедняжка! она посылала за мной, непременно хотела меня видеть. Благодарю г. Софиано за его послания; пусть он простит мне, что я откладываю ответ, пока не буду в лучшем состоянии духа. Марков ⁸ здоров — это сказывал Аничков длинный нос ⁹. У меня не было времени пригласить его к себе, но я сделаю это, как только смогу. Пишите мне до востребования.

¹ Речь идет о составлении доверенности на имя Н. И. Павлищева (см. выше).

² В Литейной части.

³ Кормилица сына О. С. Павлищевой в Варшаве.

⁴ Трувеллер Анна Ивановна, урожд. Вульф (1799—26 IX 1835) — племянница П. А. Осиповой, с 7 февраля 1834 г. замужем за Василием Ивановичем (Федором-Вильгельмом) Трувеллером.

⁵ Вульф Петр Иванович (1 VII 1804—9 II 1842).

⁶ Вульф Надежда Гавриловна, урожд. Борзова, — жена И. И. Вульфа, мать А. И. и П. И. Вульфов (см. т. I наст. изд.).

⁷ Вейдемейер Татьяна (Темира) Семеновна, урожд. княжна Херхеулидзева (ок. 1792—26 IX 1868), — знакомая семейства Пушкиных, приятельница О. С. Павлищевой, С. М. Дельви́г, А. П. Керн (см. т. I наст. изд.).

⁸ Морков В. И.

⁹ Вероятно, Аничков Иван Кондратьевич, бывший сослуживец Н. И. Павлищева по Коллегии иностранных дел. Ср. письмо № 53.

47

[11—13] октября (1835 Павловск) ¹

Последние пять дней я одна в Павловске: родители отправились в Петербург, чтобы выбрать наконец квартиру. Ни одна из тех, что я видела, им, конечно, не подойдет. Мама остановилась у г-жи Княжнинной ², отец — у графа Толстого ³; она написала мне с кучером, который отвозил их, что получили письмо от Льва, которое потрясло их. Наверное, он пишет о своих долгах, чего не должен бы делать сейчас: боюсь, что слабое здоровье матери не выдержит, и рядом нет Александра, чтобы успокоить ее (по крайней мере), ему иногда это хорошо удается.

Вчера получила ваше письмо со статьей для «Пчелы» Чтобы напечатать ее, я обращусь не к отцу, а к Вейдемейер, которая, я думаю, имеет связи с этой подлой «Северной пчелой», из которой я ни с кем не знакома. Если она тоже никого не знает, она непременно найдет кого-нибудь, потому что она готова все сделать для меня. По приезде в Петербург моей первой заботой будет отправиться к ней, вместе с вашей палинодией, которую я, впрочем, не сочла необходимым переписывать, так как полагаю, что ваш почерк разборчивее моего, и потом мне не было любопытно ее прочесть, — не обижайтесь на меня, мой друг, — мне это показалось слишком длинно и неинтересно ⁴.

Я писала вам недавно, чем я болела; я еще не вполне избавилась от этого и страдала ужасно, — эта болезнь так смешна, что я не осмеливалась никому пожаловаться, боясь, что над моим недугом посмеются. Витовтов, однако, надо мной сжалился: дал мне адрес одной женщины, которая совершенно от этого излечивает за сорок рублей. Говорят, она имеет успех, но врачи ни словом о ней не упоминают.

Кстати, здесь появился табачник *Орешкин*, который невероятным образом исцеляет от глазных болезней. Он вылечивает даже от темной воды ⁵ — и все одними и теми же каплями, которые сам он пускает в глаза. У него назначенные часы и всегда толпа больных, — разбогател он донельзя, купил великолепный дом; лечить ему, так,

как и Аверину, дозволяется, сколько душе угодно. Графиня Буксевна⁶ приезжала нарочно из Ревеля лечиться у него; она была уже слепа четыре месяца, а он ее вылечил совершенно в течении двух недель. Он избавил Симанскую⁷ от катаракты, от которой она не видела одним глазом много месяцев, а теперь нет и следа; словом, он делает чудеса и производит фурор, тогда как *Лерх*⁸ лишил зрения 25 солдат Образцового полка, который стоит здесь, в Павловске, — поставив им неведомо зачем пиявки на глаза. Эти несчастные, говорят, чуть не разорвали его; шестнадцати из них он вернул по одному глазу, и они так счастливы, что пляшут от радости. Их генерала Ланского⁹ не было тогда в полку; солдаты очень любят его. Когда он вернулся, они окружили его, крича в отчаянии: «Отец наш! мы тебя не видим, ты бы нас не допустил до такого несчастья!» Он так был расстроен, что заболел. Это ужасно, проклятая мода на кровопускание. Он был хороший окулист, пока это ему не пришло в голову, говорят, что за эти подвиги его ждут неприятности. Лёля здоров, хотя по-прежнему худой и бледный; все считают, что причиной тому пиявки, даже врач мамá, который головой покачал. Я надеюсь, впрочем, что он поправится; он становится очень славный — поет песни, молится Богу и дразнит Витовтова¹⁰, как тот верхом ездит: плеча подымет и начнет скакать, и все понимает. Он очень нервный, бедняжка, чувствителен не по своим годам: на него косо посмотреть нельзя; когда плачет, он вздыхает и всхлипывает; обожает Наталью¹¹, зато и она с ним очень ласкова; а мне дерзит и умничает. Что касается Петра, то несмотря на то, что Лёля и его очень любит, мне хочется выдать ему паспорт, — конечно, если вы согласны. Единственное, что меня удерживает, — что это придется ему слишком кстати, а я им недовольна; в дороге он два раза напился до того, что его на руках отнесли в карету. Здесь нет кабаков; зато однажды, когда я послала его в Царское, он пропадал там весь день; теперь я боюсь посылать его куда-либо. — Когда я ездила в Петербург, то брала с собой св. Никдюя — как мамá называет Никиту Кудрявого¹², — да он все лутче других, хоть и говорят, что он деньги со стола крал у брата Алек<сандра> и Льва. — Лев взял с собой Аннушкиного брата 16-ти лет¹³, которого мамá очень хвалит; он был славный малый три года назад. Помнишь, мне все его хотелось, — но мне бы его не дали. Льву ничего мать отказать не может.

Почта уходит завтра, но я жду возвращения папá, чтобы дать вам наш петербургский адрес. Окунев¹⁴ говорит, будто я слишком часто пишу вам, и помногу, что это вам, должно, надоедает; он застал меня за этим занятием и пожал плечами, увидев мое послание. Жена его¹⁵, разумеется, другого мнения. Она буквально осаждает меня своей привязанностью: ей непременно надо видеть меня каждый день, а, на ее счастье, мы живем почти напротив. Я видала у нее г. *Чорбу*, которого не узнала и которого вовсе не помню, чтобы у нас когда-нибудь видала. Он мало приятен, чтобы не сказать вовсе неприятен, — зато я с ним спорила однажды часа три, и с тех пор он мне нравится еще меньше.

Ю. П. Самойлова, удаляющаяся с бала. Картина К. Брюллова. 1840 г.

Вот небольшое письмо для Софиано. Проезжала ли через Варшаву гр. Самойлова? Вытворяла ли она свои фокусы, то есть уселась ли на облучке вместе с кучером, с трубкой во рту и в мужской шляпе на своей завитой и растрепанной голове? Она презабавная и, я думаю, немного не в себе. Здесь она иная, но <?> ездит, разумеется, за городом, и то хорошо! Она уже положила в Ломбард миллион для своей юной воспитанницы.

Вы пишете об Аничкове¹⁶ и ничего о Жомини¹⁷. Не вернулся ли он? Аничкова я буду ждать с нетерпением. Кланяйтесь от меня всем нашим, мой милый друг, — особенно Прибыткову, Фрейтагу¹⁸, Франковскому¹⁹ и г-же Бартусевич. Почему бы не попытались вы съездить к ней, хотя она и бывает порой очень чопорна? Я уверена, что это доставило бы ей удовольствие; теперь она, наверное, в Бресте. А г-жи Рогальская и м-ль Ребиндер — видели ли вы их?

Теперь 13-е, а отец не только не вернулся, но не пишет ни слова и не подает признаков жизни. Те небольшие деньги, которые были им оставлены, истрачены, и волей-неволей я должна нести все расходы: покупать дрова, оплачивать прислугу и проч. Мать заняла у меня 150 рублей, и, судя по тому, как идут дела, этим не ограничится; признаюсь вам, что сейчас это нисколько меня не устраивает; умоляю вас написать Пеньковскому, чтобы выслал мой доход вам, а не мне, сюда. А вы, в свою очередь, отправите мне, сколько сочтете нужным: у меня есть для этого свои соображенья. Кстати, мне сказали недавно, что Александр получил 30 000 от Его Величества²⁰. Это разгласил Плетнев²¹; должно быть, правда. Александр утаил от меня, что получил целое состояние. Кстати, о Плетневе; я видела его: он толст, важен и глуп; жена его у немки выучилась по-французски; это мне объявил брат.

Надобно сказать вам, дорогой друг, что я взяла уже часть из 800 рублей: уплатила людям, уплатила Аверину, Наталье, которой уже давно должна была 100 рублей, еще купила множество вещей для Лёли, винный спирт, масло для лампы и сахар, который подорожал до полутора рублей, — говорят, что скоро будет еще дороже. Харчевые по 9 рублей на человека. Вообразите, что фунта сахару только для Лёли и Натальи хватило всего на два дня! Впрочем, думаю, меня тут обкрадывают, чему я впредь решительно положу конец. Я договорилась с приходящей прачкой за десять рублей в месяц, но она выстирала так плохо, что в городе я найду другую; за эту цену всегда можно нанять лучшую. Вы пишете мне, дорогой, что нашли хорошее место для прежней няньки²²; пусть ей посчастливится; но, на самом деле, накануне моего отъезда она сидела у Петрушки на коленях и предлагала ему 200 злотых, чтоб он пошел в аптеку купить слабительного и рвотного — подмешать в пиво и напоить *Грушу*, чтобы я оставила ее в Варшаве, а ту взяла на ее место. Я сердита, что не узнала об этом тогда же, — и, к тому же, пропало много вещей. Мои горничные подозревают ее. Помимо прочего, пропала со стола моя вуаль в тот момент, когда я садилась в карету, а были там только она и Михайлова, которая, я знаю, честная женщина. Фланелевая юбка была вытащена из чемодана и муслиновая тоже. Впрочем, если встретите ее, ничего ей не го-

ворите: не нужно обвинять, не будучи уверенным. Но первое впечатление, надо признать, скверное.

До свиданья, мой дорогой друг. Грустно мне иногда; ради Бога, приезжайте повидаться зимой, нужно переговорить также с братом тебе. Право нужно.

Если увидите г-жу Лохтину²³, скажите ей, что я была вынуждена распороть платки, чтобы доказать, что они не контрабанда. В <нрзб> я нашла ленту, которую мне удалось спрятать в карман. Все это было послано из Митавы. Кланяйтесь нашим — Прибыткову, Фрейтагу, Софиано. Я не получала письма от него, наверное, он передумал писать мне.

М-ль Танеева²⁴ умерла в день, который был назначен для свадьбы; она была обручена с молодым человеком 20 лет, красивым и богатым, безумно влюбленным в нее, теперь он в отчаянии. Это сказывала Безобразова²⁵, значит, так и есть. Она тут же приехала ко мне, как узнала о моем прибытии, из Царского Села, и потом снова была, не дожидаясь моего визита. Это было мне очень приятно, я дорожу ее дружбой. Она прелестная женщина; едет жить в Кронштадт, ее муж снова на военной службе.

Кстати, графиня Меллин родила после 12 или 13 лет бесплодия. Это рассказала Безобразова и, должно быть, правда.

Пиши мне до востребования. Сегодня 16-е, а дом не нанят. Мне написали только чтобы известить об этом, и еще о том, что Лев очень нуждается в деньгах, на что я отвечала, что, сколько бы тысяч ему ни посылали, на следующий день Лев снова будет нуждаться в деньгах. Мать сделалась больна; отец уплатил за него в этом году 20 000; он был слишком добр, заложив ради него последних крестьян.

¹ О. С. Павлищева начала письмо 11 октября, а закончила его 13-го, о чем и сообщает в письме ниже.

² Княжна В. А.

³ Граф Толстой Константин Петрович (12 II 1780—29 V 1870) — брат знаменитого художника и медальера Ф. П. Толстого, отец известного поэта А. К. Толстого; близкий друг С. Л. Пушкина (Каменская М. Ф. Воспоминания. С. 49; Панаев И. И. Литературные воспоминания. М., 1988. С. 131; см. также т. I наст. изд.).

⁴ Палинодия — опровержение чего-либо, написанного в оскорбительном тоне.

⁵ «Темная вода» — слепота от поражения глазного нерва.

⁶ Вероятно, графиня Буксгевден Юлия, урожд. баронесса Деллингсгаузен (ум. 1849), — жена графа Александра Федоровича Буксгевдена (8 V 1783—1 III 1839), камергера, сына генерала от инфантерии графа Ф. Ф. Буксгевдена и графини Н. А. Буксгевден, урожд. Алексеевой (Русские портреты XVIII и XIX столетий. Т. 4. СПб., 1908. № 36, 172; Долгоруков П.

Российская родословная книга. Ч. 2. С. 186; РБС. Т. 3 «Бетанкур—Бякстер». С. 449).

⁷ Симанская Екатерина Лукьяновна, урожд. Боборыкина (ум. 16 IX 1875), — двоюродная сестра П. А. Осиповой, приятельница О. С. Павлищевой (см. т. I наст. изд.).

⁸ Лерхе Василий Васильевич (Теодор-Генрих-Вильгельм) (14 II 1791—9 X 1847) — доктор медицины, лейб-окулист (РБС. Т. 22 «Лабзина—Ляшенко». С. 316).

⁹ Ланской Павел Петрович (1792—25 I 1873) — генерал-майор, командир Образцового кавалерийского полка, впоследствии генерал от кавалерии; брат Петра Петровича Ланского, второго мужа Н. Н. Пушкиной.

¹⁰ Витовтов П. А.

¹¹ Горничная О. С. Павлищевой.

¹² Никита Кудрявый — крепостной Пушкиных (см. т. I наст. изд.).

¹³ Ефим; слуга Л. С. Пушкина.

¹⁴ Окунев Н. А.

¹⁵ Окунова Н. А., урожд. Крюкова.

¹⁶ Аничков В. И.

¹⁷ Барон Жомини Александр Генрихович (1814—5 XII 1888) — чиновник Министерства иностранных дел, впоследствии дипломат, писатель, историк; сын барона Антона-Генриха Жомини (1779—1869), французского генерала, начальника штаба маршала Нея, который в 1813 г. перешел на русскую службу, военного теоретика и писателя (РБС. Т. 7. «Жабокритский—Зяловский», С. 52).

¹⁸ Фрейтаг Роберт Карлович (1802—27 IX 1851) — подполковник, впоследствии генерал-лейтенант; в 1835 г. служил в Варшаве в должности старшего адъютанта Главного штаба армии.

¹⁹ Франковский Карл Мартынович — участник Отечественной войны, поэт и беллетрист; «проживал в 1826 г. в Варшаве и в чине полковника был назначен директором Варшавской реальной гимназии; на этой должности скончался в 1846 г.» (Псв. Вып. 23—24. С. 203).

²⁰ Летом 1835 г. А. С. Пушкин обратился к императору Николаю I (через А. Х. Бенкендорфа) с просьбой о ссуде в 30 000 руб. в счет будущего жалования. Просьба была удовлетворена, и после возвращения из деревни в Петербург Пушкин получил деньги (Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. С. 270).

²¹ Плетнев Петр Александрович (10 VIII 1792—29 XII 1865) и его жена — Степанида Александровна, урожд. Раевская (11 XI 1795—21 IV 1839).

²² Михайлова.

²³ Лохтина В. П.

²⁴ Вероятно, дочь В. С. и Н. Д. Танеевых, воспитанница Екатерининского института (Дельвиг А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания. Т. I. С. 117 и след.).

²⁵ Вероятно, Безобразова Любовь Александровна, урожд. Хилкова (17 VIII 1811—28 XI 1859), — фрейлина, жена Сергея Дмитриевича Безобразова (1809—6 XII 1879). Брак их не был удачным; причиной этому были подозрения С. Д. Безобразова, что его жена была любовницей Николая I. 1 января 1834 г. Пушкин записал в дневнике: «Скоро по городу разнесутся толки о семейных ссорах Безобразова с молодою своею женою. Он ревнив до безумия. Дело доходило не раз до драки и даже до ножа. Он прогнал всех своих людей, не доверяя никому. Третьего дня она решилась броситься к ногам государыни, прося развода или чего-то подобного. Государь очень сердит. Безобразов под арестом. Он, кажется, сошел с ума» (Академ. Т XII, 318; любопытно, что сообщение о Безобразовых помещено в середину записи о получении Пушкиным камер-юнкерского чина). После разразившегося скандала бывший любимец и флигель-адъютант был отправлен на Кавказ в действующую армию; впоследствии генерал от кавалерии (Цяловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 243; Пушкин. Письма последних лет. 1834—1837. С. 366).

48

24 октября [1835 г. Петербург]

16-го я приехала из Павловска и нашла мать совершенно больную у г-жи Княжнинной, в постели, она почти не может говорить, ее мучат доктора *Раух*¹ и *Спасский*². Последний сразу объявил мне, что не отвечает за ее жизнь. Вы понимаете, в каком состоянии была бы я сама, если б поверила; но, к счастью, он тут же сказал, что эта болезнь тянется с 1807 года!! — потому что тогда у нее в первый раз случилось разлитие желчи. Это показалось мне так смешно, — как и г-же Княжнинной и графу Толстому, который был тут же, и всем, которым повто-

ряла потом эту глупость,— что я слушаю Спасского теперь, как если бы он был в горячечном бреде. *Раух* (хотя он все-таки врач, педант, который отправил на тот свет Чичерину и который убьет Флорентину) немного меня утешил. Он говорит, что болезнь матери хроническая и никогда полностью не излечится. Тем не менее последние три дня ей намного лучше; силы и аппетит возвращаются к ней на глазах, по крайней мере она может удержать то, что глотает, тогда как прежде ее

Петербург. Преображенский собор. Гравюра по рис. А. Горностаева. 1830-е гг.

желудок ничего не выносил — даже лекарств, которые ей назначали: она ничего не могла удержать, и это милость природы, потому что врачи в конце концов назначили ей только то, что она просила, — снадобья для освежения рта. — Теперь, то есть уже три дня, по моей просьбе и еще г-жи Новосильцевой³ и двух других дам, она согласилась принимать знаменитые облатки Маркелова, о которых я, помню, вам говорила. Граф Толстой был у него и описал ход болезни, и г. Маркелов, немедленно и с готовностью прислал их ей.

Этот приступ случился с мамá из-за письма Льва; он пишет, будто он в совершенной нищете и, чтобы отправить письмо, он вынужден был пойти на унижительные хлопоты и проч. 20 000 рублей, которые за него уплатили, он не считает ни за что, хотя, помимо этого, родители посылали ему что могли; однако он, отнюдь не нищенствуя, живет в Тифлисе так, как будто у него десять тысяч на расходы. Г. Россети⁴, который приехал оттуда, сказывал это невестке⁵. А бедная мамá чуть не умирает! Как только она прочла письмо, так вся пожелтела, с ней сделался приступ лихорадки, который заставил ее слечь в постель, и в тот же день она перестала воспринимать то, что пыталась проглотить. Это продлилось с 8-го до 18-е—

день нашего переезда. Ее перенесли в карету на кресле и уложили,— хотя это в двух шагах от г-жи Княжниной. *Вот адрес: у Шести Лавочной*, на углу Графского переулка в доме *Какушкина*.⁶ Дом неказистый, как все в этой стороне, деревянный; маленький и довольно неудобный из-за того, что столько прислуги, с которой отец не хочет расставаться. Но выгода та, что до декабря он только заплатит двести рублей. Этот дом здали в год за 1400. Мамá не смогла даже посмотреть его, она видит только свою спальню. Я устроилась довольно хорошо, вместе с Лёлей, в той же спальне — она большая. Лёля всех приводит в восторг; он умен как чертенок, что тем более заметно, что на вид ему не дать и восьми месяцев. Сын невестки⁷, которому только шесть, больше него и упитаннее. Соболевский вернулся: он был у меня, 17-го я была здесь еще одна. Рассказал, как и за что Алекс<андр> получил 30 000 рублей; об этом напишу в следующий раз.

Новосильцева, которую врачи приговорили к смерти, совершенно поправилась. Она почитает Маркелова, как я Аверина. Одним словом, матери стало лучше, после того как она стала принимать <его облатки>. Спасский, который говорил мне, что если она поправится, то будет обязана этим лишь своему сложению и Божьей милости, теперь в большом удивлении, и клянусь вам, что выглядит довольным. Терпеть не могу врачей.

Можете представить себе, в каком состоянии теперь отец, у него самые черные мысли, и к тому же денег нет. Он хуже женщины; вместо того чтобы действовать, предпринимать что-нибудь, он только плачет. По правде сказать, я не знала, как быть,— я отдала все, что могла, и это словно ничего не стоит,— из-за порядков, которые царят в доме, из-за плутовства людей, в сравнении с которыми Петрушка чистый ангел. Они получили тысячу рублей из деревни, и за одну неделю ничего не осталось, притом что за дом уплатили только 400. Что касается моих расходов, которые я не могла сократить, прилагаю им счет. Лёля не стоит им ни копейки, как и моя прислуга, так что я в буквальном смысле имею только комнату и стол.

Александр вчера вернулся, потому что скучал в Тригорском до смерти. Г-жа Осипова по-прежнему болеет, Аннет оплакивает свою кузину Нетти⁸ в Голубово. Г-жа Вревская непрестанно окружена своими детьми⁹, которые кричат и хнычут с утра до вечера, и он говорит: «Поверить не можешь, что за скучный дом». — Александр, который верит в Спасского как евреи в приход Мессии, повторяет все, что тот говорит, и утверждает, будто мать очень плоха, что на самом деле вовсе не так, — он один это говорит: все замечают у нее заметное улучшение.

Мои расходы за месяц на Лёлю и на прислугу:

молоко	9 руб. 60 к.
спирт	8 “ 40 “
масло ламповое	3 “ 12 “
сахар	9 “ 30 “

арарут и травка	7 руб. 50 к.
прачка	12 “ —
харчевые	27 “ —
жалованье	27 “ 50 “
какао	— 80 “

Итого 105 руб. 22 к.

Добавьте еще остальное, самое необходимое, как туфли, шляпа, одежда, и непредвиденные расходы, почта и время от времени карета (родители не держат экипажа).— Меньше 2500 невозможно!

Напишите же мне, что вы решили с Пеньковским?¹⁰ что он вам пишет?

Прощайте, мой милый друг, надеюсь, что вы писали мне. Умоляю вас писать мне регулярно — это лучше, чем часто. Невестка передала вашу «Палинодию» князю Вяземскому, чтобы напечатать ее. Надеюсь, скоро вы прочтете ее в его газете.

¹ Раух Егор Иванович (14 VI 1789—30 IV 1864) — доктор медицины, хирург, лейб-медик императрицы Александры Федоровны.

² Спасский Иван Тимофеевич (1795—13 IX 1861) — доктор медицины, домашний врач Пушкиных.

³ Новосильцева Екатерина Александровна (1755—1842), урожд. Торсукова,— см. т. 1 наст. изд.

⁴ Россет Клементий Осипович (1811—1866) — брат А. О. Смирновой-Россет; с начала 1833 г. по начало 1835 г. служил на Кавказе (в чине поручика прикомандирован к Отдельному Кавказскому корпусу); с февраля 1835 г. служил в Петербурге.

⁵ Пушкина Н. Н.

⁶ Ныне пересечение ул. Маяковского и Саперного пер.

⁷ Младший сын А. С. и Н. Н. Пушкиных Григорий.

⁸ Вульф Анна Николаевна (10 XII 1799—2 IX 1857) — старшая дочь П. А. Осиповой, кузина умершей 26 сентября 1835 г. Анны Ивановны Трувеллер, урожд. Вульф.

⁹ Голубово — село Островского уезда Псковской губ., в 18 верстах от Тригорского, имение барона Б. А. Вревского, мужа младшей сестры А. Н. Вульф, Евпраксии Николаевны. К 1835 г. у Б. А. и Е. Н. Вревских было трое детей: Александр, Мария и Борис соответственно 1832, 1833 и 1834 гг. рождения.

¹⁰ Н. И. Павлищев должен был сообщить И. М. Пеньковскому, куда тому следует пересылать деньги из доходов с Кистенева.

49

9 ноября 1835 г. [Петербург]

Я получила два ваших письма, мой друг. Аничков¹ принес мне первое, за другим я посылала в самый день его приезда.— Пишите мне по-прежнему до востребования: таким образом, у меня будут вести от вас в определенный срок, и даже двумя, иногда тремя днями раньше.

Мама́ гораздо лучше, но у нее нет еще сил вставать с постели; врачи приписывают улучшение ее прекрасному сложению и ничего другого предположить не могут, потому что она совершенно ничего не принимает, кроме облаток Маркелова, над которыми они смеются, не осмеливаясь их запретить. Мне кажется, друг мой, что в последнем письме я уже ответила на многие из ваших вопросов. Я писала, где и как мы поселились; по ночам Лёля спокоен, хотя просыпается иногда по нескольку раз <...>; он плачет, если меня не окажется рядом, и из-за этого я очень мало сплю, потому что не могу заснуть снова, как Наталья и Грушка, которые, кроме того, храпят, как мужики. Я очень страдаю от этого, но предпочитаю терпеть, чем спать в другой комнате. Он становится очень милый, обожает меня, зовет меня каждую минуту («мама») и тебя помнит. Всякое утро целует твой портрет и не только портрет — бубнового короля, когда Наталья ему скажет: *это папа*, он тогда непременно его поцелует. Вчера у него прорезались еще два зуба, очень легко, слава Богу, теперь у него шесть. Я гуляю с ним каждый день пешком; у нас уже санный путь, Нева стала несколько дней назад, но думаю, что этой зимой холодов не будет: она слишком ранняя и слишком внезапно наступила; вчера шел дождь, а сегодня заморозки пять градусов. В Москве, как пишут, мороз до 16-ти.

Я нигде не бываю; выхожу только рано утром подышать воздухом и возвращаюсь до полудня. Пока мама́ будет больна, я не могу позволить себе поступать иначе. Что до состояния моих финансов, признаюсь вам, я совершенно на мели; у меня осталось двадцать рублей (медью) на все про все; я дала в долг отцу 225, которые он мне не вернул и по всей вероятности не вернет, потому что с тех пор он получил тысячу триста и ни словом мне не обмолвился. Мать ничего не знает, иначе она вернула бы мне эти деньги, — у меня никогда не хватит смелости попросить их у отца, но зато хватит смелости не давать ему больше, я вам обещаю. Я не хотела бы занимать, заложу ожерелье, если за него дадут 200, и постараюсь, чтобы этого мне хватило до января. Алекс<андр> должен мне еще 50, которые забыл, отдавая 800 за фермуар; впрочем, он сам говорил об этом. Его жена снова беременна. Вообрази, что на нее, бедняжку, напали, отчего и почему мать у ней не остановилась по приезде из Павловского? ² На самом же деле мать не предполагала, что заболит и останется у Княжнинной две недели, и на месте невестки я поступила бы точно так же: я никогда не пригласила бы ее переехать к себе, с тем чтобы расположить с меньшим удобством; у них большой дом ³, это правда, но очень плохая планировка, и к тому еще две ее сестры и трое детей, и, затем, как бы посмотрел на это Алекс<андр>, которого не было в этот момент, и мать сама не захотела бы. Г-жа Княжнина — ее подруга с самого детства; это лучше, чем невестка, это так понятно, и невестка не лицемерила, — мать стеснила бы ее, это можно понять. Однако возмущаются, зачем у нее ложа в театре и зачем она так элегантна, когда родители мужа в таком тяжелом положении, — словом, находят очень пикантным ее бранить. Нас, само собой, ругают тоже: Александр — чудовище, а я — неблагодарная дочь. Г-жа Вейдемейер

мне говорила на днях: «Бога ради, будьте осторожны, говоря о ваших родителях: и так говорят, что ты *непочтительная дочь*». Впрочем, у нас есть и защитники — г-жа Карамзина⁴ на днях встала на нашу сторону. Г-жа Шевич⁵ говорила, будто наш отец — *отец Горио*⁶. Да,— отвечала Карамзина,— с той разницей, что *Горио* все отдал своим детям, а этот один растратил все свое добро. Впрочем, у Алекс<андра> и его жены хватает сторонников. Знаешь, что еще говорят в другом роде? — Что ты управляешь имением; говорят еще, что отец нас отделил, что Александр подарил сверх того *мне* двести крестьян, которых отец подарил ему к свадьбе.— Дай Бог их устами мед пить, но этого никогда не будет. Я не говорю об Александре: это было бы глупо и несправедливо с его стороны. Он отец семейства, и жена ему ближе меня. Но вообразите только все эти сплетни! Зато отец только и делает, что жалуется, плачет и вздыхает перед каждым встречным. Когда у него просят денег на дрова или на сахар, он хлопает себя по лбу и кричит: «Что вы ко мне приступаете? Я несчастный человек!» Он воскликнул так при мне, и признаюсь, что это меня немного развеселило: я подумала о его 1200 крестьян в Нижнем.

Я буду ждать вас с огромным нетерпением, мой добрый друг; постарайтесь непременно приехать зимою, я ручаюсь, что вас примут с распростертыми объятиями. Даже мамá, кажется, любит вас; она часто говорит со мной о вас, спрашивает, что вы мне пишете; на днях утром она сказала, что видела вас во сне, и, кроме того, всегда передает вам привет.

Ваша «Палинодия» скоро будет напечатана. Вяземский переслал ее Гречу (они совершенно не встречаются). Я просила справиться Веневитинова, и он сказал мне вчера.— Что касается вашей критики, говорят, что она немного запоздала: *Брамбеус* совершенно вышел из моды, о нем теперь не говорят; это жалко⁷. Кстати: угадайте, чем занимается Аннет Керн? — переводит, и кого бы вы думали? — *Жорж Занда*!! И не ради своего удовольствия, а чтобы заработать денег! Она просила Александра замолвить за нее слово Смирдину, но Александр не церемонится, когда нужно отказать. Он ей сказал, что Смирдина вовсе не знает. Тем не менее она надеется получить не меньше пятисот рублей за «Андре», которого закончила переводить⁸. Мамá из любви ко Льву пожелала непременно видеть ее, поэтому я написала ей, и она приезжала. Добрая и любезная женщина, достойная жалости,— вот и все. Баратынскую — бывшую Дельвиг бьет муж: он ее чубуком бьет беспрестанно. Это Лев Баратынский⁹ сказывал, когда был здесь. Она бесконечно несчастна. Прощай! Бог знает, когда я увижу Маркова, мне совестно за ним посылать — за семь верст киселя есть.— Татьяна Галызина тебе кланяется, она совсем не переменялась. Пушкина моя больна (Александрина): чирий на... и забавно, что она мне в этом не призналась. Она уверила меня, что у нее лихорадка. Вчера я была у нее в десять утра, она была в постели. Это Катер. Ивелич сказала мне, что у нее <...> Я нахожу большое удовольствие в том, чтобы дразнить ее. Знаете ли вы, мой друг, что она предлагает мне пользоваться ее кошельком, однако, пока у меня есть другой источник, я к этому не прибегну.

Чуть не забыла сказать вам, что отец жаловался на вас г-же Осиповой. Это мне

Н. О. Пушкина. Миниатюра К. де Местра. 1810-е гг.

говорил Александр. Помните письмо, где вы писали мне о делах: «как контролировать доходы от деревни, которые доходят к вам через третьи руки»? Не обратив особенного внимания на эту фразу, я дала читать письмо отцу, который спросил, что вы пишете. Вообразите, что он страшно обиделся! Совершенно изменился в лице; мне он ничего не сказал, но переписал Осиповой эту фразу от слова до слова, с восклицательными знаками: «И этот третий, это я!!! я, который столько себе отказываю!» Правда, он не добавил «ради детей». Отныне я буду осторожнее, и вот еще почему я хотела бы, чтобы вы отправляли письма до востребования. Поразмыслив, я решила оставить Петра. Он просил у меня прощения и клялся всеми богами вести себя хорошо. Я уплатила ему за этот месяц — и дала сверх того на рубашки, словом, попыталась взять его лаской, и действительно, этот месяц он прекрасно себя ведет; прибегать к отцовской прислуге, упаси Бог: дьяволы во плоти, плуты, воры, наглецы и ничего не сделают задаром. Если не Петр, мне придется взять другого лакея; я могу обойтись без экипажа, но без лакея никак не могу, — а отец сердится, когда он всю челядь не видит на лицо: «Да где тот, да где этот? да кто его послал?» и проч. Вы найдете, может быть, что мои 800 рублей исчезли слишком быстро — это правда, но, уплатив Аверину 60, горничной 60, я покупала одежду себе и Лёле, — купила фланелевые чулки, два платья из штофа (одно черное), каждое по 75, шляпу и проч. Я была вынуждена купить шкаф и комод, платила за карету, и по приезде у меня осталось всего 107 <?>. 10 дукатов. В дороге случились непредвиденные расходы, в другой раз я расскажу вам историю, которая ужасно меня рассердила и стоила мне 60, и потом еще одну. Кстати, платье <нрзб> мне будет нужно всего одно, и до весны я ничего не потрачу на себя, разве только иногда на экипаж и на туфли.

Аннет Керн переводит Занда, а Ивеличева¹⁰ за деньги переписывает ноты, как Жан-Жак, и на эти деньги нанимает ложу всякий раз, когда дают «Фенелу»¹¹. Кланяйтесь нашим господам. Как роман Франковского?

¹ Аничков В. И.

² При начале болезни матери Пушкин был в отъезде в Михайловском. 26 октября, вскоре после возвращения в Петербург, он писал П. А. Осиповой об обвинениях в адрес Н. Н. Пушкиной: «Повсюду говорят: это ужасно, что она так наряжается, в то время как ее свекру и свекрови есть нечего и ее свекровь умирает у чужих людей. <...> Если бы мать моя решила поселиться у нас, Натали, разумеется, ее бы приняла. Но холодный дом, полный детворы и набитый гостями, едва ли годится для больной» (Академ. Т. XVI, № 1105).

³ В это время Пушкин с семьей и сестрами жены жил в доме Баташева на Французской наб. в квартире на втором этаже.

⁴ Карамзина Екатерина Андреевна, (16 XI 1780—1 IX 1851) — вдова Н. М. Карамзина, единокровная сестра князя П. А. Вяземского, дав-

няя знакомая семьи Пушкиных.

⁵ Шевич М. Х.

⁶ Главный герой повести французского писателя Оноре де Бальзака «Отец Горнио» — ростовщик, живущий в нищете ради того, чтобы обеспечить блестящее положение в свете для своих дочерей. Повесть в это время была одной из нашумевших литературных новинок.

⁷ Речь идет о статье Н. И. Павлищева «Брамбеус и юная словесность», опубликованной в двух июньских выпусках журнала «Московский наблюдатель» (журнал выходил с большой задержкой). В статье подвергаются критике произведения Осипа (Осипа-Юлиана) Ивановича Сенковского (19 III 1800—4 III 1858) — ученого-востоковеда, профессора Петербургского университета, редактора журнала «Библиотека для чтения», писателя, печатавшегося под псевдонимом «Барон Брамбеус». В

статье Н. И. Павлищев с позиций правоверного карамзиниста обвиняет Сенковского в отсутствии литературного вкуса и прямых заимствованиях из произведений столь нелюбимых Сенковским французских авторов (Бальзака и других). В то же время сама критика отдаленного от активной литературной жизни Павлищева выглядит несколько наивной. Появление статьи в «Московском наблюдателе» не случайно, так как журнал с момента своего появления (1835 г.) занял критическую позицию по отношению «Библиотеки для чтения».

⁸ Роман Жорж Санд «Андре» вышел в Париже в 1835 г. (в том же году издан и в Брюсселе). Можно было рассчитывать на издание его перевода, так как роман не содержал ярко выраженных феминистских идей, настораживавших русскую цензуру; с другой стороны, романтическая история его появления (он был написан в начале 1834 г. в Венеции во время бурного романа Жорж Санд с А. де Мюссе) добавляла этому весьма посредственному произведению пикантности в глазах публики. Перевод, вероятно, не был опубликован. 29 сентября 1835 г. А. С. Пушкин писал к жене: «Ты мне переслала записку от М^д Керн; дура вздумала переводить Занда и просит, чтобы я сосводничал ее со Смирдиным. Черт побори их обоих. Я поручил Ан<не> Ник<олаевне> (Вульф.— А. В., Е. П.) отвечать ей за меня, что если перевод ее будет так же верен, как она верный список с М^д Sand, то успех ее несомните-

лен, а что со Смирдиным дела я никакого не имею» (Академ. Т. XVI, № 1096). Язвительный намек Пушкина подразумевал сходство репутаций Жорж Санд и А. П. Керн, воспринимавшихся в обществе как нарушительницы норм поведения и светских приличий.

⁹ Баратынский Лев Абрамович (1806—25 XII 1858) — брат Е. А. Баратынского.

¹⁰ Графиня Ивелич Е. М.

¹¹ «Фенелла» (другое название — «Немая из Портичи») — одна из наиболее известных опер французского композитора Даниэля Обера (1782—1878), написанная в 1828 г. и ставшая первой из так называемых «больших опер» композитора. Опера отличалась декоративностью, обилием постановочных эффектов и пользовалась огромным успехом. Написанная на исторический сюжет (восстание неаполитанских рыбаков против испанского владычества в XVII в.), опера неожиданно приобрела политическое звучание в 1830-х гг. По свидетельству М. Д. Бутурлина, во время Польского восстания в Варшаве давалась опера «Фенелла» «для вящего поддержания патриотизма», но и после окончания кампании И. Ф. Паскевич «тогда же разрешил постановку снова этой революционной оперы на сцену, желая тем доказать, что русское правительство <...> не придает никакого значения политическим намекам оной» (РА. 1897, кн. 2. С. 378).

50

22 ноября [1835 г. Петербург]

Я получила все ваши письма, мой дорогой друг, — будьте покойны, — а приложенное письмо родителям произвело прекрасное действие. Надобно вам сказать, что в тот самый день, когда пришло письмо, отец должен был получить тысячу четырехста рублей, отправленные управляющим¹, и, узнав эту счастливую новость, вручил мне утром сто рублей из двухсот двадцати пяти, которые был должен, с чрезвычайно довольным видом. Верно, что он сделал это по просьбе матери, как я узнала от ее горничной, — и, кстати сказать, мать понятия не имеет, на что он их потратил. Тут же приходят письма — ваше от управляющего, я передаю ему вложенное письмо; у отца вытягивается лицо — он вне себя от вашей идеи пересылать мне деньги через банк. По счастью, в этот момент появился Александр, —

отец отвел его в сторону и стал показывать письмо управляющего, ударяя по нему рукой: «*Что это такое, что все это значит? Я ничего не понимаю*». Это все, что я слышала, потому что вышла из комнаты, чтобы дать им поговорить, но слышала, что они спорили,— Александр очень горячился и, выйдя от отца, подошел ко мне и сказал: «Здесь девятьсот рублей для вас, но вам ничего не дадут, потому что отец, несмотря на то что я доказывал ему, настаивает, что это деньги Льва. А муж твой виноват: если бы он написал прежде Пеньковскому, деньги были бы у него. Мать услышала из своей спальни, что говорят о делах, и очень перепугалась, она боится сцены. Г-жа Княжнина, которая была тут, прибежала к нам, на цыпочках: «*Тише, Бога ради, вашей матери сделается дурно!*» Мы идем к ней; Александр, чтобы ее *успокоить*, говорит, что речь шла лишь о сумме, которую мне только что прислали из деревни, после чего берет шляпу и удаляется. Отец весь день был грустен и не сказал мне ни слова, но вечером, когда я уходила к себе, он пошел за мной, с бумажником в руке, и сказал: «Александр говорит, что здесь и для тебя деньги; возьми по крайней мере часть». Моим первым движением было отказаться, и я отвечала, что, если это стеснит его, я не приму денег ни за что на свете и попрошу только то, что он оставался мне должен.— «Но... это... совсем... не стеснит меня. Мат[вей] Мих[айлович]² прислал мне на днях 1000 руб.» (и это правда, я помню, что писала вам, что папá получил деньги,— это была любезность дядюшки Сонцова; но тогда я этого не знала). Однако отец положил все деньги в карман; на завтра он ничего не сказал мне; но на следующий день я, вооружась всем своим мужеством и видя его в хорошем настроении, спросила те сто двадцать пять рублей, что он был должен; тогда он сказал: «Возьми пятьсот, пожалуйста; *управляющий напишет твоему мужу*, что выслал тебе денег». Тогда я не церемонилась больше, и теперь я при деньгах, на которые уже и не рассчитывала; остальное отправили Льву (500 рублей), вместе с письмом, весьма не любезным, если не сказать резким. Мама́ не видела этого письма,— отец пришел ко мне прочитать его.— Как это тебе все кажется, а право иногда он мне очень жалок. Старик хотя и не *отец Горюо*: всегда нуждается в деньгах, а их любит <нрзб>; он обворован, разграблен со всех сторон, как я узнала; его челядь саранча сущая. Вообрази: 15 человек! И потом Лев, ничего не скажешь, его дел не поправляет.

Вы просите меня, мой добрый друг, исправить почерк; ей-Богу, не могу писать долго и хорошо; перо притупляется, а я спешу. Но не по своей воле я пишу так быстро: я боюсь потерять нить, лучше сказать, мои мысли обгоняют перо, так что досадно.— Не присылай же теперь мне денег, покуда я у тебя их просить не буду; у меня больше четырехсот рублей, и ты ошибаешься, если воображаешь, что мне нужно каждый месяц по триста: очень достаточно двух-сот круглым счетом, а если весной мы поедем в деревню — и того слишком много: я не стану бывать в обществе, для которого требуются туалеты и экипаж, и, потом, я так отвыкла бывать в свете, что до сих пор не бывала нигде, в буквальном смысле, за исключением визита соблезнования — Маркелову, Волкову³, Политковским⁴ по случаю смерти Флорентины, на похороны ко-

торой меня звали и куда я не поехала. Наняв карету, я воспользовалась ею, чтобы повидать Симанскую, Талызиных и Вишневскую, красавицу, которую вы находили некрасивой и которая, правда, теперь подурнела, но по-прежнему очень мила. Муж ее занимает должность, которая дает 4000 рублей; они снимают прекрасную квартиру за 700, возле Аничкова моста, и кажутся очень довольны — поскольку у них экономия и порядок, несмотря на то что трое детей⁵. Их сестра Лиза⁶ приедет из Москвы жить с ними.

Впрочем, всех моих знакомых я выдаю у нас: Тимофеева — бывшая Воронцова⁷, которая всегда так меня любила, здесь; она бывает почти каждый день. Г-жа Яковлева⁸ тоже часто заезжает. Харлинская, как мне сказывал Боголюбов⁹, приедет в феврале. Зато г-жа Княжнина¹⁰ уезжает к дочери, в Витебск: князь Хованский назначен туда, к своему дяде¹¹. — Дурасов¹² в Оренбурге — это передал мне Сердобин¹³, который также кланяется вам. Что касается Маркова, я посылала к нему — он был болен, и я не видала его. — Гай <?>, напротив, заходил вчера; я ему очень обрадовалась. Просидел всего 10 минут, но обещал зайти еще. Аничкова не видала вовсе. Жомини здесь уже 2 или 3 недели; о свадьбе его я ничего не слыхала и уверена, что это сказки.

Удивляюсь, что ваша «палинодия» до сих пор не напечатана; она, без сомнения, у Греча. Напишите ему, если вам это так важно, Впрочем, я сомневаюсь, чтобы это могло сделать известным простого врача, которого здесь нет, — у нас, у которых есть Арендт¹⁴. Может быть, он подает надежды, да много ли это? Подумайте о возрасте хирурга, и, потом, песок в моче — не модная болезнь, — не сердитесь, друг мой, — вы знаете, как я ненавижу врачей. Кстати: мамá чувствует себя гораздо лучше; она встает иногда с постели, — тогда как врачи приговорили ее к смерти! Облатки Маркелова буквально оживили ее.

Лёля становится очень мил, но в то же время капризен; мне приходится шлепать его. Александр порет своего мальчишку, которому всего два года; Машу он тоже бьет; Впрочем, он нежный отец. — Знаешь что, он очень порядочный и дела понимает, хотя и не деловой. Кажется, он снова очень меня любит и Лелю моего очень хвалит и ласкает. Его жена и свояченицы очень добры и любезны, они очень мне нравятся, но, представьте себе, я у них еще ни разу не была! Я собиралась неделю назад, но погода так отвратительна с тех пор, что я не выхожу гулять: каждый день дождь, снег растаял, санного пути нет, и грязь в нашем квартале — точно в Варшаве. Терпеть не могу эту часть города — точно деревня Псковская¹⁵.

Мамá не видала квартиры, иначе она не переехала бы; она уже хочет сдать дом; никогда у нас не бывало такого неудобного жилья.

Что бы еще тебе сказать? да, вообрази, что Вейдемеер выбрала себе лоб, — чтобы он казался выше; она помолодела на пять лет с тех пор, как я ее видала! Невозможно, чтоб умная женщина делала такие вещи! М-ль Карамзина¹⁶, говорят, тоже сделала нечто в этом роде: выщипала брови, которые у нее очень широки, — мама видала ее и говорит, что она подурнела — девица

36 лет! и тоже умница! С ума обе сошли. Кстати: Россильон¹⁷ женится на графине Медем — барышне 35 лет. Она удивила меня: он крайне невзрачный и неприятный. Я видела его, он все такой же; ему не больше как 25 лет, да глуп и беден, напыщен баронством своим. Впрочем, теперь он сделает карьеру; он небогат, но его продвинул. Соболевский часто у нас бывает. Алекс<андр> жить без него не может. Он очень любезный и оригинальный, но он не нравится женщинам большого света, он с ними не любезничает. Зато пишет свое путешествие стихами, очень смешно. Если бы не так много я тебе писала, я бы о нем поговорила. Кланяйся всем нашим. Что Корсак?¹⁸ Прощай, друг мой, пиши мне в дом: письмо дошло скоро. — Приедете ли вы? — я в этом сомневаюсь. Лёля тебя узнает, память удивительная у него на все. Г-жа Симанская находит, что он очень умный, она мне говорит: «Сделайте его глупее, ему от этого будет только лучше».

Трагическая новость: танцовщица Пейсар¹⁹, лучшая сейчас, — поссорившись с мужем из-за любовника, отправилась искать убежища у последнего, а когда он попытался убедить ее быть благоразумней, выбросилась из окна и сломала ногу. Арендт уверяет, что через год она сможет танцевать. Раз он так считает, так этому и быть.

Опера, говорят, великолепна. Я должна все же непременно съездить туда один раз. Я отказала два раза г-же <?> Пушкиной <?>, которая хотела взять меня с собой.

¹ Пеньковский И. М.

² Сонцов Матвей Михайлович (11 VI 1779—10 XI 1847) — камергер, муж сестры С. Л. Пушкина Елизаветы Львовны (13 VIII 1776—27 IX 1848). М. М. и Е. Л. Сонцовы постоянно жили в Москве и своем поместье Коровино Зарайского уезда Рязанской губ. (см. т. I наст. изд.).

³ Волков А. Ф.

⁴ О семье Политковских — знакомых Пушкиных — см. т. I наст. изд.

⁵ Вишнеvский Николай Гаврилович (ум. 1866) и его жена Прасковья Федотовна (ум. 1867) — знакомые О. С. Павлищевой (см. т. I наст. изд.).

⁶ Вишнеvская Е. Г.

⁷ Тимофеева Прасковья Артемьевна, урожд. Воронцова (1786—25 VII 1842), — дальняя родственница и старинная подруга Н. О. Пушкиной (см. т. I наст. изд.).

⁸ Яковлева Прасковья Ивановна, урожд. Давыдова, вдова Павла Лукьяновича Яковлева (5 I 1796—9 VI 1835), брата лицейского товарища Пушкина М. Л. Яковлева (см. т. I наст. изд.).

⁹ Боголюбов В. Ф.

¹⁰ Княжнина В. А.

¹¹ Хованская Вера Александровна, урожд. Княжнина (24 XII 1816—9 V 1887) — дочь В. А. и А. Я. Княжнинных, жена князя Алексея Петровича Хованского (род. 27 II 1808).

¹² Дурасов Н. Н.

¹³ Сердобин Михаил Николаевич (16 VIII 1802—не ранее 1851) — побочный сын князя А. Б. Куракина, брат (от другой матери) барона Б. А. Вревского; чиновник IV отделения Е. И. В. канцелярии.

¹⁴ Арендт Николай Федорович (1785—14.10.1859) — лейб-медик Николая I; наиболее авторитетный в те годы петербургский врач.

¹⁵ Район, в котором жили Пушкины (родители и О. С. Павлищева), — был отнюдь не самым престижным и респектабельным и, следовательно, не самым чистым.

¹⁶ Карамзина Софья Николаевна (5 III 1802—4 VII 1856) — старшая дочь Н. М. Карамзина, фрейлина. Подробнее о ней см.: Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. С. 26.

¹⁷ Семья барона Россильона — ревельские знакомые Пушкиных.

¹⁸ Римский-Корсаков А. Я.

¹⁹ Пейсар Лаура Мари Жозефина, по мужу Герино (1802 — не ранее 1849), — французская танцовщица, в России с 1831 г.; в 1838 г. вместе с мужем, танцовщиком Т. Герино (род. 1808) переехала из Петербурга в Москву, где стала преподавательницей Театрального училища (Красовская В. М. Русский балетный театр от возникновения до середины XIX в. Л.; М., 1958. С. 202, 275, 301).

6 декабря [1835 г. Петербург]

Почему вы не писали мне в этот раз, мой милый друг, ведь вы всегда так точны? Это беспокоит меня. Воображаю, что вы больны, больны настолько, что не в состоянии писать мне, но в таком случае вы поступили бы лучше, подав о себе весть через кого-нибудь другого: тогда я была бы спокойнее: поскольку я и сама нездорова, хотя и не лежу, слава Богу; но у меня боли в груди, и иной раз я не в состоянии даже вымолвить слова.— Я не хожу больше в комнату к ребенку: мне было слишком тяжело, и я перешла ночевать в гостиную; дом очень неудобен: нет ни уголка, где я бы нашла себе место, если в самом деле заболела,— но теперь мне лучше. Какой же ты человек: что бы тебе написать мне хотя немного, чтобы меня утешить! Я стараюсь думать, что вы написали с оказией; Бога ради, не делайте этого, никогда не посылайте писем с оказией!

Две недели назад ко мне явился Аничков, но не застал дома; Марков был три раза с тех пор, как я писала вам; он сказал, что тоже послал вам письмо. Я подарила ему экземпляр вашего «Лирического альбома», он попросил его у меня! Лёля, как только его увидел, уже не отпускал его ни на шаг; мне кажется, он сначала принял его за вас; потребовал, чтобы тот взял его на руки, и стал показывать ему все, что <он> умеет делать. И Витовтова дразнил, и песни пел, и щелкал, и в ладоши хлопал, и все говорил, что знает, т. е. *мама, дитя, чай-бака* (собака). Он еще не умеет говорить «папá», несмотря на все старания мои и Натальи; зато он твой портрет очень знает, целует, ручкой клянется ему и подчищает всем, что у него в руках — и хлебом, и игрушками.— Недавно он вдруг заболел, бедный малыш: у него были судороги всю ночь, и с тех пор я чувствую себя хуже; не решаюсь даже выходить на прогулку.— Это по-прежнему зубки, но я остерегаюсь давать ему лекарства, и теперь все прошло; никогда в жизни я не стану просить совета у проклятых докторов.

Кстати: мамá теперь гораздо лучше; она еще слаба, но я нахожу, что она выглядит лучше, чем когда я приехала: у нее появился аппетит и сон, и желтизна прошла; говорят, что этот г. Маркелов нашел какой-то *природный возбудитель*,— он во всяком случае человек необычайный и загадочный, и пастилки его делают чудеса.

В последний раз я написала вам очень много; сегодня это мне не удастся; впрочем, ваше молчание не особенно располагает к болтовне, и я мараю больше обычного: как всегда, когда мне грустно и тревожно.

Александр собирается в Москву на два месяца и даже больше, как он рассчитывает. Он говорит, что должен ехать рыться в архивах. Вы знаете, что он пишет историю Петра Великого¹.

А вы, друг мой, что пишете вы, и есть ли у вас на это время? По-прежнему ли вы намерены приехать ко мне? Нужно бы было, чтобы вы приехали, пока Алекс<андр> еще здесь, или же по его возвращении. Думаю, он не уедет раньше января, а вернется не раньше *марта*, а может быть и вовсе раздумает ехать.²

Кстати: Кушелева³ бывает у нас; очень развернулась; она сделалась весьма светской дамой: занимает ложу в опере, записалась в Собрание, читает Бальзака и Сулье⁴ — только от этого не стала приятнее,— все те же зубки, изящная ножка и пошлая физиономия. Муж ее получил наследство в 700 крестьян; они больше не встречаются, чему она рада несказанно. Приглашает меня выезжать вместе с нею, ездить на балы-маскарады!!! Я обещаю все, что ей угодно, и никуда не езжу. Говорят, обещают быть собрания великолепными,— будет присутствовать императорская фамилия; можно записаться за 100 рублей, с правом ездить туда каждый день,— как в Английский клуб; за двадцать рублей можно побывать на 6 зимних балах; барышни платят за все шесть только десять рублей⁵.

Невестка с сестрами⁶ выезжают каждый день; я мало их вижу; я еще не была у них, потому что не была нигде. Гуляя утром, захожу иногда к самым близким знакомым. Была у меня Мария Гаевская, бывшая Веселовская, я также у нее была, она довольно счастлива в замужестве. Говорят, муж у нее болван, но это ей нисколько не мешает, мне кажется. У нее двое своих детей и двое мужа, он был вдовец⁷. М-ль Витовтова⁸ едва не вышла за вольноотпущенного, художника-академика; свадьба сорвалась из-за этого открытия, накануне назначенного дня. Она не говорила мне, но я знаю из верных уст.

Прощайте, дорогой друг, пишите мне, ради Бога; если вы, по случаю, не успеете, поручите кому-нибудь: Софиано, Крузе⁹ или кому сочтете нужным. У меня так расстроены нервы, что приходят самые черные мысли! Я сильно кашляю, думаю, что это простуда.*

Мой милый друг, когда вы приедете, остановитесь у Виктора Княжнина¹⁰; я писала вам, что мы живем очень тесно, и вам было бы неудобно у нас. Но Княжнин в двух шагах, и его матери пришла мысль сделать мне такое предложение. Она послезавтра уезжает, а сын ее занимает весь дом. Вам будет уютно, вы будете курить сколько захотите и будете приходить проводить день со мной и обедать с нами; эта же мысль пришла и матери. Знаешь что? Она тебя кажется любит, кроме шуток. Устраивает ли это вас? Виктор и не мечтает о лучшем,— с ним не надобно церемоний, его мать очень ко мне расположена. Это преглупый малый, играет и проигрывает все деньги, а пользуется этим Марков, как мне сообщила г-жа Кня<жнина>, кроме того, есть еще один человек, который сказал мне, что будет очень рад встрече с вами,— это Соболевский. Он недавно снял квартиру неподалеку от нас и живет в ней один. Если вы остановитесь у Виктора, то будете ближе и лучше устроены, я полагаю. Впрочем, там увидим,— главное будешь ли? Не могу выразить, как беспокоит меня ваше молчание,— не знаю отчего,— вы всегда были так точны! Умоляю, никогда не пишите с

*

Далее утрачена одна фраза.

оказией, терпеть не могу оказии, особенно если вам взбрела в голову мысль послать с рыжим¹¹. Надеюсь, что нет и что ему не хватило смелости попросить письмо ко мне: он не осмелится посмотреть мне в глаза; удивляюсь, что он снова был у вас.* Я тебя видела во сне, что ты все от меня отворачиваешься, говорить не хочешь.** Я посылала на почту, письма нет. Это уже третье письмо, которое я пишу после последнего вашего.

Помета Н. И. Павлицева: получено 15/27 декабря.

¹ Мысли о написании истории Петра I возникли у Пушкина еще в 1820-е гг. К началу 1830-х гг. это желание укрепилось и заняло одно из центральных мест в творческих планах. Вместе с тем семейная жизнь требовала устойчивого быта, постоянного заработка, определенного социального статуса. Планы перекрещивались, и в июле 1831 г. Пушкин в официальной записке на имя А. Х. Бенкендорфа писал: «Не смею и не желаю взять на себя звание Историографа после незабвенного Карамзина; но могу современем исполнить давнишнее мое желание написать Историю Петра Великого и его наследников до Петра III» (Академ. Т. XIV. Деловые бумаги, № 9). Вскоре после этого Пушкин был зачислен на службу с определением в государственную Коллегию иностранных дел с жалованием в 5 000 руб. в год и получил должностной допуск к архивам. С этого времени и до конца жизни Пушкин работал над историей Петра. Подробнее о работе Пушкина над историей Петра I см.: Письма. Т. 3. С. 359—363; Попов П. Пушкин в работе над историей Петра I // ЛН. Т. 16—18. С. 467; Фейнберг И. Читая тетради Пушкина. М., 1985.

² Пушкин смог уехать в Москву только в мае 1836 г.

³ Кушелева А. Д.

⁴ Сулье Мельхиор Фредерик (Soulié) (1800—1847) — французский писатель, создавший ряд произведений в духе так называемой «неистой литературы», сочетавшей «ужасы» и страсти готического романа с мелодраматическими коллизиями. Наиболее популярными были исторические романы «Vicomte de Béziers» (1834) и «Le Comte de Toulouse» (1835). На русский язык переводился с 1830-х гг.

* Еще несколько слов неразборчивы.

** Одна фраза неразборчива.

⁵ «Северная пчела» в номере от 4 декабря 1835 г. поместила объявление. «Директоры учреждаемого здесь Дворянского собрания честь имеют довести до сведения гг. членов, что открытие Собрания последует 6-го числа сего декабря месяца, с которого дня гг. члены постоянные и проезд иметь могут, а 7-го числа сего же месяца для празднования дня открытия в Собрании имеет быть обеденный стол, вообще для членов, как постоянных, так и посетителей балов (мужского пола). <...> Вместе с сим Директоры нелишним считают предварительно известить, что первый по открытию бал Дворянского собрания предполагается около половины текущего месяца, которого же именно числа, равно и о порядке выдачи билетов для гостей, на основании § 8 Правил, последует особое в сей же газете извещение». На каждый бал выдавалось определенное количество «гостевых» билетов, которые были именными и не подлежали передаче в другие руки.

⁶ Н. Н. Пушкина и ее сестры Е. Н. и А. Н. Гончаровы.

⁷ Гаевская Мария Ефимовна, по первому браку Веселовская, — дочь духовника О. С. Павлицевой; жена Гаевского Павла Ивановича (16 VIII 1797—12 XII 1875) — цензора, журналиста, переводчика. Их дети: Виктор (1826—1888) и Софья (1827—1906) — см. т. 1 наст. изд.

⁸ Витовтова Александра Александровна (ум. 25 III 1860) — дочь статс-секретаря Александра I А. А. Витовтова и сестра генерал-адъютанта П. А. Витовтова — см. выше, прим. 11 к письму 45.

⁹ Крузе Александр Мартьянович — выпускник Благородного пансиона Императорского Царскосельского лицея (вып. 1829 г.), чиновник канцелярии И. Ф. Паскевича в Варшаве, впус-

ледствии действительный статский советник, вице-директор Канцелярии Наместника Царства Польского (Голицын Н. С. Благородный пансион Императорского Царскосельского лицея. С. 98;

Псв. Вып. 17—18. С. 198).

¹⁰ Княжнин Виктор Александрович — сын В. А. и А. Я. Княжнинных.

¹¹ Аничков В. И.

52

20 декабря [1835 г. Петербург]

Мой милый друг, я не нашла удобного момента, чтобы поговорить с Александром о деле. Мне не хотелось делать этого в присутствии родителей, а каждый раз, как он приходил, мы обедали. Он обедал с нами и тотчас уходил. — Натали была на этой неделе только один раз, я и с ней не смогла поговорить; писать им было бы напрасный труд; но поскольку я собираюсь отправлять письмо завтра, я не буду его запечатывать: надеюсь, Александр придет днем, и мне не понадобится выбирать момента передать ему то, о чем вы пишете.

Как порадовало меня ваше письмо с Жанетом! ¹ Он принес его как раз в тот день, когда я писала вам слезное письмо, как я помню; я очень волновалась — вот откуда черные мысли; теперь все позади, Лёля здоров, у него появился еще один зуб, и у меня больше не болит грудь. Я гуляю пешком, несмотря на 18, 20 и 24 градуса мороза! Это помогает мне; холода стоят ужасные уже неделю, но спектакли, балы и праздники идут своим чередом, — что, впрочем, нисколько меня не касается. Кстати: я сразу отправила ваше письмо Маркову, но очень сердита, что вы поручили ему наши денежные дела: он так ленив и так далеко живет! Но главное, правда, что страшно ленив. Будто ты его не знаешь? «*Да ка-к-же, — да я бы-и-рад-бы-л, да то, да сё*»; я его отсюда слышу и вижу. Его не было дома, письмо взял его отец ²; с тех пор он у меня не был. Соболевский справился бы куда лучше; к тому же, он в курсе всех наших семейных дел: Александр от него ничего не скрывает, и это благодаря ему он прочел все ваши письма. Часто ему не хватало терпения, тогда Соболевский брал на себя труд дочитать их ему до конца и заставлял слушать; так было дважды, как он мне рассказывал. На днях он рассмешил меня до невозможности: попросил одолжения — ссудить ему те 900 р., которые отец был вынужден мне отдать.

Надеюсь, мой дорогой друг, что вы получили письмо, где я писала вам, что по приезде вы сможете остановиться у Виктора *Княжнина*, который живет рядом с нами. Он ждет вас с нетерпением, потому что боится жить один. Мать его уехала. Марков один из его ближайших друзей — это ему он проигрывает. Аничков был у меня и не застал, я очень сердита.

Лев пишет письма, которые Александр больше не передает и которые, по моему совету, не стесняется прочитывать. Он по-прежнему в Тифлисе, — еще не в армии; определяется в Линейный Козачий полк, а пока дает обеды. Как это тебе кажется? Вообрази, что он здесь взял *первый номер* в доме Энгельгарда ³, за который он платил *двести рублей в неделю*,

А. С. Пушкин. Гравюра Т. Райта. 1836 г.

и давал завтраки графу Самойлову! ⁴ Александр говорит, что из рук вон, не на что не было похоже.

Что еще сказать вам, друг мой? Я веду жизнь затворницы, сколько по необходимости, столько и по собственному расположению и из лени. Я уклонилась от многочисленных приглашений моих приятельниц, отказавшись даже от *conversazione**, а не только от званых вечеров, и, к тому же, мне совестно часто оставлять мать одну; когда у нас никого нет, я ей читаю,— и потом, привыкнув выходить по утрам, я очень довольна, что вечером остаюсь дома. Впрочем, я провела один вечер у Аннет ⁵, которая держит салон; я нашла у нее общество, но такое, которое мне подходит; я отдыхала душой, много разговаривала, и моя былая веселость вернулась ко мне. Часто вижу г-жу Пушкину ⁶,— но по утрам и у нас; она надеется, что вам понравится ее супруг ⁷; я сама думаю, что ты с ним сойдешься; у него в точности ваши вкусы: клеит, и точет, и сидит дома, никогда не остается без дела; он очень мне нравится. Кстати: Лермантов женился не по любви; но теперь очень любит жену, которая, говорят (увы!), совершенная глупышка — и нехороша собой ⁸. Его первая жена ⁹ была лучше — этой всего 18 лет; у нее состояние, мать и отец, которые ее обожают, зато она не любит ничего на свете, кроме *размазни*; ни украшений, ни балов; только спит и молчит; все хозяйство на руках у Владимира Николаевича, он даже наливает ей чаю и *подвязывает салфетку* (в буквальном смысле); он кое-как вывозит ее на бал, она танцует без удовольствия,— вот что мне о ней говорили. Политковская ¹⁰, и Лиза Виш<невская>, и красавица Вишневецкая ¹¹, которую вы находили *некрасивой*, описывали мне ее.— Встретила на проспекте милейшего *Рачинского* ¹²; я была в вуали, шла быстро и сделала вид, что не замечаю его; он сам меня остановил и принялся бранить Варшаву и ее обитателей. «Меня удивляет, что вам приходится жаловаться» — вот все, что я ему отвечала; он тащился за мной молча еще шагов сто в медвежьей ужасной шубе и в седых бакенбардах. Слава Богу еще, что не повстречала Рогальского.

Александр был, по обыкновению, не надолго, к тому ж с двумя женами и в дистракции; все, что могла от него добиться, — то, что — точно так, как ты полагал: 1600, за вычетом процентов в ломбард, которые *должен уплатить* управляющий, чтобы избавить вас от этих хлопот; он говорит, что тот получил на это его распоряжения; таким образом, ясно, что деньги, которые вы получите, будут полностью наши ¹³. Это немного, но хоть сколько-то.— Повтори, однако, это г-ну Пеньковскому: где ж, в самом деле, хлопотать тебе из Варшавы об уплате! Может быть, впрочем, и так, что Александру приснилось только, что он ему это велел, а он ничего еще не писал. Он рассеянный до крайности: слишком много думает о своем хозяйстве, о своей детворе и о туалетах жены.

Помните ли вы, дорогой мой, что сегодня мой день рождения? Никто об этом не забыл, к моему великому неудовольствию, кроме Александра. Мне пришлось, чтобы сделать приятное матери, сходить к службе. Зато после, и чтобы развлечься, и чтоб избежать молитв дома, я отправилась в саних к гр<афине> Ивелич и

* разговор (ит.).

привезла ее к нам обедать. Лиза Вишневская тоже была со мной весь день. У отца было довольно скучное лицо, мамá тоже была не в духе, а все из-за того, что я сказала, что терпеть не могу свой день рождения; по крайней мере, думаю, что из-за этого, судя по тому, что мне отвечали.— Я получила подарки: теплое одеяло, ридикюль и ленту,— и все это с отцовской обходительностью.

В последний раз я сообщила вам ложную новость относительно Жомини: мне сказали, будто он здесь, но он по-прежнему за границей и болеет. Это известно от Аничкова; если бы он умер, здесь знали бы об этом. То, что сказала вам г-жа Логинова¹⁴, очень верно. Я видела ее только два раза в жизни; в 1821 году — у дяди *Ивана Адамовича*¹⁵. Я тогда не познакомилась с ней, потому что она показалась мне неприятной — кислое лицо и больные глаза. Но познакомилась с ее младшей сестрой — Дашинькой — она тогда была прелестная: веселая, хорошенькая, наверное, не больше 16 лет, но очаровательная и умница. Ты это, однако, ей не проговорись, ради Бога,— она меня возненавидит. По правде сказать, я не огорчена тем, что теперь не должна делать ей визитов. Я рада, что и Стороженковых¹⁶ избавилась и даже — греха не утаю,— и Рогальских. А Лохтина¹⁷ что же не пишет, а я право не начну: что мне ей писать? Скажи это ей и кланяйся всем. Всему *бабью*, так, как ты говоришь.

Вы правильно делаете, что не ходите к Коссаковским¹⁸, раз он не отдает вам визита. Александр говорит, что он очень глуп, а доказывает это то, что он, вообразите, поставил на Французском театре свою дурацкую пьесу — свой дивный водевиль. Театр был полон, была вся *аристократия* и иностранцы; это был позор (в таких словах мне рассказывал Алекс<андр>). Что касается его жены, она не любит Александра; ей вздумалось однажды заговорить с ним о его стихах, а так как он отвечал сухо, она сказала насмешливо: *«Знаете ли вы, сударь, что ваш “Годунов” может быть интересен только в России?»* — *«Так же, сударыня, как вы можете считаться красивой женщиной только в доме вашей матушки»*. С тех пор она равнодушно на него смотреть не могла.

Кстати о стихах: я читала стихи Бенедиктова¹⁹; есть вещи прекрасные, но и безвкусыя довольно. Показались ли они у вас? «Ледяной дом» вовсе не хорош. Плагиат, как всегда,— и Юго, и скотизм — мочи нет! Что собственное — то дурной вкус²⁰.

Прощай, душа, будь здоров. Прибыткову, Фрейтагу, Франковскому, Софиане, Крузе, Прибыльскому > кланяйся.

Козловский по-прежнему очень болен²¹. Соболевский бывает у него и мне сказывал.

Помета Н. И. Павлицева: отправлено 21-го, получено 29-го.

¹ По свидетельству Л. Н. Павлищева — интendantский чиновник в Варшаве (Псв. Вып. 17—18. С. 199).

² Морков Иван Иванович, генерал-лейтенант, участник Отечественной войны, брат дипломата А. И. Моркова.

³ Энгельгардт Василий Васильевич (14 VI 1785—20 X 1837) — отставной полковник, богач, игрок, владелец дома на Невском проспекте. Именно в этом роскошном доме, который П. А. Вяземский сравнивал с парижским Пале-Роялем, и останавливался Л. С. Пушкин.

⁴ Граф Самойлов Николай Александрович (см. прим. 49 к письму 45).

⁵ Паскевич А. В.

⁶ Мусина-Пушкина А. О.

⁷ Мусин-Пушкин Ф. М.

⁸ В 1835 г. В. Н. Лермантов женился на фрейлине Е. Л. Дубенской.

⁹ Лермантова П. Г., урожд. Вишневская, умерла в 1833 г.

¹⁰ Вероятно, Политковская А. Н.

¹¹ Вишневская П. Ф., жена Н. Г. Вишневского.

¹² Рачинский Платон Иванович — знакомый Павлищевых по Варшаве (см. т. 1 наст. изд.).

¹³ Уступив сестре доходы со своей части Кистенева, А. С. Пушкин оговорил условие, чтобы регулярно выплачивались проценты в Опеку. Первоначально И. М. Пеньковский отправил всю сумму к Н. И. Павлищеву в Варшаву, но последнему было крайне затруднительно пересылать деньги обратно для уплаты в Опеку. Поэтому И. М. Пеньковскому было поручено самому уплачивать проценты, а Павлищеву пересылать только оставшуюся часть.

¹⁴ Логинова Надежда, урожд. Траубенберг.

¹⁵ Роткирх Иван Адамович — двоюродный брат Н. О. Пушкиной, внук Абрама Петровича Ганнибала (Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. С. 116).

¹⁶ Стороженко Андрей Яковлевич (1790—4 VII 1857) — генерал-майор, председатель Следственной комиссии в Царстве Польском, варшавский обер-полицмейстер; и его жена Юлия Ивановна, урожд. Бобровская-Миркалова, — варшавские знакомые Павлищевых (РБС. Т. 12 «Смеловский—Суворина»).

¹⁷ Лохтина В. П.

¹⁸ Корвин-Коссаковский Станислав Осипович и его жена Александра Ивановна, урожд. Лаваль (21 X 1811—21 VI 1886).

¹⁹ Бенедиктов Владимир Григорьевич (5 XI 1807—14 IV 1873) — поэт. Первый его сборник — «Стихотворения Бенедиктова» — вышел в 1835 г. и имел шумный успех.

²⁰ В. Гюго и Вальтер Скотт во многом определили развитие жанра исторического романа в России. О романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом» см. выше, примеч. 54 к письму 45.

²¹ Князь Козловский Петр Борисович (декабрь 1783—14 X 1840) — дипломат, литератор. В 1834 г., когда после многолетнего отсутствия возвращался на родину, он разбился, попав в дорожную катастрофу. Чудом уцелев, он долго болел, около года вынужденно провел в Варшаве и приехал в Петербург лишь во второй половине 1835 г. О пребывании князя П. Б. Козловского в Варшаве в 1836—1837 гг. и сотрудничестве в «Современнике» Пушкина см. ниже, прим. 8 к письму 69.

53

3 января [1836 г. Петербург]

До чего же обрадовалась я вашему последнему письму, дорогой друг; обещание фельдмаршала ¹ взять вас с собой кажется мне хорошим предзнаменованием — оно сулит добрые последствия. Поэтому я совершенно успокоилась насчет того, что прошение ваше пока осталось без ответа, тем более что я опасалась формального отказа ². Какое удовольствие доставило мне все, что вы пишете, можете судить по тому, что я на радостях завтра же отправляюсь в театр на бенефис м-ль Бурбье ³ — да еще с кем бы вы думали? — с вашими *бывшими пассиями*, — завлекательной Кушелевой ⁴, у которой, кстати говоря, — уж не прогневайтесь, — несусветная фигура точно отрубок, но вообще она премилая особа, ничего не скажешь. На

днях я позволила себе еще раз «кутнуть», как вы говорите: была в Собрании на балу. Когда я говорю: на балу, это означает, что я ездила посмотреть на бал с галереи, что, по-моему, гораздо увлекательнее: всех видишь, чувствуешь себя непринужденно и можно не ломать голову о собственном туалете, да еще бесплатно получаешь прохладительные напитки и чай, одна из любезностей господ учредителей. Чтобы туда попасть, надобно иметь билет — раздобыть его довольно трудно, потому что всего их только сорок. Я там была вместе с м-ль Вишневецкой⁵ и воспитанницей г-жи Симанской⁶ и оказалась в кругу общих знакомых с госпожой Всеволожской⁷ и м-ль Талызиной⁸, которая точно посолдила себя в прок и тебе кланяется, кстати, насчет кланяется: я встретила на проспекте Маркова⁹, он едва ноги волочит и, по обыкновению, тянет слова: «да — я — все — болен — был» и так далее. Нельзя ли его избавить от банкира? Это уже я говорю вам, дорогой мой. Он, напротив говорит, что *очень рад*. — Да в протчем денег мне нынечный месяц не нужно. Заплатите вашему портному — клянусь вам, мне не надобны будут деньги в этом месяце, хотя я и промоталась немного и проиграла в вист у сестриц Ми¹⁰, где я видела *Ивана Кондратьевича*¹¹. Он тебе кланяется. Аничков другой¹² у меня был в новый год и привел с собой Соломирского Владимира (моего ученика)¹³. Я нашла, что он очень изменился. Говорят, он очень был болен, вследствие чего сошел с ума: когда ему в первый раз позволили выйти из дома, он, оказавшись на улице, стал проделывать всякие безумства — прыгал, скакал, плакал, бил в ладоши — в такой пришел восторг, что дышит воздухом. Вы знаете, он уже не то три, не то четыре года женат на г<рафине> Апраксиной¹⁴. Поль тоже женат¹⁵. Впрочем, все это должно быть не больно вам интересно. Пора поговорить о Лёле¹⁶. Благодарение Богу, чувствует он себя теперь хорошо, но еще не ходит, зато ползает очень проворно и говорит *пап а*; говорит тоже *баба* и *няня*, словом, за две недели сделал большие успехи; однако при этом подурнел, несмотря на свои черные глаза и белокурые волосы — сочетание, которое все находят необыкновенно красивым (разумеется, чтобы сказать мне приятное). Г-жа Яковлева¹⁷, которая здесь уже больше восьми дней, находит, что он очень похож на вас, и графиня Ивелич-мать¹⁸ то и дело восклицает об этом сходстве, как и Анетта Паскевич. Я этого не нахожу, разве что у него такие же редкие зубы, как у вас, так что кажется, будто у него их полный рот, когда их всего только семь.

Вы пишете о варшавских морозах: я уверена была, что так оно и будет — я никогда не замечала большой разницы в климате; у нас нынче тает, дождь идет, прямо благодать; в Москве морозы были куда суровее, здесь ни разу не было более 23—25 градусов, а там восемь дней подряд были 36-- и 37-градусные морозы, и, представьте себе, балы и спектакли шли своим чередом.

Я не говорила с Аничковым¹⁹ насчет *вигоны*²⁰ по той простой причине, что письмо ваше пришло уже позже. У меня даже не было времени спросить его о Жомини²¹; он пообещал в скором времени снова быть у нас; по его словам, он был в Новгороде, но думаю, что он просто хотел оправдаться.

Если вы получили мое последнее письмо, то знаете, что выделяет Лев²². Однако то, что мне рассказал только что Александр — новость: он проиграл в карты 30 000 рублей. Александр хочет купить *вексель*, — и напрасно; ему это удалось однажды: Лев проиграл Болтину 10 000 и помирился эдаким манером на 2000²³, но ежели он будет продолжать покупать, это кончится тем же, он очень скоро мало-помалу истратит свою часть *имения*. Каков же Лев! Из рук вон! Соболевский говорит: «*Придется же Алекс<андру> Серг<еевичу> его кормить. — Кормить-то не беда, а поить накладно*»²⁴. А я так совсем не вижу, с какой стати кто-то должен платить его долги.

Прощайте, дорогой друг, будьте здоровы, простите, что испытываю ваше терпение своими каракулями, еще более неразборчивыми, чем обычно. Сейчас второй час ночи, я сильно простужена и совершенно засыпаю. Но завтра у меня не будет времени написать вам, а нынче мне все мешали: г-н Тимофеев²⁵ сестрицы Ми, потом госпожа Вейдемейер²⁶, затем Долгорукая, бывшая Малиновская²⁷, которая провела у нас весь день. Вейдемейерша велела вам от нее поклониться, а вы поклонитесь от меня всем нашим.

Когда ж <выйдет> Франковского роман? ²⁸ Пора другой печатать. Кстати, есть какой-то новый русский роман, который у меня не хватает духу прочесть: я неважного мнения о произведениях моих дорогих соотечественников — приходится в этом сознаться.

Прощай. Мать спрашивает, привезешь ли ты свою гитару.²⁹ Чувствует она себя превосходно, я завидую ее аппетиту и здоровому сну! Я очень похудела, и платья все широки стали; однако, я здорова; ем мало, — разве от этого?

¹ Наместник Царства Польского И. Ф. Паскевич.

² Н. И. Павлищев обращался к И. Ф. Паскевичу с просьбой командировать его в Петербург, чтобы избавиться от расходов на дорогу. Фельдмаршал принял во внимание материальные затруднения Н. И. Павлищева и предложил сопровождать его в поездке в Петербург.

³ Бурбье Виргиния — актриса французского театра в Петербурге. «Она была в полном смысле красавица, брюнетка, высокого роста, великолепно сложенная, с роскошными формами. Несмотря на свою знаменитость, она была актриса далеко не первоклассная. Игра ее не отличалась естественностью, и потому ей лучше шли роли кокеток, чем драматические. Тем не менее она производила в свое время страшный фурор, и число поклонников ее, более или менее счастливых, было не мало. В числе их, конечно, самым счастливым был и сам князь Петр Михайлович Волконский, министр двора, через что Бурбье пользовалась огромным влиянием на весь театральный мир» (Вольф А. И. Хроника петербургских театров. Ч. I. СПб., 1877.

С. 27; см. также: Вигель Ф. Ф. Записки. Т. 2. М., 1928. С. 319).

⁴ Кушелева А. Д.

⁵ Вишневецкая Е. Г. или одна из ее сестер.

⁶ Симанская Е. Л.

⁷ Всеволожская Софья Ивановна, урожд. княжна Трубецкая (25 VII 1800—31 VII 1852), — жена брата Н. В. Всеволожского Александра Всеволодовича (14 IX 1793—1 V 1864), камергера, впоследствии церемониймейстера.

⁸ Талызина Татьяна Дмитриевна (ум. 1857) — подруга О. С. Павлищевой, впоследствии замужем за «англичанином фон-Фьюсоном» (Псв. Вып. 23—24. С. 201).

⁹ Морков В. И.

¹⁰ Это прозвище дала Н. О. Пушкина четырем сестрам-немкам Занден: Екатерине Карловне, в замужестве Ладыженской (27 II 1783—6 V 1859); Анастасии Карловне, в замужестве Ноден (3 II 1793—7 VII 1874); Анне Карловне, в замужестве Брок (сентябрь 1800—26 V 1846), и Елизавете. О сестрах Занден подробнее см. т. 1 наст. изд.

¹¹ Аничков И. К. — см. письмо 46.

¹² Аничков В. И.

¹³ Соломирский Владимир Дмитриевич (1802—13 V 1884) — брат П. Д. Соломирского, бывший лейб-гусар, путешественник, знакомый Пушкина; по свидетельству Л. Н. Павлицева, О. С. Павлицева обучала В. Д. Соломирского хиромантии (Псв. Вып. 23—24. С. 201). В 1831—1835 гг. был с русской миссией в Бурятской Монголии и на границе Китая (см. т. 1 наст. изд.).

¹⁴ Соломирская Мария Петровна, урожд. Апраксина (1811—1859), — см.: Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. 2. С. 119.

¹⁵ Соломирский П. Д. с 1 июля 1835 г. женат на Екатерине Александровне Булгаковой (род. 1 III 1811).

¹⁶ Павлицев Л. Н.

¹⁷ Яковлева П. И.

¹⁸ Ивелич Н. А.

¹⁹ Аничков В. И.

²⁰ Вигонь — ткань из шерсти американских животных из породы лам.

²¹ Жомини А. Г.

²² Л. С. Пушкин в это время жил на Кавказе, ожидая определения в военную службу и продолжая делать долги.

²³ Л. С. Пушкин проиграл Илье Александровичу Болтину 10 000 руб. и расплатился 27 ноября 1833 г. заемным письмом. В 1835 г. А. С. Пушкин выкупил у него это заемное письмо за

2000 руб. И. А. Болтин (1795—15 VII 1856) — подполковник в отставке, старый знакомец А. С. Пушкина, известный игрок.

²⁴ Невоздержанность Л. С. Пушкина в отношении горячительных напитков была постоянным предметом эпиграмм, бонмо и розыгрышей приятелей: С. А. Соболевский называл его «Пушкин Блѣвъ», А. С. Пушкин подарил брату книгу о лечении от запоя с иронической надписью и т. п.

²⁵ Возможно, Тимофеев Петр Иванович или его сын Петр Петрович. Тимофеевы — соседи Пушкинных по псковским поместьям.

²⁶ Вейдемейер Т. С.

²⁷ Княгиня Долгорукова Екатерина Алексеевна, урожд. Малиновская (19 II 1811—14 VIII 1872), — дочь хороших знакомых Пушкиных А. Ф. и А. П. Малиновских, подруга Н. Н. Пушкиной, с 8 января 1833 г. жена князя Ростислава Алексеевича Долгорукова (Долгоруков П. В. Сказания о роде князей Долгоруковых. СПб., 1842. С. 166; см. также т. 1 наст. изд.).

²⁸ Франковский К. М.

²⁹ Н. И. Павлицев хорошо играл сначала на семиструнной, а затем на шестиструнной гитаре и сам сочинял музыкальные пьесы, одна из которых вошла в «Лирический альбом на 1829 год».

54

18 января [1836 г. Петербург]

Неаккуратность почты, а вернее здешних почтальонов, на этот раз снова внушила мне тревожные мысли о вас, одна другой мрачнее, мой добрый друг. До сих пор я ваши письма получала регулярно по средам, а в эту среду почтальон принес письмо для отца, а мне объявил, что письма нет¹. Я же все утро провела у окна, подстерегая почту; весь день я грустила, однако надеялась, что вы написали мне до востребования, и с нетерпением ожидала завтрашнего дня. Назавтра, едва проснувшись, я поторопилась одеться, наспех проглотила чашку какао и пешком пустилась на почтамт. Бог свидетель, что добралась я туда за двадцать минут, и представьте себе: мне говорят, что письма мне нет! Я готова была заплакать и бросилась оттуда так же быстро, как пришла. Домой возвращаться мне не хотелось, не было у меня охоты и куда-нибудь заходить, и я бродила не знаю по

каким улицам, кажется, целый час. Наконец, усталая, расстроенная, возвращаюсь домой и нахожу ваше письмо на своем столе! Зато уж и перечитывала я его три или четыре раза подряд!

Ваше недовольство собой по возвращении с бала при мысли обо мне расшемило меня, милый друг. Выходит, я тоже должна испытывать угрызения совести, отправляясь куда-либо без вас; впрочем, когда бы это доставляло мне удовольствие, я бы тоже могла посещать кое-какие балы; по вторникам, между прочим, могла бы бывать на танцевальных вечерах у Симанской, которая живет по

Бал у княгини Барятинской. Акварель Г. Гагарина. 1830-е гг.

соседству и у которой я чувствую себя безо всяких церемоний; но мне это попросту скучно. Я должна была давеча собрать все свои силы, чтобы поехать только посмотреть на бал с галереи, да мне самой это и в голову бы не пришло, когда бы не надо было сделать приятное м-ль Вишневу, а тут еще спектакль! Знали бы вы, чего мне стоило затянуться в корсет и сделать прическу! Я готова была сказатьсь больной, чтобы только не ехать, но мать так этого хотела! *«Да поезжай, да пожалуйста, ты мне расскажешь»*, и проч. Давали в первый раз во французском театре драму Гюго *«Анджело, тиран Падуанский»*, которую переделали в *«Венецианскую комедиантку»* и в которой жена Подеста — лишь его невеста, сие во имя добронравия! Нельзя не признаться, хватает у нас умников! *«Что бишь я тебе говорила»* — как говаривала м-ль Рудольф²... — Да, что пришлось мне собрать все свои силы, и это немалого мне стоило; а войдя в ложу, я была просто ослеплена и ошеломлена; театр был уже полон, ждали только Императора, чтобы начать представление. — Г-жа Кушелева, с которой мы были вместе, до

безумия влюблена в Его Величество — но влюблена буквально, меня об этом предупреджали; так вот, она с торжествующим видом объявила мне, что наша ложа как раз напротив императорской. Уж и прихорошилась же она! — вся в золоте и лазури, что магистр франкмасонов, с лорнетом точно лупой для прекрасных глаз и в сине-белом тюрбане. Но увы! Его Величество не соблаговолил даже бросить взгляд на нашу ложу, однако мадам от одного лишь лицемерия его была наверху блаженства.

Что до меня, то от всего этого у меня разболелась голова, и мне не доставили большого удовольствия ни пьеса, ни актеры, за исключением м-ль Бурбье, которая на мой взгляд — лучшая актриса, которую мне когда-либо доводилось видеть, и самая изящная женщина, какую я в жизни встречала. Представьте себе, ходят слухи, будто она уезжает отсюда, потому что Нарышкин женится, и из-за этого она в отчаянии. После драмы давали «*Маделон Фрике*». М-м Бра и Поль Мине играли превосходно. Я смеялась от души, хотя фарсы меня нынче уже не тешат. Это было в Михайловском театре; чудо что за зал — ничего более изящного и красивого я не видывала — я была там впервые³.

Поговорим теперь о делах. *Пеньковский* написал мне, что 29-го минувшего месяца выслал вам девятьсот флоринов; надеюсь, что вы уже их получили, но не посылайте мне девятисот: пятисот мне хватит до марта, ибо я, знаете ли, предпочитаю, чтобы вы заплатили долги. Я знаю, что всегда быстро проживаю деньги, когда они у меня есть, а когда их нет — о них и не думаю, лишь бы людям моим было уплачено и Лёля ни в чем не нуждался.

Двести пятьдесят рублей в месяц очень, очень довольно, а я буду считать с февраля. Да вот какое горе: банкир Штиглиц⁴ — заклятый враг Соболевского; последний его осыпал ругательствами, назвал свиньей и проч. и проч. Мне неловко будет теперь связывать их между собой. Соболевский рассказал мне об этом, не догадываясь, с какой целью я заговорила с ним о *Штиглице*: «А что вам *Штиглиц*?» Тогда я сказала ему, что именно через него рассчитывала получить деньги, которые вы мне пошлете, и что вы собираетесь дать доверенность г-ну Маркову, чтобы я могла получить их. «Берегитесь, чтобы этот Марков не продул их в карты, — сказал он мне, — он большой игрок». Была ли то шутка или нет, но я переменяла разговор; и тем не менее, принимая во внимание леность Маркова и дальность расстояния, я бы предпочла, чтобы вы поручили это кому-нибудь другому. Например, Волкову или Николаю Вишневному. Я в достаточно простых отношениях с ними, чтобы попросить их об этом, как вам кажется? Я очень хороша и с г-жой Пушкиной, но муж ее мне почти незнаком⁵. Скажите, почему не хотите вы послать эти деньги прямо мне или через почту? Ежели не хотите посылать на домашний адрес, отправьте каким-нибудь другим путем — через Волкова, Вишневого, как я вам сказала. Они сохраняют это втайне. Князь Оболенский⁶ с удовольствием бы оказал мне любую услугу, о которой я попрошу, но он не так часто у нас бывает, и по некоторым причинам мне не хотелось бы вводить его в курс наших дел — вы понимаете меня. А Волков, тот приходит ко мне, и Вишневецкий тоже. Вот вам их адреса:

Его Высокоб<лагородию> Александру Федоровичу Волкову, на Литейный в собственном доме; Его Высокоб<лагородию> Николаю Гавриловичу Вишневному (близ Аничкова моста) на Вшивой бирже, в доме *Ртищевой*. Мне кажется, что, во всяком случае, предпочтение стоило бы отдать Волкову.

В последний раз, сдается мне, я много понаписала вам о Лёле; у него сейчас идут зубки, он беспокойно спит, часто в жару, а когда ему плохо, он всегда плачет и зовет меня; но когда вы получите это письмо, он, надеюсь, уже совсем поправится и у него одним зубом будет больше. Странно, у него коренной вышел прежде глазнова, а на другой стороне также показывается. Когда он здоров, то очень мил и очень послушен, и всех на свете любит; особенно мило ведет он себя при посторонних, поэтому-то его все так любят. Мать не велела мне писать вам, что он нездоров, чтобы вас не тревожить. Я никак от нее этого не ожидала — меня это порадовало. Поправляется она очень медленно, до сих пор ходит с палкой, другими словами, выходит из спальни только посидеть в кресле в гостиной; тем не менее ей становится все лучше.

Графиня Н. Н. Стройновская.
Портрет работы неизв. художника.
1830-е гг.

Позавчера Аничков⁷ обедал у нас со своей доброй знакомой Катериной Ивелич, которая с ним на «ты»: как вам это понравится? Из любви к ней он заказал портрет с нее и с ее матушки⁸ — словом, портреты графинь Ивелич; предложил заказать и мой, полагаю, что для *круглого счета*, но я, разумеется, отказалась. Он поручил мне передать вам, что вигонь, которую

князь Гагарин должен был выслать из Москвы, вы, он надеется, получили.

Вернулся ли Жомини? Судя по тому, что он сказывал мне, он должен после этого появиться здесь. Что касается его⁹, он испросил полугодовой отпуск; за эти шесть месяцев рассчитывает прокатиться в Москву; Александр, кажется, от этого намерения отказался, — во всяком случае, об этом больше не думает¹⁰.

Завтра напишу Маркову по поводу воротника, так как считаюсь с его медлительностью; но когда мы с ним виделись в последний раз, он сказал, что не смог отказаться от этого, потому что усложнили узор вышивки на парадном мундире — что, впрочем, должно быть известно у вас в Канцелярии г-ну

Гильфердингу¹¹. Вы ничего не пишете о брате Гильфердинга; как его сердечные дела, больше ли везет ему в любви, бывает ли он у м-ль Жучковской — это меня тоже интересует; посещает ли он свои былые привязанности у Рогальской — кланяйся от меня этой дуре и прочим всем дурам. Кстати, расскажу вам историю, которая приключилась только что на Васильевском: у учителя Тона¹² была тридцатидвухлетняя дочь и восемнадцатилетний ученик, юный Кампини, сын известного портного. Этот последний убил в порыве страсти девуцу, а себе перерезал горло, но умер только через три дня. История эта всем очень нравится, я слышала ее уже раз десять. Одни говорят, что это потому, что родители не соглашались их поженить, а между влюбленными обо всем уже было договорено (когда их нашли, оба были нагишом), но похоже, что барышня в последнюю минуту опомнилась; на полу обнаружили следы крови, идущие от постели к шнурку сонетки. От юноши так ничего и не добились, кроме того, что он совершил свой подвиг посредством перочинного ножа, которым перерезал ей жилы, что, впрочем, и так было очевидно, на этом он скончался со словами, что его историю можно найти в его записках¹³. Думаю, что это будет интереснее анекдота о Годунове, который так вам нравится¹⁴. Правда, он занимателен лишь для тех, кто знаком с мамашей Коссак<овской> и сестрицами, которые уродливы сверх всякой меры.

Татьянин день¹⁵ я провела у Талызиных¹⁶, у них были только свои: г-н и г-жа Всеволожские¹⁷, Мансуровы¹⁸, Трубецкой¹⁹, Пельский²⁰, Кайсарова (сестра князя Козловского²¹, который, между прочим, был на Аничковом маскараде) — то есть в Аничковом дворце²². Я вновь встретилась там с вдовой Никиты Левашова²³, она только что приехала, чтобы поселиться здесь совсем; она очень плакала, встретившись со мной, как всегда без конца говорила о муже, которого она, как я теперь вижу, обожала, и кончила тем, что сыграла вальс его сочинения — вальс этот он сочинил для нее, и теперь она хочет снять с этих нот копию, чтобы послать вам.— М-ль Талызина все та же внешне и в том же настроении; оплакивает отчима, как оплакивала бы любимого супруга, погибшего во цвете лет и жизненных сил²⁴. Сколько я ни уговаривала ее, что это неразумно, ее не убедить.

Мы музицировали: Мансурова, из Хованских²⁵, очень хорошо пела, Всеволожский играл на клавесинах, а потом много было шума — дети Всеволожских, Левашовых и т. д.

Кстати: Графиня Стройновская только что сочеталась новым браком; она вышла за Зурова, Ельпидифора Антиховича²⁶. Бьюсь об заклад, что ее прельстило это имя: чем еще это можно объяснить — сорокалетняя женщина, богатая, независимая, имеющая двенадцатилетнюю дочь, — право же, это смешно! Говорят, что она по-прежнему очень хороша, муж ее тоже богат, губернатором в Туле.

К слову сказать, кузина Маргарита Батурина²⁷, та красавица, о которой я вам писала, приехала сюда позавчера и сразу же явилась к нам. Я говорю «красавица» — она была очаровательна, но, увы, пятнадцать лет назад, и за эти пятнадцать лет мы впервые с ней увиделись. «Маргарита?» — «Олинька!» — «Вы узнали ме-

ня?» Знаете, что она мне ответила? — «Я узнаю вас по голосу». — Нечего сказать, откровенно! Но как рада я была снова увидеть ее!

Прощайте, дорогой друг. Будьте здоровы, кланяйтесь нашим господам. Скажите Франковскому²⁸, что я говорила на этих днях о нем с <нягиней> Долгорукой. Особа сия весьма уродлива, но и весьма любезна.

¹ Почта из Варшавы прибывала в Петербург по вторникам и пятницам и на следующий день разносилась по адресатам.

² Рудольф А. И. Некоторое время жила у Пушкиных.

³ Михайловским называли театр, построенный А. П. Брюлловым на Михайловской площади и открытый в 1833 г. Полукруглый зал с 4 ярусами лож был построен по аналогии с залами Большого и Александринского театров. Тонкие чугунные колонны, золотистый бархат, росписи делали интерьер изысканным. В театре играли французская, немецкая и итальянская труппы. Представления обычно состояли из двух спектаклей — как правило, драмы и водевиля, комедии или комической оперы. 4 января 1836 г. в Михайловском театре французская труппа играла драму «La comédienne de Venise» (облегченную переделку драмы В. Гюго «Анджело») и водевиль «Madelon Friquet» (см.: «Северная пчела» № 3 от 4 января 1836 г.). М-м Бра и Поль Мине — актеры французской труппы; подробнее о составе французской труппы и амплуа актеров см.: Вольф А. Хроника петербургских театров. Ч. I. С. 20 и след.

⁴ Штиглиц Лудвиг (Любим) Иванович (1777—6 III 1842) — барон (с 22 августа 1826 г.), российский придворный банкир. Обращение к нему связано с тем, что Н. И. Павлищев намеревался переводить жене деньги через банк.

⁵ Мусины-Пушкины А. О. и Ф. М.

⁶ Вероятно, князь Оболенский Николай Николаевич (1792—17 XI 1857) — троюродный дядя О. С. Павлицевой, старинный друг и кредитор семейства Пушкиных.

⁷ Аничков В. И.

⁸ Ивелич Н. А.

⁹ О. С. Павлицева здесь говорит о В. И. Аничкове.

¹⁰ Пушкин смог выбраться в Москву только в самом конце апреля (приехал в Москву 2 мая) и меньше чем через месяц вернулся в Петербург (в ночь с 23 на 24 мая).

¹¹ Гильфердинг Федор Иванович (26 VII 1798—5 I 1864) — чиновник Министерства иностранных дел, с 1831 по 1836 г. управлял дипло-

матической канцелярией Наместника в Царстве Польском И. Ф. Паскевича, впоследствии сенатор; в молодости был близок с Д. В. Веневитиновым и А. С. Хомяковым; отец известного слависта А. Ф. Гильфердинга (РБС. Т. 5. «Герберский—Гогенлоз»).

¹² Тон Константин Андреевич (1794—1881) — архитектор, академик.

¹³ История действительно была шумевшая, но акценты могли быть расставлены и более романтически, как, например, в версии А. В. Никитенко: «Сын знаменитого здешнего портного Кампини отдан был учиться архитектуре к Тону. Ему было девятнадцать лет. Он познакомился с сестрою архитектора, своего учителя, девицею лет двадцати девяти и, как говорят, некрасивою. Третьего дня он пришел к Тону вечером, спрятался у него, выждал время, когда девушка осталась одна дома, вошел к ней в спальню и запер дверь изнутри. Через несколько времени в комнате послышался подозрительный шум; выломали двери и нашли девицу Тон плавающей в крови: она была поражена ножом в свое сердце, а молодой человек лежал тут же, с перерезанным горлом. Девушка уже умерла, но Кампини был еще жив. Ему зашили горло, он разорвал его и умер. Говорят, что родственники не соглашались на их брак, и они решили погибнуть вместе» (Никитенко. Дневник. Т. I, 179—180; дневниковая запись от 17 января 1836 г.).

¹⁴ Имеется в виду острога А. С. Пушкина, сказанная в разговоре с А. И. Корвин-Коссаковской, — см. письмо 52.

¹⁵ 12 января — память св. мученицы Татьяны.

¹⁶ Подруга О. С. Павлицевой Татьяна Дмитриевна Талызина, ее брат и сестры.

¹⁷ Всеволожские А. В. и С. И.

¹⁸ Вероятно, здесь говорится о двух семьях Мансуровых, родственников между собой: Мансуров Александр Павлович — генерал-адъютант, сын П. А. Мансурова, и его жена Аграфена Ивановна, урожд. княжна Трубецкая, — родная сестра С. И. Всеволожской; и Павел Борисович Мансуров (1795—ок. 1880) — участник Отечественной войны, чиновник Министерства финан-

сов, впоследствии действительный тайный советник; член «Зеленой лампы», старый знакомый Пушкина, и его жена Екатерина Петровна, урожд. княжна Хованская (28 I 1803—29 V 1837), упоминаемая в письме ниже.

¹⁹ Один из братьев С. И. Всеволожской и А. И. Мансуровой: Юрий Иванович (1792—1848) или Николай Иванович (1807—1874).

²⁰ Возможно, сын Петра Афанасьевича Пельского (1765—13 V 1803) — литератора, друга Н. М. Карамзина.

²¹ Кайсарова Дарья Борисовна, урожд. княжна Козловская (декабрь 1783—14 X 1840), — жена Михаила Сергеевича Кайсарова, сестра князя П. Б. Козловского.

²² На балах в Аничковом дворце (в отличие от дававшихся в Зимнем) собирався более узкий круг лиц, особенно близких к императорской фамилии.

²³ Левашова Александра Николаевна — вдова умершего в 1832 г. командира Иркутского гусарского полка полковника Никиты Федоровича Левашова, близкий друг дочерей княгини Е. А. Трубецкой, сестры П. А. Мансурова.

²⁴ Т. Д. Талызина тяжело переживала смерть своего отчима Павла Александровича Мансурова (12 V 1756—27 IX 1834).

²⁵ Мансурова Е. П., урожд. княжна Хованская.

²⁶ Графиня Стройновская Екатерина Александровна, урожд. Буткевич (6 VIII 1800—19 X 1867), в первом браке за графом Валерианом Венедиктовичем Стройновским (1747—12 XI 1834) — писателем, сенатором; во втором браке за Елпидифором Антиоховичем Зуровым (март 1797—19 XII 1871) — генерал-майором, тульским военным и гражданским губернатором; впоследствии — генерал-лейтенант, сенатор (РБС. Т. 7. «Жабокритский—Зяловский». С. 569) Е. А. Стройновская описана Пушкиным в XXI—XXIV строфах «Домика в Коломне» (см.: Пвс. Т. 2. С. 257, 465; Воспоминания современников о Пушкине, записанные П. И. Бартеневым. В кн.: П. И. Бартенев. О Пушкине. М., 1992. С. 346, 348).

²⁷ Батурина Маргарита Ивановна, урожд. княжна Девлет-Кильдеева (31 I 1797—2 VIII 1849), — жена кузена О. С. Павлицевой полковника Сергея Герасимовича Батурина (5 VII 1789—9 X 1856) — впоследствии генерал-лейтенанта, сенатора (РБС. Т. 2 «Алексинский — Бестужев-Рюмин»; т. 1 наст. изд.).

²⁸ Франковский К. М.

55

31 января 1836 [Петербург]
Полночь

Спасибо, большое спасибо, мой добрый друг! Только что получила ваше письмо одновременно с деньгами. Прекрасная мысль переслать мне их через корреспондента Розена: никто не мог бы быть более исполнительным. Но я очень сердита на вас за то, что вы написали к Александру: это лишь привело к тому, что он расвирепел, я не припомню, чтобы когда-нибудь видела его в таком отвратительном расположении духа. Он кричал до хрипоты, что готов отдать все, что имеет (может быть, включая жену?), чем опять иметь дело с Болдиным, с управляющим, с Ломбардом и т. д. и т. д., что вам надо лишь обратиться к Пеньковскому¹, что это его дело быть в курсе всего, за это ему и деньги платят и он не может чего-

либо «не знать». Вашего письма он не читал, только распечатал его и вернул мне, даже не взглянув. Впрочем, его гнев показался мне немного комичным, настолько, что я с трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться, до того он был похож в этот момент на отца. Однако мне все же удалось вытянуть из него, что 1) Пеньковский болван, что он написал ему, чтобы тот заплатил в ломбард, а вам послал только те деньги, которые причитаются нам за вычетом расходов; 2) что поместье было заложено за 40 000, что следовало заплатить 6 процентов, которые составляют только 4000 или что-то около того, из них мы можем получать лишь 1600 или 1500 и 3) что поскольку в ноябре нам посланы были 900, а теперь еще 900 — это составляет на 200 рублей больше того, что нам полагается. Правда, в ноябре я получила только 400, однако деньги, которые посланы были Льву, тем не менее были нашими.

Теперь уже ничего не поделаешь, напишите этому прекрасному Пеньковскому без церемоний, что довольно глупо затруднять вас, понуждая вносить из Варшавы в Московский банк проценты из, стало быть, урезанных денег, и еще напишите ему ради Бога, чтобы не писал больше ни к Александру, о чем тот покорнейше его просит, — ни к отцу, а имел бы дело только с вами, как брат красноречиво ему наказывает; что ежели он не умеет *считать*, пусть выяснит каким-нибудь другим способом, сколько надобно заплатить процентов с владения Александра. Понимаете ли вы меня? «Просрочка же ничего не значит», — А<лександр> С<ергеевич> тем заключил. «Проценты внесены были сполна до нашего владения с тобой».

Дорогой друг, я мало смыслю в делах; разбирайтесь в них сами, если то, что я написала, покажется вам недостаточно ясно; ничего большего я от Александра узнать не смогу. Как вам будет угодно, но больше я с ним об этом говорить не стану; ежели вы напишете ему на его адрес, он ваши письма бросит в огонь не распечатывая, поверьте мне. Ему же не до того теперь: он на днях начинает издавать журнал, который ему приносить будет не меньше, он надеется, 60 000! Хорошо и завидно.²

Кстати, Соболевский только что выиграл судебный процесс на четыре тысячи рублей и получил сполна всю сумму, счастливый смертный. Ему и без того жилось неплохо! Теперь говорит о путешествии вокруг Европы и о поездке в Испанию, единственную страну, где он не бывал³. Его стихотворное путешествие в Италию страсть как смешно.

Прощайте, дорогой друг! Лёля здоров, слава Богу, у него вылез еще один зубик, но он по-прежнему худой и бледный — отвратительное последствие пиявок, мне уже не один человек это говорил: сколько буду жива, не дам больше проглотить ему ни кусочка ревеня — не говоря о том, что я закаялась когда-либо обращаться к врачам, пусть даже он занемог бы сильнее, чем в дороге.

Кстати: мы ждем Бальзака; говорят, он уже в Киеве⁴.

И еще: Аничков уехал в Москву; приехала Анетта Вульф⁵; до весны проживет у своей тетушки Надежды Гавр<иловны>⁶, которая сама живет у своего зятя, пасынка Трувлера⁷: ожидает в скором времени своего брата Алексея⁸. Аннета Керн возится с цензурами, с книгопродавцами; перевела Занда роман «Андре».

Я была в Собрании на маскированном балу с большим обществом¹. Очень веселилась. Все мы были в домино, как полагается, в масках по самые глаза; я интриговала столько и столько и имела такой успех, что меня прозвали «волшебницей». Дело в том, что никому в голову не приходило, что это я, поскольку я исцезла из света, а я увидела многих знакомых. Заинтриговала, кроме прочих, Ребиндера-сапера; говорила г-же Рогальской.

Мои знают, что я получила деньги. Мамá шлет вам привет. Прощайте. Сказать хочу, мое последнее письмо было очень длинно и сентиментально, — получили вы его?

¹ Пеньковский И. М., управляющий нижегородскими имениями Пушкиных.

² Издавать собственный журнал было давнишним желанием Пушкина. Он участвовал в издании альманаха «Северные цветы» (Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига—Пушкина), а затем — «Литературной газеты». Но после смерти Дельвига они прекратились, и Пушкин возобновил попытки основать собственное периодическое издание. В 1832 г. он получил разрешение на издание газеты, но различные обстоятельства помешали этим разрешением воспользоваться (Пиксанов Н. К. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832) // Псв. Вып. 5. С. 83). Наконец, в последний день 1835 г. Пушкин отправляет на имя А. Х. Бенкендорфа письмо с просьбой разрешить ему издание журнала: «Я желал бы в следующем, 1836 году издать четыре тома статей чисто литературных (как то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности <...>» (Академ. Т. XVI, № 1116). Разрешение было получено, однако проблемы на этом не заканчивались. «Современник» по замыслу Пушкина должен был противостоять «Библиотеке для чтения», и ее редактор О. Сенковский и издатель А. Смирдин прилагали всеческие усилия к тому, чтобы помешать появлению опасного конкурента — от предложений отступного до опережающих журнальных выпадов и распространения сплетен. Привлечение в журнал литераторов, способных обеспечить успех издания (среди них на первом месте Н. В. Гоголь и В. Ф. Одоевский), сбор материалов по различным областям знаний и т. п. — эта работа по организации журнала требовала много времени, но Пушкин занимался ею с азартом: тут было настоящее дело, которое, к тому

же, должно было обеспечить реальные доходы и, следовательно, материальную независимость. Подробнее об истории создания «Современника» см.: Березина В. Г. Из истории «Современника» Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. Т. I. Л., 1856. С. 50—125; Гиллельсон М. И. Пушкинский «Современник» // Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. Приложение к факсимильному изданию. М., 1987. С. 3—39.

³ Первое заграничное путешествие С. А. Соболевский совершил в 1828—1833 гг., побывал в Варшаве, Вене, Мюнхене, Венеции, Болонье, Флоренции, Риме, Неаполе, Генуе, Лионе, Париже, Лондоне и других городах; большую часть времени из этих пяти лет провел в Италии. Возвращение его во многом объяснялось материальными затруднениями: на помощь отца, А. Н. Соймонова, рассчитывать не приходилось, наследство же матери, А. И. Лобковой, после ее смерти в 1827 г. Соболевский не получил, так как на него не было составлено формального завещания. По возвращении Соболевскому пришлось заняться делами основанной им вместе с И. С. Мальцевым в 1827 г. Ново-Самсониевской мануфактуры. Поправив свое материальное положение доходами с мануфактуры и выиграв в суде дело о наследстве матери, С. А. Соболевский снова собрался за границу и уехал 8 августа 1836 г. Известие о смерти Пушкина он получил в Париже. С. А. Соболевский, действительно, очень хотел побывать в Испании, но смог осуществить свое желание только в 1849 г. Он написал специальную работу об испанских библиотеках; она не утратила своего значения до сих пор и в 1951 г. была переиздана в Испании. С. А. Соболевский славился своими шутивными стихотворениями, блестяще владел стихосложением, но не

относился серьезно к своим поэтическим занятиям, не записывал и не печатал. Упомянутое О. С. Павлищевой «его стихотворное путешествие в Италию», видимо, до нас не дошло. Подробнее о С. А. Соболевском см.: Соболевский С. А. Эпиграммы и экспромпты. Под ред. В. В. Каллаша. М., 1912; Виноградов А. К. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928; Кунин В. В. Библиофилы пушкинской поры. М., 1979.

⁴ Планы поездки в Россию Оноре де Бальзак строил с начала 1830-х гг. Л. Гроссман, специально изучавший этот вопрос, писал, что «слухи о намерении Бальзака посетить Россию распространились в русском обществе уже в середине 30-х годов» (Гроссман Л. Бальзак и Россия // ЛН. Т. 31—32. С. 149—373). В действительности

впервые приехать в Россию Бальзаку удалось лишь в 1843 г.

⁵ Вульф А. Н.

⁶ Вульф Н. Г.

⁷ Трувеллер Василий Иванович, муж покойной Анны Ивановны (Netty), урожд. Вульф.

⁸ Вульф А. Н. в 1833 г. вышел в отставку с чином штаб-ротмистра и жил в своем поместье Малинники Тверской губ.

⁹ Речь идет, видимо, о маскированном бале в Дворянском собрании, входившем в «число определенных в течение года шести балов, на который и имеют приезд как члены постоянные, так и члены — посетители балов по их обыкновенным годовым билетам» («Северная пчела», № 10 от 14 января 1836 г.).

56

*Полночь, 18 [февраля] 1836 г.
Петербург*

Вы более разумны нежели я, дорогой друг, и, надеюсь, не очень были обеспокоены, не получив от меня известий в тот день, когда их ожидали. Прошлую неделю я говела; в пятницу вечером после исповеди я изнемогала от усталости; вместо того чтобы писать к вам, я без чувств бросилась в постель, а в субботу утром мне было и того хуже. Я причащалась, это доставило удовольствие матери, и признаюсь вам, что только ради нее я пошла на эту муку. Впрочем, я отделалась лишь ломотой во всем теле, да еще на двадцать рублей меньше стало в моем кошельке. Зато на масленице я оказалась на танцевальном вечере у Симанской, а потом на чудесном пикнике, который устраивали Политковские ², за городом, само собой, на фарфоровом заводе. Мы завтракали там, обедали, танцевали весь день до одиннадцати вечера, — прелестная музыка, превосходное мороженое от Резанова ³ и проч. У каждой из нас был свой кавалер для поездки туда и обратно. Меня сопровождал обратно Волков ⁴, все было честь по чести, как вы можете себе представить, но полагаю, что все эти подробности вас не занимают. В последний раз я отправила вам такое длинное письмо, о стольких вещах и людях в нем написала, в том числе о ваших былых увлечениях, а ответ ваш был столь коротким, столь лаконичным, что постараюсь на сей раз ответить вам так же. Посему ничего не стану больше писать о пикнике, хотя много о чем могла бы порассказать. Скажу только, что у Симанских видела Мишеля Яковлева ⁵, который мне сообщил, что у Дурасова ⁶ превосходные дела в Оренбурге — он купил там прекрасный дом и двадцать тысяч десятин земли: продал свое имение в Нижнем, а крестьян перевел в Оренбург.

Кроме Дурасова кому-ли это в голову придет? Кстати, Яковлев утверждает, будто вы присвоили его итальянский словарь, за что он на вас сердит. Сегодня утром был у меня Марков, он уверяет, будто это я виновата, что он вам не отвечал: он-де со дня на день ожидал сюда вас самого; он исправит свою вину на днях. Когда же вы приедете, мой милый друг? Мне очень неприятно сообщать вам это, но вам уже нельзя будет квартировать у Княжнина: ⁷ он отдал дом внаем, а сам переселился в одну комнату, Бог знает где и в каком квартале; Марков живет так далеко, и потом, по правде говоря, я бы не хотела и очень была бы огорчена, если бы вы поселились у него, ибо предвижу, что вместо того, чтобы быть со мной, вы только и будете там играть — то на гитаре, то в карты — особенно в карты. У нас на Сергиевской есть меблированная гостиница, думаю, недорогая. Если вам это не подходит, я советовала бы вам устроить так, чтобы приехать вместе с его светлостью ⁸. У вас было бы тогда и даровое жилье, и даровой стол, не так ли?

Нынче именины Лёли. Вот кто был счастливее всех — получал игрушки со всех сторон и принял ванну, как в былые времена; я не каждый день разрешаю ему это по очень серьезным причинам, ради его здоровья: к ваннам слишком привыкают; в случае болезни они уже не будут приносить ему пользу. Гуляет он каждый день — это его укрепляет.

Мама просит передать вам, что Лёля ее лучший врачеватель, что среди всех детей она не знает ни одного, кто был бы так мил и красив, как он! Тут сказывается в ней пристрастие бабушки: вообще он изрядный крикун, плакса и очень подурнел.

Кстати: я уволила Петра ⁹; я не в силах была долее держать его, мягкостью нам с ним было не сладить. Мать выдала ему паспорт тому вот уже месяц, а он все еще не нашел себе места, но я-то от него освободилась, а мне только того и нужно. Жалко денег, которые я ему платила, нечего сказать, *оплошала!* давно бы то сделать надо было!

Прощай, бумага вся вышла. Мама выздоравливает очень медленно, здоровье ее часто вызывает у меня большую тревогу. Нынче приглашена я на вечер и большой бал к г-же Симанской и долго не могла решить, идти или нет. Наконец, решила остаться дома и написать к вам, о чем не жалею. Аннет Вульф туда отправилась, а на обратном пути завернула к нам и осталась ночевать, как в прошлый раз. Таким образом, мы с ней повидались. Она тебе кланяется.

Мне пришлось прервать мое письмо, и я целый день не могла найти ни минутки, чтобы продолжить его. Мне кажется, я еще о многом собиралась написать и хотела написать Софиано ¹⁰, чтобы поблагодарить его за те несколько строк, которые он удосужился приписать в вашем письме. Сейчас поздно, и у меня страшно болит голова. Это погода так на меня действует — у нас бесконечные дожди, грязь такая, какой я не видывала много лет. Дело в том, что полиция отвратительная, милейшему Кокошкину ¹¹ мало дела до того, чистят ли улицы, посыпают ли тротуары песком или оставляют мусор. Никогда еще Петербург не был таким грязным; он совершенно напоминает мне Брест Литовский.

Н. И. Павлицев. Акварель А. Покровского. 1843 г.

Александр завтра отправляется в Москву вместе с Иваном Гончаровым¹², который просит напомнить вам о себе и передать, что очень вас любит. Александр едет всего на две недели, по литературным делам. Кстати, дорогой друг, мне кажется, что вы просили только 25 экземпляров вашего «Брамбеуса»¹³, во всяком случае, захватите их с собой.

Журнал Александра будет наподобие «*Quarterly Review*»*¹⁴, то есть всего четыре выпуска в год, но я думаю, что только литературный. Не знаю, поручусь ли я, что стану его читать, честно говоря, я более чем когда-либо терпеть не могу русские книги, у меня к ним решительное отвращение, особенно после того, как прочла столь расхваленный всеми роман Лажечникова «*Ледяной дом*». Хвалят новый роман «*Скопин-Шуйский*» м-ль Шишковой — фрейлины двора!!!¹⁵ Воображаю, как это должно быть прекрасно!!! Что до стихов, они наводят на меня смертную тоску; я не могу заставить себя прочесть дюжину строк. Не подумайте, однако, чтобы я совсем не читала; наоборот, несколько книг сразу, но конечно по-французски и по-английски даже; сейчас читаю «*Принцессу*» леди Морган¹⁶ — политический роман о бельгийской революции, вы, может быть, знаете его. Это интересно, потому что я не имела понятия ни о Голландии, ни о Бельгии; правда, я часто зеваю, но все равно закончу его непременно. Матери читаю вслух одно сочинение Рикарда¹⁷, в том же роде, что и ваш любезный Кок¹⁸, только не столь откровенно смешное, — и потом, я не люблю этот жанр. Окончила «*Вечера Людовика XVIII*» — интересные, но больше всего мне понравился «*Горошковый цвет*» Бальзака (который, кстати, я полагаю, не придет) и «*Лилия в долине*»¹⁹. Поверьте, это в сто тысяч раз лучше, чем ваше «*Ни всегда ни никогда*»²⁰, но у нас с вами такие разные вкусы! Сама не знаю, к чему я пишу вам об этом, того и гляди, внушу вам желание прочесть эти книги! Держу пари, что вам они наскучат.

Как это вы не спрашиваете меня никаких подробностей о катастрофе — пожаре в балагане²¹? Это было просто ужасно! Вы знаете, что такое балаган и сколько он может вместить в себя народа. Так вот, он был полон, никого больше не впускали. Начался пожар. Леман крикнул: «*Горим*», это сочли за мистификацию; он поднял занавес — вся сцена была объята пламенем, и через четверть часа все было кончено. Трудно даже вообразить себе этот ужас; те, кому удалось спастись от пламени, задохнулись в дыму. Брат сестер Ми, brave генерал, помчался туда, и зрелище это вызвало у него слезы. Тем не менее в тот же день дворянством был устроен в Собрании бал. Собрано было 10 000 рублей в пользу раненых; это служит каким-то оправданием тем, кто там веселился²². В Москве у брата Лемана тоже случился пожар. Не иначе как это дело рук недоброжелателей или завистников. Там было не так страшно: сожженный барак был по крайней мере пустым. Леман пожертвовал, если не ошибаюсь, 100 000, а народ полон ненависти к нему, как будто это он во всем виноват. Говорят, это случилось по недосмотру ламповщика, но мне все же сдается, как я уже сказала, что это умышленно — пожар в Москве,

* «Квартальное обозрение» (англ.).

а затем в цирке, который тоже чуть было не сгорел в первую неделю Масляной, во время представления, которое давал там Леман.

Перо мое отвратительно, бумага промокает; сейчас уже за полночь, головная боль у меня все усиливается, а свеча вот-вот погаснет.

Прощайте, дорогой и добрый друг. В самом ли деле Франковский собирается написать мне или то было лишь благое намерение?

¹ В оригинале письмо датируется 18 января; при публикации в Псв. (вып. 23—24) Л. Н. Павлищев исправил датировку на основании содержания: день его именин (о которых говорит О. С. Павлищева) — 18 февраля — день св. Льва Великого.

² Политковские Е. А. и А. Н.

³ Известный в то время петербургский кондитер (см.: Псв. Вып. 23—24. С. 213); «резановское мороженое» упоминается в «Египетских ночах» А. С. Пушкина.

⁴ Волков А. Ф.

⁵ Яковлев Михаил Лукьянович — лицейский товарищ А. С. Пушкина, знакомый Павлищевых по кружку А. А. Дельвига.

⁶ Дурасов Н. Н.

⁷ Княжнин В. А.

⁸ Граф И. Ф. Паскевич-Эриванский, светлейший князь Варшавский.

⁹ Калашников П. М., крепостной Пушкиных, в услужении у Павлищевых.

¹⁰ Софиано П. Х.

¹¹ Кокошкин С. А., петербургский обер-полицейстер.

¹² Гончаров Иван Николаевич (22 V 1810—19 XI 1881) — брат Н. Н. Пушкиной, поручик л.-гв. Гусарского полка, впоследствии генерал-майор. Поездка А. С. Пушкина в Москву состоялась позже.

¹³ Оттиски статьи Н. И. Павлищева «Брамбус и юная словесность», напечатанной в журнале «Московский наблюдатель».

¹⁴ Аналогия «Современника» с «Quarterly Review» восходит к замыслам самого Пушкина — см., например, его черновое письмо к А. Х. Бенкендорфу, написанное около (не позднее) 11 апреля 1835 г.

¹⁵ О. С. Павлищева ошиблась в фамилии — речь идет об Олимпиаде Петровне Шишкиной (1791—1854) — фрейлине, родственнице и хоро-

шей знакомой Д. Н. Блудова, писательнице; в 1835 г. она выпустила свой первый исторический роман «Князь Скопин-Шуйский, или Междуцарствие в России» (в 4-х частях; СПб., 1835), получивший благожелательные отзывы П. А. Плетнева и В. А. Жуковского (РБС. Т. 15 «Шебанов—Шютц»).

¹⁶ Леди Сидни Морган (Sydney Morgan) (1783—1859) — ирландская романистка. О. С. Павлищева могла читать и французский перевод романа «La Princesse» (3 vol. Paris, 1834). Бельгийская революция 1830 г. и освобождение от голландского владычества привлекли к Бельгии всеобщий интерес, чем во многом и была обусловлена популярность романа.

¹⁷ Имеется в виду Огюст Рикар (Ricard) (1799—1841) — французский писатель, автор множества бульварных романов из жизни «третьего сословия»; выпускал в год до трех романов.

¹⁸ Кок (Kock) Шарль Поль де (1794—1871) — чрезвычайно популярный в то время французский писатель, автор множества романов для легкого чтения; в начале XX в. было выпущено Собрание его сочинений в 299-ти т.

¹⁹ Произведения О. де Бальзака «Горошковый цвет» («La fleur de pois») и «Лилия в долине» («Lys dans la vallee»). Любопытно, что «Лилия в долине» появилась в России раньше, чем в Париже. Редактор парижского журнала «Revue de Paris», в который Бальзак передал для публикации свой новый роман, перепродал, без согласования с автором, первую часть журналу «Revue Etrangère», выходящему в Петербурге. Новинка появилась в октябре 1835 г. с грубейшими искажениями, так как текст печатался по первой корректуре, и только через несколько месяцев — в Париже. Бальзак отказался предоставить продолжение романа и выпустил его отдельным изданием в Париже в июне 1836 г. (это издание было в библиотеке А. С. Пушкина).

* «Парижское обозрение» (фр.).

** «Иностранное обозрение» (фр.).

Шумный судебный процесс, затеянный редактором «Revue de Paris» Бюлозом против Бальзака, привлек к этому роману внимание публики, впрочем, ненадолго.

²⁰ «Ni jamais, ni toujours» — роман Поль де Кока. В 1836 г. переведен на русский язык и вышел в Петербурге под названием «Как знать, что случится»; в следующем году в Москве вышел еще один перевод под другим названием — «Никогда и всегда».

²¹ О. С. Павлицева имеет в виду балаган актера и предпринимателя Христиана Лемана, который «до прибытия в Россию в 1818 году <...> выступал в парижских предместьях, где сформировался определенный тип постановок — французский вариант пантомим-арлекинад в духе классической комедии масок; эти представления и принесли Леману огромный успех в России» (Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Л., 1988. С. 177). Традиционно балаганы предназначались для простонародья, но после того, как Николай I на масленицу 1830 г. «изволили посетить балаган Лемана» («Северная пчела», № 46 за 1830 г.), к Леману начала чаще пренежнего заезжать великосветская публика. 2 февраля 1836 г., в воскресенье, первый день масленицы, на Адмиралтейской площади начались гулянья, омраченные пожаром, случившимся в большом балагане, принадлежавшем Леману. «Северная пчела» в номере от 4 февраля сообщила подробности: «Это было в начале пятого часа пополудни. <...> Вдруг действующие в пантомиме актеры, одеваясь в отдельной каморке, увидели, что от одной лампы, слишком высоко повешенной, загорелась стропила. Желая заблаговременно предостеречь публику, подняли занавес, чтобы показать ей приближающуюся опасность. В то же мгновение открыты были настежь восемь широких дверей, и все зрители, находившиеся в креслах в первых и вторых местах, выбрались заблаговременно. И остальные могли бы выйти без вреда, если б при том не случилось неизбежной в таком случае суматохи. <...> Таким образом, двери вскоре загромодились, и нельзя было найти выхода. Упавшие задыхались от напора других. Между тем пламя охватило весь балаган; крыша обрушилась и покрывала толпу горящими головнями. Из четырехсот человек, наполнявших балаган, лишились жизни 121 чел. мужеского пола и 5 женщин; всего 126 чел.; десятеро

тяжело ушиблены, но подают надежду к выздоровлению». Далее «Северная пчела» отдает должное оперативности, с которой действовали спасатели: «При первом появлении дыма пожарные команды прискакали одна за другой и употребили все способы к спасению застигнутых пламенем. Им на помощь подоспели команды гвардейских полков, поблизости расположенных, — Конной гвардии, Преображенского, Павлоградского. В одно время с первою пожарною командою Государь Император изволил прибыть на место бедствия и принял в судьбе страждущих истинное родительское участие, распоряжался всеми мерами спасения, и оставил пожарище не прежде того, как было отыскано и вытаскано последнее тело». Скептически оценивали действия по спасению людей современники: «Когда начался пожар и из балагана раздались первые вопли, народ, толпившийся на площади по случаю праздничных дней, бросился к балагану, чтобы разбирать его и освобождать людей. Вдруг является полиция, разгоняет народ и запрещает что бы то ни было предпринимать до прибытия пожарных, ибо последним принадлежит официальное право тушить пожары. Народ наш, привыкший к беспрекословному повинновению, отхлынул от балагана, стал в почтительном расстоянии и сделался спокойным зрителем страшного зрелища. Пожарная же команда поспела как раз вовремя к тому только, чтобы вытаскивать крючками обгорелые трупы. Было, однако ж, небольшое исключение: несколько смельчаков не послушались полиции, кинулись к балагану, занесли несколько досок и спасли трех или четырех людей. Но их быстро оттеснили. Зато «Северная пчела», извещая публику о пожаре, объявила, что все люди горели в удивительном порядке и что при этом все надлежащие меры были соблюдены. Государь, говорят, сердился, что дали стольким погибнуть, но это никого не вернуло к жизни» (Никитенко. Дневник. Т. I, 181). После этой трагедии правительство приняло меры для предотвращения подобных пожаров — об этом см.: Дмитриев Ю. Цирк в России от истоков до 1917 года. М., 1977. С. 111.

²² На балу в Дворянском собрании в пользу пострадавших и сирот было собрано «10 360 рублей ассигнациями, семь полумпериалов и семь рублей серебром» («Северная пчела», № 31 от 10 февраля 1836 г.). Был также образован Комитет для организации помощи пострадавшим.

28 февраля 1836 [Петербург]

Когда же все-таки, дорогой друг, прикажете ждать вашего приезда? Или спекулятивная идея Княжнина сдать дом внаем понудит вас отложить свой отъезд до отъезда генерала и вы постараетесь отправиться в его свите, как я вам советовала? Решили ли вы последовать моему совету? Мне не терпится это узнать. Если бы вы по крайней мере могли продлить свое пребывание здесь до мая месяца! Что до меня, то я не решаюсь строить никаких планов, здоровье матери так скверно, что, пока не станет ей заметно лучше, я ни за что на свете ее не оставляю: это убило бы ее, и, кроме того, она желает видеть вас, она говорила об этом с г-жой Яковлевой¹, и в самом деле она вас, судя по всему, очень любит; она всегда говорит о вас с живейшим интересом; а вот отец ни словечка о вас не промолвит. Мне кажется, тому виной некая фраза в одном из ваших писем, по поводу которой он жаловался г-же Осиповой; кстати, Аннет Вульф передает вам тысячу любезностей; она все так же моргает и щурит глаза, но растолстела до невозможности: тело ее состоит из трех шаров: голова вместе с шеей, потом плечи и грудь, а затем зад вкупе с животом. Но при этом она все та же хохотушка, так же остроумна и добродушна. Брат² ее сейчас в Москве по денежным делам; как только их закончит, он приедет сюда, чему я очень рада. Керн больше не встречаю, она живет теперь так далеко от нас! Говорят, она в отчаянии — приехал ее муж³ с намерением забрать дочь⁴, которая вскоре выходит из Смольного; она надеялась, что ее возьмут ко двору. Кстати, я в восторге, что м-ль Погодина выходит замуж; жаль только, что за Петрова⁵, который точно князь Слюняй («заеешь ты сама»)⁶. И все же это лучше, чем жить под опекой глупого и смешного отца. Вы пишете мне о м-ль Стороженко⁷ и о м-ль Фурман⁸, называя их красавицами; это удивляет меня: первая была похожа на крысенок, напившегося уксуса, другая была такой мертвенно-бледной, такой неуклюжей, и хотя бы намек на благородство в чертах; впрочем, последняя с тех пор могла и похорошеть, но другой, должно быть, уже лет двадцать, поскольку воспитывалась она в Институте и уже два года как оттуда вышла.

Почему ничего не пишете вы мне о г-же Безак⁹ и г-же Скимунтовой? Что до наших здешних знакомых, то я редко их вижу: меня удерживает дома болезнь мамá и разные другие менее важные причины, да и *supro tutto** мне лень одеваться и выезжать. Впрочем, я с удовольствием повидала Клупфелей¹⁰, у них бывают четверги, говорят прелестные; я им обещала побывать на них, но обещания своего пока не выполнила. Батурины¹¹ уехали, как и г-жа Яковлева,— последней мне действительно очень не хватает. Зато на днях мне на голову свалилась Фрейганг¹²: она частенько меня навещает. Ее сестрица (Гарлинская) удалилась в свое имение в «Киёви». Она мне больше не пишет, да Бог с ней. У меня, благодарение Богу, счастливая способность немедленно разлюбливать тех, кто забывает меня или делает вид, что забыл. Слава Богу, хотя умри, не вздохну.

* сверж того (итал.).

Лёля и в самом деле становится очень мил, он сообразительнее, чем другие в его возрасте, все это находят; говорит много слов, но слишком слаб и не может долго стоять на ножках; у него решительная страсть к коровам, можно просто умереть со смеху, стоит ему их увидеть, как он весь краснеет от удовольствия; из всех его игрушек самые его любимые — три коровки, с самой маленькой из них он никогда не расстается, с ней засыпает, а если на минуту забудет о ней и вдруг вспомнит, поднимает громкий рев и целует ее и гладит и только о ней и говорит. Ждет вас и говорит: «Папá! Мой У!» — то есть что вы привезете ему еще корову — очень большую. Но этот малыш — источник постоянной моей тревоги, у меня рождается столько страшных мыслей, глядя на него, что я заливаюсь горькими слезами; мне все время кажется, что я потеряю это дитя, а когда я стараюсь смириться с этой мыслью, я говорю себе: «Да нет же, он будет жить, чтобы быть мучением моей жизни, или же он умрет тогда, когда я буду уже по-настоящему обожать его». Я чувствую, что буду обожать его, боготворить! И потом эта вздувшаяся жилка на носике, которая не проходит, так что иногда мóчи нет. От этого я теряю сон и аппетит, поэтому я исхудала так, что все только и делают, что ахают по поводу моей худобы, но, впрочем, чувствую я себя хорошо. Много хожу пешком, мне это идет на пользу.

Не может быть, чтобы Жомини уже приехал; я знала бы, где он поселился.

¹ Яковлева П. И.

² Вульф Алексей Николаевич.

³ Керн Ермолай Федорович (1765—8 II 1841) — генерал-лейтенант, с 1817 г. муж А. П. Керн. Супруги жили недружно и в начале 1826 г. окончательно разъехались.

⁴ Керн Екатерина Ермолаевна (1818—6 II 1904), выпущена из Смольного института в 1836 г.; впоследствии (с 1852 г.) замужем за юристом М. О. Шкоальским.

⁵ См. выше письмо 27 и комментарий.

⁶ Князь Слюняй — персонаж «шутро-трагедии» И. А. Крылова «Поддипа» («Трумф»), при жизни автора не изданной и не поставленной на сцене, но дошедшей до нас в большом количестве списков, что свидетельствует о ее популярности. Князь Слюняй — щеголь, который в русской сатирической литературе конца XVIII в. наделялся более или менее устойчивыми признаками: страстью к сверхмодной одежде и различным безделушкам, особым «щегольским» жаргоном («утонченность» языка, как правило, передавалась заменой шипящих на свистящие, «ч» на «ц» и т. п.), изнеженностью, слабоволием и т. п. (по В. И. Дало, «слюняй» — человек, «у которого слюна течет изо рта», то же, что и

«слюнтяй», в том числе и в переносном смысле). Фраза «Заешься ты сама» (в современных изданиях пьесы: «Заезься-ка сама» — то есть «Зарежься-ка сама») произносится Слюняем в тот момент, когда его возлюбленная Поддипа предлагает покончить жизнь самоубийством, чтобы не допустить грозящей им разлуки.

⁷ Дочь А. Я. Стороженко, служившего в то время в Варшаве.

⁸ Дочь Р. Ф. и С. С. Фурман.

⁹ Безак Любовь Ивановна, урожд. Меркалова, — жена Александра Павловича Безака (1801—30 XII 1868), тогда артиллерии полковника, впоследствии генерал-адъютанта, генерала от артиллерии, оренбургского и киевского генерал-губернатора. А. П. Безак был товарищем Н. И. Павлицева по Пансиону, откуда оба вышли в 1819 г. с серебряными медалями (РБС. Т. 2 «Алексинский — Бестужев-Рюмин»; Голицын Н. С. Благородный пансион Императорского Царскосельского лицея. С. 59).

¹⁰ Клуфель Владислав Филиппович (1796—22 VIII 1885) — командир л.-гв. Кирасирского полка, генерал-майор; впоследствии генерал-адъютант, генерал от кавалерии; его жена Анна Васильевна, мать и сестры — ревельские знако-

мые Пушкиных (РБС. Т. 5 «Ибак — Ключарев»; см. также т. 1 наст. изд.).

¹¹ Батурины С. Г. и М. И.

¹² Г-жа Фрейганг, урожд. Ушакова, по пред-

положению Л. Л. Слонимской — жена либо А. И. Фрейганга, цензора, либо его брата П. И. Фрейганга, жандармского генерала (см. т. 1 наст. изд.).

58

11 марта [1836 г. Петербург]

Матери очень плохо; может быть, ей осталось жить всего несколько дней. Когда вы получите это письмо, ее, быть может, уже не будет. Врач сказал мне, что на этой неделе все может быть кончено ¹.

Она еще в сознании, улыбается Лёле, но это — мертвец, ничего не могло ее спасти. Она обречена была еще с этой осени; все то время, что она продолжала жить, было лишь долгой агонией. Я видела, что надежды больше нет, но думала, что она сможет еще протянуть год-другой. Врач говорит, что ее источила печаль. Отчаяние отца тревожит меня сверх всякой меры: он не в состоянии сдерживаться, громко рыдает подле нее — это ее пугает, заставляет волноваться. Я попыталась ему это сказать — он раскричался на меня, забывая, что я теряю мать. Право, не знаю, как мне быть. Александр появляется ненадолго, как и остальные; я с ней совершенно одна; г-жа Тимофеева ² тоже не может больше оставаться с ней при всем своем желании, она только что потеряла свою сестру Воронцову, Катерину ³.

Если бы я имела хотя бы счастье быть рядом с вами. Бог знает, что творится в доме! Слуги обнаглели! Просто разбойники — никакого усердия, ни единой слезинки, а между тем мамá была к ним всегда так добра; все дело в том, что они ждут каких-нибудь перемен — им по душе любая перемена; нянька мальчика — Наталья без конца дерзит мне, я давно бы уже ее выгнала, но малыш так привязан к ней, что он от этого захворает: у него идут передние зубки, это бы его убило! Сколько слез я из-за нее пролила. — Я плачу жалование *кудрявому*, чтобы он по крайней мере выполнял мои поручения и относил на почту мои письма.

Счастье еще, что Александр не уехал, как собирався, — его испугали дурные дороги ⁴. Увижу ли я вас хотя бы к праздникам ⁵? Заезжайте теперь прямо к нам. Отец теперь совсем не говорит о вас, но это все равно. Насчет его будущего я спокойна: он, без сомнения, поедет жить к тетушке ⁶. Это было их общее желание, его и мамá; она надеялась выздороветь и переехать жить в Москву. Сама не знаю, что пишу вам, дорогой мой, рука дрожит, мне нет покоя ни днем, ни ночью, каждую минуту я жду ее кончины; она говорит со мной, все время хочет видеть меня и Лёлю — она так терпелива! Надеюсь, что смерть по крайней мере будет покойной; душа ее отяжелела от страданий.

Прощайте, дорогой! Завтра жду вашего письма.

Н. О. Пушкина. Рисунок К. де Местра. 1810-е гг.

¹ «Это письмо было последним перед кончиной Надежды Осиповны Пушкиной, которая скончалась 29-го марта того же 1836 года, во время Великой Заутрени первого дня Пасхи; приехавший тогда из Варшавы зять ее Н. И. Павлищев не застал уже ее в живых» (Псв. Вып. 23—24. С. 220). Н. О. Пушкина была погребена на кладбище Святогорского монастыря 13 апреля 1836 г.

² Тимофеева П. А., урожд. Воронцова.

³ Графиня Воронцова Екатерина Артемьевна (1780—1836) — см.: Долгоруков П. Российская родословная книга. Т. 2. С. 107.

⁴ Александр Сергеевич Пушкин собирался поехать в Москву.

⁵ То есть к Пасхе.

⁶ Сонцова Елизавета Львовна, сестра С. Л. Пушкина.

*ПИСЬМА
ОЛЬГИ СЕРГЕЕВНЫ
И НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА
ПАВЛИЩЕВЫХ
К СЕРГЕЮ ЛЬВОВИЧУ
ПУШКИНУ*

1836—1837

Спустя три месяца после смерти жены, 1 июля 1836 года, Сергей Львович переехал в Москву и поселился в семье своей сестры Елизаветы Львовны Сонцовой. С нею и с ее мужем, Матвеем Михайловичем Сонцовым, он был дружен издавна.

Павлищевы еще раньше, в июне, отправились в Михайловское, а оттуда в середине сентября — в Варшаву. Варшавой помечена большая часть их писем Сергею Львовичу 1836—1837 годов.

Александр Сергеевич, проведя лето 1836 года с семьей на Каменном острове, 12 сентября снял квартиру в доме княгини С. Г. Волконской на набережной Мойки. Это была его последняя квартира — здесь 29 января 1837 года он скончался.

Лев Сергеевич с 1836 года и до отставки в 1842 году служил на Кавказе.

59 Н. И. Павлищев:

Михайловское, 18 июля 1836.

Вот уже пять недель как мы в Михайловском¹. Ольга писала к вам отсюда, любезнейший батюшка, и я удивляюсь, почему вы не получили ее письма. Оно было вложено в моем конверте к Александру Сергеевичу: не запоздал ли он вручить вам это письмо, когда вы были еще в Петербурге?² А может быть, и почта виновата. Теперь, когда вы отделились от Петербурга слишком за тысячу верст³, я воображаю, как долго будут ходить наши письма. К тому же, я не могу требовать от барона Вревского и не ожидаю, чтобы письма наши всегда исправно принимались на Островской почте⁴. Вот, по-моему, одна из главных невыгод деревенской жизни.

Я ехал сюда на покой и с полным предубеждением в пользу управителя ⁵. Но вышло иначе. Надо вам знать, что А.<лександр> С.<ергеевич> просил меня заглянуть здесь в хозяйство. На досуге я принялся рассматривать приходо-расходные книги г. Рингеля и, к сожалению, открыл в них большие плутни. Вот результат моей проверки, основанный на неопровержимых доводах. Я буду говорить об одном 1835 годе, когда вас здесь не было.

1) Ржи, овса, ячменя и гречи оказалось, против бирок замолотчика, в недостатке до 30 четвертей, что по прошлогодним ценам составит до 660 рублей.

2) Сена в течение 10-ти зимних месяцев, на корм 50-ти коров и 35-ти овец, истравлено 8695 пудов,— количество достаточное для прокормления круглый год кавалерийского эскадрона!.. Между тем коровы, по всем справкам, не видали сена больше двух возов, а овцы больше двух недель: в доказательство чего истреблена вся яровая и ржаная солома двух лет,— а скот в самом жалком теле. Украдено на худой конец 3 т пудов, что по самой низкой цене (я полагаю по 30 коп., а управитель еще прикупил сена 20 пудов по 80 копеек!..) даст 900 рублей.

3) Масла от 20 дойных коров выведено в приходе 7 пудов. Теперь, при мне, от 16 коров сбито в 4 недели масла 2 пуда, что даст в год 26 пудов; следовательно украдено до 20 пудов, ценою на 300 рублей.

4) Льну (не говоря об утаенном) продано 3 берковца ⁶ по 25 руб!.. Было время, что лен продавался и по 120; в прошлом году от избыточной цены упали, но и тут наши крестьяне продали свой по 65 и по 75 р., а г. Рингель сбыв за 25!.. Украдено 150 рублей.

5) На корм 40 птиц с приплодом израсходовано ржи и ячменя слишком 10 четвертей — ценою на 224 рубля, тогда как они не стоят больше 60 р., по ценам самого управителя. Нужно всего 6 четв.,— украдено 88 руб.

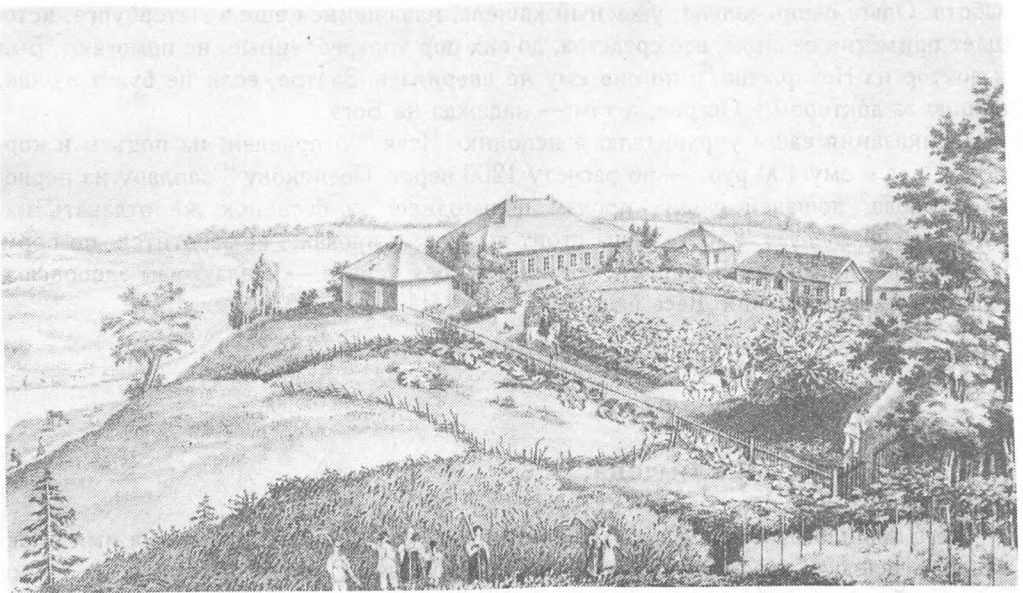
Не стану разбирать каждой статьи. От поверки составились у меня толстые отчетные ведомости. Довольно прибавить, что холста и пряжи недостает ровно половины; — что лес, особенно на Земиной горе, вырублен просеками, что караул в лесу снят более года и восстановлен уже мною, после случившейся порубки у самой часовни; что дворня оборвана, получая от управителя только по 5 ф. льну на душу; что птичья развалилась, тогда как барщинники делали для г. Рингеля дрожжи и т.п. Словом, управитель украл в 1835 г. до 2500 р. да убытку сделал на столько же.

Что он украл так много — это из рук вон; а что он должен был украсть, это объясняется тем, что ему для прокормления себя, жены и пятерых детей нужно по крайней мере (применяясь к месячине) 1000 рублей. Вывести эти деньги в расходе он не смел, а утаив их, запутался в книгах и обнаружил все свои плутовства.

После этого я не мог уже считать его доверенным лицом: сообразив притом что амбары пусты, что сена и соломы ни клока; что картофеля и круп ни зерна; что поэтому придется кому-нибудь из нас голодать; что тощим скотом и голодными птицами сумеет управлять и всякая баба,— я ему откланялся. Он был так озадачен, что молчал и только вымолвил: «батюшка не погубите», т. е. не разглашайте. Из уважения к его семейному положению, я дал ему аттестат, с которым он может снова других обкрадывать. Без него я успел уже землю, которая ходила в 75 р., отдать внаймы за 95, а другую, ходившую в 175, за 300. Хозяйство, благодаря Бога,

идет своим порядком. Управлять здесь может и староста — задача, которую в праве решить будущий владелец Михайловского.

Я зову сюда Алек.<сандра> С.<ергеевича>, чтобы кончить раздел ⁷. Он предлагал в Петербурге 500 руб. за душу, т. е. 40 т.<ысяч> за все имение, считая в нем только 700 десятин земли. Но дело в том, что здесь земли без малого 2000 десятин;

Сельцо Михайловское. Литография по рисунку И. Иванова. 1838 г.

что лесу, сенных покосов, рыбы и других угодьев вдоволь; что мыза с садом и строениями не безделица; что имение, при самом дурном наемном управлении, по 10-ти-летней сложности, дает до 3500 р. дохода. Поэтому имение стоит по меньшей мере 75 т.<ысяч>. Уступку можно сделать; но только А.<лександр> С.<ергеевич>, и так никак не ниже 64 т.<ысяч>, т. е. 800 р. за душу ⁸. Таким образом на законную часть Ольги, включая и вашу седьмую, придется не 8 т.<ысяч> (как рассчитывал А.<лександр> С.<ергеевич>), а 13 т.<ысяч> — капитал, составляющий все наше достояние, — залог существования нашего сына, в случае моей смерти, или удаления от службы по каким-нибудь непредвиденным причинам. Надо же сказать, что все мои способы заключаются в месте, которого я могу лишиться по первой прихоти начальства ⁹. Конечно, 13 т.<ысяч> не велики деньги (например, для А.<лександра> С.<ергеевича>, который за одну квартиру платит столько, сколько я получаю жалованья); но в моем положении они составляют кусок хлеба на черный день. При том, соблюдая пользу Ольги, я сохраняю выгоды и

Льва Сергеевича, который прислал мне от себя доверенность¹⁰: он верно скажет спасибо, если вместо 15 т. <ысяч> получит по моей оценке 25 т. <ысяч>.

Так или иначе кончится раздел,— я все однакож не вижу, как мы отсюда выедем. У меня нет ни гроша, и занять негде. В Варшаве, в подобном случае, помог мне брат мой¹¹, прислав заимообразно 2 т. <ысячи> р., которыми я и зажал рот некоторым кредиторам; но вторично просить его не смею и не должен, тем более, что он сам нуждается, будучи отцом семейства. Словом, я не вижу впереди ничего хорошего. В конце августа, или в начале сентября, я должен быть в Варшаве; в случае просрочки могу отвечать и даже полатиться местом. Чему быть, тому не миновать, а мне пособить нечем. К этому присоединилась у меня другая тяжкая забота. Ольга очень больна; ужасный кашель, начавшийся еще в Петербурге, истощает приметно ее силы; все средства, до сих пор употребленные, не помогают. Был и доктор из Новоржева¹²; но она ему не вверилась. Завтра, если не будет лучше, пошлю за доктором в Остров, а там — надежда на Бога.

Приказания ваши управителю я исполню. Исак¹³ отправлен: на подъем и кормовые дал я ему 100 руб. — по расчету 1200 верст. Познякову¹⁴ заплачу из первого прихода; лошадей ваших продажам повыгоднее; за бесценнок же отдавать их, кажется, не следует. Карета ваша стоит в сарае; о продаже ее заботится, по поручению вашему, барон Вревский, и кажется, без успеха.— Желая вам здоровья и душевного спокойствия. Весь ваш Н. П. *

О. С. Павлищева:

28-го прошлого месяца я послала вам письмо, вложенное в письмо на имя Александра. Надеюсь, дорогой папá, что вы его получили. С моего приезда я все время хвораю, была только один раз в саду, в конце июня, и с тех пор не схожу с дивана — ежедневная лихорадка осложнилась ужасным кашлем, от которого я до сих пор не могу отделаться. Врач из Опочки прислал мне мушку¹⁵, я ее приложила, но не чувствую облегчения. Боюсь принимать внутренние лекарства, за исключением известных трав. Другой доктор приехал из Новоржева, по рекомендации добрейших Тимофеевых¹⁶. Он привез какой-то совершенно невинный порошок, который мне не помогает. Зато Лёля, слава Богу, здоров, у него прорезываются зубки, но он не очень страдает.

Ни одной из Тимофеевых я не видела. Аграфена Петровна¹⁷ опасно больна, Марья Петровна писала мне, что они потеряли всякую надежду на ее выздоровление. Анна Николаевна¹⁸ в Петербурге, она не уезжала дальше Царского Села. Прощайте, дорогой папá, в следующий раз, надеюсь, напишу вам больше. Нежно целую кузин и шлю привет тетушке и дяде¹⁹. Г-жа Осипова рекомендовала мне островского доктора: если через два дня мне не станет лучше, придется, пожалуй, к нему обратиться.

* Письмо написано по-русски.

¹ Павлицевы переехали из Петербурга в Михайловское в середине июня и провели там все лето.

² Письмо О. С. Павлицевой к отцу от 28 июня было получено А. С. Пушкиным уже после отъезда Сергея Львовича (1 июля) в Москву. Он собирался поселиться в семье своей младшей сестры Е. Л. Сонцовой. Кроме того, С. Л. Пушкин хотел съездить в свои нижегородские имения. А. С. Пушкин, не зная, где находится отец, не мог своевременно переслать ему письмо (см. письмо А. С. Пушкина к Н. И. Павлицеву, с. 225 наст. тома).

³ Н. И. Павлицев предполагал, что С. Л. Пушкин в это время был в Коровине, имении Сонцовых в Рязанской губ.

⁴ Во все время своего пребывания в Михайловском Павлицевы отправляли и получали почту через барона Б. А. Вревского в Острове.

⁵ Рингель — немец, управитель в Михайловском.

⁶ Бёрковец (барковец) — 10 пудов.

⁷ После смерти Н. О. Пушкиной ее родовое поместье Михайловское предназначалось к разделу: 1/7 часть должна была отойти к С. Л. Пушкину, 1/14 — к О. С. Павлицевой; оставшаяся часть должна была быть поделена поровну между А. С. и Л. С. Пушкиными. С. Л. Пушкин свою часть наследства уступил дочери. А. С. Пушкин не хотел дробить имение матери и предложил брату и сестре выплатить им их долю деньгами.

⁸ Оценка Н. И. Павлицева была сильно завышена (ср.: в 1842 г. Опека выкупила для вдовы и детей Пушкина доли Л. С. Пушкина и О. С. Павлицевой — по 425 руб. за душу). Условия Н. И. Павлицева превышали возможности А. С. Пушкина, и он был вынужден дать согласие на продажу имения «в чужие руки», однако покупателя не нашлось. На другие свои предложения (например, уступить ему Михайловское в счет будущей доли О. С. Павлицевой в нижегородских поместьях) Н. И. Павлицев не получил согласия Пушкина. В 1842 г. Михайловское было выкуплено Опекой для семьи Пушкина. Подробнее о предполагавшемся разделе Михайловского см. переписку А. С. Пушкина с Н. И. Павлицевым (Приложен. к наст. изд.); а также: Летописи Государственного Литературного музея. Архив Опеки Пушкина. М., 1939.

⁹ 17 декабря 1834 г. Н. И. Павлицев был утвержден в должности помощника статс-секретаря Государственного Совета Царства Польского; таким образом, он перешел из русской службы в польскую, что значительно ухудшило его материальное положение.

¹⁰ В мае 1836 г. Л. С. Пушкин по просьбе Н. И. Павлицева выслал ему в Петербург доверенность:

«Милостивый государь Николай Иванович.

По смерти моей матери Статской Советницы Надежды Осиповны Пушкиной осталось Псковской Губернии, в Опочечком уезде принадлежавшее ей родовое имение Сельцо Михайловское, которое должно быть, по правам наследства, разделено между мною, старшим братом моим двора Его Императорского Величества камер-юнкером Александром Сергеевичем Пушкиным и родною сестрою моею, а Вашею женою Ольгою Сергеевною, на указанные части. Не имея возможности ехать в Псковскую губернию для раздела сказанного имения и принятия того, что достанется на часть мою во владение, я покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, подавать куда следовать будет вместо меня за Вашим подписом прошения, подписать отдельный акт, принять имение в свое управление и получать собираемые с него доходы: а ежели Вы найдете нужным и выгодным, то можете оное продать, заложить или, если Вам будет угодно, подарить. — В случае сего уполномочиваю Вас выдавать на то имение купчие крепости, закладные и дарственные записи и везде, где нужно будет, вместо меня расписываться; словом: во всем до имения того касающемся действовать точно так, как бы я сам действовал, в чем Вам верю и в том, что Вы посему законно учините, спорить и прекословить не буду.

Имею честь быть с истинным почтением и совершенною преданностью всем покорный слуга Лев Сергеевич сын Пушкин. Отставной капитан и кавалер».

Доверенность была зарегистрирована в Тифлисском уездном суде 5 мая 1836 г. и отправлена Н. И. Павлицеву. Через два месяца Л. С. Пушкин оформил такую же доверенность на имя брата и выслал ее с небольшой запиской: «Вот тебе и доверенность. Закладывается или продается Михайловское — не знаю, да и дела мне до этого нет; были бы деньги, а ты мне их обещаешь. Чего же лучше?» (Академ. Т. XVI, № 1224).

- ¹¹ Павлицев П. И.
¹² Новоржев — ближайший к Михайловскому уездный город Псковской губ.
¹³ Кучер С. Л. Пушкина; был отправлен в Болдино.
¹⁴ Долг Л. С. Пушкина в Новоржеве (200 руб.) — см. письмо Н. И. Павлицева к А. С. Пушкину от 21 августа 1836 г.
¹⁵ В медицине того времени очень активно использовались препараты из «шпанской мухи»

- («мушки»), в виде порошков и нарывных пластырей.
¹⁶ Соседи по Михайловскому.
¹⁷ Вероятно, Аграфена Петровна Тимофеева, сестра Марии Петровны Тимофеевой, о которой говорится ниже.
¹⁸ Вульф А. Н.
¹⁹ М. М. и Е. Л. Сонцовы и их дочери: Екатерина (ум. 4 I 1864) и Ольга (ум. 2 I 1880).

60 О. С. Павлицева:

7 августа [1836 г., Михайловское]

Боюсь, мое последнее письмо встревожило вас, дорогой папá, но теперь, слава Богу, могу написать вам побольше и успокоить вас насчет своего здоровья; оно со дня на день становится лучше, и я уже в состоянии гулять по саду и даже собирать грибы. Но если бы вы только знали, как я хворала! Страшный кашель, каждый день лихорадка, и разлитие желчи — а может быть, это я от болезни пожелтела. Новоржевский лекарь не смог сказать мне, что со мной такое, поэтому я и побоялась принимать порошок, который он привез с собой, врач из Опочки¹ назначил мне на грудь нарывный пластырь, который нисколько не принес мне облегчения. Сам он приехать не мог, поскольку жена его, судя по тому, что он написал, в крайне тяжелом состоянии, так что мне пришлось наобум глотать снадобье, которое он мне прописал. Но так как мне становилось все хуже, я, чтобы успокоить своего мужа, уже решила обратиться к островскому врачу, которого так хвалит Праск<овья> Алек<сандровна>², как вдруг мне пришло в голову спросить у одного крестьянина, нет ли в окрестностях какого-либо *врача-знахаря*. Услышав утвердительный ответ, я тотчас велю его отыскать; он глядит на воду и клянется, что у меня не только *болезнь*, но и *порча*, и принимается шептать что-то над стаканом вина, который дает мне проглотить, ничего не взяв за свой труд, но пообещав, что вернется чрез три дня, в течение которых я должна почувствовать себя лучше, а затем велит, чтобы истоплена была баня; в самом деле, назавтра я уже почувствовала себя лучше и через три дня была в силах пойти в баню, где он пошептал на каменку, на воду и на печь (до того, как я туда вошла, разумеется); после трех его посещений, после трех стаканов вина и трех этих нашептанных бань я почувствовала себя как нельзя лучше, лихорадка совсем меня оставила, и аппетит постепенно ко мне возвращается. Теперь кашель совсем прошел. Нет еще и двух недель, как он пользует меня. Я, правда, чуть было не забыла важную под-

робность — он приносил мне ромашку, которую надобно заваривать в горшке вместе с корнями. Одним словом, он один мне только и помог; он не совсем еще закончил курс лечения и придет сюда еще три раза, чтобы повторить свое невинное леченье. Что ни говори, но я, которая вначале относилась к нему с насмешкой, вынуждена теперь признаться, что он принес мне великое облегчение, мне, которая целыми днями не вставала с постели, а чтобы пройти по комнате, должна была держаться за стены, если меня кто-нибудь не поддерживал. Предположим, что это объясняется действием бани, но ведь без него даже мысль о бане не пришла бы ни мне, ни любому из врачей; но клянусь вам, что нашептывание тоже возымело свое действие. С первого же стакана у меня прошла лихорадка; надеюсь, что уже скоро буду в состоянии дойти до Тригорского³ и ответить на визит Пр<асковьи> Алек<сандровны>, которая часто меня навещает. Я, кажется, уже писала вам, что Анна Ник<олаевна>⁴, поразмыслив, осталась в Петербурге. Евпраксия была у меня на этих днях со своим мужем⁵. Я очень сожалею, что они так далеко от нас. Это соседство доставило бы мне немалое удовольствие. Он добр и услужлив. Вы спрашиваете, вспоминает ли вас Лёля? И еще как! И не только вас: он говорит о Зареме⁶, как вы ее гладили, как она прибежала лизнуть вам руку, и еще о корове, которую вы ему подарили. Он зовет ее не иначе как диди Му. Он становится премиленький, память у него удивительная; он думает, что вы уехали *молиться Богу*. Вы знаете, каким манером он дает понять, чего хочет, и что еще мне очень нравится в нем, он ничего не делает без цели. Когда он пускается бежать, это чтобы его догоняли, если берет грифельную доску, то чтобы изобразить своих *му, папу, маму, деду, няню*. Обожает музыку, различает шесть-семь мелодий, которые муж наигрывает ему, и пляшет русскую, очень смешно машет ручонками и делает коленца на свой лад, так что весь дом сбегается на него любоваться. Знаете ли вы еще, что он вспоминает мамá; когда я говорю ему шут, как она, бывало, называла его, он отвечает баба и показывает, что она спит далеко. Говорит он, впрочем, мало, почти только первые слоги слов, за исключением камень (очень любит булыжники) и пади, которые он выучил с тех пор, как мы здесь. Деревня пошла ему на пользу, он стал сильнее, вырос — между тем погода не всегда хороша, почти все время дожди.

Прощайте, дорогой папá, письмо мое получилось длинным, но я не знаю, сумеете ли вы разобрать его. Чувствую себя немного усталой, но не больной, — голова у меня кружится только когда я долго хожу пешком. Я так рада возможности совершать прогулки, что недостаточно часто отдыхаю по пути. Прощайте, еще раз нежно обнимаю кузин⁷, может быть, напишу Алише, если только никто не помешает и у меня еще достанет на это сил после обеда; если же не напишу, она не обидится и напишет мне, не правда ли? Целую ваши руки, дорогой папá и очень нежно вас обнимаю. Муж передает вам свое почтение. Бедняжки Аграфены Петровны уже нет больше на свете⁸; ее похоронили третьего дня в Святых Горах; муж был на погребении. Дамы обещали приехать ко мне <?>, когда она <?> была больна. Еще одно словечко о Лёле: Праск<овья> Алекс<андров-

на> считает, что он красивее, чем дети Александра. Это признание многого стоит! Может быть, это и правда.

¹ Опочка — уездный город в Псковской губ.

² Осипова П. А.

³ Расстояние между Тригорским и Михайловским около 2 верст.

⁴ Вульф А. Н.

⁵ Барон Б. А. Вревский и его жена Е. Н. Вревская, урожд. Вульф.

⁶ Собака С. Л. Пушкина.

⁷ Сонцовы Е. М. и О. М. («Алиша»).

⁸ См. предыдущее письмо.

61 О. С. Павлицева:

28 августа [1836 г. Михайловское]

Надеюсь, что мое последнее письмо рассеяло ваше беспокойство, дорогой папá. Теперь я раскаиваюсь, что написала вам во время своей болезни; не лучше ли было мне дожидаться моего выздоровления — вы приписали бы мое молчание неаккуратности почты, вот и все! Мне еще тогда приходило это на ум, но так как, приехав сюда больная, я не предвидела, что письмо это до вас не дойдет, я предпочла написать правду. Но теперь-то, ради Бога, перестаньте беспокоиться! Я уже чувствую себя совсем хорошо, а так как погода стоит прекрасная, деревня приносит мне большую пользу. Я была не только у Прасковьи Александровны ¹, но даже у Тимофеевых ². Одно это уже должно убедить вас. И что, без сомнения, доставит вам удовольствие и окончательно вас успокоит, это то, что мне волей-неволей пришлось показаться врачу из Острова, которого неожиданно привез мне муж после испугавшего его обморока, случившегося со мной, впрочем, лишь вследствие одной прогулки, во время которой я недостаточно рассчитала свои силы. Никто не разубедит меня, что вылечил-то меня все же только тот знахарь; это он исцелил меня и от страшного кашля, и от лихорадки, и от разлившейся желчи, думаю, тоже, я ведь была совсем желтой; головокружения и обмороки прошли бы и без помощи ученого Сокольского ³, у которого хватило, впрочем, соображения прописать мне только ванны из трав и ирландского мха ⁴, так что его предписаниям я следую довольно охотно. Он уверяет, что главный мой недуг — расстройство нервов, — как видите, ничего серьезного; мне нужен покой, больше ничего. Кто оттягивает мое выздоровление, так это Лёля, своими криками он часто до того пугает меня, что я целых четверть часа не могу унять дрожь. Нынче ночью он кричал как одержимый, потому что, проснувшись, не нашел на подушке своей коровки. Не знаю, что с ним делать, он становится капризным и своевольным, хотя нельзя не признать, что он очень мил и умен. Вы спрашиваете, вспоминает ли он о вас. — Не только о вас, но и о всем доме. Что ни день он рассказывает, как Деичь бегал на улицу звать полотера, как Па делает чай и проч. Его излюбленное занятие теперь — рисовать коров на песке. У него решительная страсть к коровам. Он нисколько их не боится, кормит из рук, обнимает их и бегает среди стада точно пастух.

Чуть было не забыла поблагодарить вас, милый папá, за подарок, который вы сделали мне, я принимаю его с огромной благодарностью ⁵. Может быть, в то время, как я здесь, найдется покупатель; я очень бы хотела этого.

А. Н. и Е. Н. Вульф. Силуэты. 1820-е гг.

Прощайте, дорогой папá, поцелуйте за меня нежно моих кузин ⁶. Я напишу им в другой раз, сейчас я не успеваю, надо поскорее посылать в Голубово ⁷. Г-жа Осипова, Евпраксия ⁸, Тимофеевы — все эти дамы просят напомнить вам о них. Последние справлялись о вашем адресе ⁹; они были у меня, и я ездила к ним с ответным визитом, но, к сожалению, не застала дома. Это настоящее невезение — проделать 12 верст, чтобы тут же вернуться ни с чем! Они уезжали в Новоржев. Прощайте еще раз, целую ваши руки.

Муж передает чувства искренней своей вам преданности. Кланяюсь тетушке и дяде ¹⁰.

Сад в совершенном порядке, очень чистый, ухоженный.

¹ Осипова П. А.

² В имени Тимофеевых Чухны.

³ Вероятно, Сокольский Василий Иванович — штаб-лекарь, бывший в 1825 г. оператором в Пскове (Письма. Т. I. С. 436).

⁴ Ирландский мох (карраген) — красные водоросли, из которых изготавливают препараты, применяемые в медицине и промышленности.

⁵ Речь идет о части псковского имения, которую С. Л. Пушкин уступил дочери.

⁶ Сонцовы Е. М. и О. М.

⁷ Имение барона Б. А. Вревского.

⁸ Вревская Е. Н.

⁹ С. Л. Пушкин в это время находился в имении Сонцовых Коровино Зарайского уезда Рязанской губ.

¹⁰ Сонцовы Е. Л., М. М.

62 О. С. Павлищева:

14 сентября [1836 г. Остров]

Пишу вам снова из Острова¹, дорогой папá, от Катерины Исаковны². Мы снова обязаны их дружеской заботе — ее и ее зятя³ — надеждой, что удастся мирно уладить наши дела в Варшаве. Муж получил два очень беспокоивших его письма. Маршал⁴ велел ему передать через статс-секретаря, что ежели он немедленно не возвратится, то будет отстранен от должности, а коли он болен, ему ни к чему отпуск и проч.⁵ Вероятно, это вырвалось у него в минуту раздражения, и как только он вновь увидит мужа, он *переменится* и пожалеет об этой глупости, сказанной сгоряча, если только все это не было внушено ему недругами мужа. Он добр, но вспыльчив и в минуты гнева сам не знает что говорит. Так что я на этот счет почти что спокойна. Будьте, ради Бога, спокойны и вы, милый папá, и только бы я чувствовала себя совсем хорошо. В последний раз я прошла пешком до Святых Гор⁶ и обратно и ничуть не устала. Малыш⁷, благодарение Богу, тоже чувствует себя хорошо. Мы ровно ничего не получаем от Александра, несмотря на настоятельные письма, которые и я и муж писали ему, он должен был приехать сюда, но невозможно было дольше ожидать его⁸. Кирьяков очень хороший человек, он истинный друг моего мужа, он и в этот раз доказал это тем, что вошел в наше положение. Мы уже вчера были во Вреве⁹, все там напоминают вам о себе. Напишите мне, Бога ради, в Варшаву, как можно скорее, дорогой папá. Вы не ответили мне на два из моих писем, теперь буду ждать получения от вас нового, чтобы ответить уже на него. Где вы теперь будете? Полагаю, что тетушка¹⁰ тоже скоро покинет деревню. Прощайте, дорогой папá, вы, я думаю, увидите по моему почерку, что я ужасно тороплюсь. Мы сейчас выезжаем. Катер<ина> Исак<овна>, Алекс<андра> Исак<овна>¹¹, Надинька Ле Лонг<?> передают вам тысячу поклонов. Очень нежно обнимаю моих кузин, я напишу им из Варшавы. Передайте мое почтение тетушке и дяде. Еще раз прощайте, целую ваши руки и желаю вам доброго здоровья.

¹ Письмо (предположительно от 7 сентября) не сохранилось.

² Меландер Екатерина Исааковна, урожд. Ганнибал (ум. 1868), в первом браке за Семеном Иларионовичем Мягковым, во втором — за полковником Иваном Карловичем Меландером (ум. не ранее 1862), помещиком Островского уезда Псковской губ. Отец Е. И. Меландер Исаак Абрамович Ганнибал — родной брат деда А. С. Пушкина Осипа Абрамовича Ганнибала.

³ Кирьяков Василий Яковлевич (1800 — 29 V 1862) — полковник, впоследствии генерал-лейтенант; с 1833 г. муж Аполлинии Семеновны Мягковой (род. 1817) — дочери Е. И. Меландер от первого брака (см. т. I наст. изд.).

⁴ Паскевич И. Ф.

⁵ В связи со смертью Н. О. Пушкиной и предстоящим разделом имения Н. И. Павлищев

получил отпуск до 20 августа 1836 г., а потом посылал прошение о продлении его еще на месяц.

⁶ Святогорский Успенский мужской монастырь находился в пяти верстах от Михайловского, на краю селения Святые Горы.

⁷ Павлищев Л. Н.

⁸ Павлищевы ожидали Пушкина в Михайловское, чтобы окончательно решить вопросы о разделе имения, но он так и не приехал.

⁹ Врев — бывшее имение князя А. Б. Куракина в Островском уезде Псковской губ., по названию которого получили фамилию его внебрачные дети бароны Вревские.

¹⁰ Сонцова Е. Л.

¹¹ Ганнибал Александра Исааковна (род. 1789) — сестра Е. И. Меландер.

63 О. С. Павлищева:

Варшава, 26 сент. [1836 г.]

Только третьего дня прибыли мы сюда, дорогой папá. Отсутствие лошадей, ужасная погода задержали наш приезд, но, благодарение Богу, путешествие наше закончилось без неприятных приключений. На состоянии моем оно не отразилось, так же как и на здоровье Лёли — он весел более, чем когда-либо. И потом, мы нашли фельдмаршала в очень хорошем расположении духа, так что никто, не только мой муж, не ожидал столь милостивого приема, который был ему оказан. Что это значит, что вы так долго не являлись? Месяцов восемь!!! Дел много, прошу заниматься. Вот и все. Все те, кто присутствовал при этом, от души поздравили мужа, ибо всем было известно, как маршал был на него зол. Вы не можете себе представить, какой камень упал с моей души, когда муж вернулся от него. Мы теперь, слава Богу, спокойны, и у нас нет никаких других забот, кроме устройства квартиры, которую сняли для нас и которая совершенно нам по вкусу; правда, немного дороговато для нас, но другой не было, а эта имеет много преимуществ — в центре города, рядом с Канцелярией, к тому же это всего на двадцать дукатов дороже, чем в *Кирасах* ¹.

С большим нетерпением ожидала я известий о вас, милый папá, я уже так давно не получала от вас писем! Два последних моих письма к вам остались без отве-

та. Я отношу это за счет псковской почты. Последний раз я писала к вам от Катерины Исаковны ². Надеюсь, что хоть это-то письмо вы получили. Погода теперь стоит хорошая. Я полагаю, что вы еще в имении у дядюшки ³. А у нас сейчас настоящие июльские дни; я не закрываю окон даже по ночам. Листва на деревьях хотя кое-где уже и желтеет, однако нисколько еще не облетела, и Лёля

Варшава. Колонна Сигизмунда. Литография. 1830-е гг.

целые дни проводит в Саксонском саду ⁴; мы находимся в отеле Герлакх, в котором вы, как мне кажется, когда-то жили ⁵, а это почти напротив нашей квартиры. Кстати, Аничков ⁶ сказал мне, что Лев на военной службе ⁷, ему говорили по крайней мере, что читали об этом в приказах. Муж наведет справки, чтобы уж быть уверенным, и тогда, надеюсь, я вам это подтвержу, но вы, быть может, уже и знаете об этом. Мы не получали писем от Александра, который собирался приехать в Михайл <овское>. Если бы не Кирьяков, мы бы просто не знали, что делать ⁸. Я жила в непрерывном страхе: назначенный срок уже истек, маршал гневался на мужа до такой степени, что все кругом уже считали, что он потеряет свою должность. Мне кажется, я писала вам об этом и о том, что маршал велел передать ему через статс-секретаря. Все это, слава Богу, позади. Прощайте, дорогой папá, пусть не сердится на меня Алиша ⁹, что я еще не пишу ей, скоро напишу; впрочем, она ведь читает мои письма к вам, но она-то пусть напишет мне. Где будете вы этой зимой, дорогой папá? Когда собирается тетушка покинуть Коровино? Пишите теперь мне вы, буду ждать вашего письма, чтобы знать, куда вам писать. Муж передает вам свое почтение; его нет дома.

Лёля целует вам обе руки; он помнит вас прекрасно. Прощайте, милый папá.

¹ Район Варшавы.

² Меландер Е. И.

³ Коровино.

⁴ Парк в самом центре Варшавы.

⁵ В 1814 г. С. Л. Пушкин служил в Варшаве в должности начальника Комиссариатской комиссии резервной армии.

⁶ Аничков В. И.

⁷ Л. С. Пушкин был зачислен на службу в Отдельный Кавказский корпус 13 июля 1836 г.

⁸ В. Я. Кирьяков купил у Павлищева 158 четвертей ржи (из которых почти половину одолжили П. А. Осипова и Б. А. Вревский). На вырученные деньги Павлищевы смогли поехать в Варшаву.

⁹ Сонцова О. М.

64 О. С. Павлищева:

[22 октября 1836 г. Варшава]

Два ваших письма дошли до нас одновременно, мой дорогой папенька; барон Вревский только что нам их переслал. Я хотела бы выразить вам те чувства, кои я испытываю, но сердце мое слишком переполнено; заслужила ли я то благодеяние, которое вы только что оказали мне? ¹ Вы обеспечили судьбу *моих детей*. Вам обязаны будут они своим благополучием, своей независимостью, тем воспитанием, которого я желала для них, ах, поверьте, я чувствую и ценю, как велика доброта ваша; при нынешнем состоянии ваших дел, в том положении, в коем вы находитесь, действовать во имя моего спокойствия — этого я не забуду никогда, буду помнить это всю свою жизнь, если только я не чудовище неблагодарности.

Надеюсь, дорогой папá, что вы получили два моих письма, одно из Острова, а другое отсюда, написанное сразу по приезде. Я уже писала вам, как все у нас наладилось, но если бы не Кирьяков, если бы мы еще отсрочили наш отъезд, муж мой несомненно потерял бы свою должность. Благодарение Богу, наши страхи рассеялись; напротив, я начинаю строить тысячу планов; особенно лелею я план переехать жить в Москву, если Господь Бог сохранит нас всех в добром здравии. Через три года муж сможет оставить службу в чине действительного статского советника с пожизненной пенсией 1800, но я еще до этого времени надеюсь иметь возможность повидаться с вами. Идут разговоры о том, что в будущем году будет упразднена таможня ² и отсюда начнет ходить дилижанс — говорят, это уже решено окончательно. С каким нетерпением буду я этого ожидать и как счастлива буду узнать об этом, когда это произойдет. Теперь расскажу вам о Лёле. Он начинает говорить по-русски и по-французски, и память у него такая, что вызывает всеобщее

восхищение, и необыкновенный музыкальный слух, но он очень капризен и своенволен; я часто многое ему спускаю, потому что у него вышли еще не все зубы, и, однако, мне однажды случилось прибегнуть к розге, к великому негодованию моего мужа, который вырвал ее из моих рук. Лёля не может этого забыть и всем теперь рассказывает, как мамá хотела его высечь, а папá за него заступился; поэтому он больше любит отца, чем меня. В начале письма я написала о «моих детях», дело в том, что я долее не сомневаюсь в своем состоянии: беременность моя проходит тяжело — беспрерывные тошноты, но так как это не может продолжаться вечно, я переношу ее довольно терпеливо. Мне предсказывают девочку, это меня огорчает³. Со времени своего приезда сюда я почти ни у кого еще не была. Как-то утром я отправилась с визитом к Княгине⁴, но мне повезло: она только что принимала какие-то лечебные процедуры и меня не приняла. С тех пор она распрашивала обо мне у г-на Аничкова⁵ и, по его словам, выказывает ко мне большой интерес.

Я вам писала, дорогой папá, что Лев вернулся на военную службу; новость эту я узнала здесь, вы ее, конечно, уже знаете. Пишет ли он вам?

Что до Александра, то он не подает нам признаков жизни. Его ждали в деревне, 5 октября его там еще не было⁶. Я знаю, дорогой папá, что вы отказались от седьмой части в мою пользу, и это благодаря вам в течение будущего года мы сможем освободиться от наших долгов.

Прощайте, милый папá, будьте здоровы. Я целую ваши руки и обнимаю очень нежно. Почтительно кланяюсь тетушке и дяде, тысячу нежных пожеланий моим кузинам. Напишу несколько слов Алише. Я никому еще не писала в Петербург; должна письмо г-же Тимофеевой⁷, я обещала ей писать; имеете ли вы какие-либо известия о них, а также о Веневитиновых?⁸

Н. И. Павлицев:

Варшава 4 ноября/22 октября 1836

Любезнейший батюшка, я не нахожу слов для изъявления признательности моей за намерение ваше обеспечить будущность Ольги. Если я первый повел об этом речь, то припишите это крайности, которая заставила меня говорить: Осипова, Вревские могут быть свидетелями отчаянного положения, в которое поставило меня известие, сообщенное из Варшавы. Я ехал сюда с просьбою в кармане об отставке, на случай каких-либо крупных объяснений. Вот почему выражения мои могли быть сильны. К счастью моему, все кончилось смирно, почти без упреков, и я вступил по-прежнему в исправление моей должности.

Верьте чувствам истинной преданности моей

*Н. Павлицев**

* Письмо написано по-русски.

¹ С. Л. Пушкин прислал дочери доверенность на ту часть Михайловского, которая должна была отойти к нему по наследству.

² См. выше.

³ Дочь Н. И. и О. С. Павлищевых Надежда родилась 23 мая 1837 г.; умерла 11 февраля 1909 г.

⁴ Графиня Паскевич-Эриванская Елизавета Алексеевна, светлейшая княгиня Варшавская, урожд. Грибоедова (1795—30 IV 1865),— жена

И. Ф. Паскевича, двоюродная сестра А. С. Грибоедова.

⁵ Аничков В. И.

⁶ См. прим. 8 к письму 62.

⁷ Тимофеева Р. А., урожд. Воронцова,— троюродная сестра Н. О. Пушкиной (Телетова Н. К. Забытые родственные связи А. С. Пушкина. С. 38). См. также т. 1 наст. изд.

⁸ Веневитинов А. В. и его родственники.

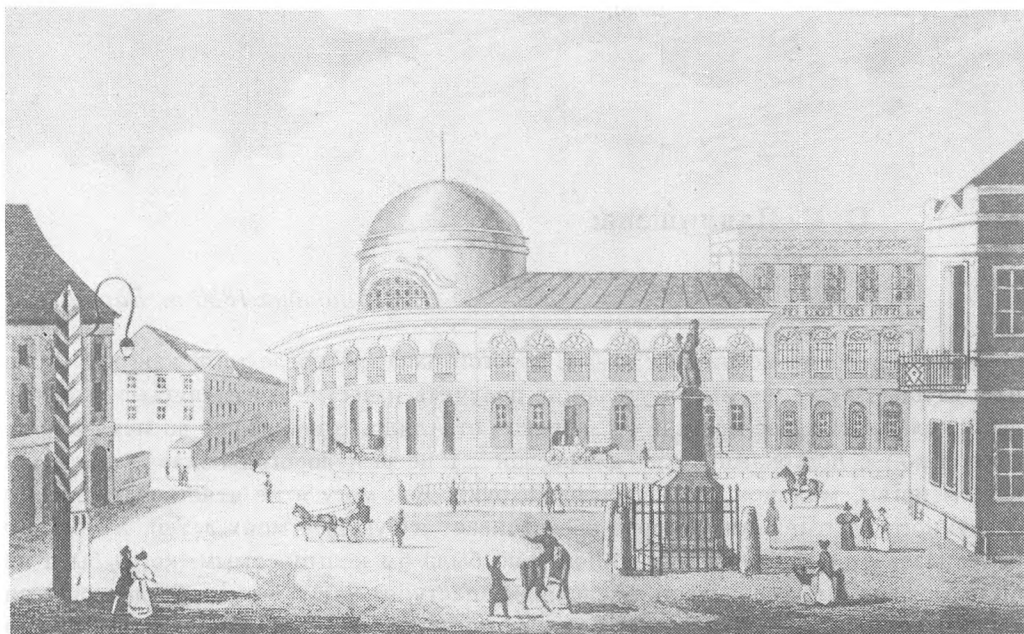
65 О. С. Павлищева:

[2/15 ноября 1836 г., Варшава] ¹

Уже третье письмо пишу я к вам, дорогой папá, но после того, как отправила предыдущее, я все же имела утешение получить известие о вас; письмо, которое вы прислали на адрес Вревских с запиской от Алиши, тоже дошло до меня вместе с коробкой с подарками г-жи Галафеевой ². Еще раз, дорогой папá, припадаю к вашим ногам, миллион раз целую ваши руки. Как могу я не чувствовать вашего бесценного благодеяния, которое обеспечивает и будущее моих детей. Я недавно поделилась с вами своим состоянием; оно было бы невыносимым, когда бы я не была уверена, что через шесть месяцев ему наступит конец — непрекращающиеся тошноты, сильнейшие головные боли; я могу дышать только на воздухе, когда двигаюсь, и, на свое несчастье, легко устаю, а вернувшись домой, я ничем не могу заняться, часто даже читать не могу. Повитуха, с которой я советовалась, уверяет, будто все это будет продолжаться только первую половину. Мне кажется, она говорит это, чтобы меня утешить; я вспоминаю такую же тяжелую беременность маменьки, в течение девяти месяцев, когда она могла есть одну только рыбу и никогда не выходила из своей спальни. Я все же заставила себя сделать несколько визитов, это было необходимо. Мне пришлось даже возобновить одно старое знакомство — с г-жой Абрамович, бывшей *Кастелас*, бывшей *Меран* ³, поскольку муж бывал у нее несколько раз во время моего пребывания в Петербурге. Сначала она пришла ко мне, но не застала меня дома, на мое несчастье, тем самым оставшись в неведении насчет моих недомоганий. Я отправилась к ней, она живет у черта на куличках, в свою очередь не застала ее и должна буду туда еще вернуться. Говорят, она очень милая особа, но мне, с моими тошнотами, никто сейчас не может быть мил. Видела г-жу Окуневу ⁴, была у нее, она больна; ее муж выпустил в свет еще один ученый труд по военному искусству ⁵ — он со-

вершено переносим с этими своими гладкими фразами и высоким мнением о собственной персоне; его жена, такая добродушная и простая, в миллион раз умнее его.

Вы сообщаете мне новость о женитьбе г-на Гончарова ⁶, а я отвечаю вам новостью о его кузине м-ль Галинской ⁷. Помните, я писала вам о бывшей нареченной г-на Погодина ⁸, той, что разъезжала в поисках приключений по Европе и возвратилась из Парижа под вымышленным именем в сопровождении некоего фран-

Варшава. Площадь перед банком. Литография. 1830-е гг.

цузского маркиза и совершенно пренебрегши мнением света, а главное, старым своим Погодиным, осыпавшим ее деньгами и подарками? Сейчас она проездом здесь и замужем — за кем бы вы думали? — За знаменитым *Лево-Веймаром* ⁹. Уверяют, будто она дура, а я так считаю, что она очень даже умна: ей 34 года, собой она нехороша и, в общем не так уж богата, и, будучи трижды в своей жизни помолвленной, выйти замуж за Лево-Веймара — право же, это совсем не глупо! Расскажу еще одну новость: сюда приезжает г-жа Ланг; Никанор Чирков ¹⁰ написал мужу письмо по поводу дел, которые приводят ее сюда. — Ей грозит потеря всего имущества; она просила об отсрочке и получила ее еще на шесть месяцев, если только, сказал фельдмаршал ¹¹, это не будет противоречить законам. Она просила передать мне через Никанора, что будет очень рада вновь увидеть меня, мне тоже любопытно увидеть через 25 лет некогда столь блестящую, столь красивую особу, должно быть уже совсем постаревшую. Она недавно потеряла

свою дочь Альбрехт, *Марианну*; другая ее дочь незамужем, обе еще в Берлине. Не могу ничего написать вам нового о моих петербургских знакомых, дорогой папá. Я еще никому не писала, я никому не отвечала на письма, которые получила оттуда по приезде сюда. Александр не пишет, но мы получили письмо от Льва, совсем небольшое, коротенькое письмо, уже очень давнее. Он сообщает, что служит накоманде в армии.

Прощайте, дорогой папá, миллион раз целую ваши руки, передайте Алише, что я получила ее письмо от 8 сентября, пусть не сердится на меня за то, что я редко пишу ей. Сейчас я просто не в состоянии это сделать. Мое почтение тетушке и дяде. Обнимаю Катиньку¹², через две недели ее именины.

¹ В рукописи письмо не датировано. Датировка установлена на основании письма О. С. Павлищевой к отцу от 24 декабря 1836 г. н. ст. (письмо 68 наст. изд.).

² Галафеева Адель.

³ Жена Игнатия Акимовича Абрамовича (1792—1856 — генерала, до 1833 г. адъютанта И. Ф. Паскевича, а после этого — варшавского обер-полицмейстера (Соллогуб В. В. Повести. Воспоминания. Л., 1988. С. 440, 689).

⁴ Окунева Н. А.

⁵ Окунев Н. А. О. С. Павлищева говорит о его книге «Memoires sur le changement que l'artillerie bien instruite peut produire dans le systeme de la grande tactique moderne» (Paris, 1836). *

⁶ С. Л. Пушкин сообщил дочери о готовящейся женитьбе младшего брата Н. Н. Пушкиной Сергея Николаевича Гончарова (11 II 1815—29 XI 1865) на баронессе Александре Ивановне Шенк (ок. 1805—26 VII 1848). В Псв. ошибочно напечатано «М-ле» вместо «М-г», что вызвало ряд неверных толкований. См. С. Л.

Абрамович. Пушкин в 1836 году: Предыстория последней дуэли. Л., 1984. С. 104.

⁷ Голынская Ольга Викентьевна (род. около 1808) — родственница Гончаровых (Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. С. 376).

⁸ Погодин В. В.

⁹ Барон Лева-Веймар Франсуа Адольф (26 IV 1801—7 XI 1854) — французский литератор, историк и дипломат. Летом 1836 г. Лева-Веймар приехал в Россию, познакомился с Пушкиным, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским и др. 11 октября 1836 г. женился на О. В. Голынской; свадьба была в Москве (Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. С. 344).

¹⁰ Чирков Никанор Николаевич — товарищ Л. С. Пушкина и М. И. Глинки по Университетскому пансиону; его сестра Елизавета была подругой О. С. Павлищевой, другая сестра была замужем за Д. В. Давыдовым (см. т. I наст. изд.).

¹¹ Паскевич И. Ф.

¹² Сонцова Е. М.

* «Об изменениях, которые может произвести в системе современной тактики хорошо обученная артиллерия».

3 декабря [1836 г. Варшава]

У меня почти нет времени писать к вам, дорогой папá. Вчера мне помешали это сделать, и, против моего ожидания, помешали и сегодня. Не посетуйте, что письмо мое будет коротко,— я не хотела бы пропустить сегодняшнюю почту, так как боюсь, что мое молчание вас беспокоит. Бога ради, не тревожьтесь о моем здоровье и о здоровье Лёли. Благодарение Господу, мы все чувствуем себя хорошо, а недомогания, которые я испытываю в моем положении, не должны вас пугать. Я зла на себя, что давеча писала вам о них, и к тому же начинаю надеяться, что это скоро кончится, да и повторяются они уже не так часто. Я получила от вас еще два письма, они были в пути 14 дней. Если мое письмо шло быстрее, то это потому что оно было послано через Петербург в день экстра-почты. И это письмо отправлю так же.

Своим сообщением о женитьбе Сергея Гончарова вы очень меня удивили; я огорчена за него и за его жену, но до сих пор я полагала, что ему уже не 20 лет и что у него есть состояние. Я не уверена, не лучше ли бы поступила м-ль Шенк, оставшись на всю жизнь гувернанткой. Я очень боюсь, как бы не пришлось ей пожалеть о прежнем своем положении.

Вы пишете мне, что не знаете, где находится Лев, он несомненно уже написал вам, дорогой папá. Тифлисская почта не так еще хорошо налажена, как наша, и письма могли там и затеряться. В совсем коротком деловом письме к нам, крайне торопливом, он пишет, что снова в военной службе, не сообщая, ни как это произошло, ни где. Думаю, он еще в Тифлисе. Что же до Александра, он ничего не пишет нам, не ответил на крайне важное письмо мужа, требовавшее безотлагательного ответа¹. Я думаю, он очень занят своим «Современником», последний выпуск которого интереснее, чем предыдущие². Мне кажется, что это дело пойдет.

Что делает Алиша?³ Надеюсь, что она пришла в себя после своих недомоганий; я напишу ей, не дожидаясь ее письма. Мои тошноты теперь немного отпустили меня. Я вам писала в последнем письме, что ожидала сюда г-жу Ланг; она еще не приехала, а между тем время не ждет. Никанор⁴ еще раз написал по поводу ее дел, но, ежели она еще станет медлить, они вполне могут принять нежелательный оборот, хоть она и находится под покровительством дочери Великой Герцогини Марии⁵. У нас здесь весна и грязь ужасающая. Я бы предпочла хороший снег в России. Прощайте, дорогой папá, боюсь не успеть к сегодняшней почте. Передайте мое глубокое почтение дядюшке и тетушке, обнимаю моих кузин. Лёля чувствует себя хорошо, он уже почти все говорит и становится очень милым, но дурнеет; представьте себе, что из блондина, каким он был, он становится уже почти темно-волосым и очень походит на портрет Александра из Кавказского Пленника⁶, тот, который у нас есть. Кстати о портрете: я совершила кражу — увезла из Михайловского ваш портрет, оставив, однако, рамку на стене. Представьте себе, что Лёля сразу же сказал — дедя, уже там, а потом здесь, через месяц, когда

я вставила его в раму — это дедя. У него очень верный глаз. У Аничкова⁷ есть портрет Жомини (который сразу же явился к нам); он узнал его, когда он приходил в другой раз <?>после <...> *. Прощайте, дорогой папá, я очень то-роплюсь.

¹ Письмо Н. И. Павлицева к А. С. Пушкину от 22 октября/4 ноября 1836 г. (см. наст. том, с. 232).

² В конце сентября 1836 г. вышел третий номер «Современника» (цензурное разрешение от 28 сентября). В него вошли «Полководец», «Родословная моего героя», «Сапожник» и другие произведения Пушкина, стихотворения Ф. И. Тютчева, Д. В. Давыдова, «Нос» Н. В. Гоголя, записки о партизанской войне Д. В. Давыдова и др.

³ Сонцова О. М.

⁴ Чирков Н. Н.

⁵ Мария Павловна (1786—1859) — великая герцогиня Саксен-Веймар-Эйзенахская, сестра Николая I; покровительствовала наукам и искусствам.

⁶ Портрет А. С. Пушкина, выполненный гравером Е. Гейтманом, был приложен к изданию поэмы «Кавказский пленник» 1822 г. Гравюра изображает поэта романтическим юношей, почти мальчиком.

⁷ Аничков В. И.

⁸ Барон Жомини А. Г.

67 О. С. Павлицева:

6 декабря [1837 г. Варшава]

Я давеча не успела к отходу почты; мне принесли это письмо обратно, и теперь оно пойдет только через Петербургскую почту; меня это очень огорчает, дорогой папá: вместо того чтобы получить его через восемь дней, оно теперь дойдет лишь через 14 или 15; только бы оно не застало вас в тревоге за меня. Завтра ожидаю каких-либо известий от вас. Я забыла сообщить, что, к великой моей радости, мы собираемся менять квартиру; нынешняя наша очень неудобная и сырая, да и дорога; платя на тысячу флоринов меньше, мы будем жить более просторно и вокруг будет чистый воздух, сад во дворе; правда, это в конце улицы Нового Света¹, в сторону аллей, но поскольку у нас есть лошади, получается одно на одно: содержание лошадей вместе с кучером обходится здесь в 600 рублей, и как раз на 600 рублей меньше мы будем теперь платить за эту новую и притом лучшую квартиру. В следующий раз пришлю вам адрес. Нет ничего оживленнее этой улицы летом, и столько

* Утрачено несколько слов.

места для прогулок детей, особенно для Лёли. Меня это радует, хотя мысль о переезде на новую квартиру и внушает мне ужас. Квартира, в которой мы живем теперь, была снята для нас, когда мы были еще в деревне², и выбрана была молодыми людьми, не имеющими понятия, что такое семья. Две огромные комнаты, обитые красивыми обоями, произвели на них впечатление. Однако из этих двух мы вынуждены были сделать три, чтобы иметь спальню. Малюсенькая кухня, в которой надо было разместить столько человек — повара, кучера и прачку, там же стирали, один-единственный выход и отвратительный воздух летом, чтобы не сказать вонь. Одним словом, я в восторге от того, что мы наконец покидаем эту квартиру.

Писала ли я вам, что возобновила знакомство с Надинькой Логиновой, урожденной Траубенберг; муж у нее — свинья, но мне она кузина и очень хорошая женщина; она была бы еще очень хороша собой, когда бы не была так ужасающе толста. Разумеется, она первая дважды побывала у меня, прежде чем я решилась пойти к ней; я более чем когда-либо стала домоседкой и ленива ходить в гости. Появилось у меня еще одно новое знакомство — молодая новобрачная, баронесса Жомини; молодого в ней только одно лицо, она всегда необычайно серьезна, хотя выглядит добродушно. Очень уж она уродлива по сравнению со своим мужем³, который, бесспорно, самый красивый мужчина в Варшаве.

Чуть не забыла рассказать вам о Лёле, это потому, что он спит и его не слышно. Он здоров, слава Богу, но по-прежнему худой и бледный, — у него не вышли еще коренные зубы. Каждый день гуляет, по часу и больше, я надеюсь, что это укрепит его. Он очень умный, начинает говорить сразу по-русски и по-французски. Обожает музыку и выводит три-четыре мелодии — Ворон к ворону летит, Не шей ты мне мату<шка> и другие. Вас помнит прекрасно; когда я даю ему баранку, он сперва поднесет ее к глазам и скажет: Дедя смоти ее, что означает, что вы глядите в лорнет. Вспоминает Зарему и Руслана, а игрушки, которые вы ему подарили, называет Деди-му, деда-дом и т. п.

Прощайте, дорогой папá, еще раз; муж передает вам свое почтение. Тысячу поклонов Баратынским, Лизе Чирковой — вы наверняка увидите ее, — г-же Дороховой, Дашиньке и г-же Яковлевой (как она себя чувствует?).

¹ Новы Свят — название улицы в Варшаве, оканчивавшейся в то время на окраине города.

² Михайловское.

³ Барон Жомини А. Г.

24 декабря [1836 г., Варшава]

В своем письме от 2 декабря, которое я получила три дня тому назад, вы сетуете, дорогой папá, на мое молчание: это очень меня удивило: я отправила вам большое письмо еще 15 ноября и надеялась, что его путь не займет более 15 дней, но оно, видимо, затерялось, и виноваты в этом московские почталыоны; ибо отсюда оно было отправлено вне всякого сомнения; здесь всегда выдают квитанцию на заранее напечатанной бумаге, где обозначаются имена отправителя и получателя. Право же, меня очень огорчает, что вам пришлось так долго оставаться без известий от меня со своими мрачными мыслями. 6-го я написала вам обычной почтой, но оно-то уж пойдет через Петербург и по крайней мере дойдет быстро, может быть, к новому году. Я бы очень этого желала, хотя слишком хорошо чувствую, как мало утешения могло бы оно принести вам в день, который будет для вас столь грустным. Вы не получили, стало быть, моего письма, в котором я писала вам о г-же Ланг и о замужестве м-ль Галинской. Я писала вам о том, что первая находится в отчаянно трудных обстоятельствах: ей пришлось спешно примчаться сюда, чтобы приостановить продажу хотя бы части своего имущества, и все это в тот момент, когда она только что потеряла свою любимую дочь Альбрехт; сейчас она приехала сюда из Берлина одна, в три дня, оставив там двух других своих дочерей и останки бедной Марианны, которые она хочет перевезти в Россию! Я видела ее несколько раз, она тотчас же явилась к нам, чтобы повидаться со мной, и могла ли бы я узнать, когда бы не была предупреждена заранее, в этой пожилой женщине с морщинистым лицом, в глубоком трауре, которая, едва увидев меня, разразилась слезами, ту прежнюю красавицу Ланг, такую элегантную, такую веселую! Она, видимо, вся погружена в свою скорбь о только что понесенной утрате, и дело, приведшее ее сюда, конечно, для нее вещь второстепенная, а между тем бедной женщине приходится без конца думать о нем и всюду бегать, занимаясь хлопотами. Надеюсь, что муж¹ сумеет быть ей кое в чем полезен, по крайней мере он сделал все, что от него зависело, и рекомендовал ей адвоката, второго Одилона-Баро², который уверен, что сумеет помочь ей выиграть этот процесс. Все это может продлиться еще с полгода. Суть в том, что она оказалась безобразно облапошена собственным управляющим и его сообщниками, которые, чтобы лучше ее обобрать или, вернее, ограбить, пустили в ход некоторые долги ее мужа, о существовании которых она до настоящего времени не имела даже понятия.

Теперь, милый папá, отвечаю вам по поводу новости, о которой вы мне сообщаете, — о том, что Катерина Гончарова выходит за барона д'Антеса, ныне Экерна³. По словам г-жи Пашковой, которая пишет об этом своему брату,

это вызывает удивление и в городе, и в свете. Удивляются не тому, что один из *самых блестящих кавалергардов* и самых модных кавалеров, имеющий семьдесят тысяч ренты, женится на мадемуазель Гончаровой — она не так уж дурна собой и получила довольно приличное воспитание, а тому, что ни для кого не была секретом его страсть к Натали. Я хорошо знала об этом, когда была в Петербурге, и часто подшучивала по этому поводу; так что, поверьте мне, в этом что-то сомнительное или просто недоразумение, и вполне может случиться, что женитьба эта не состоится⁴.

Что касается убийства, к которому оказался причастен Ефимка⁵, то, признаться, я не могу в это поверить; мне все еще кажется, что бедный мальчуган (ведь ему нет еще и семнадцати?) безо всякой своей вины был втянут в эту историю. Знал ли он, по крайней мере, что его сотоварищ, поступая слугой, замышлял убийство? Улики были против него, он на это оказался способен — так тому и быть, но — такой чувствительный мальчик, такое доброе дитя... Вы помните, должно быть, что когда маменька, бывало, скажет ему: «Ефимка, я тобой довольна», — на глазах его появлялись слезы умиления; нет, право же, я не могу себе этого представить и думаю, что он невиновен. Бедная мать этого не перенесет. Но не будем больше говорить о нем, мне хотелось бы это забыть.

Мы сейчас переживаем все ужасы переезда на новую квартиру: увозят мебель, и я пишу вам это письмо, сидя у подоконника; правда, время для переезда не самое подходящее, но что поделаешь? Я уже писала вам в последнем письме, что у нас здесь была совсем весенняя, а вернее, осенняя погода, а нынче стоит настоящая петербургская зима с метелями и свирепыми морозами. Все здесь ощущают на себе это внезапное изменение погоды, свирепствует грипп, с насморком, кашлем, жестокой головной болью, которые держатся восемь, а то и девять дней. Я тоже им переболела, но больше всего беспокоит меня то, что был болен и Лёля; теперь ему уже лучше, хотя еще сильно кашляет, но говорят, что воздух в здешней квартире пойдет ему на пользу. Это несколько утешает меня. Нянька тоже больна гриппом, и можете себе представить, в каком она расположении духа и какие позволяет себе дерзости, но, по крайней мере, она ласкова с ребенком. Право, эти няньки — одно несчастье, но, на мою беду, Лёля так привязан к Наталье, что всюду ходит за ней как собачонка, ни минуты не может оставаться без нее. Если бы вы только знали, как он умственно развился, говорит и при этом старается говорить правильно; пожелал учиться азбуке и, представьте себе, уже знает почти все буквы. Это уже заслуга няни, это она дает ему уроки, вот что значит грамотная прислуга. Но у него, право же, поразительная память, достаточно один раз назвать что-нибудь по-французски, и он уже этого слова нипочем не забудет. А что забавно, когда он на своей гитаре играет. Он старается держать ее и щипать струны точь-в-точь как муж, а потом берет книгу, ставит перед собой и перелистывает, будто это ноты, и все с серьезнейшим видом; вращает глазками и крутит головкой, и при этом такой маленький и славненький, что можно умереть со смеху. Он напевает уже много мелодий (выводит голосом), честное слово, при этом ме-

няет ее в соответствии с аккомпанементом, что играет на гитаре муж, и это тоже у всех вызывает удивление. Прощайте, дорогой папá, обнимите за меня тетюшку и дядюшку, моих кузин, пожелайте им от меня счастливого нового года. Пусть не сердится на меня Алиша за столь долгое молчание — ведь она читает мои письма к вам, а уж ей напишу, как только мы устроимся в другом доме. Несмотря на мою нелюбовь к переездам, я просто счастлива расстаться с нынешним моим жилищем — недавно я вам подробно писала об этом. Прощайте еще раз. Муж мой очень тронут всякий раз, что вы никогда не забываете его в ваших письмах. Он просил передать выражение своего к вам почтения. Он столько ездит по делам, это невообразимо. Не представляю себе, как здоровье его остается невредимо, по такой отвратительной погоде. Прощайте; я целую ваши руки и нежно обнимаю вас.

Только что распечатала это письмо, чтобы сообщить вам, мой милый папá, что получила драгоценное ваше письмо от 8-го. Оно доставило мне живейшую радость, так же как и письмо Алиши; она ничего больше не пишет о своем нездоровье, что свидетельствует о том, что она, благодарение Богу, чувствует себя уже хорошо. Ей я напишу в следующий раз, сейчас это для меня невозможно. Госпожа Ланг просила напомнить вам о себе. А вы напомните обо мне всем тем нашим добрым знакомым, которые меня еще не позабыли. Я наконец написала г-же Тимофеевой⁶ — это было единственное письмо в Петербург с тех пор, как я приехала сюда. Я стала почти так же ленива, как и Катенька⁷, насчет писем. Целую их обеих очень нежно, и ее, и Алишу. Никаких разговоров о приезде Батурина⁸ не слышно, нам бы известно было, если бы он должен был появиться.

¹ Павлицев Н. И.

² Барро Камилл Гиацинт Одилон (1791—1873) — французский государственный деятель, адвокат, известный своим красноречием, активный участник Июльской революции (Томашевский Б. В. Французская литература в письмах Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Е. М. Хитрово. 1827—1832. С. 326, 332).

³ Дантес Геккерн Жорж Карл (5 II 1812—2 XI 1895) — поручик Кавалергардского полка, в мае 1836 г. усыновлен голландским посланником бароном Луи Борхардом Геккерном (30 XI 1791—27 IX 1884). Официально о помолвке Ж. Дантеса и Е. Н. Гончаровой было объявлено 17 ноября 1836 г. на балу у С. В. Салтыкова. Этому предшествовали следующие события: ухаживания Дантеса за Н. Н. Пушкиной стали предметом всеобщих сплетен и шуток в свете; 4 ноября Пушкин получил по почте пасквиль, в котором Пушкина на-

зывали «заместителем великого магистра Ордена Рогоносцев»; в тот же день вечером Пушкин послал Дантесу вызов на дуэль; по просьбе старшего Геккерна дуэль была отложена на две недели; после долгих переговоров, в которых принимали участие друзья и родственники Пушкиных, А. С. Пушкин согласился «рассматривать этот вызов как не имевший места, узнав из толков в обществе, что г-н Жорж Геккерн решил объявить о своем намерении жениться на мадемуазель Гончаровой после дуэли» (Академ. Т. XVI, № 1290; ориг. по-франц.). Свадьба состоялась 10 января 1837 г. Подробнее о предыстории последней дуэли Пушкина см.: Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы; Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 году. Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год. Хроника. Январь 1836 — январь 1837. М., 1991.

⁴ Ж. Дантес начал открыто ухаживать за

Н. Н. Пушкиной еще во второй половине 1835 г.

⁵ Крепостной Пушкиных, отданный в услужение Л. С. Пушкину при его отъезде на Кавказ.

⁶ Тимофеева П. А.

⁷ Сонцова Е. М.

⁸ Батурич С. Г.

69 О. С. Павлицева:

13 января [1837 г. Варшава]

Я получила два ваших письма, дорогой папá, от 15 и 28 декабря, но еще не получала ответа на мои два последних, впрочем, они еще и не могли дойти до меня. Отсюда, я вижу, обычная почта через Москву идет очень медленно, потому в последний раз и написала через Петербургскую почту, и на этот раз поступлю так же.

Не тревожьтесь так из-за Льва, милый папá; он вернулся на военную службу в чине штабс-капитана *и считается при кавалерии*¹, муж и Аничков читали это в приказах, муж напишет вам, что ему об этом известно. Если это и не бог весть что, то, во всяком случае, уже нечто определенное. Что до его долгов, то надо надеяться, что они не так уж велики (если только за это время Лев не наделал еще новых) и с помощью части тех денег, которые он получит с Михайловского, он освободится от своих кредиторов, по крайней мере мне хотелось бы так думать, на основании того, что он написал нам в августе, вернувшись на службу.

Должна ли я вновь повторить слова моей благодарности за все, что вы благоволите делать для меня, мой дорогой папá. Я чувствую, что мне никогда не удастся выразить вам всю мою признательность, но ни за что на свете не хотела бы я узнать, что из-за меня вы вновь окажетесь в трудных обстоятельствах, ведь это потребует расходов! Ради всего святого, если это так, отложите это до лучших времен, когда вы будете менее стеснены в своих делах. Благодарение Богу, собственные наши дела идут хорошо — был бы только здоров муж, и я тогда буду спокойна и довольна: фельдмаршал так же хорош с ним, как в прежние времена.

Только что говорила о вас с Батуриным, он здесь уже три дня и завтра отбывает в Могилев, куда приедет к нему Маргарита Ивановна², о чем, очевидно, вы так же хорошо знаете, как и я. Встреча наша произошла совершенно случайно; он обратился к кому-то с вопросом, не знает ли тот чего-нибудь обо мне, и этот кто-то ему сказал, что муж мой здесь один, а я нахожусь в Петербурге; а в воскресенье муж, вернувшись от фельдмаршала с вечера, рассказал, что видел там странного, только что прибывшего генерала, и ему сказали, что это генерал Батурич; он совершенно запомнил, что я говорила ему о Бат<урине> как о близкой родне и хотела бы здесь с ним повидаться. Если бы Батурич не показался ему «странным», мы так бы с ним и не повстречались. В понедельник я его разыскала, и с тех пор он приходил уже два раза и обещал прийти еще завтра, чтобы попрощаться. Если

увидите Маргариту, сообщите ей, что муж ее в добром здравии, я не думаю, что они часто пишут друг другу. Кстати, могу сообщить вам, дорогой папá, что все мои недомогания прошли. Чувствую я себя совсем хорошо, и потом, я так довольна нашим новым жилищем,³ здесь так чисто, нам так удобно здесь, что я чувствую себя совсем другой, и Лёля тоже здесь более весел и тоже пополнел. Он говорит теперь все и превеликий говорун; все находят его очень милым и очень умным — он весьма общителен, до страсти любит музыку и на людях ведет себя прекрасно. Очень он забавен, когда не капризничает. Сегодня он очень меня рассмешил. — Муж разобрал новую пиесу, а он вдруг хлопнул дверью: «Не могу слушать, папá нехорошую песню играет» (он все произносит хорошо, кроме «р» и «л») — и это из другой комнаты, надо знать, в то время, когда сам играл с коровками своими.

Что касается моего образа жизни, то он все тот же: я постоянно сижу дома, то есть ограничиваюсь несколькими утренними визитами, которых нельзя избежать, но зато много гуляю пешком и дохожу от нас до Лазенок⁴. К одной только г-же Лахтиной⁵ я захожу иногда по вечерам, потому что чувствую себя у нее как дома, в домашнем платье, и могу, когда мне хочется, растянуться на канапе, и потом, это весьма приятная особа, очень умная и веселая и так же мало, как и я, придающая значение светской жизни и туалетам. На днях я попала в затруднительное положение с утренним визитом; отправилась снова наконец к княгине⁶, она собиралась куда-то выйти из дома и просила передать мне извинение, что не может меня сейчас принять и просит непременно прийти в воскресенье. Я хорошо понимала, что она имела в виду вечер, однако пошла утром и ее не застала дома; два часа спустя она присылает ко мне слугу с просьбой, чтобы я во что бы то ни стало пришла сегодня вечером. Я поручила мужу по своему усмотрению извиниться за меня. «Так пусть придет в полдень. Я желала бы почаще видеть у себя г-жу Пав<лищеву>, ведь у нас с ней давнее знакомство». Я сообщаю вам об этом, ибо ее светлость Елизавета Алексеевна здесь — ни более ни менее как ее величество Александра Федоровна⁷ в Петербурге, так что я удостоена совершенно особого внимания. Однако на этот раз неучтивость с ее стороны устроила бы меня куда больше.

Писала ли я вам о том, что мужу пришлось подтвердить под присягой, что дочери г-жи Ланг действительно являются дочерьми ее покойного мужа? Ей удалось найти только одного свидетеля, а нужно было два. С тех пор ее дело, кажется, пошло лучше; она будет нашей соседкой, хочет снять верхний этаж нашего дома, и я просто в восторге от такого соседства. Говорят, дочери ее очень милые особы, они еще пока в Берлине, а с ней здесь сейчас ее племянница, м-ль Трусова, дочь того господина, который так часто бывал у нас. Она очень еще юная, на вид ей не дашь более 16—17 лет, а ей нет еще и четырнадцати. Кстати, г-жа Ланг на Лёлю так и ахает, уверяет, что этот ребенок настоящее чудо музыкального слуха; мне кажется, он будет любить и поэзию. Нянька читала ему наизусть много басен Крылова, и он снова и снова заставляет ее их повторять, и часто заставляет и

С. Л. Пушкин. Портрет работы неизв. художника. 1830-е гг.

меня читать какую-нибудь басню несколько раз подряд. Он вам часто письма пишет, возьмет перо и говорит: я деди письмо пишу и водит минут десять перо вдоль и поперек. Прощайте, милый папá. Нежно обнимаю своих кузин и передайте мое почтение тетушке и дядюшке. Передаю перо мужу.

Н. И. Павлищев:

У меня есть письмо от Льва, но уже очень давнее, в котором он извещает меня, что вернулся на военную службу. С тех пор, мне помнится, что, перелистывая приказы по армии, я прочел, что отставной капитан Пушкин определяется прежним штабс-капитанским чином по кавалерии, с состоянием при Отдельном Кавказском Корпусе.

Это совершенно точно. Так что постоянным местом его пребывания теперь должен быть Тифлис, и если он оттуда уезжает, то лишь по какому-либо особому поручению, с тем чтобы вернуться к своему месту, которое, как я сказал, находится в Тифлисе. Полагаю, что его молчание объясняется такими командировками, которые могут быть достаточно частыми. Вернувшись в Тифлис, он не будет лениться, как делает это, например, Александр Сергеевич, который позволяет себе не отвечать целыми месяцами, несмотря на важность посылаемых ему писем. Я, впрочем, приписываю молчание А<лександра> С<ергеевича> хлопотам, связанным с его новыми обязанностями издателя журнала; их у него, наверное, предостаточно, раз он не находит даже времени послать свой «Современник» ни фельдмаршалу, ни князю Козловскому, который между тем является сотрудником одного журнала⁸. Впрочем, я могу ошибаться.

Молюсь Богу за ваше благоденствие и душевный покой.

О. С. Павлищева:

Насчет молчания. Г-жа Осипова, подобно Александру, тоже не ответила ни на мое письмо, ни на письмо мужа, достаточно важное. Ей-то не приходится редактировать журнал, но это всего лишь забывчивость, простительная в ее возрасте; я почти уверена, что она воображает, будто уже нам написала. Ее дочь Аннет⁹ тоже не пишет ни словечка.

¹ О своем назначении в полк Л. С. Пушкин написал отцу 27 октября 1836 г.

² Батурины С. Г. и М. И.

³ По воспоминаниям Л. Н. Павлищева — дом Куликевича на Уяздовской аллее (Псв. Вып. 12. С. 97).

⁴ Большой загородный парк.

⁵ Лохтина В. П.

⁶ Паскевич Е. А.

⁷ Александра Федоровна (I VII 1798—20 X 1860) — императрица, супруга Николая I.

⁸ Князь П. Б. Козловский в 1836 г. снова вступил в службу и состоял при И. Ф. Паскевиче. С самого начала издания «Совре-

менника» принимал в нем активное участие: в первом номере была опубликована его статья «Разбор парижского математического ежегодника на 1836 год», в третьем номере — «О надежде (по теории вероятности)»; кроме того, Пушкин заказал ему еще одну статью — по теории паровых машин.

⁹ Вульф А. Н.

70 О. С. Павлищева:

3 февраля 1837 [Варшава]

Письма из Варшавы идут очень медленно, дорогой папá, ваше письмо от 12 января дошло до меня лишь несколько дней тому назад, и я вижу, что моих писем вы еще не получили. Вы пишете лишь об одном, предшествующем последнему, и ни слова о том, которое я написала вам 6 декабря. Право, это просто несносно, это отнимает половину удовольствия от переписки. — Я очень рада, что вы получили известия о Льве; странный он человек — плачется, что ему не пишут, тогда как сам не пишет никому и не сообщает, где находится, а я, как он, буду плакаться вам на то, что меня забыли петербургские знакомые, которые не только не пишут, но и на мои письма не отвечают — ни г-жа Тимофеева¹, ни г-жа Осипова², ни Катерина Ивелич, ни м-ль Паскевич³. Правда, Александр написал нам, но в его послании всего несколько торопливо набросанных строк, обращенных к мужу, в ответ на письмо, написанное еще в июле, которое он совершенно превратно понял, вероятно не дав себе даже труда дочитать его до конца и даже не упоминая о двух других, которые муж написал ему отсюда⁴. Видно, что он очень занят своими делами и в дурном расположении духа. Четвертую книгу его журнала⁵ украшает творение его — «Капитанская дочка». Давно ничего не приходилось мне читать столь интересного по-русски.

Я должна еще поблагодарить вас, дорогой папá, за те 900 рублей, которые только что Пенъковской прислал мне после уплаты в ломбарде; они явились для нас большим подспорьем и пришли как нельзя более кстати. Вам ведь неизвестно, вероятно, что часть жалования мужа удерживается в счет уплаты долгов, так что мы несколько стеснены в деньгах; в числе кредиторов наших (от большинства которых мы, благодарение Богу, уже освободились) г-н Погодин⁶, который не посовестился подать к взысканию за тысячу рублей, которые муж у него занял, будучи еще при нем. Я пишу об этом, между прочим, чтобы дать вам представление о деликатности чувств этого милого господина, который сам лопается от своих денег; поэтому я рада-радешенька, что муж теперь не

при нем; одни только Логиновы ⁷ способны ублажить его, их он постоянно будет защищать. Кстати, дорогой отец, Пеньковской написал нам, будто вы собираетесь поехать в Петербург, но, поскольку письмо его написано раньше вашего, а вы об этом ни слова не пишете, я полагаю, что вы уже отказались от этого намерения.

У нас очень суровая зима — разумеется, для Варшавы; уже больше месяца заморозки по утрам, часто ниже 10—11 градусов, это неприятно, но я тем не менее совершаю длинные прогулки пешком и заставляю гулять малыша, который заметно развился и в физическом и в умственном отношении, но он немного избалован и потому плакса, что очень действует мне на нервы. Впрочем, чувствую я себя настолько хорошо, насколько это возможно в моем положении; говорят, я даже пополнела, и это вполне возможно, потому что у меня очень хороший аппетит и благодаря хорошему расположению комнат я хорошо сплю по ночам. При первой же возможности пошлю вам план нашей квартиры; я нарисовала его для вас, но не знаю, куда теперь дела. Вы сами увидите, что эта квартира, учитывая здешние цены, нам очень дешево обходится. Мы платим 2000 флоринов, что составляет 1200 рублей на наши деньги. От чего я в восторге, это от сада и от соседства Лазенок. Прощайте, дорогой папá, передайте, пожалуйста, мое почтение дяде и тетушке, тысячу ласковых слов моим кузинам, которых целую как можно более нежно. Целую ваши руки; муж просит передать вам выражение своей глубокой почтительности.

Лёля очень хорошо помнит вас и *ваш лорнет* и Зарему и Руслана и Деича (Андреича) ⁸. Сейчас подходил и сказал: Мама пишет письмо деди.

Госпожа Ланг и госпожа Окунева ⁹ просят напомнить вам о них; первая будет жить в том же доме, что и мы. Передайте тысячу нежных слов г-же Дороховой ¹⁰ (?) и Дашеньке, и г-же Пушкиной, Александрине ¹¹, а в особенности Баратынским ¹². Как г-жа Яковлева ¹³, видели ли вы ее?

¹ Тимофеева П. А.

² Осипова П. А.

³ Паскевич А. В.

⁴ Письмо А. С. Пушкина к Н. И. Павлицеву от 5 января 1837 г. до нас не дошло; известен только отрывок его, приведенный в письме Н. И. Павлицева к П. А. Вяземскому от 27 марта/8 апреля 1837 г.

⁵ Четвертый номер «Современника» вышел 22 декабря 1836 г. Больше половины номера занимает «Капитанская дочка»; кроме того, помещены стихотворения Ф. И. Тютчева, Е. А. Баратынского, произведения Д. В. Давыдова, А. И. Тургенева и др.

⁶ Погодин В. В.

⁷ Родственница О. С. Павлицевой Наденька Логинова и ее муж.

⁸ Слуга С. Л. Пушкина; возможно, Никита Андреевич, упоминаемый Пушкиным в 1830 г. (Академ. Т XIV, № 506).

⁹ Окунева Н. А.

¹⁰ Вероятно, г-жа Дорохова, урожд. Протасова, — вдова героя Отечественной войны 1812 г. генерал-лейтенанта И. С. Дорохова, старая знакомая Пушкиных, мать известного бретера Р. И. Дорохова (см. т. I наст. изд.).

¹¹ Мусина-Пушкина А. О.

¹² Вероятно, поэт Евгений Абрамович Баратынский и его жена, жившие в это время в Москве.

¹³ Яковлева П. И.

71 О. С. Павлицева:

17 февраля [1837 г., Варшава]

Мой дорогой папá, я все уже знала еще до получения письма¹, которое свидетельствует о вашей любви ко мне, но отнюдь не успокоило меня относительно вашего состояния! Да дарует вам Господь силы и веру в Него! Одна лишь она может стать для вас утешением. Я слишком знаю это по себе. Если бы это только было для меня возможным, я бы не медля взяла место в дилижансе, все бросила бы и отправилась в Москву, чтобы поскорее оказаться подле вас. И я сделаю это непременно, как только смогу. Если бы мое присутствие могло принести вам хотя бы грустное утешение! Мы, по крайней мере, вместе поплакали бы, и слезы ваши от этого стали бы, может быть, менее горьким. Ради Бога, попросите кузину² написать мне; пусть напишет мне о вас, вместо вас, а две только строчки вашим почерком меня немного успокоят. О моем здоровье не тревожьтесь, я здорова, так же как и Лёля и мой муж³.

Прощайте, дорогой папá, да хранит вас небо!

Прилагаю письмо для Алиши.

¹ В этом письме С. Л. Пушкин сообщал Павлицевым о смерти А. С. Пушкина, но они уже знали об этом от П. Х. Софиано, прочитавшего в канцелярии И. Ф. Паскевича донесение из Петербурга (Павлицев Л. Н. Из семейной хроники. Воспоминания об А. С. Пушкине. С. 65).

² Сонцова О. М. («Алиша»).

³ После получения известия о смерти брата О. С. Павлицева, по свидетельству ее сына, «подверглась нервной горячке» (Псв. Вып. 12. С.104).

72 О. С. Павлицева:

Сего 3 марта [1837 г. Варшава]

Я вынуждена была повременить шесть дней, прежде чем решилась ответить на ваше письмо от 9-го, дорогой папá. Надеюсь, что с тех пор вы получили мое последнее, и оно успокоило вас по крайней мере насчет меня.

Благодаря моему несчастному характеру, который заставляет меня испытывать непрерывный страх перед возможными несчастьями, известие о смерти Александра не сказалось на моем здоровье. Когда не предвидишь ничего отрадного в будущем, невольно черствеешь. К тому же, будучи в курсе всех обстоятельств, которые привели к этой дуэли, я ожидала какого-нибудь взрыва. Мне никто не писал из Петербурга, но тех писем, которые получали кн<язья> Козловской¹, Волхонской², гг. Кайсаров, Крузенштерн³, Очкин⁴, было достаточно, чтобы

здесь распространились все те слухи, которые ходили в Петербурге по поводу замужества м-ль Гончаровой. Венчание было 7 января ⁵, но в течение всего времени, что она была помолвлена, и после свадьбы, д'Антес в доме Александра больше не бывал. К несчастью, анонимные письма, которые он продолжал получать, ожесточили его до такой степени, что он шесть раз посылал д'Антесу вызов на дуэль; так как д'Антес на поединок не являлся, он написал вызывающее письмо к его дяде и вечером того же дня отправился на бал, чтобы спросить у д'Антеса, получил ли его г-н Экарт. Вам известно, что за этим последовало ⁶. Когда его внесли в дом, он сказал Наталье Николаевне, что она в этом деле ни при чем. Конечно, это было больше чем великодушие, это было величие души,— это было лучше, чем слова прощения. Не скрою теперь от вас, что мнения разделились; если большинство считает правым Александра, то другие, в оправдание Нат<альи> Н<иколаевны>, обвиняют его в безумной слепой ревности, а Нат<алья> Ник<олаевна> до тех пор, пока сохранится воспоминание об ее молодости и красоте, будет иметь большое число сторонников ⁷. Вы, вероятно, знаете, что она покинула Петербург и сейчас должна быть в поместье своего брата в Калуге ⁸. Если в самом деле она невиновна и лишь явилась невольной причиной смерти бедного брата, если ей не в чем упрекнуть свою совесть, поверьте, что не только Кат<ерина> Ивановна ⁹, но ничто на свете не сможет помешать ей написать к вам. И она вам напишет, не сомневайтесь. Муж получил письмо от Прасковьи Артемьевны ¹⁰, от 30 января. Все, что она пишет по поводу дуэли, совершенно совпадает во всех подробностях с тем, что я здесь пишу. Вы потребовали их от меня, дорогой папá, и я не сочла нужным скрывать от вас то, что знала и что, быть может, уже стало вам известным. Да хранит вас Бог, да дарует он вам мужество перенести эту новую утрату с христианским смирением!

Я читала письмо доктора Даля, который не покидал Александра с 28-го до самой его кончины. Он описывает его последние минуты просто и трогательно, есть несколько копий этого письма. Я хотела было послать вам такую копию, но, вероятно, вы это письмо читали. Я даже думаю, что оно будет напечатано в каком-нибудь литературном журнале ¹¹. Прощайте, милый папá, с тревогой и нетерпением я буду ждать известий от вас на следующей неделе. Ради Бога, берегите себя! Я счастлива, что вы живете сейчас в одном доме с дядюшкой. Как здоровье тетушки, как чувствует себя Алиша? ¹² Она напишет мне, не сомневаюсь в этом. Письмо от нее было бы для меня большим утешением. В дружбе ее я уверена, как и Катерины <?>.

Лёля здоров, но у него до сих пор не вышли еще все зубки. Еще раз прощайте, тысячу раз целую ваши руки; муж просит передать вам свое почтение.

¹ Князь Козловский П. Б. О дуэли и смерти Пушкина ему сообщил Я. Н. Толстой в письме от 29 января 1837 г. Я. Н. Толстой виделся с Пушкиным за неделю до его смерти.

² Князь Волконский А. Н., служивший в канцелярии И. Ф. Паскевича.

³ Крузенштерн Александр Иванович (1807—7 VI 1888) — сын адмирала И. Ф. Кру-

зенштерна, чиновник дипломатической канцелярии И. Ф. Паскевича, впоследствии сенатор, действительный тайный советник (РБС. Т. 6 «Кнаппе—Кюхельбекер»).

⁴ Очкин П. Н.

⁵ Свадьба состоялась 10 января 1837 г.

⁶ Версия событий, предшествовавших дуэли, основана О. С. Павлицевой исключительно на слухах, доходивших до Варшавы, и содержит ряд фактических ошибок: свидетельств о том, что Пушкин продолжал получать анонимные пасквилы, не имеется; после 4 ноября Пушкин не посылал Дантесу вызовов на дуэль; поведение Дантеса в отношении Н. Н. Пушкиной становилось все более компрометирующим, и 25 января Пушкин послал Геккерну оскорбительное письмо, после которого дуэль стала неизбежной; формальный вызов Дантес передал Пушкину через своего секунданта 26-го числа. Дуэль состоялась около пяти часов вечера 27 января 1837 г. (Щеголев П. Е. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы; Абрамович С. Л. Пушкин. Последний год. Хроника).

⁷ О светских сплетнях по поводу дуэли Пушкина см.: Абрамович С. Л. Пушкин в 1836 г. С. 140.

⁸ Полотняный Завод, поместье Гончаровых в Калужской губ., в котором жил брат Н. Н. Пушкиной Д. Н. Гончаров. Н. Н. Пушкина с детьми уехала в Полотняный Завод 16 февраля 1837 г.

⁹ Загряжская Екатерина Ивановна (14 III 1779—18 VIII 1842) — фрейлина, тетка Н. Н. Пушкиной, принимала самое деятельное участие в своих племянниках и племянницах, пользуясь своим влиянием при дворе.

¹⁰ Тимофеева П. А.

¹¹ Даль Владимир Иванович (10 XI 1801—22 IX 1872) — врач, писатель, составитель известного словаря; 28—29 января 1837 г. находился при умирающем Пушкине. Его записка о кончине Пушкина распространялась в многочисленных копиях; напечатана впервые в 1860 г. в «Медицинской газете». Текст записки и комментарии см.: А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 229, 451.

¹² Сонцов М. М., его жена и дочь.

73 О. С. Павлицева:

Сего 17 марта [1837 г. Варшава]

Дорогой папá, письмо ваше от 3-го уже дошло до меня, поэтому надеюсь, что и вы получили мое от того же числа.

Неужели я первая посвятила вас в подробности этого несчастья? Боюсь, не слишком ли много написала я вам о нем, но как бы могла я написать об этом меньше и не касаться этого снова... По себе знаю, что вы не в состоянии не думать об этом постоянно. Вревский только что написал мужу, что жена его все дни находилась подле Александра, но письмо его так коротко, что он не сообщает даже, вернулась ли она в деревню. Иначе я сама бы ей написала, ведь она так любила Александра. Я уверена даже, что присутствие ее смягчило его последние мгновения.

Вревский написал только: «Евпраксия Николаевна была с А. С. все последние дни его жизни. — Она находит, что он счастлив, что избавлен тех душевных страданий, которые так ужасно его мучили последнее время его существования» — и ничего к этому не

Н. Н. Пушкина. Акварель В. Гау. Начало 1840-х гг.

прибавляет ¹. Если бы я, по крайней мере, знала, куда написать ее сестре ², — ведь она должна была тоже быть вместе с ней у Александра, — но никто мне не пишет; одна только г-жа Тимофеева ³ написала нам 30 января — это из ее письма узнала я все те подробности, которые сообщила вам. В письме своем она проявляет большой интерес к вам; она, конечно, написала бы к вам, знай она ваш адрес; она пишет, что больна и весной собирается на воды, но я не смогла разобрать, на какие. Что касается г-жи Осиповой ⁴, то ее зять ⁵ пишет, что она моих писем не получала, это приводит меня в отчаяние! Кстати, дорогой папá, ради Бога, не волнуйтесь так по поводу молчания Льва; будто не знаете вы, до какой степени он ленив; здесь, чтобы заставить его писать, сколько раз я вкладывала ему в руку перо и еще не всякий раз достигала цели. К тому же вполне может случиться — я даже в этом уверена, — что он написал вам, но письмо затерялось. Сами подумайте, может ли в такой варварской стране почта действовать так же точно, как здешняя, которая тоже не всегда отличается аккуратностью; а этот г-н Всеволожский ⁶, Бог ведает, не более ли он ленив, чем Лев, и потом, он ведь вполне может предположить, что письмо Льва до вас уже дошло. — Я не уверена также, не приходится ли Льву часто менять место своего пребывания, я еще ему не писала.

Прощайте, дорогой папá. Что касается моего намерения приехать побыть подле вас, то осуществить его было бы для меня возможно не ранее, чем через несколько месяцев, по той причине, что я нахожусь в последней поре беременности; но повторяю вам, что если бы не мое состояние, я постаралась бы преодолеть все препятствия и тотчас взяла бы место в дилижансе, чтобы поскорее обнять вас. Но что поделаешь? Мне от этого только еще более грустно — это лишь умножает мои горести. Прощайте, милый папá, прошу вас, продолжайте следовать обычному своему распорядку, делайте это хотя бы из любви ко мне, — бывайте на воздухе, не позволяйте себе падать духом. Дяде и тетушке я ответила. Лёля, слава Богу, здоров, все здесь его балуют, и он счастлив. Муж просит передать вам выражение своего почтения.

¹ После приведенных выше строк Б. А. Вревский продолжает: «Александр Сергеевич очень часто говорил с нею про Ольгу Сергеевну и с большой нежностью. Он очень заботился о ее беременности и жалел очень, что не знал этого летом».

² Вульф А. Н.

³ Тимофеева П. А.

⁴ Осипова П. А.

⁵ Вревский Б. А.

⁶ Всеволожский Дмитрий Алексеевич — однополчанин и друг Л. С. Пушкина на Кавказе; на его адрес С. Л. Пушкин посылал письма сыну (Пев. Вып. 12. С. 106).

7 [апреля 1837 г. Варшава]¹

Я вижу из письма вашего от 16 марта, дорогой папá, что вас тревожит молчание Льва. Мне бы хотелось, когда бы то было возможно, внушить вам мою твердую уверенность на его счет. Как ни склонна я, подобно вам, поддаваться мрачным мыслям, я убеждена, что он вам написал и что письмо его затерялось; возможно, что других он не писал, но не потому, что болен, а оттого, что не было для этого подходящего случая, ведь чтобы отправить письмо тамошней почтой, часто приходится проделать сто, а то и двести верст. Я это прекрасно знаю, слышала от нескольких человек, да и от него самого, если не ошибаюсь. К тому же он, конечно, не находится все время в одном и том же месте. Его посланец мог также потерять письмо и ничего ему об этом не сказать — а если этот г-н Всево<ло>жской² вам не отвечает, то может статься, по той же самой причине, или он, может быть, уверен, что Лев сам вам уже ответил. Одним словом, предчувствия мои редко меня обманывают, и я клянусь вам, что совершенно спокойна относительно здоровья Льва.

Благодарю вас, милый папá, за то, что вы переслали мне стихи, посланные вам Глинкой³; среди трех других они кажутся мне если и не лучшими в поэтическом отношении, то, по крайней мере, самыми интересными. Это поэтическая биография Александра — и это уже немало. Остальные — хотя и есть в них гармония, кажутся не более как повторениями и перепевами. В свою очередь посылаю вам статью из берлинской газеты, о которой вы, я думаю, не знаете; муж перевел ее по моей просьбе⁴. Обратите внимание на милость императора: речь идет о выкупе имения, заложенного за 300 000 рублей; поскольку у Александра имения не было, должно быть, имеется в виду ваше; нельзя было бы сообщать о том, чего не существует⁵. Впрочем, эта статья, судя по характеру изложения, вероятно послана была из Петербурга князем Вяземским — все это совершенно совпадает с его письмом к г-ну Давыдову⁶. Алиша прислала мне копию с него. — Что касается издания его сочинений в шести томах, поскольку оно будет за счет казны, все здесь полагают, и в том числе здешний русский книгопродавец, что оно не может выйти меньше чем в восьми тысячах экземпляров, а может быть, и в десяти. У Булгарина на его «Историю России»⁷ в двенадцати томах, из которых вышло еще только четыре, 3500 подписчиков. Можно ли усомниться в том, что у Александра будет вдвое, а то и втрое больше; к тому же оно <будет> недорого.

Вам кажется, дорогой папá, что если бы друзья Александра проявили больше сердечности и дальновидности, они могли бы предотвратить эту ужасную историю. Однако вполне может статься, что Александр тайлся от них; во всяком случае, если кого и можно обвинить в беспечности или недостаточной предусмотрительности, то это уж скорей, я думаю, м-ль Загряцкую⁸ — ее, которая что ни день бывала в доме, которая делала из Натали все, что хотела, которая имела

такое влияние на Александра, но все это, вероятно, должно было произойти — такова была Высшая воля⁹. М-ль Загряцкая только что в полной мере доказала свою привязанность к племяннице; в своем возрасте она отправилась с ней в Калугу, для того, вероятно, чтобы оказывать ей все заботы, в коих она нуждалась в том ужасном положении, в котором находилась, я думаю, со своими четырьмя детьми¹⁰.

Прощайте, дорогой папá, нынешняя почта не принесла мне никаких известий о вас. С великим нетерпением буду ожидать следующей. Да хранит вас Господь в добром здравии. Много раз целую ваши руки, и Лёля тоже. Его сообразительность удивляет всех, кто его знает, это отнюдь не радует меня. Ум его развивается, но боюсь, не идет ли это в ущерб здоровью. Память у него поразительная, но при этом он такой бледный. Нежно целую кузин и почтительно кланяюсь дяде и тете. Муж присоединяет выражение своего уважения.

¹ В оригинале письмо помечено 7 марта; эта датировка сохранена при публикации в Псв. Датировка изменена нами по следующим причинам: 1) О. С. Павлицева сообщает отцу о получении его письма от 16 марта; 2) сведения, которые О. С. Павлицева сообщает отцу со ссылкой на берлинскую газету, не могли быть почерпнуты ею отсюда ранее середины марта (Веневитинов М. Некрологи Пушкина в немецких газетах 1837 года // РА. 1900, т. 1. С. 67—95); 3) предлагаемая датировка подтверждается тем, что приходится на почтовый день и заполняет никак не оговоренный перерыв в переписке с 17 марта по 27 апреля.

² Всеволоцкий Д. А.

³ Глинка Федор Николаевич (8 VI 1786—11 II 1880) — поэт, декабрист, знакомый Пушкиных; стихотворение «Воспоминания о пинтической жизни Пушкина» было написано (по авторской датировке) 6 февраля 1837 г., напечатано в т. 21 «Библиотеки для чтения» и в том же году отдельной брошюрой; стихотворение было обращено к отцу поэта — С. Л. Пушкину.

⁴ Обзор откликов в немецких газетах на смерть Пушкина см. в указанной выше статье М. Веневитинова.

⁵ Распоряжением Николая I от долгов было очищено Михайловское, выкупленное позднее Опекой для детей Пушкина. Об освобождении от

долгов нижегородских имений С. Л. Пушкина речи не было.

⁶ Речь идет о письме князя П. А. Вяземского к Д. В. Давыдову от 9 февраля 1837 г. Это письмо впервые было опубликовано ошибочно среди писем П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову (РА. 1879, № 6). Адресат его правильно установлен Н. Светловой в статье «Кому было написано письмо П. А. Вяземского о кончине Пушкина» (Московский пушкинист. 2. М., 1930. С. 155).

⁷ Имеется в виду «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» профессора Н. А. Иванова, выпущенная Ф. В. Булгариним под своим именем (в 6-ти ч. СПб., 1837).

⁸ Загряцкая Е. И.

⁹ Упреки О. С. Павлицевой в адрес Е. И. Загряжской не совсем справедливы, так как последняя всячески старалась предотвратить дуэль.

¹⁰ 16 февраля 1837 г. Н. Н. Пушкина вместе с детьми в сопровождении братьев Дмитрия и Сергея и сестры Александры выехала в Полотняный Завод. Е. И. Загряцкая проводила Н. Н. Пушкину до самого Полотняного Завода и провела там с ней около двух недель (Ободовская И., Дементьев М. Вокруг Пушкина. Неизвестные письма Н. Н. Пушкиной и ее сестер Е. Н. и А. Н. Гончаровых. М., 1975. С. 153). Это еще раз подтверждает нашу датировку.

27 апреля [1837 г., Варшава]

Мой дорогой папá, на этот раз почта задержалась на восемь дней из-за разлива рек и плохих дорог, и я очень опасаюсь, как бы вы не стали беспокоиться, если письмо мое не придет в тот день, когда вы его ожидаете. Что до молчания Льва, повторяю снова: в этом ведь нет ничего чрезвычайного, с ним всегда одна и та же история. Было ли когда-нибудь, чтобы он писал вам чаще? Теперь, когда существует столько причин, могущих это молчание объяснить, вам, право же, грешно так беспокоиться, милый папá.

Я так и знала, что на Святой Неделе вы будете говеть и причащаться. А вот я себе этого счастья позволить не могла. Два дня подряд я пыталась пойти к обеду, но не могла дотянуть до конца — мне становилось дурно. В четверг я снова пошла в госпитальную часовню, расположенную совсем близко от нас, но, хотя там почти что не было народа и не было жарко, я вынуждена была вернуться домой. Погода всю эту пасхальную неделю была отвратительной, и я находила некоторое утешение в том, что у меня есть предлог не выходить из дома, никого не видеть, не быть вынужденной снимать траур; к тому же еще захворал Лёля, к счастью, я знала, что это просто небольшая простуда и несварение желудка. Словом, не слушая уговоров врача, доброго малого, который как добрый знакомый приходил к нам ежедневно и проводил целые дни, непременно хотел, по дружбе, прописать ему рвотное, я не поддаюсь. Рискаю рассердить его, я объявила, что, пока я жива, мой ребенок никаких лекарств принимать не будет, разве что немного ревеня, и только если мне покажется, что есть опасность. Он сделал недовольную мину и, хотя муж всячески уговаривал его прийти к нам обедать на завтра, от чего он, когда не бывал занят, никогда не отказывался, с тех пор больше не являлся. Лёля же, слава Богу, здоровехонек и сейчас гуляет. Это ему пошел на пользу отвар вишневого цвета, который я давала ему, ни с кем не советуясь. Кстати, дорогой папá, хочу рассказать вам, что когда я позвала его и спросила: «Что деди написать от тебя? он тебе велел сказать «Христос воскрес», — он, не раздумывая, объявил: «Воитина вокес!», впрочем, он теперь говорит это всем. Недавно он слушал дворцовых музыкантов в Лазенках, один из них подошел к нему и сказал: «Христос воскрес». Он тут же крикнул: «Воитина вокес!», и тут все остальные окружили его, смеясь, и наперебой заставляли повторять. Надо признаться, это было очень мило, к тому же он очень красивый ребенок, особенно в своей соломенной шляпе с широкими полями, как маленький итальянец, с черными глазами и все еще белокурыми волосами. Я убедилась в этом с нынешней весны: когда он отправляется гулять, люди останавливаются, чтобы приласкать его, и совсем незнакомые угощают конфетами. Какой-то господин спросил у няньки, чей это ребенок, и сказал: никогда бы не подумал, что он русский, — он красив, как *поляк*. Можете себе представить, как она была возмущена.

Вы пишете мне о Вишневских¹, дорогой папá; я очень рада, что вы часто их видите, потому что совершенно уверена в их дружеских чувствах к нам. Прошу вас, передайте от меня поклон Софье Михайловне, а барышням тысячу нежных слов и скажите им, между прочим, что я довольно часто имею известия об их сестре Лизе² из писем моего деверя³, от которого как раз сегодня мы получили письмо: жена его⁴ только что разрешилась сыном, а я через несколько дней собираюсь родить дочь, раз мне все это предсказывают, и я уже начинаю с нетерпением ожидать этого момента: мое состояние очень меня тяготит. Моя повитуха (никаких акушеров, упаси меня от них Господь) назначила мне теплые ванны, и я теперь езжу каждый день принимать их; но представьте себе, как я была поражена сегодня — когда я уже подъезжала, вдруг меня останавливает *полицейский* и говорит, что карета туда проехать не может, так как разлилась река и началось наводнение; но поскольку была еще возможность дойти туда пешком, идя вдоль домов, я на это решилась; было восемь часов утра, а через полчаса вода поднялась так, что притащили лодку для того, чтобы переплыть улицу. Что оставалось делать? Я решилась взойти в нее... К счастью, молодой человек, который правил, оказался очень ловким и, чтобы помочь мне взойти, вынужден был взять меня на руки. В этом путешествии у меня были и спутницы, но ни одной в том же положении, что я. Благодарение Богу, все обошлось благополучно. В Праге⁵ тоже было наводнение, да и сейчас продолжается, там погибло много людей, водой снесло деревянные дома (правда, лачуги), одним словом, это уменьшенная картина петербургского наводнения⁶; не знаю, как я буду дальше принимать ванны. Ходить туда гораздо удобнее, чем устраивать их дома; завтра в любом случае придется от них отказаться. Боясь, как бы они не оказались закрыты надолго.

Писала ли я вам, что г-н Энгель только что скончался⁷ и оставил все свое состояние здешнему Фурману⁸ — 2500 крестьян, две тысячи десятин земли в Крыму и семьсот крестьян маленькой Фурман, которая имела приют у него в доме. М-ль Фурман теперь вернулась, он оставил <?> нашим <?> Фурманам дом и много вещей своей жене.

¹ Вишневский Гавриил Федорович, его жена Софья Михайловна (ум. 8 I 1847) и их дети (см. т. I наст. изд.).

² Вишневская Е. Г.

³ Павлищев П. И.

⁴ Павлицева Анна Федоровна, урожд. Офросимова (ум. 10 II 1897).

⁵ Предместье Варшавы, отделенное от центра города Вислой.

⁶ О. С. Павлицева имеет в виду знаменитое петербургское наводнение 7 ноября 1824 г.

⁷ Ф. И. Энгель скончался в Петербурге 9 марта 1837 г.

⁸ Р. Ф. Фурман был женат на приемной дочери Ф. И. Энгеля.

11 мая [1837 г. Варшава]

Мой дорогой папá, письмо это уйдет только послезавтра, но я еще загодя принимаюсь писать его, так как вот уже с неделю я со дня на день ожидаю наступления родов; признаюсь вам, что не только не страшусь решительного часа, а жду не дождусь его — до того положение мое становится тягостным. В довершение всего на меня напал еще ужасный кашель, который мучает меня ночи напролет. Сейчас, правда, он уже не такой сильный, и акушерка клянется всеми богами, что, как только я рожу, он совершенно пройдет.

Слава тебе Господи, наконец мы получили известия о Льве. Он написал и нам; письмо его ко мне, от 30 марта, грустно, но исполнено дружбы. Теперь он чувствует себя очень хорошо и лишь мимоходом упоминает о двух пулях, которыми был ранен ¹. «Одна, пишет он, только едва меня задела, а другая причинила так мало страданий, что даже досадно». Поскольку вы в вашем письме об этом не упоминаете, милый папá, я делаю вывод, что вам он ничего об этом не писал. Однако я считаю, что лучше все же предупредить вас, поскольку может статься, что вы узнаете это от кого-нибудь другого и всполошитесь, не зная, что это уже старая история, о которой он уже и сам забыл, когда писал вам. Надеюсь все же, что он получит за это награду, он весьма ее заслуживает. Имя его всегда упоминается в числе самых храбрых офицеров. Писал ли он вам, что убит бедный Константин Ивелич? ² Он очень опечален этой утратой. Я только что написала ему длинное письмо, дорогой папá, в котором сообщаю ему и о ваших благосклонных намерениях в отношении меня, о вашей доброте; твердо уверенная в его ко мне дружбе, я не сомневаюсь, что это порадует его. После всего, что я вам написала, как не благодарить мне вас снова за то, что, несмотря на свои горести, вы думаете о моем благополучии; вы пишете, что вам нужно было бы иметь от меня доверенность, на кого я захочу, для совершения купчей; соблаговолите же, дорогой папá, прислать мне, как вы советуете, черновик такой доверенности. Мог ли бы взять это на себя дядюшка? ³ Или лучше, может быть, чтобы это был не родственник? Например, г. Вишнеvский ⁴, или Малиновский ⁵, или, если вы предпочитаете, кто-нибудь еще более далекий от наших дел. В таком случае это мог бы быть старый знакомый мужа — некий г. *Вельтман* ⁶, он очень известен в Москве, к тому же и как писатель. Напишите мне, кого вы предпочтете, прошу вас. Прощайте, милый папá. Я надеюсь, что следующая почта принесет вам известие о рождении внука или внучки; нашей первой заботой будет известить вас об этом; муж тотчас же напишет вам, если первые дни мне будет это запрещено. Лёля, слава Богу, чувствует себя хорошо. Очень хвалю себя за то, что не согласилась давать ему лекарство. Молодой врач на меня рассердился, но мне это совершенно безразлично. Говорят, однако, будто он хороший врач и лечит успешно, а я так думаю, что весь успех в том, что ему везет, — да и не верю я этим разговорам.

49

nous avions fleur ensemble
 et vos braves en seraient mon
 amies fentes — au nom
 P. Dieu voyagez me laissez
 si possible qu'il le faut
 pour vous, qu'elle un ^{parole} jeûle de
 vous et d'aujourd'hui de votre
 existence me suffiraient alors
 d'après un ^{ingénieur} et par un
 sentis — par un fait bien connu se
 le s. — et mon ^{mais} — d'un état
 d'après — que le fait n'est pas

Nezille Jui Vou

Nous en l'été pour Michel
 de P. ^{FANTION} _{peuv}

Письмо О. С. Павлицевой — С. Л. Пушкину от 17 февраля 1837 г.,
 страница вторая.

Вы читали, конечно, в Библиотеке для чтения статью г. *Полевого* об Александре ⁷. Она мне понравилась чрезвычайно, лучше о нем нельзя было сказать. В ней чувствуешь правду, восхищение без лести, без преувеличения, истинную чувствительность, скорбь об его утрате без всякой аффектации — по-моему, это лучше всех стихов, и писать на эту тему что-либо после *Полевого*, думаю, был бы напрасный труд.

Вы мне пишете, дорогой папá, о своем намерении уехать на это лето из Москвы, но когда и куда собираетесь вы поехать? Куда должна буду я вам писать? Когда дядюшка уезжает в Коровино? Значит, вы не поедете к ним этим летом? Хотела написать Алише, но чувствую себя сейчас слишком усталой. Прощайте, дорогой папá, мы с Лёлей целуем ваши руки. Это письмо вы получите, может быть, 23-го ⁸ или накануне: поверьте, я не забуду его, этот день, ни на минуту не забуду.

¹ В послужном списке Л. С. Пушкина значится, что он «в 1837 г., с 20-го января по 21-е февраля, принимал участие в экспедиции против горцев <...>, был при движении отряда из крепости Грозной и взятии аула Селим-Гирея и в походе в Большую Чечню. С 23-го февраля по 1-е апреля участвовал в движении к Шамах-Корту и аулу Мурдари и в истреблении оных» (Майков Л. Пушкин. СПб., 1899. С. 39).

² Генерал К. М. Ивелич был взят в плен горцами и замучен ими.

³ Сонцов М. М.

⁴ Вишневский Г. И.

⁵ Малиновский А. Ф.

⁶ Вельтман Александр Фомич (8 VI 1800—11 I 1870) — приятель Пушкина с кишиневских времен, автор воспоминаний о Пушкине.

⁷ Полевой Николай Алексеевич (22 VI 1796—22 II 1846); его глубоко прочувствованная статья «Пушкин», представляющая романтизированный образ поэта, была опубликована в «Библиотеке для чтения» (т. 21 за 1837 г.) и произвела сильное впечатление на современников, особенно на фоне общеизвестных личных столкновений и даже вражды двух писателей.

⁸ День рождения С. Л. Пушкина.

77 Н. И. Павличев:

Воскресение, 23 мая/4 июня 1837 г. Варшава

Только что Ольга произвела на свет дочь ¹. Пользуюсь сегодняшней экстра-почтой, чтобы написать вам эти несколько слов, которые несомненно доставят вам удовольствие. Роды, хотя были тяжелыми, продолжались только четыре часа и несколько минут. Ольга помнит, что сегодня день вашего рождения. От всей души сердечно поздравляем вас. Если бы родился сын, он носил бы ваше имя, но дочь — она будет носить имя своей бабушки ².

Московская экстра-почта учреждена здесь не так давно. Она отправляется два раза в неделю — сегодня (по воскресениям) и по четвергам, так что я буду иметь удовольствие писать вам следующей почтой.

Преданный вам сын Н. П.

¹ Павлищева Надежда Николаевна (23 V 1837—11 II 1909) — впоследствии замужем за профессором музыки и пения Иосифом Рафаиловичем Пане, художница (см. т. I наст. изд.).

² Во многих семьях предпочитали давать де-

тям имена из ограниченного списка «родовых» — по старшим родственникам. В этом смысле показательно, что Павлищевы дали своим детям имена в честь родственников Ольги Сергеевны, а не Николая Ивановича.

78 Н. И. Павлищев:

Среда 26 мая / 7 июня 1837 [Варшава]

Я уже известил вас, дорогой папá, о том, что в воскресенье, в восемь часов утра, Ольга произвела на свет дочь, которую мы назвали Надеждой. Она вполне здорова, если не считать молочной лихорадки, которая началась у нее нынче ночью. Надеюсь, что в следующий четверг она уже сама сообщит вам о себе. Дети чувствуют себя хорошо.

Ваши письма доходят до нас исправно. Последнее было от 10 мая. Недавно учрежденная здесь экстра-почта намного упростит нашу переписку. Хотел бы знать, каковы теперь ваши планы переезда, дабы сообразовываться с ними в отношении отправления писем.

Я с огорчением вижу, что выбор лиц, назначенных опекунами детей Александра, далеко не отвечает нашим ожиданиям¹. С самого же начала Жуковский совершил невольную, быть может, но непростительную ошибку, незаконно лишив несовершеннолетних капитала в сто тысяч рублей. Журналы («Библиотека», например, и Берлинская газета, которая, печатая официальные вести из России, никогда не лжет) сообщили о намерении Императора погасить долги, отягощающие имущество Александра. Действуя с разумением и доброй волей, эту монаршую милость легко было бы распространить на все состояние его отца, то есть на ваше; во всяком случае, она неизбежно должна была бы относиться к той части, которую вы выделили бы сыну согласно закону². Это не ошибка, это непростительная небрежность. Правда, сироты будут иметь еще немалый доход от продажи книг их отца, который может достигнуть 350 000 рублей; правда, и дети и мать пользуются назначенной им весьма солидной пенсией³, но это не причина, чтобы отказываться от выгоды и упускать ее. К тому же Жуковский по своему

общественному положению занят сейчас другими обязанностями; он находится при великом князе-наследнике, которого ныне сопровождает в его путешествиях ⁴. Граф Виельгорский, сдается мне, лучший музыкант, нежели попечитель, мы еще увидим, чего он стоит. Что касается г<рафа> Строганова и г-на Атрешкова, то, я полагаю, они попали в список опекунов лишь ради того, чтобы их было поболее. Словом, выбор опекунов не тот, которого бы требовали интересы несовершеннолетних. Моя убежденность в этом столь велика, что с большим сожалением я отнесся бы к всякому вашему шагу, направленному на то, чтобы отдать в руки опекунов остаток состояния сирот — я имею в виду ту часть ваших нижегородских земель, которую вы подарили бы их отцу. По праву и по сути вещей, вы отец и опекун этих детей; это ваш долг блюсти их интересы, и вы, несомненно, станете заботиться о них лучше, нежели любой официальный опекун.

Это опекунство несет нам еще новые затруднения. Лев настаивает на том, чтобы как можно скорее быть введенным в право наследования Михайловского; он передал мне свои полномочия на это ⁵. Я же могу лишь последовать его примеру; меня преследуют кредиторы, которые довели меня до того, что я оказался вынужденным уступить в их распоряжение четвертую часть получаемого мною жалования. Только разделавшись с этими долгами, мы сможем наконец свободно вздохнуть. Итак, надобно приступить к разделу имения. Я написал по этому поводу кн<язю> Вяземскому, чтобы осведомиться относительно намерений Жуковского, указав на то, что Александр собирался купить эту землю и что он, возможно, оставил какие-нибудь распоряжения на сей счет. Я написал об этом, потому что у опекунов достанет капитала, чтобы произвести эту покупку, например хотя бы за счет первых доходов от «Современника», издаваемого в пользу сирот. Вяземский ответил на это, что Жуковский находится в путешествии вместе с наследником и что мне следует обратиться непосредственно к Опекунскому Совету, чего я как раз хотел избежать. Не знаю, как поступить; я буду думать, но, во всяком случае, наши денежные обстоятельства, дошедшие до крайности, не позволяют больше откладывать это дело. Я пишу о Михайловском, потому что оно дорого всем нам по связанным с ним воспоминаниям.

Ваш преданный сын Н. Павлицев.

¹ После смерти А. С. Пушкина опекунами над его детьми были назначены граф Григорий Александрович Строганов (13 I 1770—7 I 1857) — двоюродный дядя Н. Н. Пушкиной, действительный тайный советник, обер-камергер, член Государственного Совета; Василий Андреевич Жуковский; граф Михаил Юрьевич Виельгорский (31 X 1788—28 VIII 1856) — гофмейстер двора, композитор, меценат, и Наркиз Иванович Тарасенко-Отрешков (1805—22 XI 1873) — камер-юнкер, писатель-экономист, издатель.

² Рассуждения Н. И. Павлицева вряд ли умелны, так как монаршая милость распространялась лишь на то имение Пушкиных, которое Жуковский предложил оставить за детьми поэта, — имелось в виду Михайловское.

³ На второй день после смерти Пушкина по ходатайству В. А. Жуковского Николай I составил список «милостей» семье Пушкина:

«1. Заплатить долги.

2. Заложенное имение отца очистить от долга.

3. Вдове пенсия и дочерям по замужеству.

4. Сыновей в пажи и по 1500 р. на воспитание каждого по вступлении на службу.

5. Сочинения издать на казенный счет в пользу вдовы и детей.

6. Единовременно 10 т.»

(Летописи Государственного Литературного музея. Архив Опеки Пушкина. М., 1939).

⁴ В. А. Жуковский в качестве наставника цесаревича Александра Николаевича (будущего Александра II) должен был сопровождать на-

следника престола в его путешествиях. В 1837 г. достигший совершеннолетия цесаревич совершил путешествие по стране (вместе со свитой, которую возглавлял Жуковский) — 2 мая выехал из Царского Села и вернулся в Петербург 17 декабря. Затем, уже в мае 1838 г., цесаревич со свитой отправился в Германию—Австрию—Швейцарию—Италию—Голландию—Англию и возвратился в Петербург только 23 июня 1839 г. (см.: РБС. Т. 1. «Аарон — Император Александр II». см. также: Жуковский В. А. Дневники. СПб., 1903.

⁵ См. прим. 10 к письму 59.

79 О. С. Павлицева:

[Конец мая 1837 г. Варшава]

Пусть не беспокоит вас, милый папá, что я пишу вам всего несколько строк. Я бы чувствовала себя уже превосходно, когда бы не геморроиды, которые все еще удерживают меня в постели. Однако последние два дня мне стало уже гораздо лучше. Теперь я могу хоть несколько минут лежать на боку, но вначале это было нечто ужасное, и при малейшем движении я не могла сдержать крика.

Муж дважды писал вам, дорогой папá, я же была не в силах написать ни строчки, хотя мне это уже разрешили; у меня была молочная лихорадка. Что касается маленькой Надежды, то она чувствует себя прекрасно, слава Богу, и только и делает, что спит и сосет. Она очень еще слабенькая, маленькая и худенькая, но я очень довольна кормилицей: она полька, но пять лет прожила в России, в Петербурге, няней в приличном русском семействе. Прощайте, дорогой папá, пишу неразборчиво, потому что делаю это лежа и здесь немного темно. Лёля целует вам руки, он, слава Богу, чувствует себя хорошо.

Я полагаю, что вы еще в Москве и письмо это застанет вас еще там, но наши уже наверняка в Коровино ¹. В последнюю почту у меня не было известий от вас, милый папá. Прощайте, тысячу раз целую ваши руки.

Н. И. Павлицев:

Как видите, дорогой папá, Ольга чувствует себя довольно хорошо. <...> Девочка здорова и заметно поправляется. Лёля целыми днями гуляет. Наш дом расположен у начала большой аллеи, которая ведет в Лазенки,— это его любимое место прогулок, но погода до того скверная, что не проходит дня без дождя. Термометр не

поднимается выше 15 градусов тепла. Французский астроном Араго² утверждает, будто в нынешнем году будет не более шестидесяти хороших дней, и предсказание его пока что сбывается.

Ждем вашего письма, чтобы узнать, куда направлять наши письма. После родов жены я писал вам уже дважды, будьте спокойны относительно Ольги, и вы сами будьте здоровы!

Н. Павлицев

¹ Семья Сонцовых на лето собиралась переехать в свое имение Коровино в Рязанской губ.

² Араго Доминик Франсуа (1786—1853) —

французский астроном, физик, секретарь Парижской Академии наук, директор Парижской обсерватории.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

*ПЕРЕПИСКА
АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА
ПУШКИНА
С НИКОЛАЕМ ИВАНОВИЧЕМ
ПАВЛИЩЕВЫМ*

1834—1836

80 Н. И. Павлицев:

[Варшава, 26 апреля/8 мая 1834]

Милостивый государь
Александр Сергеевич,

Узнавши из писем Сергея Львовича, что вы берете на себя труд уплачивать долги Льва Сергеевича и доставлять ежегодное содержание жене моей, я нужным считаю объяснить с вами насчет этих двух предметов.

Лев Сергеевич, живя здесь почти два года, часто бывал в крайнем положении и делал долги. Нередко случалось мне выручать его из беды, занимая на честное слово деньги для удовлетворения нужд его. Отъезжая отсюда, он обещал выслать из Петербурга должную им сумму и даже оставил мне счет своим долгам; но не исполнил того, не отвечав даже ни слова на три письма мои. Многие заимодавцы его ропщут и не раз уже обращались ко мне с своими домогательствами: я решительно отказался от всякого посредничества; между тем будучи сам в долгу за Льва Сергеевича, я вынужден обстоятельствами просить вас покорнейше о высылке мне 1539 злотых, которые я для него занял. До сих пор заимодавец довольствовался процентами; но теперь требует неотступно капитал. Денег у меня нет, занять негде, заложить нечего,— следовательно я сам в беде, из которой только вы меня выручить можете.

Сергей Львович, заботясь о долгах Л.<ьва> С.<ергеевича>, в одном письме своем изъявил желание знать, как велики они? Хотя узнать это можно всего ближе от самого Л.<ьва> С.<ергеевича>; но я посылаю собственноручный (*примерный*) счет его, который удовлетворит отчасти этому желанию. Говорю *отчасти*, потому что сверх того Л.<ев> С.<ергеевич> должен Плещееву¹ 2000 руб. ассигнац.<иями> и 30 червонцев.— Долг этот каким-то образом принял Аничков² на себя, в надежде получить деньги от Л.<ьва> С.<ергеевича> в Петербурге. Денег он не получил, а между тем Плещеев, по случаю сдачи своей роты попавши в трудное положение, требует платежа от него. Чем это кончится, не знаю; но вышла большая путаница. Есть еще у Л.<ьва> С.<ергеевича> денежные счета с Аничковым; какие же именно, мне неизвестно.

Перехожу к другому предмету. Батюшка, говоря о содержании, какое вы ежегодно будете доставлять жене, пишет, что в *первый год* вы не можете дать более 1500 руб., а в следующие дадите может быть и больше. Соразмерявши до сих пор расходы свои обещанному Сергеем Львовичем пособию, я не могу не сделать вопроса: с какого именно времени считаться будет *первый год*? Для разрешения его надобно войти в некоторые подробности.

Батюшка назначил когда-то содержание жене моей по *четыре тысячи* в год, назначение это было принято с полною благодарностию. Не смотря на то, в первые два года дано было только по 2 т., в последующие два по 1500, а в остальные еще менее, так что в последние 20 месяцев пребывания нашего в Варшаве вся выдача ограничилась только тысячею руб. Оставленный таким образом на одном царском жалованьи, я не смел никогда роптать, сократил расходы и только старался предупредить неприятные последствия нужды: два раза имел случай получить награду, я отказался от *чинов* и *крестов*, а удовольствовался *деньгами* для расплаты с кредиторами, и вперед, покуда положение мое не переменится, буду просить денег. Но случай не всегда может представиться, и тогда кто заплатит долги мои? Не мне одному грозит нужда: обо мне и речи нет; но жена моя, сестра ваша, имеет кажется право на участие родных в ее судьбе. Считая доходы не тысячами и сотнями, а единицами, я порадовался, что наконец вы, вступив в управление имением Сергея Львовича, будете постоянно помогать нам хотя тысячею пятьюстами руб. Но скажите, когда именно начнется *первый год*? Разрешение этого вопроса, как видите, для меня очень важно.

Итак, все содержание длинного письма моего заключается в двух просьбах: 1) прислать мне без отлагательства 1539 злотых, должных Л.<ьвом> С.<ергеевичем>, и 2) уведомить положительно на счет срока, с которого считается *первый год*. Я надеюсь, что вы поспешите исполнением моих просьб,— что не оставите письма этого без ответа: адрес мой есть у С.<ергея> Л.<ьвовича>, но на всякий случай вот он: *Помощнику статс-секретаря Государственного совета*.

Примите уверения в совершенном почтении и преданности, с которыми имею честь быть

вашим покорнейшим слугою
Николай Павлищев

Лев Сергеевич должен мне не 1120 злотых,* но по счету, который я послал ему еще в прошлом году
С октября прошлого 1833 по июнь сего года процентов от суммы 200 руб. серебром по 1 со ста

1432 зл.<отых> 15 гр.<ошей>

106-20

Итого..... 1.539-50, что на ассигнации, полагая 184 зл. за 100 руб., составит 837 рублей ассигн<ациями>.

* Кроме 400 зл.<отых>, которые он должен мне по висту и заплатит когда-нибудь при деньгах.

Адрес: Его высокоблагородию Александру Сергеевичу Пушкину.

¹ Плещеев Александр Павлович (1793—1867)
— офицер-артиллерист, приятель А. С. Пушкина
и товарищ Л. С. Пушкина.

² Аничков В. И.

81 А. С. Пушкин:

[4 мая 1834 г. Петербург]

Милостивый государь
Николай Иванович,

Благодарю Вас за Ваше письмо. Оно дельное и деловое; следовательно отвечать на него не трудно.

Согласясь взять на себя управление батюшкинова имения, я потребовал ясного расчета долгам казенным и частным, и доходам.

Батюшка отвечал мне, что долгу на всем имении *тысяч сто*, что процентов в год должно уплачивать *тысяч семь*, что недоимок *тысячи три*, а что доходов *тысяч 22*.

Я просил все это определить с большею точностью, и батюшка не успев того сделать сам, я обратился в ломбард и узнал наверное, что

Долгу казенного	190,750
Что процентов ежегод.<ных>	11,826
Что недоимок	11,045
(Частных долгов полагаю около	10,000)

Сколько доходу, наверное знать не могу, но, полагаясь на слова батюшкины и ставя по 22,000 выдет, что, за уплатою казенных процентов, остается до 10,000¹.

Из оных если батюшка положит по 1,500 Ольге Серг.<еевне>, да по стольку же Л.<ьву> Серг.<евич>чу, то останется для него 7,000. Сего было бы довольно для него, но есть недоимки казенные, долги частные, долги Льва Серг.<еевича>, а часть доходов сего года уже батюшкой получена и истрачена.

Покаместь не приведу в порядок и в известность сии запутанные дела, ничего не могу обещать О.<льге> С.<ергеевне> и не обещаю. Состояние мое позволяет мне не брать ничего из доходов батюшкина имения, но *своих* денег я не могу и не в состоянии приплачивать.

На днях <.....>74 души не заложенных <.....>². *Надеюсь* получить тыся<ч если не> будет запрещений на им<ении. Из> * них пришлю Вам долг Л.<ьва> С.<ергеевича>³.

С истинным почтением и преданностью остаюсь

Ваш покорнейший слуга

А. Пушкин.

4 мая 1834.

С.П.Б.

Я еще не получил от батюшки доверенности, <а уж>е <?> ** в один месяц *из моих* денег уп<латил> уже в один месяц *** 866 за батюшку, а за Л.<ьва> С.<ергеевича> 1,330: более не могу⁴.

Адрес: Его высокоблагородию м.г. Николаю Ивановичу Павлищеву

В Варшаву

Помощнику статс-секретаря Гос<ударственного> совета.

¹ Справку из Опекунского Совета о положении дел по займам отца под залог крепостных душ Пушкин получил от С. А. Соболевского.

² Пушкин взял ссуду в Опекунском совете под залог 74 душ, получив за них 19 июля 1834 г. на руки 13242 руб.

³ Долг Л. С. Пушкина Павлищеву в сумме 837 руб., уплаты которого требовал Павлищев, Пушкин уплатил 23 июля.

⁴ Эти долги отца и брата Пушкин уплатил в апреле 1834 г.

82 Н. И. Павлищев:

Варшава, 25 октября/6 ноября 1834.

Милостивый государь
Александр Сергеевич,

По слухам, дошедшим до батюшки, что вы уже воротились из деревни в Петербург, я спешу поблагодарить вас за деньги, высланные вами на удовлетворение одного из безотвязных заимодавцев Льва Сергеевича. Не худо б расплатиться и с

* Угол листа оторван

** Прорвано

*** Уже в один месяц *написано дважды.*

другими, в особенности с Плещеевым¹ и Гутом²; но это Лев Сергеевич должен знать лучше нас с вами.

В последнем письме вы спрашивали, скоро ли родит Ольга? 8/20 октября она разрешилась сыном *Львом* благополучно; не пишет сама к вам потому, что глаза у нее еще очень слабы. Вы были так добры, что обещали прислать что-нибудь к ее родам; теперь, более нежели когда-нибудь, вы сделаете доброе дело исполнением благого вашего намерения. Крайность положения моего вам известна, и говорить о ней больше было бы здесь повторением всего прежде к вам писанного, Если у вас нет лишних тысячи полторы, то я убедительно прошу выкупить в ломбарде ферму-ар и булавку, заложенные за 450 руб., и продать, по вашему усмотрению. Что бы не дали, я в теперешней моей нужде приму с благодарностию: здесь же покупателей не найдешь; варшавские щеголихи незнакомы с петербургскою придворною роскошью. Исполнением этой просьбы, тем или другим способом, вы истинно обяжете

покорнейшего всегда к услугам
Н. Павлицева.

NB. Мне хотелось бы знать ваш адрес: это письмо отправляю простое — в С. Петербург.

¹ Плещеев А. П.

² Гут — варшавский трактирщик.

83 Н. И. Павлицев:

Варшава 31 января/12 февраля 1835.

Милостивый государь
Александр Сергеевич!

Зная довольно хорошо домашние дела Сергея Львовича, я не могу хладнокровно подумать о намерении вашем отказаться от управления имением. Отказываясь от управления, вы оставляете имение на произвол судьбы, отдаете его в руки Михайла, который разорял, грабил его двенадцать лет сряду; чего же ожидать теперь? — первой недоимки, — продажи с молотка, и может быть зрелища, как крепостные покупают имения у своих господ. Я не говорю, чтобы Михайло купил его, — нет; но уверен, что он в состоянии купить. Положим, что управление отда-

ется не Михайлу, а другому, — и тогда последствия будут не лучше. Какой управитель удержится, когда господин, проживая доходы без остатка, будет еще делать новые долги? Я разумею здесь Льва Сергеевича. Вы заплатили за него 18 т.<ысяч>: легко станется, что чрез несколько времени новому на месте Михайлы управителю придется заплатить столько же* . Теперь было еще что заложить, а тогда? — тогда придется продать часть имения, — продать, разумеется, за бесценок, — потом еще продать и наконец остаться без имения. Конечно, вы не допустили бы до такой крайности; но у вас может также не случиться на тот раз денег, и тогда — беда неизбежна.

Все это так сбыточно, так правдоподобно, что я не мог долее оставаться равнодушным зрителем гибели, грозящей общему вашему имению. Обдумав я нахожу, что помочь беде еще можно, и считаю долгом объяснить свои мысли.

Расстройство дел Сергея Львовича происходит от двух причин: от дурного управления имением и от поглощения доходов чрезвычайными долгами Льва Сергеевича. Худое правление заменить можно хорошим; но чрезвычайные долги Льва С.<ергеевича>? — это имеет свою причину. Возможность брать без хлопот деньги в чужом кармане не обяывает знать меру, вместимость его; да и кто, при этой возможности, не станет брать полною горстью? Это рассуждение применяется к положению Л.<ьва> С.<ергеевича> Беспечная жизнь его оправдывается тем, что он, будучи незнаком с собственностью, не знает ей и цены. Дайте ему собственность, и я поручусь, что он оставит странствования свои по закавказским степям; что он, взяв имение в руки, по необходимости должен будет математически сообразить расход с приходом; — что он сделается помещиком, как всякий другой. Кроме личной пользы его, самая справедливость оправдывает эту меру. Он живет теперь насчет целого, нераздельного имения, — по этому живет на счет ваш, на счет сестры своей. Какие-нибудь восемьдесят душ, припадающих на долю жены моей, для нас не безделица; напротив, это один верный ломоть хлеба, который у меня в виду; сегодня окажись я по какой-нибудь причине ненужным для службы, завтра же, без этого ломтя, должен буду пойти по миру. — Итак справедливость требует не обижать одного, помогая другому. Я не говорю уже о том, что за расточительностью Л.<ьва> С.<ергеевича> мы остаемся три года без всякого пособия; — что скудная доля жены моей в течение этого времени умалилась, подвергнувшись залогу, для уплаты долгов Л.<ьва> С.<ергеевича> — Надо же сказать правду.

Вы скажете, быть может, что отделить Л.<ьва> С.<ергеевича> значит дать ему нож в руки; т. е. что он проживет имение. — До нищеты, конечно ни вы, ни я, никто другой из друзей его не допустит. Но если уже ему суждено прожить имение, то пускай же проживает свое, а не чужое: пускай он тогда примет за милость то пособие, которое теперь считает своим правом. Но это одни лишь предположения; я не поверю, чтобы Л.<ев> С.<ергеевич> получив имение не мог быть, если не отличным хозяином, то по крайней мере помещиком не хуже многих.

* Начало нового долга, кажется, уже существует. В числе 18 т.<ысяч> едва ли вошли долги его Варшавские, как то: Плещеева, Гута, Аничкова и многих других: вот уже около 4 т.<ысяч>.

Обдумайте, Александр Сергеевич, всю важность моего мнения. Как старший в семействе, и пользующийся доверием Сергея Львовича, вы только можете осуществить мою мысль, и тем спасти ваших родных от гибели. Я умоляю вас не отступаться от управления имением; напротив, удержав его за собою, настоять, чтобы Лев Сергеевич был отделен.— Знаю, что управление это вам в тягость; но как же быть? — Впрочем, если б жене моей дана была какая частица, то я имел бы повод взять отпуск месяцев на шесть, поехать в Болдино, и там занявшись своим, устроить наше общее: на это у меня толку станет. Теперь же ехать туда, не в качестве владельца, а в виде управителя, я не должен, и не поеду. Еще раз прошу вас обдумать все это и действовать; во всяком же случае, не оставить меня без ответа.

С истинным почтением остаюсь вашим покорнейшим слугою
Н. Павлицев.

Р. С. Никогда я не был в такой нужде, как теперь. Исправляя должность Помощника Статс-Секретаря, я числился по Министерству Ин.<остранных> Д.<ел> и как русский чиновник пользовался казенною квартирою, с отопкою и освещением. Теперь я утвержден в должности и поступил собственно в Польскую службу,— почему лишился права на квартиру. Это делает мне разницы до 2 т. р. в год. Можете представить мое положение.

84 Н. И. Павлицев:

Варшава 25 апреля/7 мая 1835

Милостивый государь
Александр Сергеевич,

Четыре месяца ожидаю от вас ответа на последнее письмо мое; ждал бы еще столько, когда б можно было. Но дела мои, становясь час-от-часу хуже, не дают отсрочки и заставляют меня теперь быть яснее, и, если можно, короче прежнего.

Я должен здесь в Варшаве слишком пять тысяч рублей. Деньги эти я не промотал, не проиграл, а прожил день за днем на необходимое, сперва на обзаведение дома, потом на содержание его,— на хлеб насущный; — от прихотей мы с женою далеки; она давно отказалась от света, а я, я разъезжаю — по канцеляриям. И так, я задолжал единственно от невозможности удержаться в границах *казенного* бюджета. Это обстоятельство и еще другие,— что половину долга взыскивают уже из

моего жалованья,— вам надобно знать для того, чтоб быть снисходительнее к моей просьбе. В *вас* разумею я старшего в семействе Пушкиных, представителя Сергея Львовича по имению, состоящему в *вашем* управлении.

Долгов моих платить вы не обязаны, оно так; но ...? этих *но* я мог бы подобрать много, но ограничусь несколькими главнейшими. Или жена моя дочь Сергея Львовича, и дети ее — внуки его, или нет; последнее невероятно, следовательно первое остается в своей силе. На этом основании я делаю вопрос: почему не *выделить* ее, не дать ей того, что раньше или позже ей должно быть отдано? Сыновей холостых, и даже женатых, не все отцы и не всегда при жизни своей выделяют; но замужних дочерей?.. все, и всегда,— так водится на святой Руси. Причитающаяся ей *законная* доля не велика,— слова нет; но все она таки кусок хлеба, и гораздо больший сего дня, нежели завтра. Заплатите завтра еще *двадцать тысяч* за Льва Сергеевича и вы обрежете этот кусок вдвое против прежнего. Что же наконец останется?.. ничего, или очень мало. Тогда как в моих руках, кусок этот не только уцелеет, но даже прокормит меня с женою и детьми, и еще — странное дело,— даст мне ход по службе, в которой все виды мои до сих пор ограничивались квартирою, дровами и свечами. Но служба в сторону, а главное в том, что я терплю нужду и решительно не могу перебиться жалованьем, которое за отчислением законной (по здешним польским законам четвертой) части на уплату долга, и такой же части на квартиру, убавилось целой половиной. По течению же дел, я вижу, что вы не можете дать и не дадите нам ничего с имения: четырехлетние обещания служат тому доказательством. И так, *отделите* нас, сделайте благое дело. С моей стороны благодарность, с вашей — спокойствие, освобождение от докучных моих притязаний: шансы, кажется, равные. Я уверен, что предложение это вы одобрите: прошу только вас, Александр Сергеевич, не откладывать этого дела, так для меня важного, и почтить меня в ответ несколькими строками, адресуя прямо в мои руки, так как все это писано покамест без ведома Ольги.

Н. Павлицев.

85 А. С. Пушкин:

[2 мая 1835 г. Петербург]

Милостивый государь
Николай Иванович

Я вам долго не отвечал, потому что ничего утвердительного не мог написать. Отвечаю сегодня на оба Ваши письма: вы правы почти во всем, а в чем не правы, о том нечего толковать. Поговорим о деле. Вы требуете сестрину, законную часть;

Вы знаете наши семейственные обстоятельства; вы знаете, как трудно у нас приступить к чему-нибудь дельному или деловому. Отложим это до другого времени. Вот распоряжения, которые на днях предложил я батюшке, и на которые он, слава Богу, согласен. Он Л.<ьву> С.<ергеевичу> отдает половину Кистенева; свою половину уступаю сестре (т. е. доходы), с тем, чтобы она получала доходы и платила проценты в ломбард: я писал о том уже управителю¹. Батюшке остается Болдино. С моей стороны это конечно не пожертвование, ни одолжение, а расчет для будущего. У меня у самого семейство и дела мои не в хорошем состоянии. Думаю оставить П.<етер> Б.<ург> и ехать в деревню, если только этим не навлеку на себя неудовольствия.

За фермуар и за булавку дают 850 руб. Как прикажете?² Не худо было бы Вам приехать в П.<етер>Б.<ург>, но об этом успеем списаться.

Я до сих пор еще управляю имением, но думаю к июню сдать его. Матушке легче, но ей совсем не так хорошо, как она думает; лекаря не надеются на совершенное выздоровление.

Сердечно кланяюсь Вам и сестре.

2 мая.

А. Пушкин.

¹ См. письмо 44.

² Об исполнении Пушкиным просьбы Павлищева см. там же.

86 А. С. Пушкин:

[3 июня 1835 г. Петербург]

Милостивый государь
Николай Иванович

Вы желаете знать, что такое состояние батюшки; посылаю Вам о том ведомость. В селе Болдине душ по 7-ой ревизии 564
В сельце Кистеневе (Тимашеве то-ж) 476

Покойный Вас.<илий> Льв.<ович> владел *другой половиною Болдина*, в коей было также около 600 душ. Эта часть продана, спустя 3 года после отречения от наследства самого наследника¹. Я не мог взять на себя долги покойника, потому что уж и без того был стеснен; а брат Л.<ев> С.<ергеевич> кажется не мог бы о

том и подумать, ибо на первый случай надобно было бы уплатить по крайней мере 60,000. Жаль, что вы в то время не снеслись со мною; кабы я мог думать, что Вы примите на себя управление этим имением, я бы мог от него не отступиться.

Вы хотите иметь доверенность на управление части Кистенева, коего доходы уступаю сестре: с охотою; напишите мне только: переслать ли Вам оную, или сами Вы за нею приедете ². Переговорить обо всем не худо было б.

3 июня
1835

Весь ваш
А. Пушкин.

Адрес: Его высокоблагородию м.г. Николаю Ивановичу Павлицеву etc. etc.
в Варшаву
Г. помощнику статс-секретаря.

¹ Законным наследником В. Л. Пушкина был его брат С. Л. Пушкин. Однако, желая оставить имение своей внебрачной дочери, В. Л. Пушкин выдал ей и ее матери заемные письма на 110 тысяч рублей. Пушкин хотел удержать за собою половину Болдина, принадлежащую В. Л. Пушкину, но денег не нашел, и эта часть имения бы-

ла продана с аукциона в 1835 году полковнику С. В. Зыбину за 220 тысяч рублей.

² Доверенность Павлицеву Пушкиным не была выдана — вероятно, потому, что он в это время сложил с себя управление отцовским имением и препоручил все дела И. М. Пеньковскому.

87 Н. И. Павлицев:

Михайловское, 27 июня 1836

Я ехал сюда, предубежденный в пользу управителя. С этим предубеждением я принялся на досуге рассматривать его прихода-расходные книги, и — вот что оказалось. — Имейте терпение прочитать все со вниманием: я трудился больше для вас, нежели для себя. Речь идет здесь только о последних 18 месяцах, которые управитель провел здесь один, без господ.

1. Рожь. Посев 30 четвертей, умолот 144, следовательно сам 4. Умолот самый жалкий; не говорю о соседях, у которых намолочено от 7 до 12 зерен; сами крестьяне наши у себя собрали от 5 до 8. — По биркам рижника оказалось в умолоте 159 четв., да на гребле утаено 9, и того 168, следов., украдено 24 четв. — Продано 44 ч. в сложности по 22 р., тогда как у других и везде цена была от 26 до 30 р. — Итак на цене украдено 220 р., да на зерне 24 ч., или 600 р., а всего на ржи украдено 820 рублей.

2. Жито. Посев 10, умолот 35 четв., т. е. сам 3 1/2. Против других очень дурно, да и тут по биркам недостачи 2 четверти. Оставшееся в амбаре жито, которое вы-

220

давалось дворовым в месячину, по полам с мякиной; по этому на месячине украдено 4 четв., да на умолоте и гребле $2\frac{1}{4}$ и того $6\frac{1}{4}$ четвертей, что по его же управителя ценам (19 р.) составит 118 рублей.

3. Овес. Посеяно 41 четв., а собрано 62, т. е. сам $1\frac{1}{2}$. Урожай был плохой: однако и мужик иной намолотил от 2 до 3 зерен (не говорю опять о соседях, где пропорция вдвое). С бирками верно; а растрата произошла от слишком поздней уборки. Убыток до 60 четв., что по прошлогодней цене дало бы 700 рублей.

4. Греча. С 6 четвериков собрано только $1\frac{1}{2}$ четверти. Весьма дурно: утаенные $1\frac{1}{2}$ четверти съедены управителем, — ибо теперь в доме ни зерна.

5. Горох. Посеяно $1\frac{1}{2}$ ч., а собрано $6\frac{1}{2}$. Есть грех, да неважный.

6. Лен. Что посеяно, то и собрано, т. е. 1 четверть 5 четвериков — Намято только четыре берковца. По урожаю, отличному в прошлом году у всех без изъятия, с четверти намяты надо было до 4 берковцев, по этому крадено 2. Но вот что из рук вон: продано 3 берковца, по 25 р.!!... Цена во всем околodge, и по Псковской губернии была от 65 до 75 р. наши мужики продавали своей не ниже 65; в прошлые годы цена бывала и по 120 р. Каково же? — на одной продаже украдено слишком 150 рублей.

7. Сено. Прошу прислушаться. Накошено и с 1 января 1835 перевезено 8695 пудов. Все это израсходовано на корм скота, овец и лошадей в 10 зимних месяцев, — и еще прикуплено 20 пудов. Ужасно! При самой щедрой даче (по $\frac{1}{2}$ пуда в сутки) нельзя было истравить на пять лошадей больше 750 пудов; скотина же, по всем справкам и очным ставкам, не видала сена больше 2 возов, а овцы больше двух недель, в доказательство чего истреблена вся яровая и ржаная солома двух лет; к тому же скот и овцы, не смотря на хороший подножный корм, еще худы и не вылиняли. И так, отсчитав на них еще 750 п. самую щедрю рукою, выходит недостачи 7195 пудов. Если положить его, так как в нем половина болотного, по 30 коп. вместо 80 (по которой сам управитель купил 20 п.), то оказывается кражи 2150 рублей. Трудно поверить, а так точно говорят его книги, оправдываемые его молчанием. Поверит ли кто, чтобы управитель, имея 8 тысяч п. сена, стал покупать его пудами в городе, при своих поездках; — а это также записано по книгам.

8. Масло. Всего в приходе в 18 месяцев выведено 9 пудов, от 20 дойных коров прошлого и 16-ти нынешнего. Дерзкое плутовство! Хорошая корова дает в год пуд масла; положим, что его тощая давала $\frac{1}{2}$ п., и тут должно быть по крайней мере 18 пудов, что по его же собственным ценам составит убытка 135 рублей.

9. Птицы. На корм их (34 больших и 96 деток) показано в год с лишком 10 четвертей разного хлеба, что делает 224 р. — а все-то они (по его же ценам) не стоят и 60 р. Они так худы и во вшах, что я велел их откармливать, а для себя купил у Исака (отправленного уже в Болдино) курицу с цыплятами.

Если разбирать каждую статью, то не было б письму моему конца. Довольно прибавить, что в холсте, пряже, шерсти, да в поборе с крестьян гусей, кур, свиней, яиц, шерсти, пеньки и пуху, я не досчитался больше половины.

Обо всем этом составлены у меня подробные ведомости, из которых видно, что управитель, в прошлом году, батюшке дал 630 руб., в расход вывел 720 руб., а 3500 руб. украл.— Воровство страшное: а от чего? от того, во первых, что управитель вор; а во вторых, что он, получая 300 р. жалования и руб. на 260 разных припасов, по положению батюшки, не может прокормить этим себя, жену, пятеро детей и двух баб (которые у него в услужении, из деревни); да и что он за дурак — тратить на это свое жалованье. По простому деревенскому положению, ему на хлеб (месячину), на отопку 3 печей, на масло, свечи, бараны, птицы, на замен двух баб и старосты (который сидит по-пустому и получает месячину) нужно без малого 1000 рублей. Денег этих в расходе показать он не смел, а утаив их в приходе, запутался и открыл все свое воровство.— Прибавьте к этому страшные порубки в лесах, особенно на Земиной горе, от неимения караула более года (при мне староста с Архипом поймали порубщика), жалкое состояние строений, особенно птични (которая к зиме развалится) и скотного двора; нищенскую одежду дворни (наприм. 5 ф. в год льна на душу), своевольный наряд в барщину (например, делать для него дрожки) и пр. и получится полное понятие о нерадивом и плутовском управлении г. Рингеля.

Я не мог скрыть мое негодование. Я призвал управителя и высказал, или высчитал ему по книгам (так называю я какие-то бестолковые записки) и по пальцам все его проделки, обличающие и плутовство, и лень, и невежество. Он молчал, и в заключение вымолвил: не погубите (не разглашайте). На вопрос мой, что заставило его итти на 560 р.? — отвечал он: крайность. После этого объяснения, я не мог считать его доверенным лицом. С другой стороны сообразив, что амбары пусты (всего 20 четв. ржи, $\frac{1}{2}$ ч. овса и 1 жита); что нет ни крупы, ни картофеля, ни гороху; что сена ни клока, а соломы ни стебла; что поэтому придется кому-нибудь из нас голодать; что управлять вшивыми птицами и паршивым скотом сумеет всякая баба, — я ему отказал, в полной уверенности, что вы мне еще скажете спасибо за избавление вас от расчета с подобным плутом. После этого я сделал следующее: хлеб в амбаре перемерял и поручил старосте, сад с пчельником Архипу, птиц птичнице, скот скотнице под надзором Степаниды (по удою) и старосте (по корму). Все это было третьего дня; вчера успел я землю, которая ходила в 75 р., отдать за 95; другую, ходившую в 175 р., берут у меня за 245 и т. д. Работ в поле никаких нет; с Петрова дня начнут сенокос. О том, что и как делать вперед, я сообщу, если вам угодно будет, мои соображения. Теперь же у меня голова ходит кругом; но не от хозяйства, а от положения Ольги. Она больна и очень больна с самого приезда: кашель ужасный и грудь болит; сего дня лихорадочная дрожь; не знаю, что делать. Доктора она не хочет и не позволяет послать за ним; потерплю еще день, и увижу, что делать. Желая вам здоровья с детками; Наталье Николаевне и сестрицам ее мое усерднейшее почтение.—

Преданный вам *Н. Павлицев.*

Адрес наш:

в г. Остров, барону Борису Александровичу Вревскому.

Михайловское, 11 июля 1836

Из письма моего от 27 июня вы знаете, Александр Сергеевич, что я прогнал управителя. С того времени хозяйство идет своим порядком, без хлопот. Косят сено, да ставят в скирды,— а там примутся за жатву. Теперь я на досуге, познакомившись коротко с имением, размышлял долго о том, как кончить раздел его,— и вот мое мнение.

Оценка ваша по 500 р. за душу не имеет, позвольте сказать, никакого основания. Душа душе розь; продается она в Псковской губернии по разной цене; Львов, наприм., или Росихин не уступит своих и по тысяче, а другой отдаст свои и по 300. Дело в том, что цена всякого имения определяется доходом с него получаемым. Дом у Полицейского моста дает 80 т<ысяч>, а такой же на Выборгской стороне 10 тысяч; первый стоит миллиона, а последний не стоит и 150 т<ысяч>. Применим это к Михайловскому.

Во первых, в Михайловском земли не 700 десятин, как вы полагали, а 1965, с саженями, т. е. без малого 2000, как видно из межевых книг и планов, лежащих у меня под рукою. Ошибка ваша произошла от того, что вы вместо двух описей межевых книг, взяли здесь одну, и то не Михайловского, а Морозова с прочими деревнями. По книгам и планам, говорю, в Зуеве, что ныне Михайловское, с прочими деревнями, по межеванию 1786 года, земли количество следующее:

пашенной	848 десятин	878 саж.
сенного покосу	216 —	936 —
лесу дровяного	320 —	2070 —
под озерами	471 —	352 —
под мызою, деревнями, огородами, ручьями и дорогами	108 —	2302 —
Итого	1965 десятин 1738 сажен	

в том числе, показано неудобной только 48 десятин. На этом пространстве в 1786 году было 190 душ, из них сто слишком выселены под Псков (для г-жи Толстой)¹, а осталось теперь по последней ревизии 80 душ.

И так, в отношении земли, Михайловское есть одно из лучших имений в Псковской губернии. Пашенная земля, не смотря на запущенную обработку родит изрядно; — пастбищных лугов и отхожих сенных покосов вдоволь; лесу порядочно, а рыбы без числа. Далее.

Средний доход с имения определяется 10-ти летнею сложностью. Для этого надо было б иметь под рукою приходо-расходные книги 10 лет. Но их нет (а если б и были, то не могли б служить поверкою, быв составляемы плутами и грабителями, подобными Рингелю); к счастью, что хоть за 1835 книги я успел захватить у приказчика. Делать нечего: положимся на Рингеля. Не будем считать, что он украл

пудов 2000 сена, четвертей 30 разного хлеба, пудов 13 масла, берковца 2 льна и т. п.; что на одних оброчных землях я тотчас сделал до 200 р. прибыли; что на худой конец Михайловское, при прошлогоднем дурном урожае, дало до 5 т. <тысяч> чистого дохода (в удостоверение чего составлены у меня подробные расчеты); не будем считать всего этого, и положим, что Рингель не украл ни гроша. Все-таки по его книгам, за отчислением расхода на посев, на дворовых, на лошадей, на скот и птицы, чистого дохода выведено около 3600 рублей. Это уже самый низший доход: для получения его нужен капитал 80 т. руб., следовательно Михайловское равно капиталу 80 т., а душа 1000 руб.— Положим, что имение всегда будет опустошаемо наемными приказчиками; что будут опять неурожай; что доход еще уменьшится до 3 т., в таком случае получится капитал 75 т.; сбавьте еще на грабеж и неурожай 5 т., и тут имение сохранит цену 70 т. Вот самая близкая и низкая оценка.

Так делаются оценки, Александр Сергеевич. Время мною здесь проведенное я считаю не потерянным. Я знаю теперь имение как свои пять пальцев, и ручаюсь, что если прикупить 100 штук скота (на 250 руб.), то оно на следующий год даст 5 т., а там и больше, по мере удобрения. Лугов довольно и для прокормления 400 штук скота; какова же была б посылка! у одного из здешних помещиков удобренная земля дает до 20 зерен. Наша и без позема дает до 5-ти. Заметьте это. К тому же запашка здесь слишком велика: я убавил три десятины, неудобренные и необещающие семен,— и отдал их из 5-го снопа. Позволять себя обкрадывать, как Сергей Львович, ни на что не похоже. Вы говорили, помнится мне, однажды, что в Болдине земли мало, и запашка не велика. А знаете ли, как мала она? 225 четвертей одной ржи, т. е. вдесятеро больше против здешнего (это начитал я нечаянно в одном из писем Михайлы к батюшке, заброшенных здесь в столе). Обыкновенный урожай там сам 10; по этому в продаже должно быть *одной ржи* до 2000 четвертей, на 25 т. рублей. Каково ж было раздолье Михайле? ну, уж право не грешно взять с него выкупу тысяч 50: он один стоит Михайловского, также им ограбленного. Но к делу.

И так, самая низкая цена Михайловскому 70 т. Я хлопочу о *законной*, справедливой оценке потому, что действую не за себя, а за Ольгу с сыном и за Льва. Чем справедливее оценка, тем *законнее* будет выделяемая $\frac{1}{14}$ часть. Если имение купите вы, то я готов спустить еще 6 т., и отдать вам его за 64 т., т. е. по 800 руб. душу. Ниже этого нельзя ни под каким видом. Таким образом вы заплатите Ольге вместе 8500,— 13.700,— капитал составляющий все достояние нашего сына,— залог его существования, в случае моей смерти, или удаления от службы, по каким-нибудь непредвидимым случаям. Разумеется, что и Лев поблагодарит, получа вместо 15.700 — 25.000,— о чем я уже писал ему.

Вот основание, на котором должно делиться. Раздел этот можно произвести двояким образом, или продажей имения, или дележем его в натуре. Последний способ будет для наследников не выгоден; ибо держась справедливости и закона, пришлось бы для уравнения делить имение по клочкам, т. е. наделить каждого и пашенною землею, и лесом, и лугами, и водою, и садом, и скотом и т. п.,— раздробление, от которого имение потеряло б цену, и каждый из нас остался б в убытке.— Остается способ продажи — Ольга купить не может, потому что не может заплатить вам и Льву 50 т.; Лев также, потому что нуждается в деньгах: остаетесь

вы. Если же и вы не хотите, то придется продать имение в чужие руки. Покупщики найдутся,— я ручаюсь; для них можно даже возвысить цену до 70 т.— *Объявление об этом должно немедленно сделать в газетах*: для объявления вы в этом письме имеете все данные.

Ожидаю от вас ответа решительно, а пуще всего, безотлагательного. Срок моему отпуску настанет 15 августа: просрочив, я могу потерять много, и даже место. Уезжать, не кончив дела, я считаю безрассудным. Вам надо поспешить сюда, не дожидаясь доверенности Льва Сергеевича; ибо я могу здесь действовать за него по доверенности, которую я получил еще в Петербурге. Не забудьте только сделать *в газетах вызов кредиторам и должникам покойной матушки*. Я ожидаю вас, и очистил для вас флигель, если вам не вздумается стать в доме. Не забудьте также, Александр Сергеевич, что малейшая с вашей стороны проволочка может нанести мне вред ничем не вознаградимый.

Не знаю, в каком положении вы найдете Ольгу. Здоровье ее день ото дня хуже; кашель не перестает, а к кашлю присоединились еще какие-то лихорадочные припадки. Против воли ее посылал я за доктором, который и приезжал; но она не приняла и не принимает его лекарства; о докторе и слышать не хочет.— Я в мучительном положении; попытаюсь еще раз призвать доктора, а там одна надежда на Бога!

Мое почтение Наталье Николаевне. Деток ваших целую

Н. П.

¹ Толстая Устинья Ермолаевна (ум. около 1810) — новоржевская помещица, на которой в 1779 г. О. А. Ганнибал женился при живой жене, Марии Алексеевне Пушкиной. Незаконный брак был аннулирован по указу Екатерины II.

О. А. Ганнибал тем же указом от 17 января 1784 года отправлен «на целую кампанию в Северное море, дабы он службою погрешения свои наградить мог.» (Полный свод законов Российской империи, № 15946).

89 А. С. Пушкин:

[13 июля 1836 г. Петербург]

Я очень знал, что приказчик плут, хотя признаюсь не подозревал в нем такой наглости. Вы прекрасно сделали, что его прогнали, и что взялись сами хозяйничать. Одно плохо; по письму Вашему вижу, что, вопреки моему приказанию, приказчик успел уже все распродать. Чем же будете Вы жить покамест? Ей богу не ведаю. Ваш Полонский¹ ко мне не являлся. Но так как я еще не имею доверен-

ности от Льва Сергеевича, то я его и не отыскивал. Однако где мне найти его, когда будет до него нужда. Батюшка уехал из П.<етер>Б.<урга> 1-го июля — и я не получал об нем известия ². Письмо сестры перешлю к нему, коль скоро узнаю куда к нему писать. Что ее здоровье? От всего сердца обнимаю ее. Клянюсь также милой и почтенной моей Праск <овье> Алекс <андровне> ³, которая совсем меня забыла. Здесь у меня голова кругом идет, думаю приехать в Михайловское, как скоро немножко устрою свои дела.

13 июля.

Адрес: Его высокоблагородию м.г. Николаю Ивановичу Павлищеву.
В гор. Остров оттуда во Врев.

¹ Полонский Василий Иванович, доверенный Н. И. Павлищева, которого последний рекомендовал Пушкину для составления объявления о продаже Михайловского.

² С. Л. Пушкин поехал, по-видимому, в Болдино.

³ П. А. Осипова.

90 Н. И. Павлищев:

Михайловское, 1 августа 1836

Вы требуете окончательной оценки. Я уже сделал ее, по действительному доходу 1835 г. — в 64 т. По первому письму моему вы видели, что на счета управителя нельзя полагаться: он украл до 3 т. рублей. И так, объявляйте о продаже имения, обратясь к Василию Ивановичу Полонскому, столоначальнику в Гражданской Палате. Во втором письме моем имеете все данные; прибавьте 100 душ женска пола, и господской запашки в трех полях 71 десятина.

Предлагаю вам еще одну сделку, если разумеется Сергей Львович согласится выделить Ольгу. Ей причитается в Нижегородском имении 80 душ, что по 600 р. душа (за вычетом 200 закладных) дает 48.000. По моей оценке приходится вам и Льву получить за Михайловское (за вычетом 13.713 на долю Ольги) каждому по 25.143 р., обоим 50.287. Если вы согласны на эту мену, то я приняв Михайловское, заложу его в 12 тысяч (за Псковскую душу с добавочными 50 р. дают только 150), из коих тотчас 5.143 р. посылаю Льву Сергеевичу, а остальные употребляю на расплату с своими долгами, и на поправку имения. Таким образом останусь я вам должным 25.000, а Льву 20.000, которые и заплачу Нижегородским имением.

К предложению этому побуждают меня следующие причины: 1) получить 80 д.<уш> в Нижегород. имении, без господской запашки и без всякого заведения, не

очень выгодно, особенно тому, кто подобно мне хочет заняться имением; 2) оно далеко, и одно принятие его вовлекло б меня в новые, даже неоплатные долги; в соединении с целым оно имеет свою цену; 3) Михайловское же мне уже известно, так что я могу управлять им и из Варшавы; к тому же оно близко к Варшавской дороге, — выгода, для всякого другого ничего не значущая; 4) получа Михайловское, я посредством заклада могу тотчас иметь деньги, нужные мне до зареза; 5) оно в моих руках будет кусок хлеба — а в ваших, простите, откровенности, дача, игрушка, которой вы впрочем всегда можете пользоваться.

Если вы согласны, то дайте мне доверенность подобную доверенности Льва, у меня имеющейся. С ними я могу войти во владение и заложить имение в самое короткое время. Лев Серг.<еевич> поймет конечно эту сделку и не будет противиться. Между тем, до получения Нижегородского имения, я откажусь в пользу вашу и Льва, в виде процентов с долга, от доли Ольги с Кистеневского имения 1000 рублей. (Вы вспомните, конечно, что батюшка, по вашему предложению, отдал доходы с Кистенева на троих и что они составляют в год 3000, если не ошибаюсь).

По получении вашей доверенности я тотчас пишу к Сергею Львовичу, и на основании нашей сделки требую выдела Ольги. По этой сделке я буду иметь предлог и право требовать выдела. Если он заламается, то Бог с ним и с имением. Продавайте Михайловское, — и только. На всякий случай объявление о продаже будет уже в газетах.

Из лучших покупателей, Львов на водах, а Росихин в Москве; других я еще не приискал, и едва ли приищу; потому что по болезни Ольги я нигде не был и никого не видел. Согласитесь лучше, Александр Сергеевич, на предлагаемую мною сделку, — и дело с концом.

Здоровье Ольги начало поправляться, и то grâce à un médecin de village, un sorcier à barbe *. Удивительно, а право, он ей помог баней и травой, если не нашептами. Об лекаре она и слышать не хотела.

Прасковья Александровна не сидит на месте; часто летает во Врево, — (особенно когда приближались роды Евпраксии Николаевны, которая между прочим родила дочку) — вчера прискакала из Пскова. Вревских мы видели только тогда, когда ехали сюда, мимоездом.

В заключение я должен убедительно просить вас отвечать мне с первою если можно почтою на это письмо; — впрочем ответы ваши до сих пор ne se faisaient pas attendre **. Мое почтение Наталье Николаевне и всем вашим.

Н. П.

* благодаря деревенскому лекарю, бородатому знахарю (фр.).
 ** не заставляли себя ждать (фр.).

91 А. С. Пушкин:

[Около (не позднее) 13 августа 1836 г. Петербург]

Пришлите мне сделайте одолжение *объявление о продаже* Михайловского, составя его на месте; я так его и напечатаю. Но постарайтесь на месте же переговорить с *лучшими* покупателями. Здесь за Михайловское, один из наших соседей, знающий и край и землю нашу, предлагал мне 20,000 рубл.! Признаюсь, вряд ли кто даст вдвое, а о 60,000 я не смею и думать. На сделку вами предлагаемую не могу согласиться и вот почему: батюшка никогда не согласится выделять Ольгу, а полагаться на Болдино мне невозможно. Батюшка уже половину имения прожил и проглядел, а остальное хотел уже продать. Вы пишете, что Михайловское будет мне игрушка, так — для меня; но дети мои ничуть не богаче Вашего Лели; я их будущностью и собственностью шутить не могу. Если взяв Михайловское понадобится вам его продать, то оно мне и игрушкою не будет. Оценка ваша в 64,000 выгодна; но надобно знать дадут ли столько. Я бы и дал, да денег не хватает, да кабы и были, то я капитал свой мог бы употребить выгоднее. Кланяюсь Ольге; дай бог ей здоровья — а нам хороших покупателей. Нынче осенью буду в Михайловском — вероятно в последний раз. Желал бы Вас еще застать.

А. П.

Адрес: Его высокоблагородию м.г. Николаю Ивановичу Павлищеву.
В Остров, в село Врев.

92 Н. И. Павлищев:

Михайловское, 21 августа [1836 г.]

Предложив вам меняться Михайловским на Нижегородское имение, я ожидал скорого ответа. Ответа нет, а между тем меня зовут в Варшаву. Срок моему отпуску минул вчерашнего дня. Я еще заранее писал Статс-Секретарю — испросить мне отсрочку на один месяц, по болезни. К 20 сентября я должен быть непременно в Варшаве, — иначе могу потерять много. Если б ответ ваш пришел вовремя, т. е. неделю тому назад, и с согласием на сделку, то я б успел еще, с доверенностями вашей, Льва и Ольги съездить в Остров и приискать денег; в случае неудачи мог бы еще списаться с вами. Но теперь все это уже поздно. Мне не с чем выехать и не с чем приехать, чтобы расплатиться с кредиторами, арестовавшими четвертую часть моего жалованья. Эта крайность заставляет меня отказаться как от меновой сделки, так и от продажи имения в чужие руки — продажи, требующей времени.

Возьмите Михайловское за 40 тысяч, только выручите нас из беды. Если не можете заплатить Ольгиной доли сполна, то дайте на первый раз хоть 2500; остальные 5 тысяч (за вычетом 1000, уже нами полученной) будут за вами, год или два, смотря по обстоятельствам. Без 2500 я не смею явиться в Варшаву. Обещания фельдмаршала, как вижу, не надежны. Деньги эти, вместо высылки по почте, лучше вам самим привезти сюда, по причинам ниже объясненным. Только не забудьте, Александр Сергеевич, что 20 сентября я должен быть в Варшаве, что следственно 15-го я должен быть уже в дороге.

Я зову вас сюда для того, чтоб сдать вам на руки разные документы по имению и другие бумаги по хозяйству. Платя 25 т. <ысяч> за имение, вы конечно захотите знать его хоть поверхностно. Никто, кроме меня, не даст вам объяснений, — а объяснения мои, хочу надеяться, могут быть вам в свое время полезны. В несколько часов, на листе бумаги, вы познакомитесь с здешним хозяйством, а познакомясь с ним, вы не дадите обманывать себя, подобно батюшке, ни здесь ни в будущем вашем Нижегородском имении (если разумеется батюшка его не промотает или не проплачет). Управителя здесь совсем не нужно. Староста мною избранный, бывший рижник Петр, малый расторопный и надежный. По моим наставлениям, по формам, которые я дал для ежемесячной отчетности, вы будете в состоянии и из Петербурга поверять его действия. Все хозяйство разделил я на две части: одною заведует староста, а другою Архип садовник, которого также вам рекомендую. У первого в ведении: полевые работы, хлебные амбары, лес, сбор подушного, оброчные статьи, расход хлеба, продовольствие скота и домашние постройки и починки. У последнего: птицы, пчелы, счет и приплод скота, масло, шерсть, лен, пряжа, огороды, сад, дом, и надзор за дворнею. Тот и другой имеют формы и книги, по которым должны вести отчетность, каждый по своей части. От меня узнаете, что и сколько чего должно от них требовать. Я с охотою занимался хозяйством, и не даром; могу быть вперед порядочным, если не помещиком, то хоть арендатором, или управителем. Je crois, que j'ai manqué ma véritable vocation*.

И так, я зову вас сюда, дня хоть на два, или на три. Не забудьте также, что рекрутский набор на носу. Не худо б забрить лоб кому-нибудь из наследников Михайлы; жаль, что сам он ушел от рекрутства. Но это вы сами решите. — Между тем я могу получить на днях согласие ваше на меновую сделку. Вот употребление, которое намерен я из него сделать. Пишу тотчас С. <ергею> Л. <ьвовичу>, и на основании сделки требую выдела Ольги, чтобы расплатиться с вами и со Львом. Это только дипломатическая хитрость, для пробы отцовской любви. Разумеется, что через несколько времени потом я уведомяю его, что сделка не состоялась, по причинам, требовавшим немедленного отъезда моего в Варшаву. Посмотрим, что скажет Сер. <гей> Л. <ьвович> — авось образумится. Ведь сам же он говорит в письме к Пр. <асковье> А. <лександровне>, что «*ma présence à la campagne de Nijni*

* Мне кажется, я ошибся в своем истинном призвании (фр.).

n' est bonne à rien; j' ai perdu toutes les facultés intellectuelles, je suis presque aliéné». *

Так как вы будущий владелец Михайловского, то для надлежащего сведения честь имею сообщить следующее.— В мое управление накошено сена до 4000 пудов, нажато ржи 21.000 снопов, засеяно 23 десятины, по 1 ч. 3 чк. на десятину. Посев кончен ранее обыкновенного, по примеру порядочных хозяев. По умолоту 3600 снопов, урожай оказался сам 5 ¹/₂,— недурно для земли, которая до сих пор удобрялась щедротами творца; останется за расходом до 80 четвертей в продажу. Соломы на подстилку вдоволь; при хорошем корме скота позему к весне будет довольно и хорошего. Сена за расходом останется пудов пятьсот. Масла коровы дают покамест около полпуда в неделю; — в год накопится до 16 пудов — слишком вдвое против прежнего. Яровое еще в поле. Все работы идут успешно, гладко. В одно время жали, молотили, пахали и сеяли, и не было ни суеты, ни беспорядка. В то же время выстроил я сарай для спашки, и перестраиваю птичник, чтоб не заморозить птиц по прошлогоднему. Скотный двор негоден: нужен каменный или на каменных столбах. Дом, как известно вам, валится: это уж постройки капитальные. Повторяю мое желание вас видеть, хоть на пару дней. Собственная ваша польза требует вашего сюда приезда, а наша — приезда с деньгами. 15 сентября должен я выехать, под страхом большой ответственности.

Здоровье Ольги поправляется. Мы никуда еще не выезжали. Пр.<асковья> А.<лександровна> сидит дома, — лечится. Вревские были у нас раза два. Веньямин Петрович нас изредка навещает; соседство его, как опытного хозяина, может быть очень полезно. Сергей Львович писал к нам из Зарайска. Поручил заплатить за него в Новоржев долгу 200 руб., для чего и продать лошадей. Лошадей здесь всего четыре, которые нужны в работу и на позем. Я не продал их. Да и неужто не собрать ему 200 р. в Нижегородском имении!.. К тому же я дал Исаку кучеру на дорогу 100 рублей. Карету поручил он продать Вревскому и прислать ему деньги!!.. За повара Алексашку, что в Пскове, он не платил ни гроша: теперь надо заплатить слишком 750 рублей. Старик молчит. Если он не выделит Ольги, так я по крайней мере потешусь: выскажу ему много горькой правды, да так чтобы и Сонцев знал. Не пройдет ему даром это равнодушие, с которым он смотрел, как я рвался в Петербург, чтобы найти денег на дорогу. Но об этом довольно. Кланяюсь усердно вам и Наталье Николаевне: ожидаю вас или денег.

Преданный вам Н. П.

Предлагая вам мену, я оценил Нижегородскую и псковскую душу в 800 руб., ту и другую. В казну Псковская душа принимается 50-ю руб. ниже, — что на 80 душ составит 4 тысячи, следственно Михайловское в этой мене должно итти не за 64, а за 60 тысяч. Я не люблю ошибок, — хотя ошибка эта не ведет уже ни к каким последствиям. Грех исправлять простительно и похвально.

* мое присутствие в Нижегородском имении совершенно бесполезно; я потерял все мои умственные способности; я почти лишился рассудка (фр.).

Михайловское, 28 августа 1836

Объявление о продаже Михайловского не нужно, потому что я отказался, уже от меновой сделки. Приезжайте сюда скорее, дайте нам 2500 р. и имение за вами. На этом, думал я, и кончится наша переписка о наследстве; но в последнем письме вашем есть вещи, которые требуют категорического с моей стороны объяснения.

Мне досадно и странно видеть, что вы боитесь быть в убытке, заплатив 40 тысяч. Опасения ваши напрасны, и я признаюсь не совсем их понимаю, потому что вы в то же время не согласны отдать имения нам в 60 тысяч. — Ведь я предлагал мену только в том случае, когда батюшка выделит Ольгу. Вы не согласны, потому что он ее не выделит. А если выделит, спрашиваю я? — Ответ ваш, правда, не категорический; однако ведет к догадке, что вы не согласились бы и в таком случае, когда бы Ольга была выделена. Как же помирить это с мнением вашим, что Михайловское не стоит и 40 т. <тысяч>? Жаль, что вы не верите моей оценке, основанной на фактах, а рассчитываете на удачу. Я утверждаю и могу доказать, что платя 40 т. <тысяч> вы не только не убыточитесь, а напротив делаете выгодное приобретение. Спросите того, кто знает толк, чего стоит, например:

- 1) 80 душ с 2000 десятин земли.
- 2) Сельцо с господской запашкой 70 десятин.
- 3) 67 тягол земли у крестьян. Да-с: 80 душ держат 67 тягол, из коих 32 в барщине, 13 в оброке и 22 в подушном. Этого сосед, предлагающий 20 тысяч, не знает, батюшка никогда не знал, да и вы б не узнали, если б меня здесь не было.
- 4) Несколько пустошей, отдававшихся в наймы до сих пор за бесценно. Если мне с первых слов за одну вместо 175 дали 300, то нет сомнения, что со временем дадут и вдвое.
- 5) Сенного покосу здесь довольно и для прокормления и 150 штук скота. Скота здесь довольно иметь и 100 штук; — следовательно, что можно получить еще за сено?

Но я не стану повторять себя. Скажу вам просто, что Михайловское так стоит 40 тысяч, что если бы у меня были деньги, то я б выложил их на стол, чего, согласитесь, вы не делаете, ибо платите только 23 тысячи и то не вдруг, а в разные сроки. Купить на чистые деньги или приобрести частью наследством, частью покупкою, — не все равно. Я повторяю, и докажу, если нужно, что Михайловское достается вам очень выгодно, что вы совсем не в убытке. От вас зависит потом увеличить выгоды имения, в котором вы видите будущность ваших детей. Но тут я опять скажу, что если вы оставите имение на произвол судьбы, как Сергей Львович; если земля, оставленная без утучнения, выпашется, то детям вашим представится будущность самая незавидная. Не хозяину оброчное имение выгоднее экономического. В Болдине ваших, со Львом, $\frac{13}{14}$ частей; $\frac{1}{14}$ наша. Что делать нам с нею? не ехать же мне из Варшавы заводить там пашню. Признаюсь, я

всегда находил дележ Михайловского, особняка, случаем выделенной 14-й части, странным, тем более, что я не разделяю вашей мысли, что батюшка проглядит *все* Нижегородское имение. *Часть* — так; но *все*, — это уже слишком много. Имение заложено частями; за недоимки возьмут часть и т. д. За первым аукционом, старик верно образумится и призовет вас опять на помощь. Опасения ваши на этот счет, мне кажется, преувеличены; а надежды на Михайловское, как бы сказать? — очень неблистательны. Нельзя, мне кажется, основывать на нем будущность ваших детей, — а еще менее сравнивать достояние наших детей. У меня в запасе $\frac{1}{14}$ часть и место, — которого я могу лишиться, если, например, не достану теперь 2500 рублей; а у вас, — но тут результат сравнения вышел бы слишком в вашу пользу.

Вот мысли, которые вылились у меня от сомнения вашего насчет ценности имения, и от боязни вашей быть в убытке. Не могу еще не сказать, что несогласие ваше на мою сделку лишило меня важной вещи — предлога требовать выдела Ольги, для расчета с вами. Разве воспользуюсь последним письмом отца. Он спрашивал новостей о саде, о дорожках. Говоря об этом, я коснулся и всего имения, объяснивши, почему я прогнал его управителя. Что же старик? пишет, чтобы я не обременял его делами, и считал его вперед совершенно посторонним человеком. Я признаться давно считал его таким для себя; — но для Ольги — он покамест отец. Хочу попробовать его отцовскую нежность, которую он так забавно рассыпает в своих идиллических письмах. Потребую ее приданого, — четырнадцатую часть, но не доходов с имения (потому, например, что с Кистенева ей приходится собственно 200 рублей), а самого имения. Предвижу ссору; но тут лучше хорошая ссора, чем дурной лад. Старик будет помнить меня.

И так, дело о разделе наследства между нами кончено. Ожидаю вас сюда и 2500 р., без которых, как пишут мне из Варшавы, мне отсюда выехать нельзя.

94 Н. И. Павлищев:

Варшава 4 ноября/22 октября 1836

Отъезжая из Михайловского, я приказал старосте, до приезда вашего, доносить обо всем мне, чтобы не оставить имения на произвол судьбы. Теперь полагаю, что вы уже там были, все видели и взяли в свое ведение. Спешу кончить расчет наш по наследству, которое осталось за вами в 40 т. <тысячах>.

При дележе должно различать движимое имение от недвижимого, потому что из первого по закону следует отцу $\frac{1}{4}$, а Ольге $\frac{1}{8}$ часть; из последнего же отцу $\frac{1}{7}$, а Ольге $\frac{1}{14}$. Движимостью считаются: скот, овцы, птицы, разные припасы, хлеб сжатый и молочный и т. п. Я сделал всему прилагаемую особо оценку. Количество зерна определил я по умолоту. Ржи намолочено было при мне

слишком 100; яровому сделан был замолот при мне же, кроме гороха и льна, которые я, не смотря на хороший урожай, кладу на прошлогоднюю меру. Цены взял я самые умеренные: на ржи и жите половиной ниже прошлогодних. Некоторые мелочные статьи выпущены. И так:

1. движимое имущество стоит	9541 р. 75 к.
2. недвижимое	30.458 — 25 —
а все	40.000 —
Из движимого причитается Ольге	$\frac{1}{4} + \frac{1}{8} = \frac{3}{8}$ 3578-14
"недвижимого	$\frac{1}{7} + \frac{1}{14} = \frac{3}{14}$... 6.526-74
Итого	10.104-88
В то число получено:	
а) от управителя и оброчных	1200
б) рожью 155 четв. по 13 р.	2015
	3215
За вычетом $\frac{3}{14}$, т. е.	688-92 ... 2526-8
в) деньгами от вас	1000
всего	3526-8

Остается получить 6578 р. 80 коп.

Я заключаю расчет сегодняшним числом. С утверждением вами расчета высылается к вам тотчас доверенность Ольги и прекращаются все права ее по имению. Теперь дело вот в чем.

Во владение введут вас не прежде как в апреле; следовательно до апреля нам и денег требовать нельзя. Но я в таком положении, что не знаю как прожить до будущего месяца. Я приехал сюда с 1000 руб. данных мне Кириаковым в счет проданной ржи: — и те пошли тотчас на квартиру и другие потребности. Из Кистенева денег не шлют; четвертая часть моего жалованья под секвестром; занять не где. Вы богаты, если не деньгами, то кредитом. Помогите; вышлите нам теперь 1578 р.; остальные — 5 т. отдадите к генварю 1838, если нельзя прежде, частями. Процент разумеется не нужно: вы сами их с меня не брали; да и что в процентах, когда жить нечем. Словом, мы будем истинно благодарны, если вы на первый раз вышлете эти 1500 руб.— Для избежания порта и проволоочки, короче всего перевести их векселем на здешнего банкира Френкеля, Ризена, или Штейнкеллера.

Я запродам ржи из нынешнего урожая 80, а из будущего 75, которые ссудили Осипова и Вревский. Покамест получил я от Кириакова только по 11 р. 50 к., но в оценке поставил 13. На цене вы ничего не теряете: чем ниже она в оценке, тем меньше придется Ольге из движимости. Осипова и Вревские скажут вам, в каком я был положении. Слава богу, что с фельдмаршалом обошлось все ладно, не только без грозы, но даже без упрека.

Остается мне еще сказать кой-что делового. Из Михайловских дворовых у меня Петрушка и девка Пронька. Последнюю мы просим оставить у нас, — а с Петруш-

кой я не знаю что делать. Спился с кругу. Я хотел-было отправить его по пересылке в деревню для отдачи в рекруты; но раздумал; — ожидаю ваших приказаний; а между тем дал ему паспорт для проживания здесь в Варшаве. Мнение мое — отдать его в солдаты; он не очень боится солдатчины. Послушайте меня, Александр Сергеевич. Не выпускайте из рук плута Михайлу с его мерзкой семьею: я сам не меньше вашего забочусь о благе крепостных; в Михайловском я одел их, накормил. Благо их не в вольности, а в хорошем хлебе. Михайла и последнего не заслуживает. Возьмите с него выкуп: он даст вам за семью 10 т. Не то, берите хоть оброк с Ваньки и Гаврюшки по 10 р. в месяц с каждого, а с Васьки (получающего чуть ли не полковничье жалованье) по 20 р. в месяц, обязав на случай их неисправности, платить самого Михайлу: вот вам и капитал 10.000. Петрушка спасет хорошего мужика от рекрутства, и будет если не солдат, то лихой ротный писарь или цырюльник.

Батюшка подарил карету с заветной четверней Ольге. Карета вам верно не нужна; я продаю ее; а лошадей, которые нужны в хозяйстве как для работы, так и для поезда, не угодно ли вам оставить за собой в 300 руб. В случае согласия вы уже сделаете одолжение, вместо 1578 ссудите нам 1878. Если встретятся какие-нибудь вопросы по Михайловскому, я на досуге готов разрешать их. Не забудьте только напомнить старосте, чтобы он непременно засеял в будущем году льном три десятины, давно заброшенные и мною отрытые. Десятина льну даст на худой конец 200 руб. Если можно, то я все 6 яровое поле обратил под лен. Во всяком случае, из 24 десятин, хоть 10 засеяте льном, да на резах десятинки три. Вот источник доходов.

Ольга не так-то здорова, — беременность ее тяжела. Кланяется вам и Наталье Николаевне. —

Н. П.

Оценка движимого имущества в Михайловском.

1.	Коровы 44 штуки	по 25 р.	1100 р.
2.	Телята 10 —	9 —	90 —
3.	Овцы 40 —	8 —	320 —
4.	Индейки 40 —	2-50	100 —
5.	Гуси 60 —	1-50	90 —
6.	Куры 40 —	-50	20 —
7.	Пчелы 16 ульев (дающие до 5 пуд. меду)		800 —
8.	Шерсть 2 п. 1 ф.	20 —	40-50
9.	Пенька 4 п. 9 —	5 —	21-25

10.	Рожь 21.440 сн. <опов>	(17-0-4-2)	13 —	2216-50
11.	Жито 12.789—	(26-.....)	13 —	338 —
12.	Овес 9007—	(57-.....)	8 —	456 —
13.	Греча 9 воз. <ов>	(1-4-1)	18 —	27-25
14.	Горох 44 остров. <?>	(7-“-)	19 —	133 —
15.	Пшеница 42 сн. <опа>	(“-3-)	22 —	9 —
16.	Лен 4 берковца	70 —	280 —
17.	Семя льняное 1-5-5	35 —	57 —
18.	Картофель 10-1-“	8 —	81 —
19.	Масло 7 пуд.	16 —	117 —
20.	Сено 4150 п.		30 —	1245 —
21.	Солома ржаная и яровая, сними́на, спашка и пр.			1000 —
22.	Мебель, столовое и постельное белье, посуда, бочки, кадки, телеги, упряжь, невода и пр.			1000 —
			итого	9541 75

95 Н. И. Павлищев:

Варшава 24 декабря 1836/5 генваря 1837

Посылаю подлинником письмо г-жи Шелгуновой¹, которая желает купить Михайловское и просит снабдить ее разными сведениями. На письмо это я, разумеется, не отвечал ей, потому что считаю Михайловское вашим, на основании нашей сделки. От вас уже зависит воспользоваться предложением Шелгуновой, или нет. Прошу только убедительно отвечать мне что-нибудь на письмо мое от 4 ноября Н.<ового> с.<тиля>, отправленное следственно тому два месяца назад: получили ли вы его? Я послал при нем окончательный расчет наш по Михайловскому: мне нужно знать ваше решительное слово. После того я получил письмо от Льва, который уступает нам свою часть на весьма выгодных условиях;

но я, как сказано выше, не отвечал ему на это, потому что считаю Михайловское уже за вами. Я просил вас прислать нам что-нибудь в счет раздела, в округление остальной суммы, и теперь повторяю эту просьбу с добавкою, что мы в большой нужде, и будем вам искренно благодарны. Из Нижегородской деревни не шлют ни гроша,— да если и вышлют, то не более 300 руб., а это при моих долгах то же почти что ничего.

Сергей Львович в Москве; пишет к нам часто, и сетует, не получая писем ни от вас, ни от Льва. Ольга все почти это время была не здорова: беременность ее перьяшняя не так легка, как первая. Она поручила мне переслать к вам в подлиннике письмо Шелгуновой. Примите усердное мое почтение.

Н. Павлицев.

Нельзя ли нам прислать адрес Льва, если разумеется он вам известен.

¹ Шелгунова А. Г.— см. т. I наст. изд. С. 65.

96 А. С. Пушкин:

5 января 1837 г. Петербург

(Отрывок)

Пускай Михайловское будет продаваться. Если за него дадут хорошую цену, вам же будет лучше. Я посмотрю, в состоянии ли буду оставить его за собою.

97 Н. И. Павлицев:

Варшава 16/4 февраля 1837 г.

Я получил письмо ваше от 5 января — первое здесь в Варшаве. Вы отвечаете мне на письмо, которое я писал вам из деревни — тому полгода с чем-то — в самых крутых обстоятельствах. Странно вы толкуете мои слова. Из всей переписки моей можно только вывести одно заключение: что я ценил Михайловское выше предложенной вами цены,— по крайнему моему разумению, основанному отчасти на доказательствах. Я говорил вам откровенно мои мысли, требуя вашего мнения; я знал, что вы совершенно незнакомы с имением, и по этому никак не мог думать, чтобы вы захотели *обсчитывать*, и кого? — сестру вашу. Дело в том, что вы сами себя могли обсчитать

я доказал это. Что, если б не выезжая из Петербурга, вы запродали кому Михайловское — с семьюстами десятинами? Хватились бы, да поздно. Теперь, по крайней мере, вы знаете имение. Но вы не хотите оставить его за собою, толкуя бог знает как мои слова. Пускай оно продается, говорите вы. Если уж так, то напрасно было не решаться на это в августе месяце, после письма моего, которое, повторяю, вы толкуете превратно. Объявили б в газетах продажу, — да и только, а нас уведомили б для сведения. Теперь много ушло времени. Я отсюда, разумеется, не могу ничего делать, я даже не мог отвечать Шелгуновой на письмо, которым она вызывается купить имение; письмо это я препроводил к вам по принадлежности, — давным давно. Я не ожидал вашего отречения, и в уверенности, что вы приняли хозяйство, прекратил все мои сношения со старостою. Теперь боюсь и подумать. Шесть месяцев имение без надзора. Проходит зима, а еще ничего не сделано. Люди везут запасы свои на сбыт в Петербург, а у нас, я чаю, и думать не думают. А должно быть масла пудов десяток, запас птиц, холста, шерсти и т. п. Надо продать, да купить весною льняного семени, и мало ли что нужно сделать. Иначе все пропадет ни за грош. Теперь, что я отсюда сделаю: письма в Михайловское ходят целый месяц. Подумайте хорошенько; возьмите покамест на себя труд распорядиться чем можно — до продажи; а лучше всего, вступите в мае месяце сами во владение, оставив его за собою. С будущей почтой Ольга пришлет вам уверенность на все. К Сергею Львовичу пишу, чтобы он выслал также от себя уверенность на свою часть.

Желал бы я знать, получили ли вы письмо мое от 4 ноября н. <ового> с. <тиля> с подробным расчетом по дележу наследства. Если вы не согласны удержать имение за собою, то он покамест ни к чему не нужен; а если согласны, то вам надо иметь его в виду.

Н. Павлицев.

IV-ю часть Современника Ольга получила, но III-ей не получала. Козловский¹ часто вспоминает об вас, — и о *Современнике*, где помещена его статья. Я, помнится, предлагал вам матерьялы о польской литературе; не посылаю оттого, что здесь затевают русско-польскую газету, а мне дают редакцию; не состоится, так пришлю, но только в том случае, когда они вам пригодятся.

Я раздумал: напишите сами батюшке, чтоб он вам прислал уверенность на свою часть: скажите, что этого требует Ольга. Выиграем много — очень много времени.

Адрес: В С.-Петербург. Его высокоблагородию м.г. Александру Сергеевичу Пушкину.

На дворцовой набережной, у Прачешного моста, в доме Баташева².

М-г Pouchkine à St. Pétersbourg.

¹ Козловский П. Б.

² В октябре 1836 года Пушкин с семьей поселился в доме Волконской на Мойке.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абамелек-Лазарева Анна Давыдовна — II, 106, 111(46)
- Абрамович — II, 177, 179(3)
- Аверин, владелец лавки в Петербурге — I, 178, 198, 203, 204, 220, 253, 284, 178(5); II, 105, 115, 117, 121, 126
- Александр Николаевич, великий князь — I, 221; II, 205, 206(4)
- Александра Федоровна, императрица — I, 92, 96, 140, 197, 212, 267, 274, 277, 94(5); II, 51, 57, 187
- Алексашка, повар — II, 230
- Алексеев Алексей Петрович — II, 46, 48(1)
- Алимпиев (Олимпиев) Александр Петрович — I, 272, 242(14); II, 106
- Алиша — см. Сонцова О. М.
- Альбрехт — II, 21, 33
- Альбрехт Марианна — II, 179, 183
- Амели — II, 194, 195(9)
- Аничков Владимир Иванович — I, 180, 205, 254, 277, 181(20); II, 14, 22, 78, 83, 89, 117, 122, 129, 131, 132, 134, 137, 138, 139, 144, 148, 174, 176, 181, 186, 211, 216
- * Аничков Иван Кондратьевич — II, 113, 139
- * Антуанет — I, 220, 221(4)
- Апраксин — I, 271
- Апраксина Мария Александровна, графиня — I, 121, 124(10)
- Араго Доминик Франсуа — II, 207(2)
- Арендт Николай Федорович — II, 16, 129, 18(25), 130(14)
- Арина Родионовна — I, 262, 263(15)
- Архарет — см. Архарова Е. А.
- Архарова (рожд. Римская-Корсакова) Екатерина Александровна — II, 88, 92, 95, 96, 99, 101, 102, 105, 150, 162, 191, 194, 196, 197, 198, 204, 205, 210, 216, 228, 257, 276, 278, 287, 288, 289, 290, 89(10); II, 43, 104
- Архаровы — I, 196, 283
- Архип, садовник в Михайловском — I, 74, 75(12); II, 222, 229
- Аршеневский Николай Алексеевич — I, 276, 277(5)
- Аскарханов, сослуживец Н. И. Павлищева — I, 115
- Атрешков — см. Тарасенко-Отрешков Н. И.
- Аш Надежда Казимировна, баронесса — I, 14, 40, 17(10), 59(7)
- Б., графиня — I, 115
- Байрон Джордж Ноэль Гордон, лорд — I, 247, 247(4)
- «Мемуары лорда Байрона, изданные Томасом Муром»
- Бакиханов Аббас Кули-ага — I, 225, 226, 227, 228, 230, 231, 227(1)
- Бакунин Илья Модестович — II, 51, 61, 52(9); 63(10)
- Бакунина Екатерина Павловна — I, 213, 214(7)
- Балле Любовь Николаевна — II, 20, 23(11)
- Балле Петр Иванович — I, 20, 23(11)
- Бальзак Оноре — II, 124, 132, 148, 154(19)
- «Отец Горно» — 124, 128
- «Горошковый цвет» — 153
- «Лилия в долине» — 153
- Баратынская (рожд. Энгельгардт) Анастасия Львовна — I, 120, 127, 141, 142, 123(6)
- Баратынские — II, 182, 191
- Баратынский Лев Абрамович — II, 124
- Баратынский Евгений Абрамович — I, 120, 127, 141, 123(6)
- Баратынский Ираклий Абрамович — I, 106, 111(45)
- Баратынский Сергей Абрамович — II, 32, 70, 70(4)
- Барро Камил Гиацинт Одилон — II, 183, 185(2)
- Бартусевич, г-жа — II, 94, 117

Указатель включает имена, названия литературных произведений и периодических изданий, встречающиеся в тексте писем, и дает ссылки на их упоминания в примечаниях. Страницы примечаний выделены курсивом, номер примечания к соответствующему письму указан в скобках. Имена, определяемые предположительно, отмечены звездочкой.

- Баташов, владелец дома — I, 249, 257; II, 237.
- Батулин Сергей Герасимович — I, 52, 53(8); II, 185, 186
- Батурина (рожд. Замыцкая) Анна Николаевна — I, 52, 130, 53(7)
- Батурина (рожд. Девлет-Кильдеева) Маргарита Ивановна — II, 145, 186, 187, I, 53(8), II, 147(27)
- Батурины (С. Г. и М. И.) — II, 156
- Баргенева Прасковья (Полин) Арсеньевна — I, 275, 275(13)
- Баргенева (рожд. Бутурилина) Федосья Ивановна — I, 274, 275(11)
- Бахус, слуга-музыкант — I, 173, 179
- Бегичева (рожд. Вындомская) Екатерина Николаевна — I, 208, 209(3)
- Бегичевы — I, 216, 277, 209(3)
- Безак (рожд. Меркалова) Любовь Ивановна — II, 156, 175(9)
- * Безобразова (рожд. Хилкова) Любовь Александровна — II, 118, 119(25)
- Беклемишев Николай Петрович — I, 129, 133, 135, 157, 224, 265, 131(1)
- Беклешов Петр Николаевич — I, 115, 248, 115(5)
- Беклешова (рожд. Осипова) Александра Ивановна — I, 111, 115, 123, 141, 168, 183, 196, 230, 248, 112(7)
- Беклешовы — I, 234, 46(3)
- Беллерофонт (миф.) — II, 69, 70(3)
- * Белоусов — II, 31, 37
- Бенедиктов Владимир Григорьевич — II, 137, 138(19)
- Берг, графиня — I, 248, 249(3)
- Бернар (Бернард), доктор — I, 34, 56, 58, 251, 257, 36(3), 252(4)
- Бернар (Бернард), жена доктора — I, 58
- Бестужев-Рюмин Алексей Петрович, граф — I, 61, 62(1)
- Бибиков Петр Иванович — I, 50, 52, 63, 64, 51(10)
- Бибикова (рожд. Роткирх) Любовь Адамовна — I, 205, 207(3)
- Бибикова (рожд. Мягкова) Мавра Илларионовна — I, 169, 171(8)
- * Бибикова Мария — I, 205, 207(4)
- * Бибикова — I, 230, 231(2)
- «Библиотека для чтения» — II, 203, 204
- Бистром Вера Романовна, баронесса — I, 276, 277(4)
- Блудов Дмитрий Николаевич, граф — I, 222, 237, 223(1)
- Блум Герман, фон, врач — I, 197, 199(12)
- Боборыкина (рожд. Кашкина) Авдотья (Евдокия) Евгеньевна — I, 141, 146, 142(2)
- Боборыкины — II, 62, 67, 63(15)
- Бобринский, граф — I, 103, 104(5)
- Бобринский — I, 205
- Богданов Петр Петрович — I, 55
- Боголюбов Варфоломей Филиппович — I, 111, 161, 163, 194, 112(5); II, 92, 129, 92(2)
- Бодэ Лев Карлович, барон — I, 274, 275(8)
- Болтин Илья Александрович — II, 140, 141(23)
- Борзенков — II, 26
- Бра, французская актриса — II, 143, 146(3)
- Брамбеус (О. И. Сенковский) — II, 124, 153, 154(13)
- Бренчанинова — II, 62
- Бриф, владелец нотного магазина — II, 85, 86(2)
- Брок (рожд. Занден) Анна Карловна — I, 158, 162, 193, 228, 261, 38(2), 160(21)
- Броки (П. Ф. и А. К.) — I, 197
- Брут, собака С. Л. Пушкина — I, 239
- Брылкин — I, 57, 59(15)
- Брылкина Ольга Михайловна — I, 45, 46(3)
- Брюллов Александр Павлович — I, 290, 291(23)
- Будберг Богдан Васильевич, барон — I, 144, 145(6)
- Буксгевден Наталья Александровна — I, 40, 41(9)
- * Буксгевден Юлия, графиня — II, 115, 118(4)
- Булгаков Константин Яковлевич — I, 91, 92(3); II, 58, 59, 92
- Булгарин Фаддей Венедиктович — II, 15, 197, 18(19), 198(7)
- Булдаков Николай Михайлович — I, 142, 147, 143(15)
- Бурбье Виргиния, актриса — II, 138, 140(3)

- Бургоен Шарль Пауль, барон — I, 155, 156(18)
- Бутенев Леонтий Петрович — II, 571, 72(1)
- Бутера (Бутера ди Ридали), князь — II, 104, 109(22)
- * Бутурлина — I, 58, 60(24)
- Бухгольц Николай Ефремович, барон — II, 60, 62(1)
- * Бэсс, де — I, 145, 146, 147(2)
- В. — II, 61
- Вальтер Скотт — I, 288
- Ванька, крепостной — II, 234
- Варварины — II, 103
- Ван-дер-Вельде Карл — II, 15, 60, 18(18), 59(2)
- «Патриции»
- Васильчиков Алексей Васильевич — I, 88, 89(11)
- Васильчикова (рожд. Архарова) Александра Ивановна — I, 88, 102, 191, 283, 289, 90(11), 290(1)
- Ватбольская — I, 289
- Вейдемейер (рожд. Херхеулидзева) Татьяна Семеновна — I, 73, 76, 104, 161, 195, 203, 204, 267, 276, 74(6); II, 113, 114(7), 123, 129, 140
- Вейнмарн Александр Федорович — I, 205, 206(2)
- Великие княжны — I, 197
- Великие князья — I, 277
- Вельт — II, 38
- Вельтман Александр Фомич — II, 201, 203(6)
- Веневитинов Алексей Владимирович — I, 203, 225, 79(21), 204(10); II, 106, 107, 108, 124, 176, 111(48)
- Веневитинова (рожд. Оболенская) Анна Николаевна — I, 76, 102, 136, 225, 261, 276, 286, 73(20)
- Венера (миф.) — II, 51
- Венера Медицейская — I, 264
- Вигель Филипп Филлипович — I, 269
- Виельгорский Михаил Юрьевич, граф — II, 205
- Вильде — II, 80, 84, 85
- Винклер, врач — I, 29, 30(6)
- Витовтов Александр Александрович — I, 203, 159(13)
- * Витовтов Павел Александрович — II, 104, 106, 114, 115, 131, 108(11)
- Витовтова Александра Александровна — I, 158, 161, 162, 165, 180, 203, 159(13); II, 132, 133(8)
- Витовтовы — I, 195
- * Витт (рожд. Всеволожская) Александра Алексеевна — I, 96, 97(21)
- Вишневская Елизавета Гавриловна — I, 180, 195, 208, 209, 213, 261, 267, 269, 181(12); II, 129, 136, 137, 139, 200
- Вишневская Мария Гавриловна (см. Телепнева М. Г.)
- Вишневская Прасковья Федотовна — I, 106(10); II, 129, 136
- Вишневская Софья Михайловна — I, 106, 158, 180, 195, 208, 209, 261, 267, 106(9), 196(6); II, 200
- Вишневский Г. И. — II, 201
- Вишневский Николай Гаврилович — I, 106, 261, 106(10); II, 143, 144
- Вишневский Степан Гаврилович — I, 261, 274
- Вишневский Федор Гаврилович — I, 158, 180, 261, 269, 159(18)
- Вишневские (Г. Ф. и С. М.) — I, 106, 150, 158, 208, 209, 213, 261, 267, 106(9); II, 200
- Вишневские (Н. Г. и П. Ф.) — II, 25, 29
- Волков Александр Федорович — II, 43, 44, 123, 143, 144, 150; I, 229(10)
- * Волкова — I, 228, 229(10); II, 44, 72
- Волковы — II, 15, 29
- Волконский Александр Никитич, князь — II, 108, 192, 112(63)
- Волконский Петр Михайлович — I, 85, 87, 91, 92, 96, 86(6); II, 45
- Вольтер (Аруэ) Франсуа Мари — II, 53, 57
- Вольф — I, 231, 214(15)
- Вольховская (рожд. Малиновская) Мария Васильевна — I, 169, 212, 216, 171(11)
- Вольховский (Вальховский) Владимир Дмитриевич — I, 198, 216, 270, 272, 200(35)
- Вольховские (В. Д. и М. В.) — I, 212, 213
- Воронцов Михаил Семенович, граф — II, 90, 91(3)
- Воронцов-Дашков Иван Илларионович, граф — I, 122

- Врангель (рожд. Россильон) Елизавета Васильевна, баронесса — I, 20, 21, 22(4)
- Врангель Фердинанд Петрович — I, 20, 21, 22(5)
- Вревская (рожд. Вульф) Евпраксия Николаевна (Эфрозина), баронесса — I, 111, 154, 157, 162, 168, 182, 183, 196, 228, 230, 234, 243, 248, 253, 254, 255, 256, 257, 264, 265, 288, 290, 112(8), 156(13); II, 35, 121, 169, 171, 194, 227
- Вревская Мария Борисовна — I, 162, 156(13)
- Вревский Александр — I, 228, 156(13)
- Вревский Борис Александрович, барон — I, 113, 136, 185, 234, 237, 244, 248, 114(4); II, 35, 163, 166, 169, 175, 194, 196, 222, 230, 35(7), 196(1)
- Вревский Николай Борисович, барон — I, 290, 291(18)
- Вревские — I, 179, 213, 247, 214(16); II, 176, 177, 227, 230
- Всеволожская (рожд. Хованская) Варвара Петровна — II, 65, 67(3)
- Всеволожская Екатерина Александровна — I, 158, 160(20)
- Всеволожская (рожд. Трубешкая) София Ивановна — I, 26, 48, 80, 150, 158, 161, 162, 164, 191, 203, 210, 216, 226, 261, 27(3); II, 139, 146
- Всеволожский Дмитрий Алексеевич — I, 196, 197
- Всеволожский Никита Всеволодович — II, 65, 67(2)
- Вульф Алексей Николаевич — I, 118, 123, 178, 179, 180, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 189, 208, 209, 213, 253, 255, 264, 266, 277, 282, 286, 287, 118(1), 187(2); II, 89, 91, 148, 156, 89(2)
- Вульф Анна Ивановна (см. Трувеллер А. И.)
- Вульф Анна Николаевна (Аннет) — I, 54, 96, 141, 169, 175, 176, 178, 179, 182, 183, 185, 187, 188, 196, 204, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 216, 228, 230, 232, 233, 234, 236, 245, 246, 247, 253, 255, 261, 264, 265, 267, 268, 270, 272, 277, 279, 283, 286, 287, 290, 55(2); II, 14, 121, 148, 151, 156, 166, 169, 189, 196
- Вульф Валериан Николаевич — I, 277, 278(20)
- Вульф Петр Иванович — II, 113
- Вульф (рожд. Борзова) Надежда Гавриловна — I, 256, 272, 256(5); II, 113, 148
- Вулкан (миф.) — II, 51
- Вульфферд — I, 107
- Вяземская (рожд. Гагарина) Вера Федоровна: княгиня — I, 210, 186(6)
- Вяземская Мария Петровна, княжна — I, 189, 198, 221, 190(6), 199(29)
- Вяземская Прасковья Петровна, княжна — I, 189, 276, 190(6), 277(13)
- Вяземский Петр Андреевич, князь — I, 189, 277, 249, 276, 186(6); II, 67, 122, 124, 197, 205, 61(11)
- Вяземские (П. А. и В. Ф.) — I, 185, 186(6)
- Габбе Франц Францевич — II, 31, 33, 32(2)
- Гаврюшка, крепостной — II, 234
- Гагарин, князь — II, 144
- Гагарина Наталья Андреевна — I, 205, 207(5)
- Гагаринский, владелец дома — I, 165
- Гаевская (рожд. Веселовская) Мария Ефимовна — I, 141, 154, 162, 216, 276, 142(1), 156(11), 164(19—20); II, 132
- Галафеев Аполлон Васильевич — I, 134, 135, 158, 135(2)
- Галафеева Адель — I, 134, 135(3); II, 32, 59, 79, 83, 84, 87, 177, 87(5)
- Галинская — см. Гольнская О. В.
- Галль см. Холл Базиль
- Ганнибал Абрам Петрович — I, 257, 258(7)
- Ганнибал Александр Яковлевич — I, 62, 62(15)
- Ганнибал Александра Исааковна — II, 172
- Ганнибал Павел Исаакович — I, 168, 171(2)
- Ганнибал Семен Исаакович — I, 45, 86, 96, 100, 106, 117, 134, 276, 46(4), 97(20); II, 16, 19, 21, 26, 27, 28, 32, 35, 44, 108
- Гарлинская (рожд. Ушакова) — I, 116, 139, 180, 220, 224, 232, 233, 248, 117(3); II, 62, 74, 75, 77, 79, 82, 129, 156
- Геннади Николай Александрович — II, 31, 32(3)
- Геннингс (Эннигс) — см.: Мусина-Пушкина А. О.
- Гильфердинг Александр Федорович — I, 234, 235(9)
- Гильфердинг Федор Иванович — II, 145
- Гильфердинг Амалия Яковлевна — I, 232, 233(6)
- Гиппократ — I, 280
- Гирман — I, 226

Гладкова (рожд. Вульф) Екатерина Ивановна — I, 253, 254(4)

Глазунов Илья Иванович, книгопродавец — II, 59, 59(4)

Глаубич Александр Адамович — I, 66, 66(4)

Глаубич (рожд. Ганнибал) Евгения Яковлевна — I, 113, 114(5)

Глаубичи (А. А. и Е. Я.) — I, 240, 248

Глинка Федор Иванович — II, 197, 198(3)

Глинка (рожд. Иванова) Мария Петровна — см. Иванова М. П

Глинка Михаил Иванович — II, 104, 86(3), 109(24)

Глинка (рожд. Кюхельбекер) Юстина Карловна — II, 104, 109(19)

Голицын, князь — I, 146, 147, 148(10)

Голицын Дмитрий Владимирович, светлейший князь — I, 224, 225(3)

Головин Евгений Александрович — I, 216, 218(16)

Гольнская Ольга Викентьевна — II, 178, 183, 179(7)

Гончаров Афанасий Николаевич — I, 76, 142, 77(7)

Гончаров Дмитрий Николаевич — I, 141, 143(11); II, 48, 193, 48(11)

Гончаров Иван Николаевич — II, 153

Гончаров Сергей Николаевич — II, 178, 180

Гончарова Екатерина Николаевна — II, 183, 184, 193

Гончарова (рожд. Загрязская) Наталья Ивановна — I, 73, 76, 74(3)

Гончаровы — I, 76, 123, 242

Гончаровы, сестры Н. Н. Пушкиной — I, 224, 250, 257, 272, 284, 225(4); II, 105, 123, 132, 222

Горбушка — см. Талызина Т. Д.

Грессер (рожд. Кашкина) Варвара Николаевна — I, 216, 217(11)

Греч Николай Иванович — I, 50, 51(11); II, 124, 129

Грибоедова (рожд. Чавчавадзе) Нина Александровна — I, 286, 286(6)

Гронман, владелец дома — I, 162

Грушка (Аграфена, м-ль Кнышь) — I, 21, 27, 31, 25(20); II, 69, 117, 123

Гунтлер (Huntler) — I, 61, 261, 277, 288, 289, 62(8)

* Гурьев — I, 253, 264, 268, 269, 270, 271, 273, 274, 277, 281, 254(6); II, 51, 53

Гут, содержатель винного погреба — I, 211, 212(10); II, 215, 216

Гюго Виктор — II, 53, 137, 53(2);

— «Собор Парижской богородицы» — 153

— «Анджело, тиран Падуанский» — 142

Давыдов Денис Васильевич — II, 197, 198(6)

Дадьянов Александр Леванович, князь — I, 57, 60(18)

Даль Владимир Иванович — II, 193, 194(11)

Даргомыжский (Доргомыжский) Александр Сергеевич — II, 104, 106, 110(26)

Дантес Геккерт Жорж Карл, барон — II, 183, 193, 185(3)

* Дельвиг Андрей Иванович (Сапун) — II, 29, 30(10)

Дельвиг Антон Антонович, барон — I, 43, 45, 52, 54, 55, 58, 64, 167, 17(12)

Дельвиг (рожд. Салтыкова) Софья Михайловна — I, 93, 17(12), 94(14); II, 15, 29, 33, 35, 70, 106, 126, 17(12, 13), 70(4), 111(43)

Дельвиги (А. А. и С. М.) — I, 14, 20, 29, 44, 68, 80, 81

Дельфини (Дельфин) — I, 176, 240, 244, 177(9)

Демут — I, 68, 256, 257, 70(3)

Дибич-Забалканский Иван Иванович, граф, фельдмаршал — II, 74

Дмитрий, крепостной слуга Пушкиных — I, 88, 89(8)

Дмитриев Д. Д., владелец дома — I, 84, 91, 98, 98(3); II, 19, 25, 53, 55, 58, 60, 65, 79, 80, 86

Дмитриев Иван Иванович — I, 144, 145(4)

Дмитриев (Дмитрияк) — I, 180

Долгоруков Ростислав Алексеевич, князь — I, 120, 123, 130

Долгорукова (рожд. Малиновская) Екатерина Алексеевна, княгиня — I, 261; II, 140, 146

Долгоруков Сергей Алексеевич, князь — I, 120, 124(9)

Дон Кихот, герой романа Сервантеса — I, 99

Дондукова Вера Ивановна, княгиня — I, 40, 42(14)

Дондуковы — I, 49

- Дорохова (рожд. Протасова) Евдокия Яковлевна — I, 130, 131(5); II, 182, 191
- Дрейер, управляющий именем П. А. Осиповой — I, 32, 34, 35, 40, 41, 45, 52, 33(5)
- Дубенская Елизавета Николаевна — I, 273, 274(4)
- Дураков, владелец дома — I, 121, 123, 135
- Дурасов Николай Николаевич — II, 23, 24, 29, 37, 40, 42, 43, 45, 46, 57, 58, 59, 60, 64, 67, 68, 70, 73, 74, 75, 80, 83, 84, 85, 86, 88, 90, 92, 121, 150, 151, 23(1)
- Дурнушка — см. Талызина Т. В.
- Дюканж Виктор Анри Жозеф — I, 215, 217(6)
- Дю-Парк (Дюпаре Арисия) — I, 130, 132(14)
- * Егор Иванович — I, 252, 252(6)
- * Елагина, псковская помещица — I, 56, 57, 58, 59(6)
- Елагина — I, 241
- Елена Павловна, великая княжна — I, 197
- Ермолов Гавриил Петрович — I, 26, 29, 27(2)
- Есаков Дмитрий Семенович — I, 284, 285(11)
- Есипова — II, 83
- Ефим, крепостной Пушкиных — II, 115, 184
- Ефремов, владелец дома — I, 191, 197
- * Жадимировская (рожд. Маркелова) Мария Ивановна — I, 198, 200(33); II, 30(7)
- Жадимировский, владелец дома — I, 148, 179; II, 29
- Жадимировские — I, 198, 200(33)
- Жандр Александр Александрович — II, 23, 24, 23(5)
- Жандр, г-жа — II, 21, 29, 32, 33, 37
- Жанен Жюль Габриэль
- «Мертвый осел» — I, 104, 105(43)
- «Исповедь» — I, 104
- Жанет — II, 134, 137(1)
- Жанно — собачка О. С. Павлищевой — II, 26, 36, 47
- Жерамб Эдуард Фердинандович — II, 25, 37, 39, 44, 46, 51, 53, 55, 26(6)
- Жомини Александр Генрихович, барон — II, 119, 129, 137, 139, 144, 157, 181, 182
- Жомини, баронесса — II, 182
- Жорж Занд — II, 124, 126
- «Андре» — II, 124, 148, 127(8)
- Жуковский Василий Андреевич — I, 87, 88, 89, 96, 99, 198, 221, 89(5); II, 49, 61, 204
- «Старая песня на новый лад» («Русская песня на взятие Варшавы») — II, 63(8)
- Жучковская — II, 145
- Загряжская Екатерина Ивановна — I, 164, 156(4); II, 193, 197, 198, 194(9), 198(10)
- Загряжская (рожд. Разумовская) Наталья Кирилловна — I, 88, 164, 89(6), 166(6)
- * Занкин, книгопродавец — II, 53, 54(3)
- Закревский Арсений Андреевич, граф — II, 66, 67(7)
- Залуская, графиня — II, 70
- Занден (Мими-биби, Ми-би, Ми) — I, 37, 155, 158, 159, 162, 163, 164, 197, 198, 205, 216, 220, 228, 261, 265, 38(2), 160(21, 26); II, 139, 153, 140(10)
- Зарема, собака С. Л. Пушкина — I, 176, 182; II, 169, 191
- Зелинская — см.: Ховен А. N.
- Зиновьева — I, 232
- * Змеева — I, 113, 114(1)
- Зонтаг Генриэтта Гертруда Вальпургис — I, 274, 275(12)
- Зубов Алексей Николаевич — I, 154, 155(7)
- Зубова (рожд. Эйлер) Александра Александровна — I, 162, 155(7); II, 51
- Зуров Елпидифор Антихович — II, 145, 147(26)
- * Зыбина — I, 56, 58(5)
- Иванов Андрей Агафонович — I, 165
- Иванова Мария Петровна — II, 104, 109(24)
- Ивановская (рожд. Аш) Софья Казимировна — I, 56, 59(7)
- Иванчин — I, 233
- Ивелич Константин Маркович, граф — I, 197, 267, 276; II, 47, 201, 48(6)
- Ивелич Николай Маркович (Николя), граф — I, 154, 162, 267
- * Ивелич, граф — I, 145, 147(1)
- Ивелич (рожд. Языкова) Александра Петровна, графиня — I, 162, 197, 276, 164(14); II, 102, 48(5)
- Ивелич Екатерина Марковна (Катрин),

- графиня — I, 154, 155, 158, 161, 162, 165, 166, 168, 172, 173, 179, 185, 190, 191, 194, 197, 203, 208, 210, 213, 216, 224, 228, 243, 248, 261, 265, 267, 279, 282, 284, 286, 288, 156(9); II, 102, 105, 106, 108, 124, 126, 144, 190, 110(32)
- Ивелич (рожд. Турчанинова) Надежда Алексеевна, графиня — I, 147, 154, 162, 185, 191, 197, 225, 226, 228, 261, 276, 78(14), 148(14); II, 139
- Ивеличи — I, 76, 150, 155, 158, 162, 196, 224, 273, 286, 78(14); II, 39, 72, 144
- Измайлов Сергей Михайлович — I, 288, 290, 100(10); II, 104, 109(15)
- Измайловы — I, 290
- Ильинская — I, 273
- Исаак, кучер С. Л. Пушкина — I, 93, 96, 101, 94(15); II, 166, 221, 230
- Истомина Евдокия Ильинична — I, 62, 62(14)
- Кайсаров — II, 192
- Кайсарова (рожд. Козловская) Дарья Борисовна — II, 145
- Калашников Михаил Иванович — I, 160, 182; II, 55, 215, 216, 224, 229, 234, 57(1)
- Кампини — II, 145, 146(13)
- Канкрин Егор Францевич — II, 66, 67(8)
- Карамзин Николай Михайлович — ...«Илья Муромец» — I, 46, 48(15)
- Карамзина Екатерина Андреевна — I, 185, 186(7); II, 124
- Карамзина Софья Николаевна — I, 226, 227, 228(9); II, 49, 129, 52(6)
- Карамзины — I, 213
- Карастовцов — II, 69
- Каратыгина (рожд. Колосова) Александра Михайловна — I, 216, 218(28)
- Кастевич (Кастевичева) — I, 35, 36(8)
- Кашкины — I, 216, 254, 217(10)
- Кельберг (Кленберг), владелец дома — I, 269, 270, 276
- Керн (рожд. Полторацкая) Анна Петровна — I, 20, 175, 210, 213, 216, 282, 283, 21(1), 176(2); II, 12, 30, 113, 124, 126, 148, 156, 30(12)
- Керн Ольга Ермолаевна — I, 175, 176(2)
- Кириллов Павел, крепостной — I, 88, 91(16)
- Кирьяков Василий Яковлевич — I, 168, 178, 240, 171(7); II, 172, 174, 175, 233
- Кирьяковы — I, 177, 188, 230
- Клинберг Софья Владимировна — I, 15, 56, 18(16)
- * Клюфель (Клюфельд) Мария — I, 20, 24(16); II, 16, 25, 67, 67(13)
- Клюфели (Клюфельды) — I, 154, 216, 276, 739; II, 156, 157(10)
- Княжнин Виктор Александрович — II, 132, 134, 151, 156
- Княжнин Владимир Яковлевич — I, 241, 242(11)
- Княжнина (рожд. Караулова) Варвара Алексеевна — I, 37, 45, 46, 57, 83, 96, 104, 107, 121, 150, 157, 195, 204, 215, 216, 224, 241, 254, 261, 268, 276, 39(6); II, 105, 113, 114, 119, 123, 128, 129, 132
- Княжнина (по мужу Хованская) Вера Александровна, княгиня — I, 150, 157, 166, 197, 241, 254, 271, 153(7)
- Кожевников — I, 51, 52(11)
- Кожина Екатерина Михайловна — I, 204, 257, 204(15)
- Козлов Никита Тимофеевич — I, 191, 193(1)
- Козловский Петр Борисович, князь — II, 137, 189, 192, 237, 138(2)
- Козловский — II, 77
- Кокочкин Сергей Александрович — II, 25, 151, 26(9)
- Кокочкина Варвара Александровна — II, 105, 110(30)
- Колзаков Павел Андреевич — II, 30, 32, 33, 30(13)
- Колтовская (рожд. Турчанинова) Наталья Алексеевна — I, 197, 203, 199(13)
- Комаровская (рожд. Пурикова) Елизавета Егоровна — I, 76, 78(17)
- Комаровская (рожд. Веневитинова) Софья Владимировна — I, 76, 137
- Комаровский Алексей Евграфович, граф — I, 76, 79(18)
- Комаровские — I, 76, 78(17)
- Кондратьев Сергей — II, 98, 99(3)
- Константин Николаевич, великий князь — I, 197
- Корвин-Коссаковский Станислав Осипович — II, 78, 80, 82, 83, 80(2)
- Корвин-Коссаковские — II, 137

- Корнильева Надежда Осиповна — I, 130, 131(7)
- Корсаков — см. Римский-Корсаков А. Я.
- * Корсакова — I, 103, 104(5); II, 107
- Корф Модест Андреевич, барон — II, 61, 62(4)
- Корф Николай Федорович, барон — II, 61, 67, 62(4)
- Корф Федор Федорович, барон — I, 221, 222(8)
- Корф Юлий Федорович, барон — I, 221, 222(9)
- Корф Мария Сергеевна — I, 220, 221, 221(4)
- Корф (рожд. Смирнова) Ольга Сергеевна, баронесса — I, 20, 220, 23(9), 221(1)
- Корф (рожд. Корф) Ольга Федоровна, баронесса — I, 20, 23(7, 8)
- Корфы — I, 20, 220, 221, 28(7), 221(1)
- Косиковский — I, 197, 199(17)
- * Кочетова Екатерина Николаевна — I, 102, 150, 190, 196, 216, 228, 261, 268, 103(9)
- Кочубей — I, 179, 181(4)
- Кошелев Александр Иванович — I, 277, 278(23)
- Красовский Афанасий Иванович — I, 158, 160(25)
- Креницына (рожд. Аш) Надежда Казимировна — I, 56, 59(7)
- Креницына (рожд. Философова) Пелагея Николаевна — I, 14, 15, 37, 40, 45, 46, 57, 213, 16(3)
- Крикушка — см. Талызина Т. Д.
- Крузе Александр Мартынович — II, 132, 137, 133(9)
- Крузенштерн Александр Иванович — II, 192
- Крылов Иван Андреевич
- Басни — II, 187
- «Подщипа» — II, 156, 157(6)
- Крюкова — см. Окунева Н. А.
- Кувшин Иван — I, 14, 16(5)
- Куницын — II, 83
- Кутлер — I, 289
- Кушелева Анна Дмитриевна — I, 85, 86, 88, 104, 105, 194, 223, 276, 85(7); II, 14, 15, 25, 32, 39, 47, 51, 53, 55, 61, 83, 133, 138, 142, 17(6)
- Кюхельбекер Вильгельм Карлович — II, 104, 109(20)
- Кюхельбекер Юлия (Ульяна) Карловна — II, 104, 109(21)
- Кюхельбекер Юстина Яковлевна — II, 104, 109(18)
- Лабрюйер Жан, де — I, 139, 140(3)
- Ламотт (Фридрих де ла Мотт Фуке) — II, 24, 25(2)
- Ланг — II, 172, 178, 180, 183, 185, 187, 191
- Ланские — I, 37, 38(4)
- Ланской Александр Петрович — I, 277, 278(22)
- Ланской Павел Петрович — II, 115, 118(9)
- * Ланской — I, 113, 114(2)
- Ланской — I, 176
- Лафатер Иоганн Каспер — I, 235, 235(13)
- Лахтина — см. Лохтина В. П.
- Левашов Никита Федорович — II, 145
- Левашова Александра Николаевна — I, 150, 245, 153(12), 246(4); II 145
- Леве-Веймар Франсуа Адольф, барон — II, 178, 179(9)
- Левештам, врач — II, 96
- «Ледяной дом», роман И. И. Лажечникова — II, 107, 137, 153, 112(54)
- Лейбаум (Линбаум) — I, 107, 108
- Лейтсн Яков Иванович — I, 266, 266(15)
- Леман Христиан — II, 153, 154, 155(21)
- * Леман — I, 205, 207(4)
- Лермонтов — I, 180
- Лермантов Александр Николаевич — II, 39, 52, 54, 41(8)
- Лермантов Владимир Николаевич — I, 208, 273, 159(17); II, 39, 49, 52, 58, 59, 60, 75, 78, 79, 90, 136
- Лермантова (рожд. Вишневская) Прасковья Гавриловна — I, 158, 180, 273, 159(17); II, 69, 70
- Лермантовы (Лермонтовы) — I, 159(17); II, 15, 25, 27, 29, 39, 44, 47, 55, 57, 68, 69, 70, 90, 17(15)
- Лерхе Василий Васильевич — II, 115, 118(8)
- Линеманн — II, 14, 22
- «Лирический альбом на 1829 год» — II, 85, 107, 131, 86(3)
- Литке Федор Петрович — II, 81, 82, 82(2)

Лихардов Сергей Михайлович — II, 20, 55, 58, 68, 75, 78, 79, 20(7)

Лодыженская (рожд. Занден) Екатерина Карловна — I, 198, 243, 38(2), 199(24)

Логина (рожд. Траубенберг) Надежда — II, 137, 182, 191

* Лопухина — I, 146, 147(7)

Лохтин Николай Андреевич — II, 107, 112(52)

Лохтина (рожд. Домогацкая) Варвара Петровна — I, 225, 231, 234, 238, 242, 251, 227(5); II, 118, 137, 187

Лошаковский — I, 213

Лулу — I, 289

Львов — II, 97, 223, 227

Любинька — I, 287

Людовик XVIII — I, 117

Ляжко — I, 289

Мадатова Софья Александровна, княгиня — I, 15, 107, 18(18)

«Маделон Фрике», водевиль — II, 143

Мазарини Джулио — I, 234, 235(12)

Малиновская (рожд. Исленьева) Анна Петровна — I, 73, 75, 138, 203, 261, 38(5); II, 45(4)

Малиновская Екатерина Алексеевна — I, 73, 120, 122, 123, 74(5)

Малиновская Мария Васильевна — I, 198, 200(35)

Малиновский Алексей Федорович — I, 73, 118, 121, 122, 128, 133, 144, 74(5); II, 201

Малиновский Андрей Васильевич — I, 77, 80(27)

Малиновский Иван Васильевич — I, 130, 198, 212, 213, 131(10)

Малиновский Осип Васильевич — I, 121, 124(11)

Малиновский Павел Федорович — I, 63, 83, 92, 94, 95, 96, 102, 110, 149, 84(2), 112(3)

Малиновские — I, 37, 73, 76, 95, 120, 122, 142, 38(50)

Мандзони Алессандро — II, 18

— «Обрученные» — II, 15, 23, 25, 28, 32, 18(21)

* Мантейфель Григорий Андреевич, граф — I, 198, 200(31)

Мансуров Александр Павлович — I, 162, 261, 27(3), 263(7)

Мансуров Михаил Александрович — I, 61

Мансуров Павел Александрович — I, 29, 48, 61, 76, 93, 161, 184, 191, 195, 197, 216, 257, 30(5)

Мансурова (рожд. Трубецкая) Агриппина Ивановна — I, 48, 76, 80, 162, 164, 216, 222, 224, 226, 228, 27—28(3)

Мансуровы — I, 20; II, 146, 146(18)

Мария Евангельская — см.: Гаевская М. Е.

Мария Николаевна, великая княжна — I, 93

Мария Павловна, великая герцогиня — II, 180

* Маркелов, врач — I, 164, 164(3); II, 120, 123, 128, 129, 131

Марков (Морков) Владимир Иванович — II, 14, 22, 24, 26, 29, 31, 34, 47, 54, 61, 66, 73, 80, 83, 90, 113, 124, 129, 131, 132, 139, 143, 144, 151, 17(8)

Марколини — II, 15, 17(16)

Марокини — I, 198

Мартин — II, 75

Махмуд II, турецкий султан — I, 64

Маша, горничная Надежды Осиповны — I, 31

Медем, графиня — II, 130

Мейндорф Егор Федорович, барон — I, 198, 200(30)

Мела (Мелас, Милла) — I, 15, 17(16)

Меландер (рожд. Ганнибал) Екатерина Исаковна — I, 110, 116, 118, 168, 230, 240, 243, 245, 251, 253, 254, 113(11); II, 172, 173

Меландеры — I, 243, 255

* Меллин, графиня — II, 39, 47, 118, 41(13)

Мещерская (рожд. Карамзина) Екатерина Николаевна, княгиня — I, 227

Мещерский Александр Алексеевич, князь — II, 108, 112(64)

Мещерский Петр Иванович, князь — I, 215, 217(4)

Мещерские, князья — I, 226

Миллер Федор Иванович — I, 164, 165(2)

Миллер — I, 291

Мими-биби, Ми-би, Ми — см. Занден, Брок А. К., Ноден А. К., Лодыженская Е. К.

Митьков — I, 269, 277

Михаил Павлович, великий князь — I, 197; II, 31, 33, 32(6)

- Мишель — см.: Калашников М. И.
- Мишенька — см.: Мансуров М. А
- Моден (рожд. Салтыкова) Елизавета Николаевна, графиня — I, 88, 90(13)
- Моден Раймонд Мормуарон, де — I, 92, 265, 90(13)
- Мольер (Жан Батист Поклен) — I, 248, 249(2)
- Мордвинова (рожд. Херхеулидзева) Александра Семеновна — I, 104, 105(12)
- Мур Томас — I, 247, 247(4)
- Муравьева (рожд. Чернышева) Александра Григорьевна — I, 130, 132(13)
- Мурузи (рожд. Стурдза), княгиня — II, 106
- Мурузи, князь — II, 106
- Мусин-Пушкин Федор Матвеевич — I, 163(9); II, 105, 136, 143
- Мусина-Пушкина (рожд. Ришар) Александра Осиповна — I, 162, 165, 282, 163(9); II, 39, 102, 104, 105, 106, 143, 191, 41(11)
- Мусина-Пушкина Екатерина Петровна — II, 106, 111(47)
- * Мусина-Пушкина Эмилия Карловна, графиня — II, 51, 52(13)
- Мухина (рожд. Дорохова) Александра Ивановна — I, 264, 264(5)
- Мягкова Апполинария Семеновна (Полинька) — I, 168, 169, 174, 240, 171(7)
- Мятлев Петр Васильевич — I, 142, 143(19)
- «Н» («аш», лат.) — см. Аш Н. К.
- Назимов Платон Николаевич — I, 240, 17(13), 242(5)
- Назимов — I, 14, 17(13)
- Нарышкин Дмитрий Львович — I, 223, 223(4)
- Наталья, няня Л. Н. Павлицева — II, 22, 28, 84, 87, 90, 95, 96, 115, 117, 123, 131, 158, 184, 187, 199
- Наталья Ивановна — I, 173, 179
- Науомы — II, 15, 22, 24, 68, 83
- Негри Александр Федорович — II, 105
- Негри (рожд. Ипсиланти) Елена Константиновна — II, 105, 110(37)
- Неелов Семен Павлович — I, 34, 45, 36(2), 47(5)
- Неелова (рожд. Ганнибал) Христина (Крестина) Семеновна — I, 15, 40, 55, 111, 114, 168, 179, 18(17), 171(1)
- Неймич (Немич) Софья — I, 48, 73, 162, 194, 203, 204, 213, 215, 225, 50(7)
- Нетти — см. Трувеллер А. И.
- Никита, крепостной Пушкиных — I, 45, 52, 66, 68, 106, 255, 47(13); II, 115, 158
- Никитский — II, 49
- Николай I — I, 88, 96, 140, 154, 182, 183, 205, 223, 245, 272; II, 64, 65, 107, 117, 142, 143, 197, 204, 119(20)
- Николя — см. Ивелич Н. М.
- Новосильцев Владимир Дмитриевич — I, 122, 124(17)
- Новосильцева Анастасия Павловна — I, 49, 150, 51(8), 152(5)
- Новосильцева Екатерина Петровна — I, 150, 162, 204, 152(5)
- Новосильцева (рожд. Турсукова) Екатерина Александровна — I, 162, 205, 210, 228, 211(5); II, 120, 122(3)
- Новосильцевы — I, 196, 204
- Ноден (Нодин) Анастасия Карловна — I, 198, 269, 38(2), 199(25)
- Оболенский Алексей Николаевич — I, 225, 227(3)
- Оболенский Михаил Андреевич, князь — I, 138, 140, 138(7)
- * Оболенский Николай Николаевич, князь — II, 143
- Обресков Михаил Алексеевич — I, 155, 156(17)
- Обрескова (рожд. Соллогуб) Наталья Львовна — I, 191, 193(9)
- Огюст — см.: Пуаро Август Леонтьевич — I, 173, 174(4)
- Одоевская (рожд. Ланская) Ольга Степановна, княгиня — I, 210, 212(8)
- Окунев Николай Александрович — I, 144, 161, 28(4), 143(8); II, 68, 115, 177
- Окунева (рожд. Крюкова) Надежда Александровна — II, 104, 115, 177, 109(16)
- Окунева Софья Александровна — I, 26, 40, 41, 49, 67, 99, 102, 174, 28(4); II, 61, 66, 68, 191
- Окунева (рожд. Будберг) Софья Богдановна — I, 141, 144, 147, 161, 183, 195, 197, 143(8)
- Окуневы — II, 162, 174, 180
- Оливье — I, 179, 222

- Олимпиев — см.: Алимпиев А. П.
- Ольга — I, 45
- Орешкин — II, 114
- Орлицкий — I, 64
- Осипова Александра Ивановна — I, 111, 115, 123, 141, 168, 183, 196, 230, 248, 112(7), 196(20)
- Осипова Екатерина Ивановна — I, 40, 52, 56, 73, 74, 76, 77, 81, 42(12)
- Осипова Мария Ивановна — I, 68, 73, 74, 76, 77, 81, 233, 69(1)
- Осипова (рожд. Вындомская) Прасковья Александровна — I, 32, 40, 45, 49, 54, 64, 67, 68, 73, 74, 76, 77, 81, 88, 95, 96, 111, 114, 115, 117, 118, 123, 141, 157, 162, 169, 174, 175, 177, 178, 179, 182, 183, 186, 187, 194, 196, 204, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 216, 224, 228, 232, 236, 238, 239, 241, 243, 244, 245, 246, 248, 252, 253, 254, 255, 256, 265, 267, 269, 277, 283, 286, 287, 290, 33(6); II, 121, 124, 126, 156, 168, 169, 170, 171, 176, 189, 190, 196, 226, 227, 230
- Остен-Сакен Дмитрий Ерофеевич, фон дер барон — I, 135, 157, 158, 136(8)
- Офросимова Анастасия Дмитриевна — I, 148, 149(2)
- Очкин Петр Николаевич — II, 77, 192, 78(1)
- Паве Владимир (Вольдемар) — I, 108, 112(63)
- Павлицев Лев Николаевич — I, 249, 250—257, 261, 264, 265, 267—271, 273, 274, 277, 279, 280, 282—284, 286—292, 250(1); II, 95—101, 103, 106—108, 113, 115, 117, 121, 123, 126, 129—131, 134, 139, 143, 144, 148, 151, 165, 166, 169, 170, 172—177, 180, 181, 183, 186, 190—193, 196, 198, 199, 201, 203, 206, 224, 228
- Павлицев Николай Иванович — I, 14, 15, 98, 137, 145, 167, 173—175, 182, 187, 192, 194, 218, 221—224, 231, 233, 239, 244, 248—253, 255—257, 263, 264, 268, 269, 277, 284, 291, 292, 16(6), 265(9); II, 169, 171, 172, 174—176, 180, 183—187, 189, 190, 192, 194, 196—199, 206
- «Брамбеус и юная словесность» — II, 122, 124, 129, 126(7)
- Павлицев Павел Иванович — I, 167, 167(5); II, 25, 37, 44, 46, 51, 53, 55, 82, 84, 90, 91, 166, 200, 26(5)
- Павлицева (рожд. Зейдфельд) Луиза Матвеевна — II, 24, 37, 46, 57, 78, 84—86, 25(3)
- Павлицева Надежда Николаевна — II, 203, 204, 206
- Павлицевы — II, 78, 80(3)
- Панкратьев Никита Петрович — II, 49, 52(7)
- Панютина (рожд. Мерлина) Надежда Евграфовна — I, 195, 197, 196(2)
- Пара-Корт, Пара-Кошец, Кошиц — см.: Парай-Кошиц Т. А
- Паскевич (Пашкевич) А. В. — I, 198, 267, 273, 279, 200(32); II, 29, 62, 67, 105, 108, 136, 139, 190
- Паскевич-Эриванская Елизавета Алексеевна, княгиня — I, 117, 128, 169, 170, 232, 117(8); II, 176, 187
- Паскевич-Эриванский Иван Федорович, князь, фельдмаршал — I, 41, 44, 52, 105, 127, 133, 135, 145, 146, 148, 150, 157, 182, 208, 209, 242, 274, 277, 53(4); II, 68, 74, 77, 90, 138, 151, 172, 173, 174, 178, 186, 189, 229, 233
- Пашкова — II, 183
- Пейсар Лаура Мари Жозефина — II, 190, 130(19)
- * Пельский — II, 145, 147(20)
- Пеньковский Иосиф (Осип) Матвеевич — I, 167, 182, 183, 184; II, 100, 103, 117, 122, 128, 136, 143, 147, 148, 190, 191, 102(50)
- Петрушка (Петр Михайлов), слуга Павлицевых — I, 167, 219, 252, 168(7); II, 25, 38, 83, 95, 115, 117, 121, 126, 151, 233, 95(5), 100(3)
- * Петр, крепостной — I, 20, 24(15)
- Петров Александр Дмитриевич — II, 74, 79, 80, 83, 85, 156, 75(2)
- Петрово-Соловово Григорий Петрович — I, 205, 207(5)
- Петрово-Соловово Наталья Федоровна — I, 277, 62(6)
- Петрово-Соловово Ольга Федоровна — I, 277, 278(23)
- Петрово-Соловово — I, 61, 150, 179
- Пешуров Алексей Никитич — I, 168, 185, 230, 236, 171(5)
- Пешуровы — I, 244, 251
- Плессовская Наталья Николаевна — I, 233, 248, 233(7)
- Плетнев Петр Александрович — I, 55, 55(7); II, 117, 119(21)
- Плетнева (рожд. Раевская) Степанида Александровна — II, 117
- Плещеев Александр Павлович — I, 144, 146, 184, 224, 144(2); II, 211, 215, 216

- Плещеева Барбишон — I, 264
- * Плещеева Варвара Яковлевна — I, 76, 107, 108, 264, 277, 79(24), 97(19)
- Плюскова Наталья Яковлевна — I, 99, 101(12)
- Погодин Василий Васильевич — I, 234, 235(11); II, 74, 75, 79, 80, 84, 178, 190
- Погодин Никита Петрович — II, 49, 52(8)
- Погодина — II, 72, 74, 75, 76, 157, 73(1)
- Позняков — II, 166
- Полевой Николай Алексеевич — II, 203
- Полинька — см.: Мягкова А. С.
- Политковская Александра Николаевна — I, 191, 193(4); II, 128, 136, 150
- Политковская Екатерина Александровна — I, 220, 193(4); II, 128, 150
- Полонский Василий Иванович — II, 225, 226
- Полторацкий Александр Александрович — I, 213, 214(7)
- Полторацкий Петр Маркович — I, 284, 285(6)
- Полуектова (рожд. Гагарина) Любовь Федоровна — I, 99, 102, 100(4)
- Поль де Кок — I, 173, 215, 174(3); II, 107, 153, 111(50)
- «Белый дом» — II, 107
- «Ни всегда ни никогда» — II, 153
- Поль Мине — II, 143, 146(3)
- Полье (рожд. Шаховская) Варвара Петровна, графиня — I, 289, 291(11); II, 104, 109(22)
- Помпей — I, 221
- Порай-Кошиц Тимофей Антонович — I, 265, 273, 276, 277, 280, 281, 282, 284, 288, 274(1)
- Потапов, владелец дома в Киеве — II, 87
- Потемкина (рожд. Брискорн) Ольга Федоровна — I, 198, 205, 200(30)
- Прибытков — II, 117, 118, 137
- Приклонская (рожд. Измайлова) Анна Дмитриевна — I, 122, 130, 125(19)
- Приклонская Марианна Павловна — I, 122
- Приклонская Эмилия Павловна — I, 122
- Пуаро Август (Огюст) Леонтьевич — I, 173, 179, 174(4)
- Пульхерия — I, 174
- Пушкин Александр Александрович — I, 172, 208, 261, 268, 270, 284, 172(1); II, 34, 107
- Пушкин Александр Сергеевич — I, 14, 21, 26, 32—34, 37—41, 43—46, 48, 49, 52—56, 58, 61, 64, 66, 68, 70, 71, 73, 75—77, 80, 81, 83, 84, 88, 93, 95, 96, 99, 102, 103, 108, 117, 118, 122, 123, 135, 137, 139, 145, 147—151, 157, 164, 166, 170, 172, 177, 179, 184, 185, 187—189, 191, 192, 194, 196, 197, 203, 205, 208, 210, 213, 220, 222, 223—228, 230, 232, 234, 236, 238, 239, 241, 242, 244—253, 255—257, 262—264, 267, 268, 278, 279, 281—284, 286, 288—292, 39(10), 43(15), 46(1), 50(2), 60(2), 77(4), 204(9), 212(11), 227(1), 229(1); II, 20—22, 32, 34, 36, 44, 45, 48, 51, 54, 57—61, 65, 66, 73, 82, 84, 101, 103, 105, 106, 108, 112—115, 117, 118, 121, 123, 124, 127—131, 137, 140, 144, 147, 148, 153, 163—165, 169, 172, 176, 179—190, 192—194, 196—198, 203, 204, 32(7), 102(3), 110(3), 119(20), 146(10), 196(6)
- «Бахчисарайский фонтан» — I, 61
- «Евгений Онегин» — I, 62
- «История Пугачева» — I, 264, 245(8)
- «Руслан и Людмила» — I, 221
- «Цыганы» — I, 14;
- «Борис Годунов» — II, 137, 145
- «Бородинская годовщина» — II, 61
- «История Петра Великого» — II, 131, 133(1)
- «Кавказский пленник» — II, 180
- «Капитанская дочка» — II, 190
- «Клеветникам России» — II, 61, 63(8)
- Пушкин Василий Львович — I, 29, 38, 57, 76, 30(10); II, 219
- Пушкин Григорий Александрович — II, 280, 282(2); II, 121, 129
- Пушкин Лев Сергеевич — I, 14, 21, 26, 32—34, 37—41, 43—46, 48, 49, 52—56, 63—66, 68, 71, 73—77, 80, 98, 103, 105, 106, 111, 112, 114—118, 121—123, 128—130, 132—140, 144, 145, 148, 149, 151, 155, 157—164, 169, 172—175, 178—180, 182, 184, 185, 188, 189, 191, 192, 194, 196—198, 203, 204, 208—211, 214, 216, 220—222, 224, 225, 228, 230—232, 234, 236—242, 244—249, 251, 253, 255, 262—265, 267, 268—274, 276, 278, 279, 284, 286, 290, 292, 25(19), 41(2), 65(5), 104(3), 105(3), 133(1), 219(3); II, 16, 32, 34, 35, 40, 43, 46, 55, 59, 60, 62, 64, 70, 72, 73, 79, 80, 82, 84, 85, 87, 89, 90, 92, 103, 114, 115, 118, 120, 124, 128, 131, 140, 148, 151, 158, 166, 174, 176, 179, 180, 186, 189, 190, 196, 197, 199, 201, 205, 211—219, 224—228, 231, 235, 236, 18(27), 55(3), 65(2), 89(3), 108(9), 149(2)
- Пушкин Николай Сергеевич — I, 45, 47(11)

- Пушкин Платон Сергеевич — I, 157, 159(10)
- Пушкин Сергей Львович — II, 14, 19, 21, 25, 27, 29, 31, 35—38, 42, 43, 45, 47, 49, 53—55, 57—61, 65, 66, 69, 71—74, 76—82, 85, 86, 88, 90, 92, 99—101, 103, 104, 112, 114, 117, 118, 123, 126—128, 134, 137, 141, 156, 158, 211, 212, 214—219, 224, 226—232, 234, 236, 237
- * Пушкин — II, 63, 65, 65(1)
- Пушкина Мария Александровна — I, 123, 150, 155, 162, 194, 208, 217, 229, 257, 160, 268, 270, 284; II, 107, 129
- Пушкина Надежда Осиповна — II, 14, 15, 27, 29, 31, 35—38, 42, 45, 47, 49, 53, 54, 57, 59—62, 65, 66, 69, 71, 72, 74, 76—78, 80, 84—86, 90, 92, 99—101, 103, 104, 113, 114, 117—119, 121, 123, 124, 127, 131, 134, 136, 140, 144, 149, 151, 156, 158, 169, 177, 203, 219, 225
- Пушкина (рожд. Гончарова) Наталья Николаевна — I, 75, 76, 84, 92, 93, 95, 96, 99, 102, 103, 115, 117, 118, 123, 139, 141, 150, 151, 163, 164, 166, 172, 177, 179, 185, 188, 189, 194, 196—198, 203—205, 208, 210, 212, 213, 215, 217, 218, 220, 222, 224, 236, 240, 242, 246, 248, 250, 256, 257, 260, 264, 267, 268, 270, 272, 276, 278, 280, 281, 283, 284, 287—289, 77(4); II, 20, 34, 44, 48, 51, 57, 66, 70, 83, 100, 105, 120, 122—124, 129, 132, 134, 184, 193, 194, 197, 222, 225, 227, 230, 234
- Пушкина Софья Сергеевна — I, 208, 210(9)
- Пушкин — см.: Мусин-Пушкин Ф. М.
- Пушкина — см.: Мусина-Пушкина А. О
- Пушина Александра Сергеевна — I, 48, 52, 50(1)
- Пушина Елизавета Сергеевна — I, 48, 52, 180, 50(1)
- Пушина, м-ль — I, 61, 169, 175, 183, 216, 224, 50(1)
- Пушина Мария Ивановна — I, 212, 213, 131(10)
- Раевский Александр Николаевич — I, 240, 242(3)
- Раевский Николай Николаевич — I, 192, 193(12)
- Раевский Николай Николаевич (младший) — I, 38, 39(10)
- Раух Георг Иванович — I, 267, 268, 270, 268(1); II, 119, 120
- Рафаэль — I, 150
- * Рачинская — I, 121, 157, 124(5)
- Рачинский Платон Иванович — I, 274, 124(15); II, 136
- Ребетич (Ребентиш), управляющий имением Вульфов — I, 40, 42(10)
- * Ребиндер, м-ль — I, 194, 195(9); II, 117
- Резанов, кондитер — II, 150
- * Резимон — II, 30, 30(11)
- Рейхман Карл — I, 40, 68, 42(11)
- Реман Осип Осипович — II, 61, 62(3)
- Ржепиковский — I, 66, 67(5)
- Ризен — II, 233
- Рикард (Ricard) Осип — II, 153
- Римский-Корсаков Александр Яковлевич — II, 105, 130, 110(27)
- Рингель, управляющий с Михайловским — II, 164, 220, 222, 223, 224, 225
- Розен Андрей Евгеньевич — I, 198, 201(37)
- Розен Василий Андреевич — I, 198, 201(37)
- Розен Григорий Владимирович, барон — I, 270—274, 276, 279, 286, 290; II, 103.
- Розен Евгений Андреевич (Энни) — I, 169, 213, 171(11)
- Розен Егор (Георгий) Федорович, барон — I, 166, 167, 170, 175, 176, 178, 180, 182, 184, 167(1)
- Розен Кондратий Андреевич — I, 198, 201(37)
- Розен (рожд. Малиновская) Анна Васильевна — I, 198, 201(37)
- * Рокелор — I, 234, 235(5)
- Рокотов Иван Матвеевич — I, 34, 46, 52, 54—56, 58, 66, 113, 168, 169, 175, 179, 231, 240, 254, 256, 35(1)
- Росихин Клементий Никифорович — I, 61, 62(2); II 223, 227
- * Росихина — I, 173, 174(7)
- Росихины (Рассихины) — I, 61, 63, 62(2)
- Россети (Россет) Александра Осиповна — I, 99, 102, 100(5)
- Россет Клементий Осипович — II, 120, 122(4)
- Росильон — II, 130; I, 22(4, 5)
- Россини Дж. — II, 15, 17(17)
- Рост Лаврентий Иванович — I, 98, 98(4); II, 38
- Рост Елизавета Петровна — I, 261, 263(10)
- Роткйрх Владимир Иванович, фон — I, 205, 206(1, 2)
- Роткйрх Иван Адамович — II, 137, 138(15)

- Грищева — II, 144
- Рудольф Анна Ивановна — I, 73, 76, 88, 96, 99, 102, 140, 74(7); II, 14, 61, 67, 83, 142
- Руссо Жан Жак — II, 126
- Руслан, собака С. Л. Пушкина — I, 18, 41, 46, 104, 155, 173, 176, 180; II, 182, 191
- Салтыков Михаил Александрович — I, 29, 30(9); II, 32, 33(10)
- Самборская (Самбурская) Анна Андреевна — I, 92, 169, 179, 198, 212, 213, 216, 276, 93(3)
- * Самборская (Самбурская) — I, 121, 124(14)
- Самойлов Николай Александрович, граф — II, 134, 111(49)
- Самойлова (рожд. фон дер Пален) Юлия Павловна, графиня — I, 290, 291(81); II, 107, 117(49)
- Сведенборг Эмануэль — I, 235, 236(14)
- Сверчкова (рожд. Гурьева) Елена Дмитриевна — I, 99, 100(7)
- «Северная пчела» — I, 66, 68, 66(2); II, 42, 61, 114
- «Северный альбом» («Альбом Северных муз») — I, 58, 60(23)
- Севинье Мария, де, маркиза — I, 227, 228(14)
- Севрюк (Sevruk) — II, 77, 79
- Сёнявин Лев Григорьевич — II, 68, 69(1)
- Сергей, князь — II, 107
- Сердобин Михаил Николаевич, барон — I, 264, 214(17); II, 129
- Сердобины — I, 213, 214(17)
- Сибилла (миф.) — I, 49
- Сидни Морган — II, 153, 154(16)
- Симанская (рожд. Чихачева) Екатерина Андреевна — I, 243, 276, 244(5)
- Симанская (рожд. Боборыкина) Екатерина Лукьяновна — I, 141, 154, 158, 216, 243, 266, 290, 142(3); II, 113, 115, 129, 130, 139, 142, 150
- Симанские — I, 284; II, 151
- Симонич Иван Осипович, граф — I, 278, 279(1)
- Сленин Иван Васильевич — II, 59, 59(3)
- Смирдин Александр Филиппович — II, 53, 124, 54(4)
- Смирнова Александра Сергеевна — I, 220, 221(1)
- * Смирнова — I, 162, 164(12)
- Соболевский Сергей Александрович — I, 189, 204, 210, 225, 190(5); II, 108, 121, 129, 132, 134, 140, 143, 148
- «Современник», журнал — II, 180, 189, 190, 205, 237
- Сокольский Василий Иванович — II, 170
- Соллогуб Александр Иванович, граф — I, 88, 89(11)
- * Соллогуб Надежда Львовна, графиня — I, 191, 193(10); II, 5, 52(16)
- Соллогуб (рожд. Архарова) Софья Ивановна, графиня — I, 88, 102, 106, 90(11)
- Соллогубы — I, 289, 290(2)
- Соловая Катерина Васильевна — I, 99
- Соловые — см.: Петрово-Соловово
- Соломирская (урожд. Апраксина) Мария Петровна — II, 139
- Соломирский Владимир Дмитриевич — II, 139, 140(13)
- Соломирский Павел Дмитриевич — I, 147, 148(14); II, 57, 139, 57(2)
- Соломирские — I, 154, 148(10)
- Сомов Орест Михайлович — I, 50, 52, 64, 51(9); II, 15, 30, 18(20)
- Сонцов Матвей Михайлович — I, 29, 58, 120, 122, 123, 135, 138, 155, 157, 170, 189, 192, 196, 236, 245, 261, 279, 290, 31(1); II, 128, 166, 171, 201
- Сонцова (рожд. Пушкина) Елизавета Львовна — I, 58, 120, 122, 123, 133, 138, 139, 150, 261, 290, 60(20), 97(5), 123(4); II, 158, 166, 172
- Сонцова Екатерина Матвеевна — I, 120, 122, 128, 138, 140, 142, 150, 290, 123(4); II, 169, 171, 179, 185
- Сонцова Ольга Матвеевна («Алиша») — I, 20, 29, 96, 98, 117, 120, 122, 128, 133, 134, 138, 140, 144, 146, 150, 163, 194, 196, 235, 245, 254, 269, 279, 284, 288, 290, 24(14); II, 169, 174, 176, 177, 179, 180, 185, 192, 193, 197, 203
- Сонцовы — I, 95, 116, 118, 121, 122, 128, 130, 134, 142, 144, 146—148, 194, 196, 203, 205, 208, 213, 224, 234, 236, 238, 239, 241, 245, 246, 249, 257, 261, 277, 279, 284, 288, 290, 292, 24(14), 97(50)
- Софиано Петр Христофорович — II, 95, 107, 108, 113, 117, 118, 132, 136, 151, 95(5)
- Софья Христиановна — I, 130

- Спасский (Спаской) Иван Тимофеевич — I, 215, 216, 257, 260, 268, 217(1); II, 119, 120, 121
- Спафарьева Екатерина Леонтьевна — I, 63, 65(3)
- Сталь Жанна Маргарита, баронесса — I, 139, 140(5)
- Станкер Александр Антонович — I, 270, 276, 271(1)
- * Станкер Анна Юрьевна — I, 265, 266(4)
- Степанида — II, 222
- Стерич — см.: Штерич С. И.
- Стороженко — II, 137, 138(16)
- Стороженко, м-ль — II, 156
- Строганов Григорий Александрович, граф — II, 205
- Стройновская (рожд. Буткевич) Екатерина Александровна, графиня — I, 257, 267(5); II, 145, 147(26)
- Сулье Мельхиор Фредерик — II, 132, 133(4)
- Суморотская (Сумороцкая) — I, 63, 173, 180
- Суморотский (Сумороцкий) Василий Михайлович — I, 43, 44(4)
- Суморотские (Сумороцкие) — I, 61
- Сумцов Николай Иванович — II, 44, 45(3)
- Сушков Михаил Николаевич — I, 146, 203, 147(8)
- Сушкова (рожд. Тургенева) Анна Петровна — I, 146, 203, 204, 208, 215, 147(8)
- Сушкова Прасковья Васильевна — I, 146, 148(9)
- Сушкова Софья Михайловна — I, 146, 148(10)
- Сушковы — I, 146, 147(8)
- Сю Эжен — I, 244, 245(11)
- Талызина Наталья — I, 96
- Талызина Татьяна Дмитриевна — I, 76, 80, 194, 195, 197, 216, 222, 224, 231, 261, 78(10); II, 124, 139, 145
- Талызины — I, 76, 93, 150, 158, 161, 191, 195, 197, 203, 257, 261, 284, 78(10); II, 15, 29, 47, 129
- * Танеева — II, 118, 119(24)
- Тарасенко-Отрешков Наркиз Иванович — II, 205
- Татаринов — I, 277, 282
- Татищев Александр Иванович, граф — I, 55, 56(11)
- Татьяна-крикушка — см. Талызина Т. В.
- Телепнева (рожд. Вишневская) Мария Гавриловна — I, 208, 209, 261, 210(12)
- Темирова (рожд. Аш) N Казимировна — I, 14, 16(4)
- Тимофеев Евгений Александрович — I, 205, 207(8)
- * Тимофеев — II, 140
- Тимофеев Петр Петрович — I, 241, 242(15)
- Тимофеева Аграфена Петровна — II, 166, 169, 168(17)
- Тимофеева Мария Петровна — I, 116; II, 166
- Тимофеева (рожд. Воронцова) Прасковья Артемьевна — I, 185, 188, 190, 196, 203, 205, 208, 186(2); II, 129, 158, 176, 185, 190, 193
- Тимофеева Татьяна Петровна — I, 169, 179
- Тимофеевы — I, 49, 52, 54, 111, 114, 118, 141, 169, 175, 179, 183, 224, 230, 234, 236, 238, 240, 241, 246; II, 166, 170, 171, 196
- Тимофеевы (сестры) — I, 37, 48, 61, 68, 116, 38(3)
- Тимоши — см. Тимофеевы
- Титова Анна Алексеевна — I, 99, 106, 108, 288, 100(10); II, 104, 108(14)
- Титовы — II, 104
- Толстая (рожд. Долгорукова) Елена Петровна, графиня — I, 92, 95, 99, 102, 103, 104, 289, 94(4)
- Толстая Устинья Ермолаевна — II, 223, 225(1)
- Толстой Дмитрий Варфоломеевич, граф — I, 95, 96(4)
- Толстой Константин Петрович, граф — I, 87, 197, 274, 289, 89(4); II, 108, 114, 119, 118(3)
- Толстой Петр Алексеевич, граф — I, 87, 89(3)
- Толстой Федор Петрович — I, 289, 290(10)
- Тон Константин Андреевич — II, 145
- Трубецкая Александра Ивановна, княжна — I, 222, 224, 27(3)
- Трубецкая (рожд. Мансурова) Екатерина Александровна, княгиня — I, 20, 26, 29, 48, 61, 64, 76, 83, 93, 96, 21(3), 27(3)
- Трубецкой Юрий Иванович, князь — I, 48, 130, 50(3), 131(8)
- * Трубецкой — II, 145
- Трубецкие — I, 29, 73, 76, 80, 81

- Трувеллер Василий Иванович — I, 272, 211(4); II, 148
- Трувеллер (рожд. Вульф) Анна Ивановна — I, 210, 212, 213, 216, 267, 268, 272, 282, 283, 211(4), 282(7); II, 113, 121
- Трусова — II, 187
- Турчанинова Анна Александровна — I, 34, 36(4)
- Усольцев Андрей Матвеевич — I, 66, 67, 68, 70, 86, 96, 66(1)
- Устинов — I, 154
- Ушаков Николай Иванович — I, 132—134, 137, 139, 140, 133(1)
- Ушакова — см.: Гарлинская
- Фабий — I, 221
- Федор, крепостной — I, 57, 64, 88, 97, 182, 59(11)
- «Фенелла» («Немая из Португи»), опера Д. Ф. Э. Обера — I, 206, 207(17); II, 126, 127(11)
- Фикельмон (рожд. Тизенгаузен) Дарья Федоровна, графиня — I, 189, 190(8); II, 51, 52(14)
- Философова (рожд. Рокотова) Марья Матвеевна — I, 46, 48(14)
- Флейшман, домовладелец — I, 91
- Флорентина — II, 113, 120, 128
- Франковский Карл Мартынович — II, 117, 137, 140, 146, 154, 119(19)
- Фрейганг (рожд. Ушакова) — I, 198, 200(34); II, 137, 156
- Фрейтаг Роберт Карлович — II, 117, 118, 119(18)
- Френкель, банкир — II, 233
- Фридрих-Вильгельм, кронпринц — I, 240, 242(2)
- Фурман Антон Федорович — I, 104, 164, 196, 22(6), 166(7)
- Фурман Роман Федорович — I, 105(9); II, 200
- Фурман (рожд. Хрущева) Анна Николаевна — I, 20, 26, 85—88, 104, 141, 164, 165, 213, 232, 254, 22(6); II, 47
- Фурман Софья Семеновна — I, 104, 121, 141, 195, 197, 206, 105(9); II, 19, 21, 29, 47, 52, 64, 20(2)
- Фурман, м-ль — II, 156, 200
- Фурманы (А. Ф. и Ф. Н.) — I, 104, 196
- Фурманы (Р. Ф. и С. С.) — I, 141, 180, 184
- Фьюсон Татьяна Дмитриевна — I, 76, 78(10)
- * Ханькова Анна Петровна — I, 221, 221(7)
- Харлинская — см.: Гарлинская
- Хитрово (рожд. Голенищева-Кутузова) Елизавета Михайловна (Эрмини) — I, 76, 81, 102, 130, 224, 79(26); II, 32, 33(8)
- * Хованская (рожд. Наумова) Екатерина Александровна, княгиня — I, 88, 99, 90(12)
- * Хованская Мария Сергеевна — I, 99, 99(12)
- * Хованская Софья Сергеевна — I, 99, 90(12)
- Хованский Алексей Петрович, князь — I, 150, 197, 216, 153(7)
- * Ховен Александра N, баронесса — I, 197, 199(18); II, 39, 47
- Холл Базиль — I, 244, 247, 245(10)
- Храповицкая (рожд. Оболенская) Екатерина Григорьевна — I, 150, 151, 152, 152(2)
- Щебрикова (в замужестве Алимбиева) Наталья Романовна — I, 157, 189, 197, 216, 236, 237, 241, 261, 271, 159(11); 106, 242(14)
- Черневский Николай Федорович — II, 32
- * Чернов — I, 122, 124(17)
- Чернышев Александр Иванович, граф — I, 137, 149, 155, 160, 163, 173, 182, 137(6)
- Чернышев Захар Григорьевич, граф — I, 130, 132(12)
- Чернышев — I, 96
- Черткова (рожд. Чернышева) Елизавета Григорьевна — I, 150, 153(11)
- Чирков Никанор Николаевич — I, 282, 282(4); II, 178, 180
- Чиркова Елизавета Николаевна — I, 140, 140(6); II 182
- Чичерин Антон Александрович — I, 191, 193(11)
- Чичерин Петр Александрович — I, 137, 149, 155, 157, 158, 159, 160, 163, 170, 180, 284, 137(5)
- Чичерина — II, 120
- Чоголова (рожд. Мартынова) Елизавета Андреевна — I, 213, 214(9)
- Чорба (Чорбу) — II, 115
- Шаховская (рожд. Мусина-Пушкина) Софья Алексеевна, княгиня — I, 99, 102, 105, 100(8)

- Шаховской Иван Леонтьевич — I, 105, 100(8)
- Шевич Александра Ивановна — I, 96, 287, 84(3)
- * Шевич Любовь Ивановна — I, 83, 96, 103, 287, 84(3); II, 104, 108(13)
- Шевич (рожд. Бенкендорф) Мария Христовна — I, 99, 290, 84(3); II, 104, 124
- Шевичи — I, 92, 102; II, 104, 106
- Шелгунов Павел N — I, 180, 64(2)
- Шелгунова Акулина Герасимовна — I, 173, 179, 64(2); II, 235, 236, 237
- Шелгунова Дарья Герасимовна — I, 173, 64(2)
- Шелгунова Надежда Климентьевна — I, 63, 241, 64(2)
- Шелгуновы — I, 173, 179, 180, 232, 233, 248
- Шениг (Шенех) Николай Игнатъевич — I, 213, 214(18)
- Шенк Александра Ивановна, баронесса — II, 180
- Шеринг Эрнст Фридрих — I, 20, 21, 26, 34, 39, 44, 51, 52, 56—58, 61, 65, 24(12)
- Ширков Валериан Федорович — II, 62, 63(12)
- Шипов Сергей Павлович — I, 279, 279(4)
- Шишкина Олимпиада Петровна — II, 153, 154(15)
- «Князь Скопин-Шуйский» — II, 153
- Шишкина — I, 208, 213
- Шишков Александр Ардальонович — I, 122, 124(17)
- Шредер (Шретер) Елизавета Даниловна — II, 106, 107, 110(42)
- * Штакельберги (Штакельберки) — II, 62, 63(13)
- Штейнкеллер — II, 233
- Шгерич (рожд. Борноволоскова) Серафима Ивановна — I, 141, 146, 216, 282, 142(4)
- Штиглиц Людвиг Иванович, барон — II, 143, 146(4)
- Шувалов Андрей Павлович — II, 104, 109(23)
- Шушерин Николай Михайлович — I, 14, 58, 113, 240, 243, 244, 16(2)
- Шушерина Наталья Николаевна — I, 14, 34, 35, 37, 40, 49, 52, 56—58, 61, 66, 111, 113, 174, 234, 241, 243, 245, 246, 255, 16(2)
- Шушеринны — I, 14, 54, 56, 115, 169, 174—176, 179, 234, 238, 243, 16(2)
- Шушу — см.: Шушеринны
- Щербаков Сергей Александрович, князь — I, 127, 157, 128(1)
- Щербинины — I, 204, 205(16)
- Элиот, парикмахер — II, 107, 112(55)
- Энгель Анна Карловна — I, 104, 105(9); II, 19, 47, 53, 64, 69, 20(1)
- Энгель Федор Иванович — I, 206; II, 35, 47—49, 58, 65, 66, 68—70, 77, 79, 200, 20(1), 80(7)
- Энгельгардт Василий Васильевич — II, 134, 137(3)
- * Энгельгардт Василий Павлович — I, 208, 209(1)
- Энгельгардт — I, 210
- Энни — см.: Розен Е. А.
- * Эол — I, 142, 146, 143(18)
- Эрмини — см. Хитрово Е. М.
- Эссе (рожд. Дорохова) Дарья Ивановна — I, 264, 264(5)
- Эфрозина — см.: Вревская Е. Н.
- Юзефович Михаил Владимирович — I, 265, 266(8)
- Юренева Александра Егоровна — I, 62, 62(16)
- * Языков — II, 49, 52(5)
- Языков Александр Петрович — I, 197, 156(15)
- Языков Валериан — II, 61
- Языкова (рожд. Ивелич) Александра Марковна — I, 155, 158, 162, 156(15); II, 102
- Языкова (рожд. Мантейфель) Анна Васильевна — I, 197, 199(16); II, 47, 62, 65
- Языковы — II, 62
- Яковлев Михаил Лукьянович — 150, 151, 154(5)
- Яковлева (рожд. Давыдова) Прасковья Ивановна — I, 128, 130, 147, 148, 150, 196, 203, 205, 208, 129(7); II, 129, 139, 156, 182, 191
- “Quarterly Review» — II 153, 154(14)

Содержание

От редактора	5
От переводчиков	9
Письма О.С. Павлицевой к мужу, <i>Перевод Н.М. Сперанской</i>	11
1831—1832	13
1835—1836	93
Письма О.С. и Н.И. Павлицевых к С.Л. Пушкину, 1836—1837. <i>Перевод А.Л. Андрес</i>	161
П р и л о ж е н и е	
Переписка А.С. Пушкина с Н.И. Павлицевым, 1834—1837. . . .	211
Именной указатель к 1-му и 2-му тому «Фамильных бумаг Пушкиных-Ганнибалов»	238

М 63 Мир Пушкина: Том 2. Письма Ольги Сергеевны Павлицевой к мужу и к отцу, 1831—1837. — СПб.: Пушкинский фонд, 1994. — 256 с. — (Серия «Фамильные бумаги».)

ISBN 5-7439-0005-1 (т. 2)
ISBN 5-7439-0006-x

Второй том серии «Мир Пушкина» включает в себя письма Ольги Сергеевны Павлицевой к мужу (1831—1832 и 1835—1836 гг.) и письма к отцу (1836—1837 гг.), впервые переведенные на русский язык. Почтовый дневник Ольги Сергеевны существенно дополняет эпистолярную летопись жизни пушкинского семейства, опубликованную в первом томе настоящего издания (письма Н.О. и С.Л. Пушкиных к дочери 1828—1835 гг.). Книга впервые ярко высвечивает личность старшей сестры поэта. В приложении дана переписка А.С. Пушкина с Н.И. Павлицевым, посвященная тем же семейным проблемам, что обсуждаются и в письмах Ольги Сергеевны. Здесь же помещен Именной указатель к первому и второму тому.

Издание иллюстрированное.

М 4702010101 — Без объявл.

ББК 84. Р1

Мир Пушкина, том 2

*ПИСЬМА ОЛЬГИ СЕРГЕЕВНЫ ПАВЛИЦЕВОЙ К МУЖУ И
К ОТЦУ. 1831 — 1837.*

Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 030448
от 10 ноября 1992 г.

Сдано в набор 15.03.94. Подписано в печать 21.07.94. Формат 70 x 100 1/16.
Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,4 л. Уч.-изд. л. 32,5 л.
Тираж 8 000 экз. Зак. 3159

Отпечатано в Первой типографии ВО «Наука»
199034, Санкт-Петербург, В-34, 9 линия, 12.

Издательство «Пушкинский фонд»
С.-Петербург, наб. реки Мойки, д. 12.

